

8р1
Д93

ДНЕВНИКЪ
ЕЛИЗАВЕТЫ
ДЪЯКОНОВОЙ
≡ 1886-1902. ≡

C. M. Mason.

8P1
Д 93

9
-93

ДНЕВНИКЪ

Елизаветы Дьяконовой

1886—1902 г.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭТЮДЫ
СТИХОТВОРЕНИЯ
СТАТЬИ
ПИСЬМА

Учеб. 73290
+
проб
+
чб

СТАЛИНГРАДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. ГОРЬКОГО

Издание четвертое
значительно дополненное

подъ редакціей и съ вступительными статьями А. А. Дьяконова.

издание В. М. САБЛИНА.
Москва.—1912.

РЕД. Ф.

«ДНЕВНИКЪ ЕЛИЗАВЕТЫ ДЬЯКОНОВОЙ»

въ предыдущихъ изданіяхъ:

- «Дневникъ на Высшихъ Женскихъ Курсахъ» октябрь 1904 г.
«Дневникъ русской женщины» декабрь 1904 „
«Дневникъ на Высшихъ Женскихъ Курсахъ», изд. 2-ое . . . декабрь 1904 „
«Дневникъ русской женщины», изд. 2-ое февраль 1905 „
«Дневникъ на Высшихъ Женскихъ Курсахъ», изд. 3-ье . . августъ 1905 „
«Дневникъ 1886—1895 г.г. Литерат. этюды. Статьи» . . . сентябрь 1905 „
«Дневникъ русской женщины», изд. 3-ье іюнь 1906 „

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТР.
Предисловіе къ четвертому изданію	v
Смерть Е. А. Дьяконовой	vii
Два письма М. Н. Капустина	xxvii
Дневникъ Е. Дьяконовой и русская критика	xxx
Часть первая.	
Дневникъ одной изъ многихъ. 1886—1895 г.	1
Дневникъ на Высшихъ Женск. Курсахъ. 1895—1899 г.	175
Дневникъ русской женщины. 1900—1902 г.	495
Часть вторая.	
Литературные этюды	719
Стихотворенія	752
Статьи	758
Изъ переписки съ друзьями	816

—СОЛНЦА И ЛУНА—

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ настоящемъ *однотомномъ* изданіи Дневникъ Елизаветы Дьяконовой впервые печатается въ той хронологической послѣдовательности, съ какою былъ онъ написанъ. Весь обширный литературный матеріалъ вновь тщательно провѣренъ по рукописямъ, при чемъ раздѣленіе Дневника на три самостоятельныя части осталось прежнимъ.

Дневникъ одной изъ многихъ (1886—1895 г.г.) печатается съ предыдущаго изданія почти безъ измѣненій, т. е. значительно сокращеннымъ въ сравненіи съ подлинникомъ. Для полноты характеристики юношескаго міросозерцанія автора вновь добавлено только нѣсколько записей—разсужденій на темы религіозныя и патріотическія.

Дневникъ на Высшихъ Женскихъ Курсахъ (1895—1899 г.г.), впервые опубликованный въ 1904 году въ значительной мѣрѣ неполнымъ,—теперь печатается полностью. Восполненіе Дневника по подлиннику коснулось, главнымъ образомъ, исторіи петербургскаго студенческаго движенія 1899 года, а также тѣхъ многочисленныхъ, разсѣянныхъ повсюду мѣстъ, гдѣ Е. Дьяконова пишетъ по вопросамъ религіозно-философскимъ, общественнымъ и политическимъ. Кромѣ того, въ «Дневникъ на Высшихъ Женскихъ Курсахъ» включены два обширныхъ письма, остававшихся до сихъ поръ неопубликованными: къ Л. Н. Толстому—о помощи голодающимъ, и къ петербургскому профессору философіи А. И. В.

Дневникъ русской женщины (1900—1902 г.г.), написанный въ Парижѣ и тщательно редактированный самимъ авторомъ,—печатается вновь безъ измѣненій, съ добавленіемъ одной только записи—о болѣзни Л. Н. Толстого (17 іюля 1901 г.).

Часть вторая настоящаго изданія заключаетъ въ себѣ избранныя литературныя этюды, стихотворенія, статьи и нѣкоторыя письма Елизаветы Дьяконовой. Впервые печатаются: письмо изъ

Парижа—«Толстой умираетъ...» и путевые наброски—«Лѣтомъ изъ Парижа въ Лондонъ». Посмертная статья «О женскомъ вопросѣ», вышедшая въ первыхъ изданіяхъ почти на половину сокращенной, печатается теперь полностью.

Такимъ образомъ, въ настоящемъ изданіи собрано *все*, что оставила Елизавета Дьяконова какъ литературное наслѣдство послѣ своей смерти.

Всѣ рукописи покойной писательницы, собранныя воедино, бережно сохраняются на ея родинѣ, въ гор. Нерехтѣ.

А. Дьяконовъ.

Лѣто 1911 г.
Нерехта.

Смерть Елизаветы Александровны Дьяконовой.

«Недавно мнѣ приснилось, что я умираю: кто-то перерезалъ мнѣ жилу на ночь—это была моя казнь,—и кровь полилась; я упала на колѣни, закрыла лицо руками и повторяла только: Господи, помилуй меня! Я чувствовала, какъ съ каждой минутой теряю болѣе и болѣе силы, какъ вмѣстѣ съ кровью, которая лилась ручьемъ,—мало-по-малу исчезала жизнь... «Это конецъ»—промелькнула у меня послѣдняя, неясная мысль. Все крутомъ померкло, и я полетѣла въ темную бездну... Я въ ужасѣ проснулась: о, слава Богу, это только сонъ! Сколько разъ случилось мнѣ, что я умираю, но никогда еще сонъ не былъ такъ живъ, и никогда наступленіе смерти не рисовалось такъ ясно. Отчего?»

(«Дневникъ одной изъ многихъ». 23 янв. 1895 г.).

Къ моменту появленія «Дневниковъ»—уже черезъ полтора года послѣ смерти автора—весь матеріалъ, касающійся смерти Елизаветы Дьяконовой въ австрійскомъ Тиролю, еще не былъ собранъ. Лишь значительно позже получены были донесенія мѣстныхъ властей и протоколы судебно-медицинскаго слѣдствія, а также многочисленныя показанія лицъ, разслѣдовавшихъ всѣ обстоятельства гибели Е. А. въ горахъ Тироля. Эти документы и свидѣтельства очевидцевъ оказались совершенно *новымъ* матеріаломъ для объясненія «загадочнаго конца», и матеріаломъ столь существеннымъ, что всѣ комментаріи смерти Дьяконовой, своевременно высказанные въ критикѣ и обществѣ *только* на основаніи опубликованныхъ данныхъ «Дневника русской женщины»,—должны быть признаны ошибочными.

Въ критическихъ статьяхъ о «Дневникахъ» смерти Е. А., говоря кратко, объяснялась такъ:

Дьяконова кончила жизнь самоубійствомъ по личнымъ мотивамъ, вытекающимъ изъ общаго характера ея жизни и духовнаго міропониманія;

Дьяконова кончила жизнь изъ-за несчастной любви къ доктору-иностранцу, ибо дальнѣйшее одиночество было уже выше ея силъ.

Большинство критики, придерживаясь первой точки зрѣнія, безъ сомнѣнія, было ближе къ правильному объясненію смерти Е. Дьяконовой, ибо вся ея личность непосредственно слита не только съ «Дневникомъ русской женщины», но и—въ огромной части—съ «Дневникомъ на Высшихъ Женскихъ Курсахъ».

Но на основаніи *novыхъ* данныхъ ни тотъ, ни другой выводъ не можетъ считаться правильнымъ:

предумышленнаго самоубійства не было, и

роковая случайность смерти сама по себѣ и въ силу всѣхъ обстоятельствъ, ее сопровождавшихъ, не давала повода дѣлать изъ нея какіе-либо выводы по существу.

Въ доказательство этихъ двухъ положеній и написана ниже слѣдующая статья.

I.

Въ послѣдній годъ своей жизни Е. А. съ необычайной энергіей пишетъ свой послѣдній «Дневникъ», отличительной чертой котораго, въ сравненіи съ прежде написанными «для себя», явилась чрезвычайно тщательная отдѣлка его какъ со стороны формы, такъ и содержанія.

Стремясь достигъ наибольшей художественной выразительности, Е. А. пишетъ этотъ «Дневникъ» отъ начала и до конца въ двухъ рукописяхъ, неоднократно измѣняетъ и дополняетъ повѣствованіе, передѣлываетъ заново многочисленные его эпизоды и пишетъ къ нимъ варианты.

Со стороны содержанія—правда жизненная для автора *уже* подчинена художественному вымыслу. Впрочемъ, утверждать это о «Дневникѣ» во всемъ его объемѣ, за неимѣніемъ объективныхъ данныхъ, нельзя—но, тѣмъ не менѣе, яркимъ доказательствомъ «художественнаго вымысла» могутъ быть всѣ тѣ страницы, гдѣ Е. А. описываетъ свой пріѣздъ изъ Парижа на родину*). По достовѣрному свидѣтельству тѣхъ лицъ, о которыхъ говоритъ авторъ въ этомъ большомъ отрывкѣ,—нѣкоторыя сцены не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, а характеристики дѣйствующихъ

*) См. «Дневникъ русской женщины», 24/11 марта—24/11 апрѣля 1901 г.

лицъ даны иногда крайне преувеличенными. Все это, очевидно, сдѣлано авторомъ съ заранѣ обдуманнѣмъ намѣреніемъ. И не случайно на поляхъ обширной рукописи Е. А. «обмолвилась», оставивъ въ одномъ мѣстѣ помѣтку: «повѣсть». Не случайно также и то, что *обычное* для Е. А. названіе «Дневникъ» на этотъ разъ замѣняется новымъ—«Дневникомъ русской женщины», а фамилія Дьяконовой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсказа замѣняется «Поповой».

Кромѣ того, все содержаніе «Дневника»—въ строгомъ соотвѣтствіи съ заранѣ составленнымъ «планомъ». Этотъ «планъ» сохранился въ бумагахъ писательницы—и вотъ какъ обозначенъ въ немъ конецъ повѣствованія:

«...Вопросъ Анжелы, мой отвѣтъ. Ожиданіе 5 часовъ. Иду къ нему. Разговоръ. Я ухожу и... не увижу его больше... никогда... никогда... Мнѣ кажется, что всю меня отравили какимъ-то ядомъ. У меня нѣтъ больше силъ жить. Иду въ Брока.—А знаете новость? monsieur Lencelet женится на родственницѣ д-ра Дрока... она очень его любитъ и ревнива страшно. Я ухожу. Мнѣ больше ничего не остается, какъ умереть...»

И подѣ датами 16, 17, 18 и 19-го января (1902 г.) именно такъ и написаны послѣднія главы «Дневника русской женщины». Но даты здѣсь вымышлены, такъ какъ работа надъ второю рукописью—художественно законченною—идетъ непрерывно съ мая до послѣднихъ чиселъ іюля (ст. ст.), т. е. до самаго отъѣзда автора изъ Парижа на каникулы. Будто предчувствуя роковую близость смерти, Е. А. спѣшитъ кончить свою книгу, и пишетъ ее съ лихорадочнымъ рвеніемъ, непрерывно, страстно, работая не только цѣлыми днями, но иногда и ночью до разсвѣта. Въ бумагахъ покойной сохранилась записка, гдѣ аккуратно, на каждый день ведется подсчетъ написаннымъ «окончательно» страницамъ, и сдѣлано приблизительное вычисленіе по-листно, устанавливающее, что книга будетъ въ «15 слишкомъ печатныхъ листовъ, если печатать in-8°».

Таковъ былъ методъ работы. Онъ съ достаточною очевидностью заставляетъ предполагать и конечную цѣль автора: издать «Дневникъ русской женщины» въ видѣ повѣсти. Но когда и какъ? Тотчасъ же по пріѣздѣ въ Россію отдѣльною книгою, или же въ будущемъ, присоединивъ къ этому «Дневнику» весь предыдущій? Второе предположеніе болѣе вѣроятно, такъ какъ «Дневникъ русской женщины» уже по одному своему содержанію заставляетъ читателя думать о существованіи дневниковъ предыдущихъ, и, кромѣ того, трудно допустить, чтобы Е. А. не соз-

навала, какой драгоценный материал для характеристики «русской дѣвушки» заключается въ ея многочисленныхъ юношескихъ и курсовыхъ тетрадяхъ. Но все это—однѣ догадки. Достоверно же извѣстно только то, что книга будетъ въ «15 слишкомъ печатныхъ листовъ».

Итакъ, «Дневникъ русской женщины» уже готовъ. Романъ съ докторомъ Lencelet конченъ навсегда—и дрожащей рукой написана послѣдняя страница, сцена самоубійства. Но эта сцена—лишь экстазъ творческой души, заключительный полнозвучный аккордъ: ибо мы *не знаемъ, когда въ дѣйствительности* Е. А. пережила самую мучительную минуту разрыва съ героемъ своей повѣсти. Оригиналы писемъ Е. Lencelet Е. А. тщательно уничтожила, заранѣе переписавъ ихъ—и, можетъ быть, измѣнивъ ихъ даты. Но это деталь. Главное же—сама Е. А.: *когда* произошелъ разрывъ, и *что* испытало послѣ него ея бѣдное сердце?—Мы *ничего* не знаемъ. Нѣтъ ни одного письма изъ-за границы, гдѣ бы Е. А. писала о себѣ и о немъ, о своемъ романѣ, о своемъ страшномъ горѣ. Мало того, свою любовь къ Е. Lencelet *съ самаго начала* Е. А. скрываетъ ото всѣхъ! О ней ничего не знали даже самые близкіе! На имя сестры, въ бумагахъ покойной сохранилось *единственное* письмо-признаніе, но и оно не было послано: Е. А., разорвавъ, оставила его у себя. А въ этомъ письмѣ она говоритъ о своей безумной любви къ доктору-иностранцу и уже называетъ эту любовь страшнымъ несчастьемъ для себя самой. Такъ почему же не послано письмо, почему Е. А. не подѣлилась своимъ горемъ, своимъ отчаяніемъ съ родной сестрой?!—Мы не знаемъ. Тутъ все скрыто, и тайна—*сама* любовь, сама душа. И бессмысленны были бы догадки.

Да, догадки бессмысленны—по существу. И можемъ ли мы сказать: «эта любовь привела къ смерти»? Можемъ ли сдѣлать такой выводъ?

Нѣтъ. И прежде всего потому, что оставленная намъ Е. А. повѣсть—«двойникъ» ея любви, *только* двойникъ, а не *сама* любовь. А смерть отъ любви—не нуждается въ двойникѣ: такая смерть—неизукрашенная правда, правда обнаженная, безутайная, смерть отъ любви—сама любовь, обращенная въ вѣчность.

Такого «Дневника» мы не имѣемъ. Даже напротивъ: оставленный «Дневникъ» краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что Е. А. могла жить и съ чувствомъ нераздѣленной любви, обративъ это чувство въ фантазію ума и сердца. Ибо: все *личное*—скрыто и тайна, чувство же любви—уже облечено въ блистающія ризы художественнаго слова.

Такимъ образомъ, трудно допустить, что Е. Дьяконова кончила жизнь «изъ-за несчастной любви къ доктору-иностранцу, ибо дальнѣйшее одиночество было уже выше ея силъ».

Но и въ такомъ случаѣ остается недоказаннымъ, что Е. Дьяконова не могла кончить жизнь самоубійствомъ «по личнымъ мотивамъ, вытекающимъ изъ общаго характера ея жизни и духовнаго міропониманія». Въ защиту этихъ «личныхъ мотивовъ» можетъ быть представлено много возраженій сдѣланному «анализу», и можетъ возникнуть безконечный споръ. Но будемъ помнить, прежде всего, что утвержденіе «личныхъ мотивовъ» почти равносильно разгадкѣ «ея тайны», разгадкѣ *самой* любви, ибо трагедію нераздѣленнаго чувства мы должны считать самымъ глубокимъ мотивомъ, который могъ толкнуть ее къ самоубійству. Кромѣ того, мы знаемъ, что *вся* жизнь Е. А. отъ начала и до конца—цѣлый рядъ внутреннихъ потрясеній и катастрофъ, великое разочарованіе и тоска,—и все это *не лишило* ее силы жизни. Развѣ не несла она твердо и внѣшне-спокойно «крестъ страданія» до конца жизни? Развѣ не умѣла преодолевать въ себѣ постоянное духовное одиночество (ту же «нераздѣленность»!) и не умѣла переносить непрерывныя испытанія, все глубокое *горе* своей жизни, брошенное ей суровой судьбой?! Вѣдь стоитъ лишь перечестъ жгучія страницы дневника курсовъ!

И пусть Е. А. «наканунѣ самоубійства» (18 янв. 1902 г.) говорить:

«Если нѣтъ силъ для жизни—надо умереть. Нельзя занимать мѣсто въ этомъ мірѣ, которое съ большей пользою могутъ занять другіе».

Этимъ словамъ мы можемъ не повѣрять, ибо знаемъ, что Е. А. *отъ природы обладала великимъ даромъ любви къ жизни.*

II.

Лѣтомъ 1902 года, родная тетка Е. А., возвращаясь изъ путешествія, остановилась на нѣсколько дней въ австрійскомъ Тиролѣ, на Ахенскомъ озерѣ, въ Hôtel'ѣ Seehof.

Небольшое озеро—какъ суровый узникъ среди горъ. Со всѣхъ сторонъ—угрюмыя вершины, сверху до низу покрытыя сосновымъ лѣсомъ. Отъ Hôtel'я вдоль озера—лѣсныя тропинки къ ближней горѣ Unnützig, по склону которой ниспадаетъ ручей Luisenbach. Въ каменистомъ ярко-сѣромъ ложѣ бѣжитъ онъ съ крутизны, весело играющій, съ неумолчнымъ шумомъ, образуя при концѣ паденія рядъ водопадовъ. Отъ Hôtel'я до ручья—ми-

нуты ходьбы, и туристы этою дорогою совершаютъ постоянныя прогулки въ горы.

Въ концѣ іюля были ненастные дни. Непривѣтливимъ стало Achensee, холоднымъ и сырымъ. И уже Е. Г. Ол—ова собирается уѣхать въ Мюнхенъ, предупредивъ объ этомъ свою племянницу, которая хотѣла здѣсь съ нею встрѣтиться: «quittons Seehof dans trois jours». Но вдругъ, наканунѣ своего отъѣзда, г-жа Ол—ова получаетъ отъ Е. А. телеграмму, что она 28 іюля вечеромъ пріѣдетъ.

О послѣдней встрѣчѣ съ Е. А. г-жа Ол—ова говоритъ:

«Лиза пріѣхала къ намъ въ 9¹/₂ ч. вечера. Ужинала, поговорила со мною полчаса и ушла спать. Изъ разговора съ нею я узнала, что экзамены она отложила до осени, ѣдетъ теперь въ Кіевъ къ сестрѣ, а потомъ въ Нерехту заниматься. Денегъ на дорогу до Кіева у нея не хватаетъ, «собственно, я къ вамъ, тетя, за этимъ больше и пріѣхала»—вотъ ея слова буквально... Интересно знать, приметъ ли печать ея произведение? О немъ она мнѣ ни слова не сказала»...

М. И. Б—тисъ, кузина Е. А., говоритъ:

«Лиза получила нашу телеграмму — и все-таки, къ нашему изумленію, пріѣхала... Она была съ нами всего одинъ вечеръ. Показалась странной, больше чѣмъ когда-либо. Говорила, что французы влюбляются въ нее... называютъ Sainte-Vierge. Возмущалась нашими костюмами»...

На другой день (29 іюля) утромъ Е. А. рѣшила одна итти въ горы—на Unnütz.

«Мы ее просили не ходить—разсказываетъ г-жа Б—тисъ,—такъ какъ погода въ это утро была холодная, дождливая, а на горѣ туманъ... Но и послѣ уговоровъ Лиза сказала, что идетъ на Unnütz... Я попросила показать ея башмаки; они оказались совсѣмъ легкими, и я сказала, что въ нихъ невозможно итти, когда кругомъ такая ужасная сырость. Лиза отвѣтила, что башмаки англійскіе, необыкновенной прочности. Я опять спрашиваю, ходила ли она когда-нибудь въ горы, знаетъ ли, какъ это трудно; Лиза отвѣтила, что была на Кавказѣ, гдѣ очень много лазала по горамъ... Я показала ей на гору, на которую она собиралась итти: она была вся въ облакахъ—хотѣла ее этимъ испугать. Повидимому, что-то дрогнуло въ Лизѣ, но со свойственнымъ ей упрямствомъ она сказала, что дойдетъ до вершины, хотя бы пришлось возвратиться ночью. Говорили ей еще, что она не знаетъ мѣстнаго народнаго нарѣчія; она разсмѣялась:—«Въ Лондонѣ не потерялась—а тутъ вдругъ потеряюсь!»... Дѣлать нечего, ужъ разъ она во что бы то ни стало рѣшила итти—мы снабдили ее бутер-

бродами, я дала свою большую альпійскую палку съ большимъ стальнымъ остроконечникомъ, которымъ можно убить человѣка, а мама дала двѣ кроны на молоко и всякія случайности. Она за-сунула деньги за перчатку. Одѣта была легко—въ короткое резиновое дождевое манто, бѣлую соломенную шляпу и легкіе англійскіе башмаки. Хотѣла взять еще свою дорожную сумочку, но денегъ въ ней не было, и мы сказали, что она будетъ ей только мѣшать. Она сняла сумочку...

«Въ 10¹/₂ час. утра, въ ту самую минуту, когда Лиза вышла—полилъ сильный дождь, небо заволокло тучами, съ горы ничего не видно, и не было никакой надежды, что погода измѣнится. Дождь какъ бы предупреждалъ ее...

«На этой горѣ Unnütz мы были наканунѣ. Она беретъ весь день, но мы сходили очень быстро, вышли въ 10 ч. утра, вернулись уже въ 5. Измучились, итти было трудно... Отказавшись итти вмѣстѣ съ Лизой—я хотѣла этимъ ее удержать; если одинъ дѣлаетъ такую неосторожность (если не больше)—это еще не значить, что и другіе должны то же дѣлать».

Родственники Е. А. ждали ея возвращенія къ вечеру. Но напрасно. Выходили по лѣсной тропинкѣ навстрѣчу, кричали—отвѣта не было.

Близилась ночь. Посылать кого-либо на поиски уже было бесполезно: въ такой темнотѣ даже съ фонарями невозможно обыскать всю эту большую гору. Общая тревога увеличилась. Старались успокоить себя: Лиза, заблудившись, переночуетъ въ какой-нибудь хижинѣ и придетъ рано утромъ... Ночью было холодно, въ горахъ выпалъ снѣгъ.

«Въ 8 час. утра—разсказываетъ г-жа Б—тись—заглянули въ ея комнату: никого. Мой мужъ взялъ проводника, башмаки Лизы, вина—и ушелъ на гору. Когда онъ дошелъ до половины ея, гдѣ обыкновенно отдыхаютъ и пьютъ молоко,—ему сказали, что Лиза была здѣсь вчера въ 12 ч. дня и спрашивала у старика (мимо котораго должны пройти всѣ, кто идетъ на вершины), сколько времени итти до Unnütz. Старикъ отвѣтилъ, что до вершины—часа 1¹/₂—2, и совѣтовалъ не ходить дальше, показывая, что въ горахъ, выше—туманъ. Лиза плохо понимала, и ей объяснили на часахъ. Пить молока не захотѣла, и ушла въ направленіи вершины—и не возвратилась, хотя должна была непременно пройти мимо, чтобы вернуться обратно, домой. Мой мужъ тутъ же нанялъ двухъ людей обыскать гору, двухъ другихъ послалъ по предполагаемой дорогѣ, на которой Лиза могла заблудиться,—до той деревни, куда эта дорога приводитъ. Черезъ нѣсколько

часовъ посланные возвратились: никого не видали. Въ гостиницу явился жандармъ, записаль съ нашихъ словъ примѣты Лизы, и уже отъ себя опять послалъ троихъ на розыски.

«На другой день (31 іюля) съ 4-хъ часовъ утра 7 человекъ снова обыскивали всю гору, всѣ тропинки—ничего. Посылали въ Aschau, Krambach, Brixlegg, — въ мѣстечки, куда Лиза могла пасть, расхворавшись отъ холода и усталости. Разспрашивали всюду—никто не видалъ, нигдѣ нѣтъ.

«1-го августа поѣхали въ полицію, въ Achenthal. Насъ принялъ Gemeindevorsteher, начальникъ общины, лицо отвѣтственное. Просили его объявить всюду, гдѣ только возможно, что потерялась дѣвица (ея примѣты), кто ее найдетъ—получить премію въ 100 кронъ, кромѣ платы за труды по таксѣ. Просили также послать опять людей на розыски, куда онъ найдетъ нужнымъ, все будетъ уплачено. Оставили ему 200 кронъ. Онъ послалъ 4-хъ людей съ собаками обыскать гору съ противоположной стороны, гдѣ и дорогъ-то нѣтъ и никто не ходитъ—*ничего*.

«Затѣмъ пригласили начальника общины и жандарма въ гостиницу и сдали имъ весь багажъ. Онъ былъ опечатанъ. Въ портпледѣ нашли портмонэ Лизы съ австрійскими деньгами. Въ нашемъ присутствіи полиція сломала ея маленькую дорожную сумочку. Тамъ нашли паспортъ, золотой медальонъ и черные часы, всякую мелочь—и ядъ! Я записала название: acid. oxalicum, изъ Англии, въ большомъ количествѣ. Для предосторожности отдали его жандарму. Деньги, медальонъ, часы, все переписано и сдано подъ квитанцію полиціи. Еще у Лизы остался на станціи сундукъ, квитанціи отъ котораго мы не нашли. Онъ не пропадетъ *). Отъ полиціи взяли также свидѣтельство, что Лиза въ такой-то день потерялась, приняты были всѣ мѣры, но ничего не найдено... Во всей мѣстности былъ такой переполохъ!»...

О своихъ розыскахъ Ю. К. Б.—тисъ говорить:

«Всѣ мѣры были приняты немедленно. Сообщивъ обо всемъ полиціи, я рано утромъ (30-го іюля) лично отправился съ первой партіей людей на злополучную гору, опрашивая пастуховъ, приказавъ тщательно осматривать мѣстность по обѣ стороны дороги и не пропускать ни одного слѣда на влажной отъ дождя тропинкѣ. Немедленно были отправлены люди и въ другихъ возможныхъ направленіяхъ спуска съ горы. Обыскъ всей горы былъ повторенъ на другой день людьми, выставленными полиціей. Не-

*) Этотъ сундукъ въ послѣдствіи былъ полученъ родными Е. А. Въ немъ, среди книгъ, платья и прочихъ вещей, находилась и связка тетрадей—вся рукопись «Дневника русской женщины». А. Д.

зависимо отъ этого и одновременно я разослалъ народъ обойти всю горную мѣстность по окружности и объявить о случившемся и о назначеніи преміи въ 100 кронъ. Въ томъ же смыслѣ отъ имени начальника общины былъ вывѣшенъ плакатъ на церковныхъ дверяхъ и всюду, гдѣ собирается или проходитъ мимо народъ. Въ теченіе первыхъ трехъ дней люди посылались въ горы *смѣнами*, какъ посылаются и сейчасъ... Въ своихъ сношеніяхъ съ полиціей Achensee я настойчиво требую не жалѣть ни времени, ни людей, ходить въ горы съ собаками, смотрѣть, не собираются ли надъ какимъ-нибудь мѣстомъ вороны и пр.»

У всѣхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ поискахъ Е. А., естественно, возникаютъ всякія предположенія.

«Это исчезновеніе—прямо загадка—говоритъ г-жа Б—тись. —Сначала думали, что Лиза расшиблась, потому что ее могъ застигнуть туманъ, или она заблудилась, или ногу сломала или вывихнула—и замерзла, не будучи въ состояніи двигаться. Но противъ всего этого говоритъ то, что Лизу непременно нашли бы,—вѣдь столько тамъ народу искало! Къ тому же, мы были на этой горѣ наканунѣ и видѣли, что она совершенно безопасная, всюду отмѣченная дорога, и свалиться за туманомъ въ пропасть нельзя, такъ какъ пропастей на горѣ нѣтъ. Остается предполагать, что Лизу убили и зарыли, такъ какъ на ней были брилліантовые серьги. Въ такомъ случаѣ найти ее невозможно.

«Но мы думаемъ еще и совсѣмъ другое: не была ли Лиза членомъ революціоннаго комитета, и не подстроено ли все это? Найденный ядъ заставляетъ такъ думать, и всякія нелегальныя книги, которыя у нея были. Революціонный комитетъ въ Швейцаріи очень ищетъ такихъ, какъ Лиза. Непременно надо разузнать у парижскихъ знакомыхъ Лизы, что было съ нею за послѣднее время?» *).

*) Послѣднее предположеніе г-жи Б—тись не выдерживаетъ критики. Не считая нужнымъ опровергать его по существу—замѣтимъ только, что «нелегальными книгами», которыя нашли у Е. А., были просто сочиненія Л. Толстого, изданныя за границей. И одна изъ книгъ—«Краткое изложеніе Евангелія»—вся въ помѣткахъ Е. А. Повидимому, Е. А., живя въ Парижѣ, усердно изучала «подлиннаго» Толстого.

Ошибочное предположеніе г-жи Б—тись цѣнно лишь постольку, поскольку оно подчеркиваетъ, что о *личной* жизни Е. А. въ Парижѣ *никто* изъ близкихъ ей ничего не зналъ.

Что касается яда—*acidum oxalicum* (щавелевая кислота),—то слѣдуетъ замѣтить, что родъ этого яда не принадлежитъ къ смертельнымъ. Чтобы отравиться имъ, нужна очень значительная доза. «Большое же количество» этого яда, найденное у Е. А. въ «*маленькой дорожной сумочкѣ*», вѣроятно,

Ю. К. Б—тись говорить:

«Зная, что такое горы, да еще въ такой туманный день, какой былъ тогда, зная нерасторопность Елизаветы Александровны въ критическую минуту,—лично я глубоко убѣжденъ, что ея уже нѣтъ въ живыхъ. Если она не погибла отъ ненастья, то ее, вѣроятно, убили. Говорятъ, что это въ Тиролѣ бываетъ. Такъ или иначе—надо быть увѣреннымъ въ худшемъ. Скоро ли найдутъ трупъ, да и найдутъ ли еще,—все будетъ зависѣть отъ счастливой случайности».

Поиски продолжаются. Г-жа Б—тись рассказываетъ:

«Мы получили географическую карту горы Unnütъ и прилегающей къ ней мѣстности. До чего, въ сущности, трудно найти Лизу! На картѣ дорога, по которой шла она, и гдѣ ее искали, отмѣчена штрихами. Всѣ возможные спуски съ горы обысканы. Въ серединѣ карты огромная часть не обыскана, штриховъ нѣтъ—но это объясняется тѣмъ, что Лиза могла попасть на эти дороги только въ томъ случаѣ, если бы вернулась снова въ Kögl. Alp., гдѣ ее видѣли пастухи. А она туда не возвращалась. Пастухи утверждаютъ, что были цѣлый день дома, но не видѣли ее въ другой разъ. Къ тому же, заблудившись — она стремилась бы скорѣе въ долину, къ людямъ, а не на еще болѣе высокія горы.

«За эти дни—цѣлую недѣлю—сдѣлано рѣшительно все, что можно было сдѣлать. Поиски продолжаются съ прежней энергіей... Проводники—люди опытные въ горныхъ восхожденіяхъ и заинтересованные получить премію... Теперь въ горахъ снѣгъ... Въ Seehofъ стало невыносимо тяжело, страшно, холодно, неудобно... Нравственно я измучилась невѣроятно. Всѣ съ ногъ сбились»...

• Убѣдившись въ бесполезности пребыванія въ Seehofъ и устроивъ все, что было нужно для дальнѣйшихъ розысковъ, кузина Е. А. вмѣстѣ съ мужемъ 5-го августа переѣхала въ Мюнхенъ. Сношенія съ полиціей все время продолжаются, обмѣниваются телеграммами и письмами.

«Русскому консулу—рассказываетъ Ю. К. Б—тись—о несчастіи не дано было знать немедленно, потому что въ ближайшихъ городахъ отъ Achenthal'я его не оказалось. Это сдѣлано здѣсь, тотчасъ же по приѣздѣ въ Мюнхенъ. Я обратился въ Россійскую Императорскую Миссію, которая обо всемъ подробно телеграфировала консулу въ Вѣну. Кромѣ того, мы обратились и въ здѣшній горный клубъ. Онъ пошлетъ отъ себя людей и собакъ...

не превышало пузырька вмѣстимостью въ 20 граммъ (видъ яда жидкій), и предполагать, что это количество Е. А. везла съ собою съ цѣлью отравленія—весьма неосновательно. А. Д.

«Отъ Генеральнаго Консульства въ Вѣнѣ еще нѣтъ отвѣта. Но послѣ трехъ телеграммъ, здѣшняя Миссія клянется, что тамъ сдѣлано самое энергичное давленіе на мѣстныхъ властей... Какъ въ горномъ клубѣ, такъ и со стороны мѣстной полиціи уже давно увѣряютъ меня, что предпринимать что-либо сверхъ предпринятаго бесполезно. Но мое мнѣніе—то, что лучше сдѣлать что-нибудь лишнее и ненужное, чѣмъ упустить нужное и полезное...

«Здѣсь же я просилъ напечатать о несчастіи въ самой распространенной газетѣ, въ отдѣлѣ «Извѣстій съ нѣмецкихъ, австрійскихъ, швейцарскихъ горъ и курортовъ». Вотъ, въ переводѣ, текстъ сообщенія:

«Пропававшая въ области Achensee. Двумя соотечественниками m-lle Елизаветы Дьяконовой, парижской студентки, которая воспользовалась каникулами, чтобы посѣтить свою тетку въ Hôtel'ѣ Seehof на Achensee,—намъ сообщено съ представленіемъ свидѣтельства общиннаго начальства въ Achenthal'ѣ, что упомянутая дама 10 августа (нов. ст.) отправилась изъ Hôtel'я Seehof на Achensee къ Unnütz, и съ тѣхъ поръ пропала. Можно предположить, что легко одѣтая... 28-ми-лѣтняя дама заблудилась и погибла въ холодную ночь въ Уннюцкомъ ущельѣ. Предпринимавшіяся до сихъ поръ попытки отыскать ее или ея тѣло не имѣли результатовъ. Нашими поручителями внесена при Ахентальскомъ общинномъ управленіи сумма въ 100 кронъ, которая достанется тому, кто предложитъ надежный способъ найти погибшую. Къ сожалѣнію, со времени ея исчезновенія прошла уже недѣля. Извѣстія, которыя могутъ быть, просимъ прислать въ нашу редакцію».

На предложеніе редакціи откликнулся одинъ изъ читателей, бывшій въ дни исчезновенія Е. А. въ Hôtel'ѣ Seehof.

«Извѣстіе о томъ, что m-elle Дьяконова пропала—пишетъ онъ — быстро распространилось между остальными гостями Hôtel'я, и можно представить себѣ тревогу, когда одна спасательная экспедиція за другой возвращалась безъ успѣха. Одинъ изъ проводниковъ, принимавшихъ участіе въ розыскахъ, говорилъ мнѣ, что наверху въ горахъ господствуетъ такой густой туманъ, что порою нельзя видѣть руку передъ глазами, а по свѣже-выпавшему снѣгу можно заключить, что въ тѣ ночи температура была самое большее +2°. Поэтому нѣтъ никакого сомнѣнія, что молодая женщина поплатилась жизнью за свое легкомысліе».

Уже 15-ое августа. Всѣ розыски—тщетны. Родная сестра погибшей пишетъ въ эти дни изъ Мюнхена:

«Была въ русской Миссии. Тамъ получили телеграмму, что искали 19 человекъ—и нѣтъ... Профессоръ Гейдельбергскаго университета прислалъ намъ письмо, гдѣ пишетъ, что въ тѣ дни было крайне опасно итти на Unnütze... Другое письмо—по городской почтѣ отъ господина, который видѣлъ Лизу въ горахъ и разговаривалъ съ нею. Онъ встрѣтилъ ее раньше, чѣмъ она дошла до того мѣста, гдѣ продаютъ пастухи молоко... Мы предпримемъ сейчасъ вотъ что: увеличимъ премію до 500 марокъ, тогда, можетъ быть, найдутся охотники и изъ Мюнхена; затѣмъ, думаемъ обратиться къ здѣшней частной тайной полиціи, она, можетъ быть, поможетъ раскрыть исчезновеніе, а сами поѣдемъ снова въ Achensee дня на три... Требовать сейчасъ судебного слѣдствія преждевременно, такъ какъ никакихъ уликъ пока нѣтъ...

«Въ Миссии намъ сказали, что этого дѣла не оставятъ хоть годъ, и будутъ отъ правительства требовать найти тѣло. Такой случай съ русской впервые. Нынче очень много погибло народу въ Альпахъ, въ особенности англичанъ, какъ любителей... Что Лиза погибла—это безспорно, только найти бы теперь. Просто какое-то таинственное исчезновеніе! Искали и по сосѣднимъ горамъ, и вообще повсюду—и нѣтъ!»

26-го августа — *черезъ четыре недѣли* — тѣло Е. А. было найдено. Мѣсто гибели оказалось совсѣмъ близко отъ озера и отъ Hôtel'я Seehof: на разстояніи пятисотъ шаговъ вверхъ по ручью Luisenbach, и трехсотъ шаговъ отъ дороги—лѣсной тропинки. Въ дни тщетныхъ поисковъ тѣло лежало въ одномъ изъ водоемовъ горнаго ручья Луизы—въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, ниспадая по крутымъ отвѣснымъ скаламъ, образуетъ водопадъ. И еще долго бы хранилось тѣло въ скрытомъ каменистомъ ложѣ, если бы не поздній августъ: разлившись отъ снѣговъ, въ сильномъ потокѣ ручей вынесъ погибшую на *край* уступа, гдѣ и увидѣлъ ее молодой пастухъ.

27-го августа тѣло подвергли вскрытію, а 29-го вновь произвели изслѣдованіе съ удаленіемъ внутреннихъ органовъ.

«Лиза, кажется, покончила самоубійствомъ—пишетъ сестра Е. А.—Нашли ее у ручья раздѣтую, платье перевязано пажемъ. Она бросилась съ одного изъ уступовъ, но неудачно, переломила обѣ ноги, страданія, вѣроятно, были ужасныя... Но можно предполагать и другое,—что она отъ ужаса и голода сошла съ ума, раздѣлась и бросилась... Все очень странно... Слѣдствіе начнется, чтобы доказать намъ, что убійства не было»...

Какъ мѣсто гибели, такъ и многіе признаки, обнаруженные судебнымъ слѣдствіемъ и медицинскимъ вскрытіемъ трупа, съ

достаточною очевидностью заставляют предполагать роковой, несчастный случай нечаяннаго паденія съ одного уступа скалы на другой, отчего и произошла смерть.

(Ш *).

■ *Штатгальтерство Тироля и Форарльберга. Донесеніе.*

Тѣло погибшей Елизаветы Дьяконовой было найдено пастухомъ въ мелкомъ болотѣ одного водопада, на разстояніи почти 500 шаговъ вверхъ по ручью выше Seehofa и около 300 шаговъ отъ дороги. Тѣло было совсѣмъ не одѣто и не обнаруживало никакихъ внѣшнихъ поврежденій. Поэтому предполагали, что Дьяконова отправилась изъ Seehofa въ Unnütz, и на обратномъ пути хотѣла выкупаться въ одномъ изъ водоемовъ, образованныхъ находящимися тамъ водопадами, такъ какъ ея платье связано въ узелъ,—но въ водѣ умерла отъ разрыва сердца. Но произведенное окружнымъ врачомъ вскрытіе тѣла обнаружило, что обѣ ея ноги были переломаны въ голеностопномъ сочлененіи, такъ что вѣрнѣе предположить, что она прыгнула въ ручей въ возбужденномъ состояніи духа. Другихъ поврежденій тѣла вскрытіе не обнаружило. Въ такомъ водоемѣ тѣло могло пролежать нѣсколько недѣль, до тѣхъ поръ, пока выступившая въ первые сентябрьскіе дни горная вода не переправила его черезъ стѣну, вышиной почти въ 30 метровъ, въ мелкое болото у его основанія. Также и узелъ съ платьемъ могъ быть увлеченъ водою, тогда какъ горная палка найдена прислоненной вверху у стѣны.

При нахожденіи, тѣло, съ дорогими серьгами въ ушахъ, лежало на краю водоема лицомъ внизъ, ноги висѣли черезъ край, такъ что оно при слѣдующемъ подъемѣ воды, вѣроятно, было бы увлечено также и черезъ этотъ нижній уступъ водопада.

Тѣло уже значительно предалось разложенію, отъ волосъ были только остатки, верхняя же часть лица до сдвинутой кожи сохранилась довольно хорошо. Судебное слѣдствіе, равно какъ и вскрытіе тѣла окружнымъ врачомъ, не дали никакой точки опоры, чтобы предположить преступленіе.

Тѣло перенесено въ Схоластику, и оттуда будетъ перевезено въ Россію.

За Импер.-Кор. Штатгальтера (подпись).

12 сентября 1902 г.
Инсбрукъ.

*) Нижеслѣдующіе официальные документы, переведенные съ нѣмецкаго яз., печатаются въ извлеченіи, съ сохраненіемъ всѣхъ датъ по новому стилю. А. Д.

Случай въ Ахенталь. Протоколъ.

Вслѣдствіе телеграфнаго сообщенія, что тѣло Елизаветы Дьяконовой, пропавшей 4 недѣли тому назадъ, найдено, и что совершеніе преступленія не исключается, И. К. Суда Адъюторъ Экхеръ отправился 7-го сего сентября въ Seehof, куда прибылъ въ 10 часовъ ночи для необходимыхъ распоряженій. Адъютору Экхеръ сообщили, что тѣло лежитъ нетронутымъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ оно найдено, и охраняется жандармомъ и приставленными гражданскими лицами до прибытія Судебной Комиссіи.

8-го числа сего мѣсяца, въ 11 ч. утра, собравшаяся Комиссіа (изъ семи лицъ, изъ которыхъ двое врачей) отправилась на мѣсто нахожденія трупа. Мѣсто нахожденія трупа было въ небольшой боковой долинь. Съ большой дороги подымаешься... и приходишь къ подошвѣ ложинообразной долины, черезъ которую по крутымъ скаламъ низвергается водопадъ.

Прежде всего отправились на возвышенное мѣсто, на противоположную сторону водопада, откуда удобно было обозрѣвать все мѣстоположеніе. Водопадъ образуетъ нѣсколько уступовъ. На одномъ изъ нихъ лежитъ совершенно голое тѣло, а на другомъ уступѣ—вверхъ на 10 метровъ отъ уступа, гдѣ лежитъ тѣло—горный шестъ и носовой платокъ.

Оттуда отправились къ уступу, гдѣ было тѣло. Доступъ туда съ обѣихъ сторонъ водопада очень крутъ и затруднителенъ. На самомъ краю уступа лежало тѣло на животѣ, голова немного повернута направо, руки подогнуты. Мягкія части лица не существовали. Верхняя и нижняя челюсти обнажены. Нижнія конечности немного выходили за край уступа и были переломаны въ голеностопномъ сочлененіи, такъ что нижнія части костей голени торчали наружу. Волосы, равно и поверхностная часть кожи, не существовали, и были признаки сильнаго разложенія. Обѣ серьги были налицо. Другихъ поврежденій какъ вышеуказанныхъ, не было видно.

Площадь уступа, гдѣ лежитъ тѣло, такова: дно задней части уступа покрыто водой, которая на самомъ глубокомъ мѣстѣ достигаетъ 43 сантиметровъ; остальное дно въ серединѣ песчано и отчасти покрыто водой. Край уступа, черезъ который течетъ вода, скалистъ. На разстояніи $1\frac{1}{2}$ метровъ влѣво отъ тѣла подъ большимъ камнемъ лежитъ лоскутъ рубашки. На разстояніи 2 м. 88 сант. отъ тѣла вглубь уступа (почти на серединѣ его

площади) лежитъ каучуковый дождевой плащъ, связанный узломъ, и изъ него выглядываетъ платье.

Въ дождевомъ плащѣ находились слѣдующіе предметы: пажъ; ботинка изъ черной кожи, на правую ногу; черная вставка съ 4-мя застегнутыми англійскими булавками; соломенная шляпа съ булавкой; женская кофта; женская кофта съ мелкими черными и сѣрыми клѣтками; небольшая веревка; нижняя юбка съ карманомъ, помѣченная буквами Е. Д.; черная юбка; пара свернутыхъ кожаныхъ перчатокъ; брошка изъ черного стекла; 2 монеты по 20 геллеровъ и 2 монеты по 10 гел.,—онѣ были разбросаны въ дождевомъ плащѣ.

Направо отъ мѣста, гдѣ находился дождевой плащъ, на разстояніи 1 м. 12 сант. лежала лѣвая ботинка, соотвѣтствующая другой, въ узлѣ. Она была въ водѣ, которая на этомъ мѣстѣ бѣжитъ по песку.

Потомъ отправились на верхній уступъ, площадь задней части котораго также покрыта водою, глубиной въ 59 сант. Почти на серединѣ площади этого верхняго уступа лежала короткая горная палка, приблизительно въ 160 сант., отчасти покрытая водою; надъ концомъ палки лежала другая узловатая палка. Тутъ же вблизи лежалъ носовой платокъ съ завязаннымъ угломъ.

По показанію приходскаго старшины Юганна Руппрехтеръ, водопадъ обыкновенно имѣетъ гораздо меньше воды, чѣмъ въ тотъ день. По показанію Франца Эденгаузеръ, который нашелъ тѣло 7-го сего мѣсяца, около 7-ми часовъ утра,—онъ не видѣлъ его на этомъ мѣстѣ въ предшествующіе дни, изъ чего можно заключить, что оно 6-го числа было снесено на это мѣсто проливнымъ дождемъ, и до того, по всей вѣроятности, лежало въ глубинѣ уступа.

Послѣ этого тѣло было перенесено въ прачечную, чтобы приступить къ вскрытію. Найденные на мѣстѣ происшествія предметы были вручены на храненіе Коммисіи. Найденное платье вполнѣ сходно съ платьемъ пропавшей, равно и величина, такъ что тождественность тѣла съ пропавшей Елизаветой Дьяконовой не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Компетентныя лица берутся за вскрытіе тѣла, и на основаніи присяги излагаютъ слѣдующее:

Въ дополненіе вышеописаннаго внѣшняго осмотра слѣдуетъ еще добавить, что кромѣ мягкихъ частей лица, мягкія части шеи вслѣдствіе разложенія вполнѣ распались.

Кромѣ вышеозначенныхъ поврежденій нижнихъ конечностей, найдена небольшая рваная рана на лѣвой черепной кости. При

вскрытіи черепной полости, кости свода и основанія черепа были цѣлы; что касается мозга, то только мозговья оболочки были покрыты какой-то бурой массой. У внутренности грудной и брюшной полости, которыя были найдены въ сильной степени разложенія, нельзя было найти слѣдовъ ни болѣзней, ни поврежденій. Половые части не представляли ничего особеннаго.

Выводъ:

По всему вышележенному, нельзя констатировать насильственной смерти.

Обстоятельство, что оба голеностопныя сочлененія были переломаны, тогда какъ не было другихъ поврежденій костей, доказываетъ, что особа при паденіи упала на ноги.

Болѣе точная причина не можетъ быть установлена по всему найденному.

Степень разложенія соотвѣтствуетъ времени ея исчезновенія и предполагаемой смерти ея 4 недѣли тому назадъ.

Прочитано и приготовлено къ утвержденію. (Подписи).

Протоколъ составленъ 8-го сентября 1902 г., въ домѣ горнаго проводника въ Ахенталь.

Присяжная копія. И.-К. Инсбрукскій Окружной Судъ. Отд. VII. 18 декабря 1902 г.

Протоколъ.

Вслѣдствіе телеграфнаго порученія Инсбрукскаго И.-К. Окружного Суда, Судебная Коммиссія явилась сюда, въ Ахенталь, для удаленія органовъ изъ тѣла Елизаветы Дьяконовой, и сошлась съ докторомъ Пюрингеръ. Коммиссія приступила къ открытію гроба, куда положено было тѣло послѣ вскрытія 8-го числа сего мѣсяца. Установивъ тождественность трупа, докторъ Пюрингеръ приступилъ къ удаленію органовъ.

1. Остатки мозга. 2. Всѣ шейные и грудные органы, за исключеніемъ переднихъ и боковыхъ частей шеи и нижней части рта, которыя, вслѣдствіе сильнаго разложенія, болѣе не существовали. 3. Желудокъ, тонкая и толстая кишка. Эти органы уложены каждый отдѣльно въ стеклянный сосудъ. 4. Селезенка и обѣ почки, какъ и половыя части съ прямой кишкой и печенью, также уложены въ стеклянный сосудъ.

Грудную полость нашли не вскрытой. Также другіе органы лежали въ трупѣ на соотвѣтствующихъ мѣстахъ не вскрытыми. Къ вскрытію внутреннихъ органовъ по порученію Суда не было приступлено.

Сосуды съ органами, а также платье, найденное при трупѣ, уложены въ ящикъ. Ящикъ замкнуть и снабженъ судебной печатью.

Тѣло было передано родственникамъ для дальнѣйшаго распоряженія.

Засвидѣтельствовали: (подписи).

Протоколъ составленъ 10-го сентября 1902 г., въ домѣ горнаго проводника въ Ахенталѣ.

Присяжная Копія. И.-К. Инсбрукскій Окружной Судъ. Отд. VII. 18 декабря 1902 г.

*И.-К. Инсбрукскій Окружной Судъ. Отд. VII.
12 сентября 1902 г.*

Является докторъ Пюрингеръ и сообщаетъ слѣдующее.

По личному порученію я 10-го числа сего мѣсяца въ сопровожденіи Судебной Коммиссіи отправился въ Схоластику. Я нашелъ трупъ Елизаветы Дьяконовой лежащимъ въ деревянномъ завинченномъ гробу, въ прачечной. Органы я уложилъ въ 5 сосудовъ и привезъ ихъ сюда въ Судебно-Медицинскій Институтъ, какъ и узелъ съ платьемъ, обернутый въ дождевой плащъ. О происшествіи составленъ протоколъ на мѣстѣ. Мнѣ не было поручено вскрыть трупъ; но по собственной инициативѣ я освидѣтельствовалъ его и нашелъ слѣдующее:

Черепъ трупа былъ перепилень, брюшная полость вскрыта продольнымъ и поперечнымъ разрѣзомъ, такъ что органы нижней части живота были всѣ на виду. Грудная полость не была вскрыта. Ее я вскрылъ для удаленія легкаго и сердца. Я также констатировалъ голеностопное поврежденіе, но не могъ констатировать кровоизліянія сосѣднихъ тканей, при чемъ замѣчаю, что именно эта часть сильно разложилась и была подточена большимъ количествомъ червей. Далѣе нашелъ я полость черепа вполнѣ пустой, а въ среднемъ углубленіи правой лобной кости—трещину, проходящую черезъ ея середину въ фронтальномъ направленіи, которая съ одной стороны доходила до чешуйчатой части теменной кости, приблизительно переходя ее на 1 сант., а съ другой стороны до отверстия въ черепѣ, черезъ которое проходитъ тройничный нервъ. Отъ середины этой трещины, по внутренней поверхности черепного углубленія шла другая, перпендикулярно къ первой, черезъ большое крыло клиновидной кости, до середины правой глазной впадины.

Послѣ удаленія грудныхъ и шейныхъ органовъ, я замѣтилъ разъединеніе между 3 и 4 и 4 и 5 шейными позвонками. Я не

могъ констатировать кровоизліянія ни около того, ни около другого поврежденія, видѣлъ однако, что сосѣднія ткани сильно разложились. При удаленіи брюшныхъ органовъ, я нашель косою переломъ правой горизонтальной вѣтви лобковой кости, между внутренней и средней ея третью; и констатироваль кровоизліяніе въ мышцахъ глаза, какъ внутреннихъ, такъ и наружныхъ, занимающее пространство величиною въ ладонь. Наконецъ, замѣтилъ я надъ правой колѣнной чашкой также кровоподтеки; еще оставшаяся затылочная мускулатура была тоже буро-краснаго цвѣта.

На всѣхъ внутреннихъ органахъ, несмотря на самое тщательное изслѣдованіе при наружномъ осмотрѣ, я не могъ констатировать иарушенія цѣлости этихъ органовъ.

Прочитано и засвидѣтельствовано. (П о д п и с и).

Присяжная Копія. И.-К. Инсбрукскій Окружной Судъ. Отд. VII. 18 декабря 1902 г.

IV.

Таковы всѣ свидѣтельства и документы о гибели Е. А. Дьяконовой. И невольно въ воображеніи рисуется картина послѣдняго дня ея жизни.

Непреклонно было рѣшеніе Е. А. дойти до вершины. Его не измѣнили ни предупрежденія объ опасности, ни ненастье. И нужно думать, что Е. А. вернулась бы назадъ только въ томъ случаѣ, если бы допустила возможность нападенія. Но это казалось ей мало вѣроятнымъ, можетъ быть, даже смѣшнымъ—и принятое рѣшеніе исполняется безстрашно до конца.

Но и безстрашный человѣкъ—во власти случайностей, которыя въ одно мгновеніе могутъ обратиться въ непреодолимья препятствія. И нужно обладать хладнокровіемъ, чтобы своевременно избѣжать или предупредить ихъ. Если же этого хладнокровія нѣтъ—катастрофа неминуема. Такъ и случилось съ Е. А...

Она идетъ къ вершинамъ широкими горными дорогами. Во всѣхъ направленіяхъ онѣ размѣчены условными знаками, которые *указываютъ* путь, нигдѣ не видно ни пропастей, ни крутыхъ обрывовъ,—и она, вѣроятно, уже не сомнѣвается, что достигнетъ вершинъ Unnützt'a вопреки всѣмъ предупрежденіямъ.

А между тѣмъ, съ часу на часъ ненастье усиливается. Густой туманъ ложится на склоны горъ, яростно бушуетъ вѣтеръ, дождь переходитъ въ ливень. Итти впередъ уже труднѣе... Можетъ быть, Е. А. переживаетъ, когда прекратится непогода—и кутаясь въ свой резиновый плащъ, съ альпійской палкой въ рукахъ, гдѣ-

нибудь укрылась отъ дождя и холоднаго тумана въ чащѣ старыхъ сосенъ. Можетъ быть, уже близки вершины—желаніе исполнилось!—но достигнуть ихъ уже поздно: ненастье не утихаетъ—и внезапно погасъ сумрачный свѣтъ дня.—Это вечеръ нисходитъ, и уже не вечеръ—а непроглядная ранняя ночь! Тяжелымъ мракомъ покрыта гора, кругомъ не видно ни зги, только гудитъ холодный вѣтеръ, сливаясь съ шумомъ дождя.—И бѣдный путникъ въ плѣну!

Вотъ *первое* мгновеніе страха. Хладнокровіе побороло бы его, заставивъ путника остаться на мѣстѣ и ждать помощи—быть обреченнымъ, но не отдаваться во власть внезапныхъ рѣшеній. А у Е. А. если и было самообладаніе, то лишь наполовину: ворвавшійся въ ея душу страхъ смутилъ ее, уничтожилъ бывшее до этихъ минутъ спокойствіе, — и она уже ищетъ исхода... И насколько сильно было до этихъ поръ желаніе достигъ вершины—настолько сильно теперь стремленіе достигъ земли.

Назадъ! Назадъ! Во что бы то ни стало вернуться домой, вырваться изъ мрака, холода и непогоды — скорѣе избавиться отъ ужаса, который одолеваетъ!

Но какъ? Вѣдь уже исчезли всѣ пути! Кругомъ тьма слѣпить глаза, и если ждать еще разсвѣта—то все равно: всѣ дороги уже перепутаны! Но вдругъ и на другой день она вновь будетъ скитаться по горамъ, уйдя въ совершенно иномъ направленіи отъ первоначальнаго пути?!

Вотъ *второе* мгновеніе страха. Оно стократъ сильнѣе перваго и уже равносильно предчувствію гибели: ибо завтра *голодъ* лишитъ ее силъ! Отчаяніе, отчаяніе!

Единственный исходъ—достичъ земли *теперь же*. Всякое замедленіе—только хуже...

Вѣроятно, какъ только утренній свѣтъ лишь слегка разсѣялъ густые туманы, и въ свѣтѣ возникавшаго дня поблѣднѣлъ непреодолимый ужасъ ночи—Е. А. уже стала искать пути, чтобы вернуться.—Стала искать своего спасенія, ибо иначе—какъ ей казалося—въ горахъ ее подстерегала смерть!

И вотъ—ручей...

Вспомнимъ, что она не могла его не замѣтить, когда поднималась на гору, такъ какъ нѣкоторое время шла недалеко отъ него. Можетъ быть, тогда же ея вниманіе привлекли и водопады—красивые и легкіе,—они и въ непогоду видны съ большой дороги, при самомъ подъемѣ вверхъ... Во всякомъ случаѣ, этотъ ручей она видѣла, онъ тутъ же впадалъ въ Achnesee, и онъ былъ такъ близокъ отъ Hôtel'я, изъ котораго она только-что вышла...

Теперь же, когда Е. А. блуждала на вершинѣ, потерявъ всё дороги,—найти ручей—значило найти самый вѣрный путь возвращенія! Въдь какъ бы прихотливо и капризно ни протекала Luisebach по склонамъ и уступамъ горъ—все равно, рано или поздно онъ приведетъ къ землѣ!

И если вспомнить еще, что въ дни тщетныхъ поисковъ гору обыскивали *со всѣхъ* сторонъ, исходивъ вдоль и поперекъ *всѣ* ея дороги и спуски,—то невольно приходится считать путь возвращенія Е. А. *почти* недоступнымъ не только для простого туриста, но даже и для горнаго проводника. Только *крайняя необходимость* могла заставить человѣка избрать его!

Такъ и случилось: Е. А. *возвращалась* домой самой вѣрной, но и самой опасной дорогой—по дикому склону горы, гдѣ проложилъ ручей свой путь.

И уже казалось, что всё препятствія ей удалось преодолѣть: съ вершинъ она спустилась къ землѣ такъ близко, что была всего лишь въ трехстахъ шагахъ отъ большой дороги! Еще нѣсколько послѣднихъ усилій—и путь благополучно конченъ!

Но вотъ водопады. Тутъ гора почти отвѣсна. Страшная крутизна. И кромѣ того: самый *доступъ* къ водопадамъ съ обѣихъ сторонъ горы *тоже* «очень крутъ и затруднителенъ». Это значить, что итти вперед можно только по самому руслу ручья. Его каменное ложе—*единственный* путь.

И начинается переправа. Е. А. *полураздѣтая* идетъ къ водопадамъ. *Часть* своего платья она завернула въ узелъ. Ей удалось достигнуть одного уступа. Она уже на немъ—а внизу, на разстояніи десяти метровъ,—другой!

Что произошло здѣсь—неизвѣстно. Всякія догадки были бы одинаково и вѣрны, и ошибочны. Только все предыдущее можетъ подсказать намъ: здѣсь произошелъ роковой случай. Она или упала, или сорвалась внизъ, при паденіи переломивъ оба голеностопныхъ сочлененія и проломивъ себѣ черепъ въ области виска. Лишилась сознания (можетъ быть, произошло сотрясеніе мозга)—и умерла, схороненная на днѣ водоема...

Если бы Е. А. *искала* здѣсь смерти—зачѣмъ ей было необходимо раздѣваться, зачѣмъ всё эти приготовления? И еще послѣдняя догадка: неужели *тогда* не бросилась бы она внизъ стремительно, съ внезапностью страшнаго отчаянія, встрѣчая смерть такъ, чтобы послѣ паденія уже не было ни одной минуты *ненужныхъ* страданій?

5-го сентября въ «милой» Нерехтѣ, на родной землѣ схоронили погибшую.

Два письма М. Н. Капустина.

Какъ извѣстно, Е. А. Дьяконова, прїѣхавъ осенью 1895 г. въ Петербургъ съ цѣлью поступить на Высшіе Женскіе Курсы,— встрѣтила рѣшительное противодѣйствіе своему намѣренію со стороны матери. Положеніе молодой дѣвушки было почти безысходнымъ—какъ вдругъ, въ послѣднюю минуту, къ ней на помощь пришелъ тогдашній попечитель учебнаго округа М. Н. Капустинъ, и благодаря его энергичному участию судьба Е. А. была рѣшена: она была принята на Курсы.

11 ноября 1899 г. М. Н. Капустинъ скончался, и вотъ что въ тѣ дни писала Е. А. въ своемъ «Дневникѣ»:

«Я была сегодня на панихидѣ... Лицо покойнаго нисколько не измѣнилось. Вотъ онъ лежитъ спокойный, неподвижный,—и та рука, которая подписала разъ рѣшеніе на моемъ прошеніи о поступленіи на курсы,—уже не шевельнется болѣе. Съ какимъ-то невыразимо-глубокимъ чувствомъ смотрѣла я на лицо умершаго; мнѣ вспомнился мой разговоръ съ нимъ,—и все тяжелое время передъ поступленіемъ на курсы. Чувство благодарности живо въ моей душѣ, хотя и сознаю, что Капустинъ, въ сущности, *обязанъ* былъ принять меня на курсы, и онъ сдѣлалъ только то, что долженъ былъ сдѣлать; но его два письма къ матери, его старанія добиться ея согласія—все это глубоко тронуло меня, и я никогда въ жизни не забуду свѣтлый, благородный образъ дѣйствія Капустина».

Какъ малую дань сердечной благодарности, которую всю жизнь питала Е. А. къ М. Н. Капустину—считаемъ долгомъ нынѣ опубликовать два его письма на имя матери покойной писательницы.

М. Н. П.
 Попечитель
 Санктпетербургскаго
 Учебнаго Округа.
 23 августа 1895 г.

Милостивая Государыня

Александра Егоровна,

Директоръ Высшихъ женскихъ Курсовъ доложилъ мнѣ, что Вы не желаете, чтобы дочь, Ваша Елизавета поступила на означенные курсы.

Подаяя, что такое нежеланіе вызвано репутаціею, которую имѣли нынѣ закрытые Бестужевскіе курсы, считаю долгомъ увѣрить Васъ, что настоящіе Высшіе Курсы не имѣютъ ничего общаго съ прежними. Какъ попечитель округа, я внимательно слѣжу за ходомъ ученія и за поведеніемъ слушательницъ, и съ удовольствіемъ могу свидѣтельствовать, что онѣ отличаются благонаравіемъ и порядочностью. Въ слушательницы, не имѣющія родителей въ Петербургѣ, живутъ въ Коллеіи подъ надзоромъ хорошихъ воспитательницъ. Въ теченіе 5-ти лѣтъ я наблюдаю за курсами и слышу о нихъ вездѣ самыя лучшіе отзывы.

Поэтому я позволяю себѣ надѣяться, что Вы измѣните Ваше рѣшеніе и мнѣніе о курсахъ. Обѣщаю Вамъ, что Вы не будете сожалѣть, если исполните мою просьбу и окажете мнѣ довѣріе. Мои собственныя племянницы находятся на курсахъ, и я вижу большую пользу для нихъ. Буду очень радъ, если Вы дадите Ваше согласіе, которое прошу адресовать на мое имя (Мих. Никол. Капустину, 14, Соляной переул. или въ мою канцелярію).

Съ глубокимъ уваженіемъ и преданностью
 покорный слуга М. Капустинъ.

СПБ. 14, Солян. пер.
 4 сент. 1895.

Милостивая Государыня

Александра Егоровна,

Я имѣлъ удовольствіе получить Ваше письмо. Изъ него, а также изъ письма, полученнаго сегодня на Высшихъ Курсахъ, оказывается, что Вы остаетесь по прежнему при нежеланіи дать Вашей дочери возможность дальнѣйшаго образованія. Справедливо ли это и вѣрно ли говоритъ Вамъ Ваше материнское чувство? Смѣю думать, что нѣтъ.

Если бы выборъ шелъ между Петербургомъ и Ярославлемъ, я былъ бы въ пользу того, чтобы дочь Ваша жила съ Вами. Но теперь дѣло стоитъ такъ, что если бы она не осталась здѣсь, то уѣхала бы въ Швейцарію. Никакая сила не можетъ ее удержать отъ этого шага, о послѣдствіяхъ котораго я не могу подуматъ безъ страха.

Въ извѣстные юды на молодежь нельзя дѣйствовать иначе, какъ любовью. Подождите, пока Ваша дочь, благодарная за возможность учиться, будетъ счастлива выразить эту благодарность заботами о Васъ; но не отталкивайте ее и не дайте повода думать, будто въ Васъ говоритъ не любовь, а черствая воля.

Я не могу не сочувствовать Вашей дочери. Ея стремленіе учиться внушаетъ уваженіе и любовь. Радостно видѣть благородный порывъ молодой жизни къ свѣту, къ добру, къ истинѣ. Не тасите этого огня. Прійдетъ время, онъ согрѣетъ и Васъ, когда Вы увидите, что ученіе возвысило ея любовь къ Вамъ. Сегодня я былъ глубоко тронутъ, видя 657 русскихъ дѣвушекъ, пришедшихъ отовсюду, чтобы получить знанія и сдѣлаться стѣпательницами добра въ русской землѣ. На общей молитвѣ мнѣ казалось, что я слышу благословеніе матерей, въ томъ числѣ и Ваше. Докажите, что любовь матери способна отрѣшиться отъ мимолетнаго чувства и есть истинная, святая; ею и только ею Вы можете овладѣть сердцемъ Вашей дочери.

Прошу вѣрить глубокому уваженію и преданности.

Покорный слуга М. Капустинъ.

Дневникъ Е. Дьяконовой и русская критика.

Первыя изданія «Дневника на Высшихъ Женскихъ Курсахъ» и «Дневника русской женщины» вышли въ свѣтъ во второй половинѣ 1904 года. То было время расцвѣта памятной всѣмъ политической «весны», бурное время культурно-общественнаго и социальнаго обновленія... Въ тѣ дни съ чрезвычайной яркостью выразился огромный интересъ русскаго общества къ политической жизни страны, и вмѣстѣ съ тѣмъ—къ жизни учащейся молодежи, студенчества. Поэтому и Дневникъ курсистки Дьяконовой не могъ не привлечь всеобщее вниманіе и остался среди массы изданныхъ за то время социальнo-политическихъ книгъ и брошюръ весьма замѣтнымъ литературнымъ явленіемъ, несмотря на то, что авторъ Дневника стоялъ внѣ партій.

Русская критика серьезно и въ большинствѣ очень сочувственно отнеслась къ Дневнику—этому «рѣдкому человѣческому документу». Органы столичныхъ газетъ и журналовъ посвятили оцѣнкѣ его многочисленныя статьи, также и пресса провинціальныхъ культурныхъ центровъ не замедлила отозваться цѣлымъ рядомъ газетныхъ фельетоновъ и краткихъ характеристикъ.

Въ настоящее время весь критическій матеріалъ собранъ, и на основаніи его слѣдуетъ заключить, что Дневникъ Е. Дьяконовой разсматривался двоякимъ образомъ: съ его субъективной, психологической стороны, и со стороны объективной, исторической.

«Всякій «человѣческій документъ» слѣдуетъ разсматривать, главнымъ образомъ, съ двухъ точекъ зрѣнія—исторической и біографической или, иными словами, опредѣлить, поскольку и какъ выразилась въ немъ личность автора и что привнесено имъ новаго для характеристики современныхъ историческихъ лицъ и событій».

Такова была «формула» отношенія почти всей критики къ Дневнику, и обѣ ея точки зрѣнія—историческая и психологическая—оказались одинаково ярко выраженными.

Въ нижеслѣдующихъ главахъ сдѣлана попытка сгруппировать (вкратцѣ) какъ то, такъ и другое мнѣніе.

I.

«Дневникъ на Высшихъ Женскихъ Курсахъ является историческимъ документомъ — драгоценнымъ для характеристики умственныхъ теченій и настроеній эпохи, во многихъ отношеніяхъ еще составляющей «сегодняшній день»... О дневникѣ съ увѣренностью можно сказать, что никогда авторъ его не считался съ возможностью посторонняго читателя... Ничего исключительно интереснаго, интереснаго самого по себѣ въ этомъ дневникѣ нѣтъ. Все сводится къ общественно-психологическому интересу жизни обыкновеннаго человѣка. При этомъ интересъ усугубляется тѣмъ, что Дьяконова отнюдь не является «типичнымъ» представителемъ нашей учащейся молодежи... Это не значитъ, что духовная жизнь Дьяконовой привлекаетъ вниманіе своей оригинальностью, богатствомъ содержанія—повторяемъ: она заурядный, средній человѣкъ, и тѣмъ не менѣе она вполнѣ искренно идетъ «своимъ путемъ». И ея дневникъ имѣетъ неоспоримую цѣнность подлиннаго «человѣческаго документа»... Наше безпокойное время такъ мало способствуетъ возможности спокойной и объективной оцѣнки дневника Е. Дьяконовой. Когда для такой оцѣнки настанетъ подходящее время, онъ будетъ признанъ очень важнымъ историческимъ документомъ... И красота духовнаго облика этой, несомнѣнно, типичной русской дѣвушки станетъ общепризнанной, не взирая на ея ошибки и заблужденія». М. Могилянскій. («Кіевскіе Отклики»):

«De ses mains est tombé le livre, dans lequel elle n'a rien lu», — сказалъ бы про нее Мюссе... Дьяконова была не глупа и способна къ занятіямъ, она была, можетъ быть, умнѣе и способнѣе большинства своихъ товарокъ, но по природѣ своей, по слишкомъ малому количеству нитей, связывавшихъ ее съ жизнью другихъ, она могла бы быть счастливой только при безмятежномъ существованіи въ нѣдрахъ родной семьи, только въ положеніи щепки, спокойно лежащей на берегу. Какой-то ферментъ, съ юношескихъ лѣтъ занесенный извнѣ или культивированный дома, развилъ въ ней броженіе, не соответствовавшее ея мирной природѣ. И она попала въ рѣку жизни и, не отходя отъ берега, закружилась и забила въ напрасныхъ потугахъ стать не тѣмъ, чѣмъ она была. Разлившійся потокъ на минуту подхватилъ ее и даровалъ ей жизнь; но она оставалась съ боку движенія и при малѣйшей убыли воды опять очутилась у берега, и опять начались круженье одиночества, безжизненность, тоска...» И. («Русскія Вѣдомости»).

«Сама Дьяконова чувствовала себя «одной изъ многихъ» и

такою, на самомъ дѣлѣ, была. Слабая, безцвѣтная, по-русски пассивная и по-русски искренняя дѣвушка, писавшая дневникъ, внушаетъ симпатію, смѣшанную съ чувствомъ жалости и грусти... Написаны дневники простымъ, наивнымъ языкомъ, который гармонично сливается съ безхитростнымъ и грустнымъ содержаниемъ». Л. В. («С.-Петербургскія Вѣдомости»).

«Главный интересъ автобіографіи Дьяконовой состоитъ именно въ томъ, что есть очень много русскихъ дѣвушекъ, похожихъ на нее, какъ по внутреннему душевному складу, такъ и по внѣшнимъ условіямъ, въ которыхъ совершается ихъ жизненная борьба. Такимъ образомъ, Дьяконова представляетъ собою какъ бы типъ, развивавшійся на общемъ сѣромъ, чеховскомъ фонѣ нашей русской жизни... Научными занятіями она интересовалась сравнительно мало, но постоянно ставила себѣ разные общіе религиозно-философскіе вопросы о Богѣ, о безсмертіи, о нравственномъ идеалѣ, между тѣмъ какъ не только разрѣшеніе, но даже и правильная постановка такихъ вопросовъ едва ли была ей по силамъ...» («Русская Мысль»).

«Мнѣ кажется, самая большая заслуга книги г-жи Дьяконовой сводится именно къ тому, что героиней является не человѣкъ, по своимъ основнымъ свойствамъ широко шагнувшій за предѣлы свойствъ даже недюжинныхъ людей, а именно одна изъ многихъ русскихъ дѣвушекъ, глубоко честныхъ, искреннихъ, правдивыхъ, молчаливыхъ, но стойкихъ и сильныхъ, идущихъ исключительно за влеченіями сердца и подчиняющихся честному убѣжденію души всю свою жизнь, все свое личное счастье. Мнѣ кажется, что огромный смыслъ «Дневника Елизаветы Дьяконовой» сводится именно къ тому, что это не вычурная героиня, не влюбленная въ себя Марія Башкирцева, а скромная, умная, честная русская дѣвушка, понявшая необходимость эмансипироваться отъ мертвящей обстановки полутюремной жизни... «Дневникъ Елизаветы Дьяконовой» — это исторія одной жизни, и исторія одной души. Но эта жизнь, эта душа — не жизнь и не душа Елизаветы Дьяконовой, родившейся въ такомъ-то году и скончавшейся тогда-то. Героиней этого «Дневника» можетъ смѣло назваться и дѣвушка изъ холоднаго Архангельска, и изъ жгучаго Крыма. И коренная русская дѣвушка, и дѣвушка изъ инородцевъ... Сознавала ли это или безсознательно вела свой «Дневникъ» Елизавета Дьяконова, — я не знаю. Но для меня черты ея характера — родовыя и видовыя черты цѣлой массы русскихъ дѣвушекъ. И перипетіи ея жизни — это перипетіи жизни цѣлой массы русскихъ дѣвушекъ, познавшихъ необходимость учиться и развиваться, сознавшихъ необходимость при-

нять — хоть бы въ видѣ молекулъ — активное участіе въ культурно-историческомъ движеніи человѣческаго духа, развитіи человѣческой личности». Протей. («Биржевыя Вѣдомости»).

«Если бы Дьяконова не оставила намъ дневникъ, въ которомъ съ подкупающей правдивостью и простотой отмѣтила все, что ей казалось заслуживающимъ занесенія на его страницы, — были ли это собственныя душевныя настроенія, или событія, соприкасавшіяся съ кругомъ тѣхъ интересовъ, въ которые она погрузилась съ головой, — то имя этой дѣвушки... вѣроятно, затерялось бы безслѣдно. Но въ дневникѣ сказалась такая интересная, такая яркая страница изъ исторіи женскаго самосознанія, что каждый, кто займется вопросомъ о судьбахъ русской женщины на грани между минувшимъ и настоящимъ вѣкомъ, не въ правѣ будетъ обойти и записокъ Елизаветы Дьяконовой». Н. Н. В—ль. («Новое Время»).

«Передъ нами дневникъ бестужевки, курсистки второй половины 90-хъ годовъ. Типиченъ ли онъ какъ характеристика женской молодежи этихъ годовъ? Найдемъ ли мы въ немъ черты, специально выдѣляющія эти годы, какъ особый историческій моментъ? Нѣтъ! Безусловно не найдемъ... Вниманіе Елизаветы Дьяконовой поглощено курсовыми дѣлами, лекціями, вопросами вѣры и религіи, философійей, даже голодающими, даже женской эмансипаціей. Но все это не связано никакой глубокой идеей, не окрашено ни малѣйшимъ политическимъ смысломъ... Процессъ созиданія идеала можетъ быть — для человѣка безъ друзей, какимъ была Дьяконова, — только въ свободной школѣ и въ свободной странѣ. При этихъ условіяхъ жизни, дневникъ хотя и средней курсистки, несомнѣнно отразилъ бы инныя мысли и инныя интересы... Вторая часть, «Дневникъ русской женщины», не имѣетъ права быть озаглавленной такимъ образомъ. Бредъ нервнобольного человѣка не можетъ быть типомъ нормальной жизни и никоимъ образомъ не можетъ характеризовать русской женщины. Любовь, окрыляющая человѣка нормальнаго, превращаетъ автора книги во что-то свихнувшееся, экстравагантное... Но, отдавъ долгъ ея страданію, хочется облегченно вздохнуть и сказать: — Долой узость личной жизни! — Да здравствуетъ участіе въ борьбѣ и въ живыхъ общественныхъ стремленіяхъ! Заря грядущей жизни... обѣщаетъ вывести на большую дорогу... Тамъ падутъ оковы женскаго рабства!» Н. Ценковская. («Правда»).

«Не часто приходится имѣть дѣло съ такимъ законченнымъ «человѣческимъ документомъ», съ такой свободной и прямой исповѣдью молодой души... Но правды много въ дневникѣ этой

бѣдной русской дѣвушки, столь одаренной отъ природы, столь жадной къ жизненнымъ впечатлѣніямъ... Однимъ Дьяконова можетъ показаться чудачкой и исключеніемъ, другимъ—оригинальною безцвѣтностью; объ ея личномъ характерѣ возможны споры, едва ли нужные. Но ея типичность внѣ спора. И когда будущему историку понадобится документъ для опредѣленія настроеній русской средней интеллигентной дѣвушки на грани двухъ вѣковъ, пережитой нами, онъ найдетъ его въ дневникахъ Дьяконовой. Это будетъ документъ—не больше. Онъ потребуетъ критики и сопоставленія съ другими современными свидѣтельствами, но свѣдѣнія, которыя онъ дастъ, будутъ цѣнны. И если нуженъ будетъ моральный приговоръ, то онъ будетъ въ пользу автора и представляемаго имъ типа, онъ будетъ новымъ лучемъ въ ореолъ, которымъ мы привыкли окружать русскую передовую дѣвушку». А. Г. («Сынъ Отечества»).

«Я—новый человѣкъ, и моя обновленная жизнь требуетъ новыхъ людей»—говоритъ Дьяконова. Нѣтъ, не новый человѣкъ, а неудавшаяся, неосуществившаяся возможность новаго человѣка. Въ этой дѣвушкѣ были всѣ элементы для организаціи новаго человѣка, но они не вышли изъ потенциальнаго состоянія, и вся масса энергіи была затрачена на ту злосчастную работу саморазрушенія специально-русскимъ изувѣрскимъ самоанализомъ, которая истерла много подобныхъ возможностей, стиснутыхъ гнетущимъ укладомъ жизни безотрадной изсушающей эпохи идейнаго бездорожья... При всей своей неопредѣленности, беспочвенности, безличіи, Дьяконова была все же слишкомъ сложной натурой для того, чтобы жить растительной жизнью,—для иной же жизни у нея не было данныхъ. Постоянно одинокая, она искала, вѣрнѣе—желала «людей», но «люди» въ это время выходили на работу, они спѣшили, боясь опоздать, и въ предразсвѣтной мглѣ не замѣтили робкой одинокой фигуры дѣвушки съ широко раскрытыми глазами... Что станетъ съ ея книгой? Теперь пока она съ надписью «*Caueant consules*» займетъ видное мѣсто въ бібліотекѣ ея младшихъ сестеръ, а потомъ за ней останется единственное значеніе — грустнаго историческаго документа, свидѣтельствующаго великія страданія ея «поколѣнья, проклятаго Богомъ». (П. Я.). Леон. Гиринскій. («Сѣверный Край»).

II.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, приговоръ Дневнику Е. Дьяконовой съ точки зрѣнія общественно-исторической. Но болѣе многочисленная группа писателей, не довольствуясь этой темой, по-

ставила цѣлью критики личность самой Дьяконовой, анализируя ея Дневникъ какъ результатъ «страстнаго, сильнаго духа, недюжиннаго ума и крупнаго литературнаго таланта».

«Я глубочайшимъ образомъ убѣжденъ, что черезъ многія сотни лѣтъ, когда люди сумѣютъ хоть немного уладить свои житейскія матеріальныя бѣды, научатся жить вмѣстѣ такъ, какъ живутъ хотя бы лучшіе изъ звѣрей, тогда настанетъ царство душевное. У человѣка будетъ и время, и желаніе поразобратъ въ томъ, въ чемъ теперь мы разбираться не поспѣваемъ: въ самомъ себѣ. И вотъ тогда, по инициативѣ всего міра, будетъ основана гигантская бібліотека, въ которую каждый житель земли долженъ будетъ сдѣлать свой вкладъ: книгу своей жизни... Вопросъ, конечно, въ томъ, насколько значителенъ, воспримчивъ каждый человѣкъ и сколько собственныхъ мыслей вызоветъ въ немъ совершающаяся вокругъ него жизнь. Но за одну-то мысль, за одно слово, можетъ поручиться каждый изъ насъ. И эту мысль, это слово каждый долженъ сказать, записать, передать наступающему поколѣнію. Иначе жизнь этого человѣка потеряна для бытія безвозвратно... Такимъ «словомъ», по-моему, является и дневникъ Елизаветы Дьяконовой. Исключительный по простотѣ и правдивости, онъ цѣликомъ передаетъ читателю ея душу». А. Зенгеръ. («Русь»).

«— Несчастный отецъ! Нѣтъ у меня негодованія противъ тебя. Ты не вѣдалъ, что творилъ»... Ибсеновская драма, обошедшая міръ,—лишь грустный анекдотъ въ сравненіи съ безсмертной драмой, заложенной въ этихъ простыхъ строкахъ «Дневника». Когда-нибудь—будемъ надѣяться—сойдетъ просвѣтленіе на человѣка, и онъ съ ужасомъ вспомнитъ о многочисленныхъ жертвахъ своей разнузданности... И тогда яркая драма Ибсена найдетъ себѣ мѣсто въ музеѣ среди отжившихъ, мучительныхъ воспоминаній, а приведенныя строки ярко засіяютъ надъ обновленнымъ чело-вѣчествомъ, какъ возставшая, единственная и всесвѣтная религія,—Богъ любви, проникновенія и всепрощенія... Я весь подъ впечатлѣніемъ прочитанной книги, этой удивительной исповѣди жившаго рядомъ съ нами человѣка. Объ этой книгѣ—объ этой жизни, разрѣзанной на страницы, раздробленной на слова, можно бы говорить безъ конца... «Дневникъ» скоро найдетъ себѣ достойнаго оцѣнщика, который поставитъ его, какъ литературное произведеніе, рядомъ съ другимъ «Дневникомъ» русской женщины—Дневникомъ Маріи Башкирцевой. Федоръ Фальковскій. («Новости»).

«Дневникъ» Дьяконовой — замѣчательная вещь. Читая его,

лишній разъ убѣждаешься, какіе мы всѣ жалкіе кроты, какъ мы тупо-близоруки, лишены чутья. Жалуемся на жизнь, на скуку и сѣрость ея, на отсутствіе красоты въ ней, а красота эта рвется, стучится въ жизнь, проситъ пріюта, ищетъ мѣста, и, не найдя себѣ отклика, измученная, разбитая, больная умираетъ. И весь «Дневникъ» Дьяконовой есть исторія одинокаго умиранія...

«На страницахъ послѣдняго тома «Дневника» выступаетъ новый, самый могучій и талантливый писатель—сердце, сердце чистой, любящей и, я прибавлю еще, *русской*, тургеневской дѣвушки. Тутъ дальше идетъ уже какъ бы не дневникъ, а одно сплошное, на сотнѣ страницъ подернутое дымкой глубокой и скорбной грусти, чудное стихотвореніе въ прозѣ...

«Тургеневъ писалъ: «Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины,—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! —Не будь тебя,—какъ не впасть въ отчаяніе при видѣ всего, что совершается дома?—Но нельзя не вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ *данъ* великому народу!» Я всегда восторгался и ободрялся этими словами Тургенева... И вѣра въ эту великую народную душу давала нравственныя силы... Такое нравственное успокоеніе и утѣшеніе дало мнѣ и стихотвореніе въ прозѣ Дьяконовой, послѣдній томъ ея «Дневника»... Мнѣ было больно, мѣстами нестерпимо больно за эту чудную страдающую душу русской дѣвушки, но меня вмѣстѣ приводило въ восторгъ сознаніе, что *такая* душа была, что такія души есть и что это—душа *русской* интеллигентной дѣвушки...

«Грустный, ужасный конецъ. Развѣ въ жертву смерти, а не на подвигъ жизни пригодна была разбитая душа? Проклятіе тѣмъ условіямъ жизни, среди которыхъ не могутъ жить прекрасныя и благородныя души, и да загорится, наконецъ, новая жизнь, при которой все живое, все чистое и все свѣтлое будетъ жить и крѣпнуть, а не гибнуть и разбиваться. Живыя души нужны жизни, а имъ нужна «живая жизнь». Я. Усмовичъ («Русское Слово»).

В. Розановъ, считая «Дневникъ» Е. Дьяконовой «одной изъ самыхъ привлекательныхъ русскихъ книгъ по ея чистому и всеоживляющему тону, по множеству непосредственныхъ, «изъ природы» наблюдений»,—въ своей статьѣ о «Женскомъ университетѣ въ Москвѣ» говоритъ:

«Женщины—вѣчные популяризаторы, талантливейшіе. Безъ помощи ихъ специально мужское образованіе останется какимъ-то не-ходкимъ, безкрылымъ, тяжеловѣснымъ, коснымъ. Поэтому

если новый женскій университетъ и не дастъ намъ Ломоносовыхъ или Менделѣевыхъ, которыхъ совершенно и не нужно ждать, то онъ дастъ нѣчто большее: такое же подвижное, живое, благородно-веселое общество, каковое было въ Греціи передъ зарею христіанства и было во Франціи, Италіи, Германіи и всюду въ Европѣ въ пору Возрожденія.

«Прочитайте два тома интереснѣйшаго «Дневника» г-жи Дьяконовой, бывшей слушательницы Высшихъ Женскихъ Курсовъ. Во-первыхъ, до чего все это русское, «Русью пахнетъ», если сравнить этотъ непритязательный «Дневникъ» съ гениально-порочнымъ «Дневникомъ» полуфранцуженки Башкирцевой. Сколько здѣсь разлито души, дѣла, задумчивости; какія прекрасныя страны посвящены религіи, размышленіямъ о смерти. Сколько заботы о народѣ, о дѣтяхъ, о семьѣ,—заботы не фактической (по безсилію), но по крайней мѣрѣ въ душѣ. Все это ей дали или точнѣе въ ней пробудили «курсы», куда ее не хотѣли пустить... Черезъ рядъ хитростей... дѣвушка вырвалась на волю и, занявшись высшимъ образованіемъ, превратилась изъ наивнаго ребенка въ ту задумчивую, размышляющую и серьезную душу, которая отражается въ «Дневникѣ» ея. Десятки и наконецъ сотни и наконецъ тысячи такихъ блуждающихъ по Россіи, по ея уѣздамъ и губерніямъ и, наконецъ, по заграничѣ душъ засвѣтятъ всюду тотъ фосфористый и мягкій свѣтъ, какой бросаютъ отъ себя кометы, эти тускляя и длинныя тѣла съ загадочнымъ ходомъ и загадочной природы. Зачѣмъ только солнца, непремѣнно и все солнца?» («Новое Время»).

«Если интересъ всякаго дневника заключается не столько въ изображеніи событій, сколько въ томъ, какъ авторъ переживалъ ихъ собственной душой, то дневники г-жи Дьяконовой богаты и фактическимъ матеріаломъ, и внутренней работой писательской души. Но въ какой мѣрѣ, положимъ, дневникъ Башкирцевой проникнутъ самолюбованіемъ и рисовкой, въ той же мѣрѣ «дневники» Елизаветы Дьяконовой исполнены прямоты и строгаго отношенія автора къ себѣ самой... Что касается парижскаго дневника, то въ немъ живо изображено французское студенчество, наши соотечественники за границей, а главное—ея личный романъ безъ взаимности... Но и эта платоническая страсть рисуетъ намъ еще болѣе благородный и мечтательный типъ дѣвушки, встрѣчающійся все рѣже и рѣже въ наше время... Мечты Дьяконовой «онародиться» вмѣстѣ съ любимымъ человѣкомъ и одухотворить общественнымъ идеаломъ свою личную жизнь разбилась въ тотъ моментъ, когда Дьяконова убѣдилась, что ея

герой въ отношеніи женщины «такой же, какъ и всѣ французы». На самомъ нѣжномъ и сильнѣйшемъ чувствѣ были подорваны ея силы къ жизни... Если правъ Л. Н. Толстой, когда говоритъ, что «писатель дорогъ и нуженъ намъ только въ той мѣрѣ, въ которой онъ открываетъ намъ внутреннюю работу души», то дневники г-жи Дьяконовой, независимо отъ фактическаго матеріала объ умственной жизни русской молодежи, знакомятъ насъ съ оригинальной, идеалистически настроенной женской душой, полной мудрости и страданій... А. Фаресовъ. («Историч. Вѣст.»).

«Что такое жизнь? Жизнь есть творчество,—отвѣтила бы я, если бъ мнѣ кто-нибудь задалъ такой вопросъ. Творчество непрерывное, въ немъ радость, въ немъ счастье»... Къ этому выводу, высказанному въ одну изъ спокойныхъ минутъ размышленія о жизни, пришла Дьяконова послѣ непрерывнаго ряда болѣзненныхъ сомнѣній, исканій и порывовъ. Надѣленная тонкой и впечатлительной душою, необыкновенной способностью самоанализа, беспощадно-совѣстливаго въ стремленіи разобраться въ протіворѣчіяхъ дѣйствительности и идеала, она имѣла всѣ данныя стать одной изъ лучшихъ участницъ въ творческой работѣ жизни, какъ она ее понимала. «Человѣкъ долга и отвѣтственности передъ самимъ собой»... покойная Е. А. была вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣкомъ широкаго общественнаго запроса. Она была одарена удивительной ясностью мысли, помогавшей ей формулировать для себя самой поразительно мѣтко и вмѣстѣ съ тѣмъ просто самые сложные вопросы, и нѣтъ сомнѣній, что она нашла бы естественный, честный и разумный выходъ изъ мучившихъ ее протіворѣчій, отдавшись творческой работѣ жизни, если бы судьба, въ числѣ прочихъ благъ, послала ей необходимѣйшее — здоровье, которое было у нея подточено печальной, «специфической» наслѣдственностью и подорвало силы». («Вѣстникъ Европы»).

«Въ пустынныхъ степяхъ аравійской земли...»—въ пустынныхъ горахъ книгъ, ежедневно выходящихъ на русскомъ языкѣ, давно уже не было ничего столь прекраснаго, столь искренняго, столь жизненнаго, какъ «Дневникъ русской женщины». Дневники—труднѣйшая литературная форма вообще. Всемирная литература очень не богата дневниками, которые могли бы претендовать на цѣнность и интересъ. *Сочиненные* дневники даже подъ перомъ талантливѣйшихъ авторовъ обыкновенно бываютъ лишены самаго главнаго—несомнѣнной правды. Самый гениальный, самый художественный вымыселъ въ конечной своей цѣли имѣетъ вѣдь воссозданіе жизненной правды. Такъ насколько же

интересна эта правда сама! Обыкновенно, впрочемъ, въ дневникахъ-то и не бываетъ правды. Самый искренній человекъ въ дневникѣ не можетъ избѣжать рисовки—хотя бы передъ самимъ собой. Это—почти законъ природы... Совсѣмъ другое впечатлѣніе даетъ дневникъ Дьяконовой. *Эта* женская душа сразу привлекаетъ читателя своей прекрасной чистотой, нѣжной безпомощностью страданія, скромностью и энергіей, дѣвственностью любви и грустью одиночества—созданнаго не мечтами о принцѣ, какъ у Башкирцевой, но великимъ общечеловѣческимъ чувствомъ—жаждой любви. Тихая трагедія Дьяконовой такъ близка и понятна!... Романъ ея съ докторомъ-иностранцемъ—печальный романъ, едва мыслимый въ наше время. Ни одинъ, я глубоко вѣрю въ это,—ни одинъ беллетристъ не создалъ бы теперь такого чистаго, такого грустнаго романа. Это — апоѳеозъ любви... Ты—безъ грѣха и безъ укора, русская женщина! Поклонь тебѣ до земли! Не пресѣклась преемственность отъ женщинъ Пушкина, Гончарова, Тургенева, Толстого — до нашихъ дней. Елизавета Дьяконова—плоть отъ плоти ихъ и кость отъ кости ихъ. Ея кристальная душа—несомнѣнно—*новой* русской женщины—была наслѣдницей ихъ прекрасныхъ душевныхъ сокровищъ. Безъ мучительной сердечной боли нельзя читать эту драму—и нельзя примириться съ гибелью этой чудной дѣвушки». («Приазовск. Кр.»).

III.

Въ критическихъ отзывахъ, какъ это уже можно замѣтить, весьма часто встрѣчается сравненіе Елизаветы Дьяконовой съ знаменитой Маріей Башкирцевой. Къ сожалѣнію, эта чрезвычайно интересная во многихъ отношеніяхъ литературная параллель не получила своевременно въ русской журналистикѣ самостоятельной разработки. Но такое обстоятельство можно объяснить болѣе самымъ моментомъ появленія Дневника Е. Дьяконовой—въ дни знаменательныхъ политическихъ событій, — чѣмъ отсутствіемъ или нежеланіемъ критики.

Вотъ еще нѣсколько характерныхъ замѣчаній по этому поводу.

«Невольно вспоминается другая русская дѣвушка, «анормальное существо, которое появляется въ той или другой странѣ одинъ или два раза въ поколѣніе», говоря словами Гладстона. На 4 года жизнь Башкирцевой была короче жизни Дьяконовой, но какая разница въ содержаніи жизни этихъ двухъ сестеръ... Одна съ блистательными всесторонними дарованіями, волнуемая

«чудовищными по силѣ и дѣятельности» чувствами, съ невѣроятной энергіей, захватывающей все, что можно было захватить, сгорѣла на порогѣ заслуженной славы; другая—6 лѣтъ изо дня въ день пыталась нащупать почву, не рѣшаясь, однако, твердо ступить куда-нибудь,—6 лѣтъ пыталась и истаяла, не пойдя дальше попытки. Башкирцева погибла бы, навѣрное, и безъ чахотки, погибла бы потому, что ея безумно напряженная, беспорядочная, но вмѣстѣ съ тѣмъ колоссальная затрата энергіи не могла не испепелить хрупкаго 23-лѣтняго организма. Дьяконова—покончила съ собой, потому что не нашла для себя мѣста въ жизни; она постоянно чувствовала себя лишней, ненужной и, наконецъ, ушла». Леон. Гиринскій. («Сѣверный Край»).

«Талантливая, много общавшая, оригинальная Башкирцева вмѣстѣ съ талантливостью, оригинальностью и прочими положительными качествами обнаружила въ своемъ дневникѣ и немалую дозу тщеславія, эгоизма, изломанности; она вся полна думами и мечтами объ успѣхахъ, о славѣ, о первенствѣ надъ людьми. Дьяконова не говоритъ и не думаетъ объ извѣстности, въ ней нѣтъ тщеславія; о бьющемъ въ глаза эгоизмѣ не можетъ быть и рѣчи. И однако, если вы пожелаете узнать, кто проявляетъ больше интереса къ людямъ, кто чаще думаетъ о нихъ, кто болѣе общителенъ, вы должны будете признать, что во всемъ этомъ Башкирцева возьметъ перевѣсъ надъ Дьяконовой. Тщеславіе и стремленіе къ славѣ сами по себѣ требуютъ усиленнаго вниманія къ мнѣнію другихъ. Тщеславный человѣкъ интересуется жизнью сосѣда, потому что сосѣдъ для него—не ничтожная величина, а нѣчто, съ чѣмъ надо считаться для собственнаго преуспѣянія... Съ этой точки зрѣнія Башкирцева, несомнѣнно, заботилась о людяхъ. Она была связана съ ними крѣпкими нитями, и безъ такой связи нельзя представить себѣ ея существованія. Люди входили необходимымъ элементомъ въ ея мечты о будущемъ устройствѣ жизни... И этимъ дѣятельнымъ стремленіемъ къ закрѣпощенію своей связи съ людьми Башкирцева неизмѣнно притягивалась къ землѣ и къ жизни; она горѣла жизненностью и, вѣроятно, осталась бы живой всегда, сколько бы ни прожила. Въ Дьяконовой съ самой той минуты, какъ она знакомитъ насъ со своей личностью, живетъ отчужденіе отъ людей. Она не имѣетъ интереса къ нимъ и въ этомъ сходится съ очень большимъ числомъ мужчинъ и женщинъ, не оканчивающихъ, однако, жизнь такъ трагически, какъ она. Но причина ея несчастья и основной мотивъ, приведшій къ конечной катастрофѣ, заключаются именно въ глубокомъ индифферентизмѣ къ существованію другихъ

и неизбѣжномъ вслѣдствіе этого баюканьѣ собственной отчужденности отъ міра». И. («Русскія Вѣдомости»).

«Покойная Елизавета Дьяконова задалась тою же цѣлью, что и Марія Башкирцева,—написать «дневникъ», который послужилъ бы «фотографіею женщины», но у Башкирцевой получились негативы нѣсколько драматизированныхъ, театральныхъ позъ, тогда какъ Дьяконова вѣрна правдѣ и реальна до послѣдняго штриха. Судьба и обстоятельства жизни этихъ двухъ выдающихся русскихъ дѣвушекъ хотя и нѣсколько различны, но ихъ эксцентричная талантливость одинакова. Обѣ онѣ стремились къ какому-то призрачному, высокимъ и далекимъ для жителей земли, какъ чуждыя планеты, идеаламъ, и обѣ трагически погибли, принеся себя имъ въ жертву». Одиссей. («Петербургская Газета»).

«Дневникъ—сама искренность; въ этомъ отношеніи онъ антиподъ литературному кокетничанію Маріи Башкирцевой передъ зеркаломъ общественности—онъ искрененъ до такой степени, что невозможно себѣ представить его появленіе въ свѣтъ при жизни автора. Только послѣ трагическаго конца его автора въ горахъ Тироля стало возможно сдѣлать этотъ «завѣтный міръ души моей» достояніемъ публики». Гребнезоръ. («Севастоп. Вѣст.»).

«Интересъ дневника Дьяконовой заключается не въ томъ, чтобы авторъ его былъ особенно выдающеюся или талантливою личностью; напротивъ, Е. А. Дьяконова была «одна изъ многихъ», какъ она сама себя называетъ въ первой части дневника. Въ этомъ отношеніи ея дневникъ не можетъ быть сравниваемъ съ извѣстнымъ дневникомъ талантливой Маріи Башкирцевой, но зато онъ превосходитъ послѣдній своей простотой и отсутствіемъ всякой показности». («Русская Мысль»).

А. Д.

The first part of the document is a list of names and titles, including:

 1. [Name], [Title]

 2. [Name], [Title]

 3. [Name], [Title]

 4. [Name], [Title]

 5. [Name], [Title]

 6. [Name], [Title]

 7. [Name], [Title]

 8. [Name], [Title]

 9. [Name], [Title]

 10. [Name], [Title]

 11. [Name], [Title]

 12. [Name], [Title]

 13. [Name], [Title]

 14. [Name], [Title]

 15. [Name], [Title]

 16. [Name], [Title]

 17. [Name], [Title]

 18. [Name], [Title]

 19. [Name], [Title]

 20. [Name], [Title]

 21. [Name], [Title]

 22. [Name], [Title]

 23. [Name], [Title]

 24. [Name], [Title]

 25. [Name], [Title]

 26. [Name], [Title]

 27. [Name], [Title]

 28. [Name], [Title]

 29. [Name], [Title]

 30. [Name], [Title]

 31. [Name], [Title]

 32. [Name], [Title]

 33. [Name], [Title]

 34. [Name], [Title]

 35. [Name], [Title]

 36. [Name], [Title]

 37. [Name], [Title]

 38. [Name], [Title]

 39. [Name], [Title]

 40. [Name], [Title]

 41. [Name], [Title]

 42. [Name], [Title]

 43. [Name], [Title]

 44. [Name], [Title]

 45. [Name], [Title]

 46. [Name], [Title]

 47. [Name], [Title]

 48. [Name], [Title]

 49. [Name], [Title]

 50. [Name], [Title]

 51. [Name], [Title]

 52. [Name], [Title]

 53. [Name], [Title]

 54. [Name], [Title]

 55. [Name], [Title]

 56. [Name], [Title]

 57. [Name], [Title]

 58. [Name], [Title]

 59. [Name], [Title]

 60. [Name], [Title]

 61. [Name], [Title]

 62. [Name], [Title]

 63. [Name], [Title]

 64. [Name], [Title]

 65. [Name], [Title]

 66. [Name], [Title]

 67. [Name], [Title]

 68. [Name], [Title]

 69. [Name], [Title]

 70. [Name], [Title]

 71. [Name], [Title]

 72. [Name], [Title]

 73. [Name], [Title]

 74. [Name], [Title]

 75. [Name], [Title]

 76. [Name], [Title]

 77. [Name], [Title]

 78. [Name], [Title]

 79. [Name], [Title]

 80. [Name], [Title]

 81. [Name], [Title]

 82. [Name], [Title]

 83. [Name], [Title]

 84. [Name], [Title]

 85. [Name], [Title]

 86. [Name], [Title]

 87. [Name], [Title]

 88. [Name], [Title]

 89. [Name], [Title]

 90. [Name], [Title]

 91. [Name], [Title]

 92. [Name], [Title]

 93. [Name], [Title]

 94. [Name], [Title]

 95. [Name], [Title]

 96. [Name], [Title]

 97. [Name], [Title]

 98. [Name], [Title]

 99. [Name], [Title]

 100. [Name], [Title]

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

НАСТІВ ПЕРВА

ДНЕВНИКЪ
ОДНОЙ ИЗЪ МНОГИХЪ.
1886—1895 г.

«Я не хотѣла бы умереть, не оставивъ послѣ себя никакого слѣда на землѣ; это желаніе безумно съ моей стороны, но... что же дѣлать, я пишу правду. Пусть хоть немножко моя личность не будетъ забыта, пусть хоть въ этомъ дневникѣ сохранится отчасти мое «я» со всѣми волнующими его мыслями. Впрочемъ, я — маленькій человѣкъ, и кому могу быть интересной?...»

(«Дневникъ», 17 іюня 1892 г.).

ДНЕВНИКЪ
ОДНОГО ИЗЪ МОЛНІЯ
1886—1887

*Печатается, какъ и предыдущее изданіе, значи-
тельно сокращеннымъ отъ подлинника въ его несущественныхъ подробностяхъ, многочисленныхъ эпизодахъ, характеристикахъ и общихъ замѣчаніяхъ.*

1886 годъ.

МОЙ МАЛЕНЬКІЙ ДНЕВНИКЪ.

Нерехта, 31 мая. О, Боже мой! Что за день былъ сегодня! Этотъ день для меня важный, потому что я получила хорошій аттестатъ — плодъ моихъ трудовъ за два года. Мнѣ всего только одиннадцать лѣтъ, я поступила во второй классъ Нерехтской Маріинской женской прогимназіи. Итакъ, сегодня, въ субботу, должна была рѣшиться судьба 16 человѣкъ! Немногіе изъ этого числа остались, всего пять-шесть, остальные вышли. Послѣ раздачи наградъ и аттестатовъ наступило время разстаться. Я живо помню, какъ мы собрались въ умывальной, и всѣ заплакали. Только учителя и начальница смотрѣли на это разставанье равнодушно, а нѣкоторые изъ публики насмѣхались надъ нами. Я была подругой Мани, и, прощаясь, мы такъ разрыдались, что, кажется, только каменный человѣкъ равнодушно смотрѣлъ бы на эту картину. Не такія мы дѣвочки, чтобы не плакать о подругахъ, какъ думаютъ учителя! Да, много слезъ было пролито, много было обниманій и цѣлованій! — «Никогда я тебя не забуду, пиши, ради Бога, чаще» — слышалось сквозь слезы и рыданія Мани. Классныя дамы чуть не плакали, глядя на насъ. Милыя подруги, всѣ мы другъ друга любимъ, но можетъ быть никогда не увидимся!

Мама говоритъ, что меня отдадутъ учиться въ Сиротскій домъ въ Ярославль. Тамъ живетъ моя бабушка, мнѣ будетъ хорошо.

15 августа. Долго, очень долго я не говорила съ тобой, мой миленькій дневникъ. Цѣлыхъ 2 $\frac{1}{2}$ мѣсяца. Такое время для меня очень долгое, а между тѣмъ я не могла писать, потому что боялась, чтобы не увидала мама или гувернантка. Если онѣ увидятъ, то будетъ плохо. Вѣдь я пишу скверно, будутъ смѣяться. Но надо писать. Сегодня мое рожденіе, съ этихъ поръ я буду писать

аккуратно каждый день или каждую недѣлю. Мамочка завтра повезетъ меня въ гимназію, я уже все уложила и готова въ дорогу. Можетъ быть я вернусь домой, не знаю. Если не вернусь,—прощай, милая Нерехта, сестры и мама, домъ, садъ и рѣка Солоница!

Н. В. Какъ бы не забыть сдѣлать себѣ для дневника новую тетрадь и очинить карандашъ...

12 лѣтъ!!!

Ярославль, 18 августа. Милый дневникъ, меня приняли въ 4-й классъ! Мама рада, а я не знаю—радоваться-ли мнѣ или нѣтъ. Сегодня утромъ меня привезли сюда, въ гимназію. Какъ скучно безъ мамы и безъ бабушки! Сестры, братья далеко. Я не испугалась множества дѣвочекъ; напротивъ, мнѣ стало легче, но, все-таки, безъ мамы жить трудно и скучно.

21 сентября. Познакомилась съ одной воспитанницей 6-го класса Маней Л. У нея есть большой секретъ, который знала только Маня Б., а сегодня и я узнала, что она любитъ Маню Д. Милая Маруся, измучили мы ее совсѣмъ. На меня сейчасъ разсердилась, и я убѣждала сюда писать.

22 октября. Опять, опять я долго не писала, милый дневникъ! Самое названіе дневникъ происходитъ отъ слова ежедневно, а я развѣ каждый день пишу? Много бы, очень, очень много надо написать сюда, но некогда. Всѣ эти дни были полны сомнѣній, тревоги за себя и за другихъ и радости, которой, впрочемъ, было немного... Зачѣмъ подруги скрываютъ отъ меня все, все? Съ тобой, мой милый дневникъ, съ однимъ тобой могу я говорить! И знаю, что хоть отъ этого мнѣ легче. Ты—тайна для всѣхъ, даже и для мамы...

1887 годъ.

Нерехта, 4 января. Новый годъ. Мы его не встрѣчали, мама за послѣднее время то довольна, то нѣтъ... Скоро мы уѣзжаемъ жить изъ Нерехты въ Ярославль... Папа очень боленъ... Боже, что я тамъ буду дѣлать? Еще зиму прожить въ городѣ ничего, кромѣ того, въ учебномъ заведеніи, но лѣтомъ, что тамъ дѣлать лѣтомъ? Я такъ привыкла къ чистому свѣжему воздуху, а въ Ярославль?! Въ эти святки вмѣсто того, чтобы веселиться, наблюдаешь во-

кругъ себя недовольныхъ сестеръ, братьевъ, укладку вещей и прислугу, вѣчно занятую. Теперь все чаще и чаще приходится видѣть, какъ пустѣютъ комнаты...

...Сейчасъ ударили три раза въ колоколь: о. Петръ, нашъ духовникъ, умеръ. Вчера еще кого-то хоронили. Господи, что же это? Зачѣмъ, зачѣмъ всѣ эти покойники, пожаръ, выѣздъ изъ родины? Больше всего боюсь: вдругъ умретъ папа, доктора говорятъ, что онъ дольше недѣли не проживетъ. Мнѣ его очень жаль, мнѣ страшно, я боюсь, сама не зная чего... Не знаю, что теперь дѣлать? Эта укладка вещей, внезапный переѣздъ—все мнѣ кажется смутнымъ сномъ. Сознаю я одно: не увижу я больше Нерехты, послѣдній разъ теперь дома...

10 января. Сейчасъ отсоборовали папу. Не могу передать того чувства, которое овладѣло мною, когда я вошла въ его комнату. Мнѣ хотѣлось плакать, но я не могла, что-то сдавило мнѣ горло. Забывшись, я держала свѣчу почти надъ головой, и бабушка меня много разъ поправляла. Какъ не совѣстно Надѣ, она стояла въ другой комнатѣ, пока соборовали папу, и все время плакала. Что это за нервы некстати. Ужъ лучше бы молилась.

Боже мой, зачѣмъ ты меня не взялъ къ себѣ, вѣдь я такой человекъ, котораго «убыль его никому не больна, память о немъ никому не нужна» — невольно пришли на мысль стихи Никитина или Некрасова, не знаю.

12 января. Теперь, когда я уѣзжаю, можетъ быть, надолго изъ Нерехты, я должна дать себѣ отчетъ въ томъ, какъ я провела Рождество. Нельзя сказать, что весело, а нельзя сказать, что и скучно. Весело быть не могло потому, что мы собирались уѣзжать, и боленъ папа. Скучно же не могло быть потому, что я была рада увидѣться съ сестрами и братьями. Кажется, всѣ были рады моему приѣзду, и день-два все шло хорошо. Но, Боже, что стало потомъ! Драки, ссоры, слезы, все это пришло въ дѣйствіе. Я часто ссорюсь съ Валею. Охъ, ужъ эта Валя! Мнѣ кажется, что она похожа на крючокъ: уколоть кого-нибудь язвительнымъ словомъ, замѣтить что-нибудь, потомъ насмѣхаться—вотъ милыя привычки моей младшей сестрицы. Что касается до моей другой сестры, Нади, то сплетни, пересказы разныхъ городскихъ кумушекъ составляютъ ея любимую сферу. Теперь, когда я замѣтила всѣ дурныя стороны моихъ сестеръ, надобно сказать и о своихъ. Я страшно вспыльчива, нетерпѣлива, упряма, и съ этими тремя прекрасными качествами мнѣ приходится жить среди такихъ се-

стеръ, которыхъ характеры рѣшительно не походятъ на мой. Онѣ обѣ не вспыльчивы, обѣ терпѣливы, но... обѣ упрямы, даже, можетъ быть, больше меня. Ну, теперь можно-ли сказать, что я прожила здѣсь весело? Ни въ какомъ случаѣ. Всѣ дни, исключая счастливыхъ часовъ, которые я была съ мамой и въ дружбѣ съ сестрами и братьями,—были какой-то передрагой, мучительной, безтолковой.

Прощай, дорогая, милая Нерехта, прощайте всѣ подруги, всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ я проводила счастливейшія минуты моей жизни!...

1888 годъ.

Ярославль, 2 января. Снова начинаю дневникъ, цѣлыхъ 4 мѣсяца ничего не писала... Мнѣ нисколько не скучно дома одной, напротивъ—очень весело. Сейчасъ только что я кончила игру на роялѣ, и когда играла «Зеленый Островъ», то мнѣ послышались слова: жизнь вся еще впереди. Это вѣрно. Я начинаю думать, что всякій самый скучный этюдъ можетъ что-нибудь говорить...

4 января. Сегодня годъ, какъ умеръ о. Петръ. Какъ много измѣнилось за это время! И я сама не та, что прежде, а гораздо хуже. И какъ не испортиться характеру, если приходится постоянно сердиться то на братьевъ, то на сестеръ. Правда, я прежде была лучше, теперь я все возражаю мамѣ. Но... не возражать ей невозможно, потому что мама противорѣчитъ сама себя на каждомъ шагу.

Мои милые братцы съ каждымъ днемъ становятся хуже, въ особенности Володя; онъ портитъ Сашу, я это вижу, мнѣ страшно за Сашу и... ничего не могу сдѣлать. Да, ничего не могу, потому что мама запретила мнѣ вмѣшиваться въ дѣла дѣтей. Но поневолѣ вмѣшаешься, когда видишь, что характеры ихъ съ каждымъ днемъ хуже. Пусть Володя дѣлаетъ, что хочетъ, мнѣ не такъ его жаль, какъ Сашу, это мой любимый братъ, и если онъ будетъ таковъ, какъ Володя, то ему придется плохо. Не знаю почему, у меня въ головѣ сидитъ мысль, что Саша рано или поздно съ ума сойдетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я ласкаю и учу Сашу, эта мысль постоянно приходитъ мнѣ въ голову, и мнѣ такъ хочется плакать.

Боюсь я, чтобы дневникъ мой не попался въ руки мамы, что тогда будетъ!... *).

Ярославль, 5 мая. Я начала вести дневникъ съ 11-ти лѣтъ, значить, этому занятію уже около двухъ лѣтъ, но проклятая лѣнь мнѣ мѣшаетъ писать: я вела дневникъ съ такими перерывами, что и сама имъ удивляюсь. Сегодня мнѣ захотѣлось вырваться скорѣй, скорѣй изъ нашей квартиры въ Нерехту; я не могла сидѣть на мѣстѣ и бѣгала до усталости, словно кто толкалъ меня, изъ комнаты въ комнату. Вечеръ выдался хорошій, я читаю. Только что кончила «Записки лишняго человѣка» Тургенева. Послѣдній его день, 1-ое апрѣля, навелъ меня на мысли о папѣ. Вотъ уже годъ и 3½ мѣсяца прошло послѣ его смерти, а мнѣ все еще не вѣрится, что онъ умеръ. Я и всѣ мы не говоримъ никогда «покойный папа», а просто «папа», какъ будто онъ всегда съ нами. Дѣйствительно, когда я думаю о немъ или гляжу на его портретъ въ гостиной, я чувствую, что папа живъ, что онъ говоритъ и чувствуетъ какъ мы. Папа никогда не умретъ; онъ всегда со мною, точно такъ же, какъ и Богъ.

Сегодня за французскимъ классомъ случилось происшествіе: Наталья Францевна наказала апельсинъ. У Насти У—вой былъ апельсинъ; отъ скуки она вынула его изъ кармана, апельсинъ, разумѣется, пошелъ по рукамъ, всѣ начали нюхать его, лизать. Наконецъ, беспорядокъ былъ замѣченъ Нат. Фр., и послѣ печальнаго признанія Насти, что беспорядокъ причиненъ апельсиномъ, несчастнаго вытащили на столъ и торжественно накрыли толстой грамматикой. Въ этомъ положеніи апельсинъ оставался до конца класса.

7 мая. Ха-ха-ха-ха! вотъ смѣшное, глупое и печальное приключеніе! Сегодня, ѣхавши въ баню, я и Надя потеряли по калошѣ! Это происшествіе вызвало цѣлую бурю: мама читала нотацію, Александра Николаевна говорила, что только у Дьяконовыхъ и могутъ случаться подобнаго рода вещи. Передъ ужиномъ мы вмѣстѣ рѣшили, что это продѣлка нечистой силы; наказаніе Божіе за нерадѣніе къ молитвѣ. Надя говоритъ, что сегодня она не помолилась внимательно, и если утромъ хорошо не молиться, то непременно случится несчастіе; что если много смѣяться, то это не къ добру,—я съ этимъ вполне согласна. Я (вотъ грѣшница) уже съ Рождества читаю только по три молитвы, и рѣ-

*) Здѣсь кончается «маленькій дневникъ». *Прим. ред.*

шила наказать себя за небрежность: спать на полу. Валя слушала, да и сказала:—«Дуры! разсуждайте о томъ, какъ бѣсенокъ ваши калоши утащилъ, я уйду». Я и Надя рѣшили, что въ каждомъ человѣкѣ есть бѣсъ, который соблазняетъ человѣка на все дурное. Но вѣдь сегодня я была въ банѣ; чистая—и вдругъ спать на грязномъ полу!

Сегодня мама безъ ужина оставила за непослушаніе. Это полезно: нужно какъ можно меньше ѣсть, теперь скоро экзамены. Добрая Саша, горничная, сжалилась надо мной: оставила котлетку и предложила ее мнѣ; но я испугалась, чтобы мама не увидѣла, и отказалась... Съѣмъ завтра, она въ шкафу стоитъ!... Спорила съ Володей: утверждаетъ, что похожъ на папу, я говорю—на маму. Мысль о папѣ мнѣ все чаще приходитъ въ голову: что, если и я умру? А вѣдь бѣсъ во мнѣ сидитъ, онъ меня столкнетъ прямо въ адъ! Страшно!

25 мая. Вотъ такъ дневникъ! Ведется черезъ два, а то такъ и черезъ 12 дней! А что, подумаешь, мѣшало? Мамы боюсь, лѣнь мѣшаетъ, читать вечеромъ хочется. Вотъ семь словъ. Коротко и ясно... Экзамены, экзамены! Страшное слово, а для меня въ особенности. Сегодня я невѣрно рѣшила уравненіе. Кажется, готова утопиться при одной этой мысли! Господи! я гадкая, отвратительнѣйшая изъ всѣхъ въ мірѣ—прошу не отказать въ одной помощи: дай изъ математики 3—, а изъ французскаго 3. Помоги, Боже, хоть на эти два балла! Внуши, Боже, всему Совѣту перевести меня. Я не совсѣмъ здорова, и слава Богу—никто за мной не ухаживаетъ. Напротивъ, всѣ говорятъ, что я притворяюсь. Ну, послѣднее то похуже перваго, да наплевать на эти нѣжности телячьи!... Дѣти отвратительны; узнали, что у меня уши болятъ—цѣлый день свистятъ и ворчатъ; и то и другое сильно отзывается на больной головѣ! Гадкіе! не люблю ихъ. Теперь довольно,—голова болитъ отъ писанья.

26 мая. Вотъ счастье! Второй разъ мамы дома нѣтъ, писать можно. Сегодня днемъ былъ докторъ. Онъ прописалъ мнѣ душъ для продуванія ушей, противъ глухоты. Потомъ велѣлъ употреблять ирригаторъ для промыванія носа. Когда имъ пользуются, то наполняютъ составомъ, разведеннымъ на два стакана воды по одной чайной ложкѣ; когда начнутъ воду пускать въ носъ, то нужно говорить «а, не, мо, не». Очень это смѣшно! Докторъ нашель меня малокровной, только не очень, а румянецъ объяснилъ нѣжностью сосудовъ въ кожѣ. Сказалъ, что нужно

принимать желѣзо и еще что-то такое, но мама не хочетъ. Я не особенно этимъ довольна, но притворяюсь покорною мамѣ. Докторъ узнаетъ малокровіе такъ: посмотрѣлъ мнѣ въ ротъ и замѣтилъ, что окраска языка и нѣба очень блѣдна, потомъ въ глазъ; потомъ приставилъ трубочку къ шеѣ и послушалъ. Еще нашель, что я очень нервна и живо все дѣлаю и скоро все бросаю; какъ узналъ—для меня неразрѣшаемая задача... Довольно о докторѣ. Завтра отправляюсь въ Сиротскій домъ. Если провалилась—что тогда дѣлать? Какъ явиться домой?—Нѣтъ, убѣгу непременно... Нужно взять денегъ на всякій случай, хоть одинъ рубль. Убѣгу, убѣгу! Вѣчный стыдъ и позоръ и безъ этого будетъ на тебѣ, но если и убѣжишь—хуже позора провала нигдѣ не найдешь.

27 мая. Урра! перешла въ 6-ой классъ! Всѣ рады, а я больше всѣхъ. Въ гимназіи, благодаря ужаснѣйшей свиньѣ учителю N., нашла Катю Е. въ отчаяніи: она провалилась и, кажется, покушалась на самоубійство, да не удалось. За ней теперь во всѣ глаза смотрятъ: сидитъ блѣдная какъ смерть и ничего не понимаетъ. Ученица У., вѣроятно, скоро умретъ; она चाहоточная и пол... не могу написать: страшно сказать, до чего довело ее зазубриваніе всевозможныхъ учебниковъ; теперь она почти ничего не понимаетъ, о своемъ положеніи ничего не мыслить. И Маргариту мнѣ очень жаль: я страшно за послѣдніе дни сошлась съ ней; теперь ее исключили, а впереди бѣдность, молодость, отчаяніе и печаль, бесполезность близкимъ людямъ и обществу. Она хочетъ трудиться; трудъ ей не страшенъ, но ни одна изъ профессій, доступныхъ женщинамъ, ей не подходитъ: учительницей—мѣста нѣтъ; швеей—шить не умѣетъ, и т. д. Я вообще вышла сегодня изъ Сиротскаго дома съ тремя впечатлѣніями, которыя смѣшались и спутались точно тысяча: 1) радость, что я 6-ая, старшая, 2) жалость и ужасъ ко всѣмъ оставшимся и исключеннымъ, въ особенности къ Маргаритѣ, 3) желаніе помочь всѣмъ несчастнымъ и страстное желаніе имъ всѣхъ радостей.

«Любите другъ друга, отцы. Любите народъ Божій. Не святѣе же мы мірскихъ за то, что сюда пришли и въ сихъ стѣнахъ затворились, а напротивъ, всякій, сюда пришедшій, уже тѣмъ самымъ, что пришелъ сюда, позналъ про себя, что онъ хуже всѣхъ мірскихъ и всѣхъ и вся на землѣ. И чѣмъ далѣе потомъ будетъ жить иннокъ въ стѣнахъ своихъ, тѣмъ чувствительнѣе

долженъ и сознать се. Ибо, въ противномъ случаѣ, незачѣмъ ему было и приходиться сюда. Когда же познаетъ, что не только онъ хуже всѣхъ мірскихъ, но и передъ всѣми людьми за всѣхъ и за вся виноватъ, за всѣ грѣхи людскіе, міровые и единосичные, то тогда лишь цѣль нашего единенія достигнется. Ибо знайте, милые, что каждый единый изъ насъ виновенъ за всѣхъ и за все на землѣ несомнѣнно, не только по общей, міровой винѣ, а единосично каждый за всѣхъ людей и за всякаго человѣка на сей землѣ. Сіе сознаніе есть вѣнецъ пути иноческаго, да и всякаго на землѣ человѣка. Ибо иноки не иные суть человѣки, а лишь только такіе, какими и всѣмъ на землѣ людямъ быть надлежало бы. Тогда лишь и умилилось бы сердце наше въ любовь безконечную, вселенскую, незнающую насыщенія. Тогда каждый изъ васъ можетъ весь міръ любовью приобрести и слезами своими міровые грѣхи омыть*). Всякъ ходи около сердца своего, всякъ себѣ исповѣдайся неустанно. Грѣха своего не бойтесь, даже и сознать его, лишь бы покаяніе было, но условій съ Богомъ не дѣлайте. Паки говорю: не гордитесь. Не гордитесь предъ малыми, не гордитесь и предъ великимъ. Не ненавидьте и отвергающихъ васъ, позорящихъ васъ, поносящихъ васъ и на васъ клеветующихъ. Не ненавидьте атеистовъ, злоучителей, матеріалистовъ злыхъ изъ нихъ, не токмо добрыхъ, ибо и изъ-за нихъ много добрыхъ, наипаче въ наше время. Поминайте ихъ на молитвѣ такъ: Спаси Господи всѣхъ, за кого некому помолиться. Спаси и тѣхъ, кто не хочетъ Тебѣ молиться. И прибавьте тутъ же: не по гордости моей молю о семъ, Господи, ибо и самъ мерзокъ есмь паче всѣхъ и вся.

Народъ Божій любите, не отдавайте стада отбивать пришельцамъ, ибо если заснете въ лѣни и брезгливой гордости вашей, и пуще въ корыстолюбіи, то придутъ со всѣхъ странъ и отобьютъ у васъ стадо ваше. Толкуйте Евангеліе народу неустанно... Не лихоимствуйте. Сребра и злата не любите, не держите... Вѣруйте и знамя держите. Высоко возносите его».

2 июня. На дняхъ была въ концертѣ. Играли прелюдію Мендельсона... Мнѣ показалось, что всѣ волны, южныя и сѣверныя, слились на собраніе. Сначала заговорили сѣверныя волны, упрекая южныхъ, а затѣмъ южныя стали возражать сѣвернымъ. Дѣло дошло до спора: сѣверныя волны говорили о прелестяхъ вѣч-

*) Съ курсивомъ не согласна.

ныхъ снѣговъ и льдовъ, а южныя пѣли о красотѣ ночи, о солнцѣ и звѣздахъ, отражающихся въ морской водѣ. Наконецъ, приплыли тихія волны рѣкъ въ Средиземное море и рассказали имъ о жизни людей. Волны помирились, услыхавъ о раздорахъ и жестокостяхъ людей и, соединясь вмѣстѣ, запѣли гимнъ Богу. Вотъ что, какъ показалось, говорила мнѣ игра г. Б.

19 іюня. Съ гувернанткой втроемъ отправились на бульваръ. Въ саду играла музыка, въ павильонѣ, однако, никто не танцевалъ. Нѣскольکو мамашъ, два-три папаши сидѣли тамъ, дѣтей было не особенно много. Первая пошла танцовать П., за ней вся мелюзга зашевелилась и запрыгала. Слѣдующая за вальсомъ полька была прелестна: всѣ ребята захотѣли попрыгать, явились нѣскольکو маленькихъ мундирчиковъ, которые говорили тоненькими голосками,—они оживили дѣтей. Вскорѣ случился казусъ. Вдругъ подходитъ къ Надѣ учитель танцевъ и говоритъ: —«Отчего вы не танцуете?» Надя что-то пробормотала. Онъ подвелъ ей своего сына-гимназиста и что-то проговорилъ. Вдругъ я услышала:—«Я вашей мамашѣ скажу, что я вамъ представлялъ своего сына и вы отказались. Вѣдь вы умѣете, отчего же не танцуете?» — «Нѣтъ», — отвѣчала Надя чуть слышно, вся пунцовая. Немного спустя подходитъ сынъ учителя къ Валѣ. Та тоже отвѣчаетъ отказомъ. — Хороши мои сестрицы, — шепнула я гувернанткѣ, радуясь отъ души, что меня не видно, и кавалеръ не можетъ ко мнѣ подойти.—«Буки!»—шепнула мнѣ Александра Николаевна. Дѣтскій вечеръ кончился въ 9 часовъ. Ал. Ник. была какая-то сумрачная. Господи, думала я, вотъ, видно, она теперь думаетъ, какъ отъ насъ отдѣлаться! Ей нужно къ брату-студенту, который сидѣлъ въ саду, она бросила бы насъ, она въ умѣ бранить насъ. Наконецъ я не выдержала: мысль, что Ал. Ник. хочетъ отдѣлаться отъ насъ поскорѣй, перешла уже въ полную увѣренность. Я предложила итти домой... Мама очень огорчилась, узнавши, что Надя отказала сыну учителя танцевъ.

25 іюня. Ура! Ёдемъ въ понедѣльникъ въ Нерехту! Наконецъ-то! Даже не вѣрится,—правда-ли это, что мы уже второй годъ живемъ въ Ярославлѣ? Мы уѣхали изъ Нерехты 23 февраля 87 года, на второй недѣлѣ великаго поста, въ понедѣльникъ, и 16 мѣсяцевъ уже не видали ея. Господи, вотъ такъ счастье! Мама всячески старается охладить нашу радость, рассказывая о холодныхъ пріемахъ родственниковъ, о неудобствахъ жизни въ гостяхъ (тогда какъ мы ѣдемъ домой),—но всѣ старанія окажутся

тщетными: я всегда буду радоваться, если поѣдемъ въ Нерехту, буду рада всякой новости о ней, буду всегда любить ее. Это мамѣ известно, а между тѣмъ она чуть не плачетъ при мысли о томъ, что ея милыя дѣтки (не я въ томъ числѣ, конечно) оставляютъ ее на цѣлую недѣлю одну. Самая лучшая радость не обойдется у насъ безъ дразгъ. Ну, да что! Стоитъ-ли писать пустяки? Одно слово: ѣдемъ въ Нерехту.

14 июля. Сегодня мы познакомились съ Сергѣемъ Николаевичемъ, братомъ Ал. Ник., и гуляли съ нимъ въ рошѣ. Онъ мнѣ очень нравится: человѣкъ очень умный и оригинальный, это я замѣтила и въ Ал. Ник. Сергѣй Ник. былъ въ партикулярномъ платьѣ, чему я была очень рада, такъ какъ, хотя мнѣ смѣшно и стыдно въ этомъ сознаться, — я его боюсь въ студенческомъ мундирѣ. Право, во мнѣ есть дикарь и самый упрямый: чтобы познакомиться съ С. Н., мнѣ нужно было собрать все присутствіе духа, къ тому же онъ оказался до того утонченно-вѣжливъ, что я чуть было совсѣмъ не потерялась. Онъ все время говорилъ съ мамой, а я все слушала, слушала. Ал. Ник. даже замѣтила:—«Какъ вы внимательно слушаете, Лиза!»

Дѣло подруги Маргариты уладилось: она была у губернаторши и ей рассказала всѣ обстоятельства. Губернаторша обѣщала похлопотать за нее, чтобы ей позволили держать экзамень въ нашъ классъ. Она теперь готовится, просила меня притти къ ней. Я была такъ рада...

На дняхъ Ал. Ник. объявила, что скоро приведетъ не только Ку—выхъ, но и своего «братишку Шурку». Я чуть не задушила Ал. Ник. Скорѣй бы! Я очень плохо все записала, боюсь, чтобы мама не увидѣла. Однако, пора спать: вѣдь уже 12 часовъ!

21 июля. Ухъ! Какъ испугалась сегодня: часа въ 4 приходитъ мужикъ и говорить: утонулъ въ Волгѣ мужикъ въ пьяномъ видѣ, бывший дворникъ; по примѣтамъ оказывается Александринимъ мужемъ. Саша побѣжала узнать, на мѣстѣ-ли ея мужъ или нѣтъ, такъ какъ за вѣрность извѣстія мужикъ не ручался. Пришла домой. Слава Богу, мужъ на мѣстѣ, живъ и невредимъ оказался...

На танцы пошли сегодня всѣ вмѣстѣ. Александра Николаевна восхищается мной, постоянно говорить мамѣ:—«какъ мило Лиза танцуетъ, какъ она граціозна», а та не вѣритъ:—«Вѣдь это просто нелѣпость! Лиза, неуклюжая, быстрая, рѣзкая во всѣхъ движеніяхъ, и вдругъ... грація?! Да еще гдѣ? въ танцахъ!?» Мнѣ самой смѣшно—вѣдь, кажется, во мнѣ нѣтъ ничего хорошаго,

красиваго, граціознаго, ужъ видно я такая родилась. Ал. Ник. послѣ танцевъ меня спросила:—«Ну, Лиза, вѣдь можно увлечься танцами? какъ вы теперь думаете?» Я колебалась отвѣтомъ: еще никогда не увлекалась ими, но «нѣтъ» не шло съ языка.—«Посмотрю я на васъ, какъ на аллегри будете танцовать».—Да развѣ я буду?—сказала я удивленно,—вѣдь у меня знакомыхъ нѣтъ... —«Будутъ, я вамъ представлю гимназистовъ и студентовъ»—рѣшительно отвѣтила она. Вотъ те на! До сихъ поръ я не имѣла ни малѣйшаго желанія познакомиться съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ, даже со страхомъ объ этомъ думала, а тутъ... Ну, да аллегри еще не скоро будетъ.

Пріѣхала бабушка. Я такъ обрадовалась, будто бы сама въ Нерехту уѣхала. Привезла огромную корзину смородины на варку и для ѣды.

24 *юля*. На урокъ танцевъ было очень весело: учитель сказалъ, что сестрамъ нужно быть немножко поживѣе, а про меня сказалъ, что ничего. Еще въ прошлый урокъ онъ предложилъ намъ съѣздить съ нимъ въ рошу или за Волгу погулять. Ал. Ник. за насъ отвѣчала: «очень рады, съ большимъ удовольствіемъ», а когда мы вышли на улицу, то рѣшительно сказала: «не къ чему заводить подобное знакомство». Мы промолчали. Но вотъ, въ субботу онъ опять повторилъ свое предложеніе.—«Во вторникъ бы, папа»,—тихо сказала Жуня. Александра Николаевна немного замялась, но что-то отвѣтила. Пришли домой и сказали объ этомъ мамѣ. — «Г-мъ! этакое знакомство заводить!»—былъ презрительный отвѣтъ. Мнѣ сдѣлалось жаль Ф. Ф.: неужели откажется отъ его приглашенія только потому, что онъ учитель танцевъ? Мнѣ къ тому же очень нравится Жуня: славное у нея лицо—строгое, я такія очень люблю у дѣвочекъ. Почему Ал. Ник. находитъ знакомство лишнимъ? Всѣ они такіе хорошіе, любезные, милые, Жуня дѣльная дѣвочка. Мнѣ стыдно за насъ... Была у Маргариты, такъ какъ еще наканунѣ получила отъ нея письмо съ просьбой принести словесность. Я просидѣла у нея два часа, просила еще притти. Какая милая, добрая и простая! Теперь вся ея жизнь какъ на ладони передъ мною...

31 *юля*. Бѣдная Маргарита! Она начинаетъ сомнѣваться, позволятъ-ли ей учителя держать экзамень? А если нѣтъ—она пропала. Мы съ ней думали, думали, какъ уладить дѣло. Но куда ни кинь—все клинъ. Она рассказала мнѣ свою исторію. Она незаконнорожденная дочь дворянки, бывшей классной дамы; та

привезла ее шести дней «къ крестной»—такъ Маргарита называетъ свою пріемную мать, общалась платить деньги; заплатила 4—5 мѣсяцевъ, и исчезла. Ни писемъ ни денегъ на воспитаніе. Такъ и осталась Маргарита у бѣдныхъ мѣщанокъ. Отдали они ее въ Сиротскій домъ на казенное содержаніе, думали, поддержка потомъ будетъ, и вотъ—выключаютъ! Куда ей итти со свидѣтельствомъ 4-го класса и 20-ю рублями въ карманѣ (это ей выдастъ казна)? Мы думали... думали... Я предложила ей поступить хоть въ горничныя (какъ это ни глупо съ перваго взгляда). — «Ой, что это? А крестная-то? Она вѣдь меня такъ любить, такъ любить; вѣдь она этого не допуститъ!» — Вотъ тебѣ на! Я думала, что она тебя не любить, ты вѣдь ей въ тягость?!— вскричала я. — «Въ томъ-то и дѣло, что любить; если бы она отказалась отъ меня, бросила бы на произволь судьбы—лучше бы было, а то вѣдь жаль»—быль отвѣтъ. Я разсердилась: ничѣмъ-то я не могу ей помочь, экая я дура! Кстати, ей приснился сонъ: крестная сказала ей: «18-го августа почки распустятся, тогда ты и жить не захочешь». Странное предсказаніе! Вдругъ оно сбудется! Господи, помоги ей...

Завтра уже первое августа! Охъ, ученье, ученье, ученье! Снова старая пѣсня на новый ладъ!

4 августа. Захворала мама; былъ докторъ, сказалъ, что скоро ея нездоровье пройдетъ. Съ мамой нѣтъ у насъ столкновений, а изъ разговоровъ только сегодня я поняла, сколько она вынесла. Кажется, маму воспитывали просто, не была она никогда въ дѣтствѣ энергичной; росла тихо; выѣзжала дѣвицей—все какъ всѣ дѣлаютъ, дѣлали и будутъ дѣлать;—гдѣ бы ей набраться такихъ знаній, практичности, энергіи? А между тѣмъ, мама, хотя и была нервна, не крѣпка здоровьемъ,—столько вытерпѣла, съ такой энергіей вела свои дѣла, защищала свои и наши интересы, что я отъ удивленія не могла слова вымолвить, пока мама мнѣ все рассказывала. Она говорить, что когда выходила замужъ, надѣялась только на себя, а не на папу, потому что у него состояніе было вовсе невелико... И странно: бабушка и всѣ наши родные— всѣ знаютъ, что сдѣлала мама для насъ, знаютъ, что ей пришлось вытерпѣть, и говорятъ объ этомъ, какъ о самой обыкновенной вещи. Что, если бы это пришлось сдѣлать другимъ?— тогда толковали бы, хвалили бы, превозносили бы чуть не до небесъ. А наша мама сдѣлала все, преждевременно потеряла здоровье, разстроила нервы, — и родные посмотрѣли на это такъ, какъ будто бы это и должно быть. — «Свои не оцѣнили, такъ

чужіе оцѣнять и поймутъ, что мнѣ это стоило»—сказала мама, и слезы показались на ея глазахъ.—Полно, мама, плакать,—отвѣтила я по своему обыкновенію нѣскольکو насмѣшливо; но если бы знала мама, что въ эту минуту происходило во мнѣ! Мнѣ вдругъ захотѣлось упасть къ ногамъ ея и безумно молиться на нее цѣлую вѣчность за то, что она сдѣлала для насъ, простить ей все, глядѣть на нее и никому, никому не отдавать... чтобы она была вся моя, вся! Кажется, была бы моя воля, я взяла бы съ собой одну маму, куда-нибудь унесла ее и молилась бы, молилась бы на нее и за нее безъ конца!

22 августа. Пришла изъ гимназіи точно бѣшенная. Дѣйствительно, какъ не разозлиться: отъ 9 до 10 урокъ, отъ 10 до 2 нѣтъ уроковъ, а отъ 2 до 3 и 3 до 4 опять уроки! Есть ли что-нибудь хуже, глупѣе, неблагоразумнѣе такого распisanія? Ученица приходитъ въ 9 часовъ, сидитъ въ гимназіи до 4 (7 часовъ!), и что же? Оказывается, что изъ 7 часовъ одинъ полагается на обѣдъ живущимъ (приходящія въ это время завтракаютъ), другой — на отдыхъ послѣ обѣда. Остается 5 часовъ, изъ нихъ 2 ничѣмъ не заняты. Отчего? — вотъ вопросъ, на который начальство не даетъ прямого отвѣта. Приходящія должны сидѣть и ничего не дѣлать (если дѣла нѣтъ), у живущихъ же дѣло всегда найдется. Просто безчеловѣчно со стороны начальства такъ обращаться съ приходящими. Пусть начинаютъ уроки въ 9 часовъ до 12-ти, затѣмъ 1½-часовой перерывъ для обѣда и отдыха, затѣмъ еще урокъ до половины 3-го, и довольно. Вотъ какое распisanіе нужно бы примѣнить къ дѣлу. Тогда сидѣть въ гимназіи меньше, и уроковъ больше, и раньше отпустить домой.

На-дняхъ въ гимназіи былъ актъ, Валя получила вторую награду. Мама торжествовала. Давно, вѣдь, ее никто-никто не радовалъ успѣхами: вотъ уже два года. Мнѣ хотѣлось бы перейти съ наградой для того только, чтобы мама порадовалась. Да, вѣдь, не перейти! Гдѣ намъ грѣшнымъ за наградой тянуться! А хотѣлось бы получить!

1 сентября. Ученье, ученье до безконечности: съ 9 до 8 учись, учись, учись и учись! Вотъ препровожденіе времени. Нечего сказать, хорошо! Даже некогда дневникъ вести... Александра Николаевна сумрачная такая. Поневолѣ досадно будетъ: учить, учить сестеръ, набиваетъ имъ старательно голову и пропорціями и склоненіями славянскими, а на другой день — 2 изъ русскаго за то, что Надя не знала того самаго склоненія, которое ей отлично

наканунѣ отвѣтила. Вѣдь, вотъ странно: дома знаешь урокъ какъ «Отче Нашъ», въ гимназіи спросятъ — точно языкъ отнялся, все перепутается въ головѣ и подсказанное, и объясненное, и выученное — и пропадай, какъ звали! Эхъ, несчастное это ученье, право, несчастное!

Вотъ сейчасъ въ газетѣ читала о переутомленіи учащихся. Это хорошо писать, что слишкомъ много учиться вредно, — а на дѣлѣ-то ничего, вѣдь, не измѣнено. Пишутъ: экзамены вредны для здоровья, бесполезны въ отношеніи къ знаніямъ, учиться нужно меньше, дома готовить уроковъ меньше, — однимъ словомъ, — пишутъ много, такъ много, что напечатай всѣ замѣтки объ ученіи на отдѣльныхъ листахъ, можно бы двадцать завтраковъ вернуть. А толку изъ этого мало. Вотъ, кабы кто напечаталъ замѣтку о баллахъ — это дѣло. Что баллы? Знаешь — значекъ 5, не знаешь — значекъ 2 или 1. Вотъ чѣмъ мѣряются наши знанія; подумаешь, — до чего глупо все это. А, вѣдь, двойка большое значеніе имѣеть: за нее оставляютъ на часъ, приятно-ли сидѣть, не ѣвши до 5-ти часовъ? Я, грѣшный человекъ, сама это испытала: оставили, и, Боже мой, до чего ѣсть хотѣлось! Изъ-за одного этого будешь безъ двоекъ стараться учиться.

6 сентября. Что за сонное царство! Будни—гимназія, потомъ обѣдъ, чай, уроки и ужинъ. Праздникъ — ровно никто ничего не дѣлаетъ. И хоть бы сестры чѣмъ-нибудь дѣльнымъ занялись, — все глупости. Но онѣ вмѣстѣ, а я все одна.

9 сентября. Ученье въ началѣ; учителя не пропустили еще ни одного урока; двоекъ еще мало, баллы получаютъ покуда порядочные; классныя дамы еще не обозлились на всѣхъ и на вся, какъ это бываетъ въ концѣ года и въ срединѣ. Теперь — самое пріятное время. Покуда еще не много выучено, ничто не успѣло перепутаться въ головѣ, пройденнаго не успѣли забыть. Теперь очень легко получать пятерки, но учителя такіе странные: когда знаешь — ничего не спросятъ; какъ что забудешь, глядь-ка — на тебя ужъ смотритъ и урокъ спрашиваетъ. Собственно говоря, теперь это не настоящее ученье, не та, какъ говорится, «спѣшная работа», которая подойдетъ въ концѣ года. Тогда учителя спѣшать скорѣй повторить курсы для экзаменовъ, усиленно вбиваютъ въ голову ученицѣ хронологію, теоремы, словесность, диктовки, аксіомы, задачи, вычисленія, переводы, правила, стихи, исторію, физику, стилистику, драму, русскую и французскую поэзію, періоды, метафоры, метониміи — однимъ словомъ — рѣши-

тельно все, что могут вмѣстить человѣческія головы дѣвочекъ, еще не развитыхъ какъ слѣдуетъ. Покуда учителя все это вбиваютъ въ голову крѣпкими молотками въ видѣ двоекъ и единицъ, ученицы сидятъ, разиня ротъ и чуть не задыхаясь отъ усилій вмѣстить въ свою небольшую голову всю эту кашу, весь этотъ научный экстрактъ, набранный изъ всевозможныхъ учебниковъ и сваренный нашими учителями въ ихъ кабинетахъ. Не мудрено, что многія проваливаются. Однако, что же это я расписалась такъ объ ученіи, вѣдь, 12-ый часъ. Спать пора.

20 сентября. Какое счастье! Веньку выбрали въ присяжные, онъ сегодня не былъ. Хорошее учрежденіе это, брать присяжныхъ. Отчего это только мужчинъ берутъ? Вотъ кабы Наташку да Шкалика нашего куда-нибудь, хоть въ присяжные повѣренные, спровадить. Никто не возьметъ? Я сегодня написала сочиненіе, и теперь ничего въ голову не идетъ...

30 сентября. Вотъ весь мѣсяць—и я писала дневникъ только пять разъ. Все некогда; покуда не пишешь дневника — столько мыслей въ голову придетъ, а какъ сядешь писать — ровно ничего нѣтъ. Вчера я совершенно успокоилась насчетъ рисованія. Дѣло въ томъ, что учитель не выбралъ меня рисовать, тогда какъ нѣкоторыя, рисующія хуже меня, выбраны. Я была этимъ очень обижена, но все молчала; наконецъ, вчера смотрю, С—ская рисуетъ! Это было свѣше моихъ силъ. Такая несправедливость! Я едва удержалась назвать учителя въ глаза... и ушла въ учительскую въ самомъ возмущенномъ состояніи духа. Вдругъ отворяется дверь изъ прихожей, меня позвали рисовать. Теперь, по крайней мѣрѣ, не стыдно передъ другими, да и сердце покойнѣе.

11 октября.

Что за жизнь! Ей-ей нѣтъ ладу,
Нѣтъ въ избѣ покою;
Споры, брань, одну досаду
Терпимъ мы съ женою.

Эти давнишніе стихи можно съ небольшими измѣненіями вполне примѣнить къ намъ, т. е., по крайней мѣрѣ, ко мнѣ. И правда: въ домѣ нѣтъ ладу, ссоры, брань, нотации... просто съ ума сойти можно! И все это на меня несчастную сыплется безпрестанно, такъ что я даже не успѣваю и вопроса себѣ задать: за что? почему? Всегда-то я во всемъ виновата, рѣшительно во

всемъ! Не понимаю, какъ это все выходитъ, что одна я причина всѣхъ золъ и бѣдствій нашего дома? Нѣтъ ничего фальшивѣе, хуже моего теперешняго положенія какъ въ гимназіи, такъ и дома. Но тамъ, по крайней мѣрѣ, хоть все знакомыя лица, здѣсь же... право, точно между посторонними нахожусь. Я, правда, бываю иногда очень виновата передъ мамой, бранюсь, когда очень разсержусь, дѣтей наказываю тоже, когда шалятъ, — но неужели все это такія ужасныя вещи, что меня не переставая пилать за все это? Единственная моя отрада (если можно такъ выразиться) — книги; я читаю и забываю хоть часа на два всю ту цѣль споровъ, ссоръ, выговоровъ, наказаній и т. д., которая опутала нашъ домъ и никому изъ нея не позволяетъ выйти.

Въ дневникъ я «изливать свои чувства и мысли» не слишкомъ-то себѣ позволяю: мама можетъ увидѣть, и къ чему безпрестанно писать одно и то же? Только сегодня не удержусь, напишу все (но я не жалуясь, Боже меня сохрани отъ этого!), вѣдь, не стерпишь, наконецъ. — Сегодня Ал. Ник. вдругъ у меня взяла книги на недѣлю! Читать — и то нельзя! Цѣлую недѣлю безъ книгъ! Какъ вспомнишь (стыдно даже писать!), такъ и хочется разревѣться какъ пятилѣтнему ребенку, вырвать у нея книги и убѣжать скорѣй куда-нибудь.

Господи, Боже мой, милый! Хоть бы Ты прибралъ меня поскорѣе! Ну, что за жизнь эта, опротивѣла она до того, что я не знаю, куда дѣться! Богъ закономъ своимъ запретилъ убивать себя; кабы не грѣхъ — сейчасъ бы въ воду или подъ рельсы. Никого, ничего мнѣ не жаль, хоть бы умереть поскорѣе! Тогда въ домѣ тише станетъ, нотаций мама не будетъ читать и нервъ себѣ разстраивать, сестры не будутъ браниться, въ домѣ было бы не житье, а рай. По мнѣ отслужили бы панихиды, мнѣ было бы очень весело *), я увидѣла бы папу, Бога бы увидѣла, ангеловъ, святыхъ... Папу цѣловала бы такъ, какъ при послѣднихъ дняхъ его жизни, были бы мы вмѣстѣ. Вообще, если бы я умерла — хорошо бы было! Говорятъ, что тѣ, кто боится смерти — умирають, а тѣ, кто не боится — живутъ долго; я вотъ не боюсь смерти (помоему очень глупо бояться того, что рано или поздно совершилось бы), да и умереть хочу, а смерть не приходитъ. Господи, Господи! умереть поскорѣе!

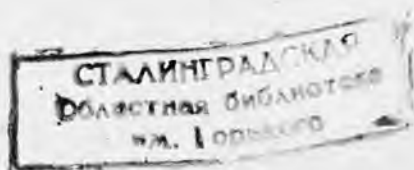
25 октября. Въ эти дни у меня мама захворала, и у меня неприятность, хотя самая ничтожная: въ прошлый вторникъ я чер-

*) Я читала, когда панихиду поютъ — душѣ покойника бываетъ очень весело.

нила въ залѣ пролила, и меня наказали: стоять на часъ у колонны, да еще и чернильницу мою дорожную Дюсетъ противная взяла себѣ. Еще происшествіе: въ прошлый понедѣльникъ, 17-го числа, въ 12 часовъ утра, произошло крушеніе царскаго поѣзда на Курско-Харьково-Азовской желѣзной дорогѣ. 18 человекъ убито, но все царское семейство осталось живо и невредимо. У насъ былъ отслуженъ по этому случаю благодарственный молебенъ. Читая въ газетахъ о крушеніи, невольно можно воскликнуть: дивны дѣла Твои, Господи! Множество людей ранено, убито, а Государь и все семейство цѣлы и невредимы. Кто осмѣлится сказать теперь, что Бога нѣтъ? Ужасная опасность, грозившая всей Россіи, отвращена, и къмъ же? Скажутъ: случайностью, но развѣ этотъ случай можно такъ объяснить?! Нѣтъ, Богъ всегда спасалъ Россію, спасъ Онъ ее и теперь! Господи, какую радость я почувствовала, узнавъ о томъ, что царское семейство не пострадало при крушеніи!

31 октября. По вечерамъ ежедневно читаю. Послѣ романа «Кудесникъ» кончаю «Рославлева». Вотъ странно: когда я собираюсь писать дневникъ, думаю, что напишу очень много; на самомъ дѣлѣ, какъ только сяду писать, такъ все изъ головы и улетучится. Отчасти это и хорошо: если бы я дѣйствительно все, что думаю, записала, то давно бы и тетрадка вышла, и много-словіе было бы ужасное.

Еще разъ повторяю стихи: Что за жизнь! Ей-ей нѣтъ ладу, нѣтъ въ дому покоя; ссоры, брань... Прекрасные стихи! Въ нихъ какъ въ зеркалѣ отражается наша домашняя жизнь; а причиной всего этого опять-таки я, пренесносное созданіе, глупое, безсердечное, безсовѣстное! Такія созданія не люди, а звѣри, и меня дѣйствительно дома теперь зовутъ звѣремъ, сумасшедшей etc., etc. Все это ясно какъ доказанная теорема, и изъ такого предложенія, конечно, слѣдуетъ такой выводъ: «на что же живетъ такой звѣрь, не только ненужный никому, а положительно вредный! Чтобы онъ никому не мѣшалъ, нужно его убить; а такъ какъ мы народъ все же цивилизованный, то на подобное дѣяніе никто не рѣшится, и этому несчастному звѣрю приходится сидѣть и ждать смерти, когда она придетъ». — Это математически вѣрно, выводъ положительно можно счесть шедевромъ удачнѣйшихъ отвѣтовъ. Да не думаетъ тотъ, если кому попадется въ руки сія страничка, что я пишу все это такъ, отъ нечего дѣлать; нѣтъ, я пишу все хладнокровно, обдуманно, внутри меня ни одна черточка не пошевелилась во время писанія, я, вѣдь, отчасти и не человекъ.

Въ прошлый разъ я въ лирику ударилась, а теперь пробую все это хладнокровно себѣ доказать, все рассчитала, такъ что все уже понятно. Ну, какъ теперь мнѣ себя не похвалить, какъ не сказать: «умница, Лиза»?! Вѣдь, я хоть и плохо математику знаю, однако, въ случаѣ нужды лучше всякаго учителя примѣнить ее къ дѣлу сумбю.

4 ноября. Сегодня нѣтъ ученья по случаю чудеснаго избавленія отъ смерти Царя и его семейства. Была обѣдня, читали манифестъ, служили молебень и пѣли «Боже, Царя храни» въ залѣ.

Читаю теперь Писарева. Говорятъ, будто его сочиненія запрещены; я не знаю, но струсила порядкомъ, когда пришлось проходить съ книгой мимо классной дамы. Все, что я читаю въ немъ (5-ю часть), мнѣ очень, очень нравится, хотя я и не вездѣ съ нимъ согласна. Причина, что его книга мнѣ нравится — весьма простая: Писаревъ пишетъ объ образованіи въ университетахъ, гимназіяхъ и т. п. Хотя издана эта книга въ 66-мъ году, слѣдовательно, всего 22 года тому назадъ, но въ ней почти все о гимназіяхъ можно примѣнить къ нашимъ. Для образца приведу такой отрывокъ, характеризующій преподаваніе у насъ въ гимназіи русской литературы. «За теоріей словесности слѣдуетъ исторія русской литературы. Эта исторія, какъ и всѣ другія, представляетъ списокъ именъ, которыя навсегда останутся для ученика лишними, ровно ничего собой не означающими. Жиль-быль Несторъ, написалъ лѣтопись; жилъ-быль Кириллъ Туровскій, написалъ проповѣдей много; жилъ-быль Даніиль Заточникъ, написалъ «Слово Даніила Заточника»; жилъ-быль Серапіонъ, жилъ-быль, жилъ-быль, и всѣ они жили-были, и всѣ что-нибудь написали, и всѣхъ ихъ очень много, и до всѣхъ ихъ нѣтъ никому дѣла, кромѣ гимназистовъ и изслѣдователей старины. Когда дойдетъ дѣло до Ломоносова и Державина, тогда становится еще тошнѣе: приходится запоминать названія одъ и отрывки изъ нихъ, до которыхъ также дотыкаются только гимназисты и изслѣдователи. А ужъ когда доберутся до Пушкина, тогда надо спѣшить, потому что учебный годъ приходитъ къ концу, да и кромѣ того гимназистамъ не полагается знакомиться съ новѣйшею литературою подробнѣе, чѣмъ со словами Даніила Заточника и съ державинскою «Филицею». Вотъ эти строки; я сама сейчасъ ихъ списала съ книги, которая у меня въ рукахъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя эти строки писаны 22 года тому назадъ и, слѣдовательно, примѣнялись только къ тогдашнимъ гимназіямъ, — ихъ во всей неприкосновенности можно примѣнить къ нашей теперешней гимназіи. Такъ, напри-

мѣрь, въ среду намъ очень хорошо объяснилъ учитель Гор—евъ урокъ о томъ, какимъ образомъ появилась въ Россіи письменность, и задалъ 22 и 23 §§ изъ «Исторіи русской литературы» Галахова. Тамъ все такъ хорошо написано, такъ понятно, кажется взялъ бы и выучилъ на 5+, и дѣлу конецъ; анъ—нѣтъ, литература-то оказалась не такой податливой: попалося ученицамъ 6-го класса слово «символизмъ» — не понимаемъ. — «Лиза, объясни пожалуйста». Я подумала, и говорю—«образность». — «Что называется образностью?» Въ прошломъ году я получила 5 за отвѣты, что называется образностью, метафорой и т. д., — а нынче только руками развела: пока мы учили это слово теоретически—знали, пришлось примѣнить наши знанія на практикѣ—уже все забыть успѣли!—«Чему же вы учились? что вы дѣлали въ 5-мъ классѣ?» — спросять насъ большіе, ученые люди, маменька, папенька, гувернантки и т. д. — «Да, мы учили — безъ запинки отвѣтимъ мы — теорію словесности, это полагалось курсомъ 5-го класса, а такъ какъ въ 6-омъ учать исторію словесности, то... теорію-то словесности мы ужъ забыли»... А Гор—евъ изъ силъ выбивается, старается хоть немного развить наши ослиныя (въ полномъ смыслѣ слова) головы, совѣтуетъ читать, читать какъ можно больше. Ладно, говоримъ мы, будемъ читать. И дѣйствительно, беремъ и читаемъ Шекспира, Толстого, Пушкина, Диккенса, Туръ, Тургенева (я привела здѣсь тѣ книги, которыя дѣйствительно читаютъ воспитанницы нашего класса); кажется, всѣ имена извѣстныя, громкія; сочиненія прекрасныя... но ни сочиненія ни развитіе нашего ума отъ этого не улучшается. Самъ Гор—евъ намъ это сказывалъ: — «Читайте вотъ такихъ-то и такихъ-то писателей; но навѣрное вы не поймете какъ слѣдуетъ сочиненій «Ледяной домъ», «Записки охотника», Шекспира: чтобы это понимать, нужны головы поразвитѣе вашихъ!» Сказалъ и ушелъ. Мы, понятно, оскорбились такимъ мнѣніемъ о насъ, закричали, зашумѣли, классныя дамы въ поведеніи сбавили, позлились; и тѣмъ дѣло кончилось. А между тѣмъ, дѣйствительно, понимаютъ-ли нѣкоторыя изъ насъ, что читаютъ — Богъ вѣсть.

Спать пора; я устала писать.

10 ноября. Это рѣшительно невозможно! позволять себѣ такую дерзость передъ всѣмъ классомъ! Учитель говоритъ одной изъ хорошихъ, даже болѣе—изъ лучшихъ своихъ ученицъ: — «Самостоятельно-ли написано сочиненіе?» и при всѣмъ классѣ! — «Я увижу, какъ-то вы напишете во вторникъ классное сочиненіе.

Понимайте, какъ слѣдуетъ: вы меня обманываете, сочиненія пишете не сами, а вотъ во вторникъ я увижу, насколько вы способны мыслить». Когда онъ спросилъ меня, я сначала готова была закричать на весь классъ: это дерзко, низко съ вашей стороны такъ ко мнѣ относиться! Но вѣдь этого сказать нельзя; пришлось отвѣтить:—Господи, униженіе какое! Есть-ли послѣ этого правда? Я пишу сочиненіе, думаю, хотя очень мало, но все же думаю, моя работа оказывается одной изъ самыхъ лучшихъ,— и такъ оскорбить, насмѣяться надъ ученицей при всемъ классѣ... И это онъ говоритъ мнѣ уже въ третій разъ! Въ четвертомъ классѣ онъ сказалъ про диктантъ; я была уничтожена, осмѣяна передъ всѣмъ классомъ; и помню, тогда я отвѣтила дерзко, и послѣ ревѣла цѣлый вечеръ. Въ пятомъ классѣ онъ то же сказалъ про первое мое сочиненіе; я рѣшила непременно въ другой разъ отвѣтить «не самостоятельно», и тѣмъ одурачить учителя при всѣхъ. А сегодня? это уже выше силъ! Мало того, что придется писать классное сочиненіе какъ будто на экзамень,—нужно еще оправдывать себя: вотъ, молъ, я все сама дѣлаю! Никогда, никогда я не была еще унижена такъ, до послѣдней степени, насколько можетъ быть униженъ человѣкъ! Гор—евъ отрицаетъ у меня способность мыслить самой и еще съ насмѣшкой говорить: вотъ во вторникъ увижу! И ничего, ничего нельзя сказать въ свою защиту, нельзя даже сказать ему, что такое подозрѣніе въ высшей степени низко и подло, что онъ можетъ говорить это ученицамъ плохимъ, а не хорошимъ; однимъ словомъ — нужно подвергать себя насмѣшкамъ и замѣчаніямъ учителя, сколько ему угодно. И все это благодаря нашей нелѣпой системѣ школьнаго ученія: полнѣйшее униженіе, уничтоженіе личности и преданіе ея въ руки машинъ въ видѣ классныхъ дамъ, и образованія — въ руки хитрыхъ педагоговъ. О, Господи, Господи, какое мученье!

12 ноября. Александра Николаевна — лучшей человѣкъ въ мірѣ—выходитъ замужъ. И какая я дура: вѣдь когда мы были на именинахъ, то женихъ сидѣлъ почти напротивъ меня, но — видно у меня такая способность — я не вижу никогда никого изъ мужчинъ, если бываю гдѣ-нибудь у знакомыхъ; такъ я его и не видала. Надя говоритъ, что онъ очень красивъ. Когда я спросила Ал. Ник., каковъ у нея женихъ, она какъ-то странно отвѣтила: — «О, онъ молодой, очень красивый, сходится со мною во всемъ». Значитъ, и онъ тоже — замѣчательно хорошей человѣкъ. Похожи они другъ на друга очень, какъ братъ съ сестрой. Я отъ

всей души желаю счастья Ал. Ник. въ ея будущей новой жизни; такого счастья, которое бы рѣдкимъ людямъ давалось; такого благополучія, какое на долю никакого человѣка не выпадало; такого согласія и мира, которые не у всѣхъ бываютъ. Кромѣ всего этого, Ал. Ник. сообщила намъ новость, почти такую же радостную: она останется и будетъ у насъ репетировать! О, Боже мой, этого счастья, этого благополучія мнѣ и во снѣ не снилось!... Милая, милая моя Александра Николаевна! Сегодня вечеромъ мы даже не читали, а работали и разговаривали: точно прощались съ нею; она вѣдь послѣ обрученія будетъ почти-что жена, а это такъ странно кажется.

13 ноября. Видѣла я сегодня Ал. Ник. Я шла въ гимназію; смотрю — парочка, веселая, молодая, счастливая. — Это она, подумала я. Но вѣдь можетъ быть и не она, можетъ быть и другая барышня идетъ подъ руку со студентомъ.—«Это такъ неловко»— вдругъ долетѣло до меня со знакомымъ произношеніемъ буквы «л»; сомнѣнія нѣтъ — она! Я шла по другому тротуару; шла, не смѣя взглянуть на эту счастливую парочку, стараясь итти такъ, чтобы они меня не замѣтили, и была такъ счастлива, такъ счастлива! До самой гимназійи они шли за мной, и я слышала ихъ веселый смѣхъ и разговоръ. Такъ вотъ она, любовь-то, счастье-то! Я никогда еще не видала любви, такой, какъ въ романѣ, и теперь вижу. Все это такъ ново, такъ странно для меня. Читаемъ въ романѣ: такъ просто, естественно кажется, а на дѣлѣ не то. Когда я читала про любовь, я не понимала, какъ это любятъ, признаются въ любви, дѣлаютъ предложенія; но мнѣ все казалось естественнымъ: вѣдь романъ. А какъ на самомъ дѣлѣ увидѣла, то начала понимать, какъ все дѣлается, хотя еще и не со-всѣмъ. Когда Ал. Ник. сказала намъ, что на душѣ у нея радостно и хорошо, что ей все кажется пріятнымъ и веселымъ, то я подумала: а хорошая, вѣроятно, штука эта любовь! Вѣдь тогда все кажется хорошимъ, а это должно быть очень весело. Представляю себя на ея мѣстѣ, только безъ жениха, конечно, и не невѣстой, а такъ просто: ну, и я люблю не знаю кого, ну, положимъ, горничную Сашу, или какую-нибудь изъ воспитанницъ... и тогда мнѣ все начинаетъ казаться въ розовомъ свѣтѣ! Ужъ не полюбить ли мнѣ въ самомъ дѣлѣ кого-нибудь изъ нашихъ? Воспитанницы есть очень хорошенькія, поютъ хорошо, стройненькія, вѣдь полюбить можно. И вдругъ тогда я буду счастлива... только способности-то и умѣнія у меня на это нѣтъ, а то бы я постаралась.

22 ноября. Ура! Сегодня опять не учились! За здоровье Императора и Императрицы. Ура! «Боже, Царя храни» пѣли, директоръ рѣчь говорилъ, манифестъ читалъ; мы орали, кричали, толкались, щипались, даже подрались отъ радости. Когда пришли послѣ въ классъ, — домой собираться, — всѣ зажали уши и начали орать «ура». Вотъ шумъ-то былъ! Господи, точно праздникъ какой сегодня утромъ. Солнце такъ ярко свѣтило, зала огромная, а Царь съ портрета такъ ясно глядитъ на насъ, точно живой, а мы ему «Боже, Царя храни» поемъ. Ну, какъ тутъ съ ума не сойти?! Кажется, всю бы жизнь отдала, чтобы увидѣть Царя! Вѣдь онъ намъ прислалъ благодарность, намъ, ничтожнымъ людямъ, даже и не людямъ, а только гимназисткамъ, учащимся вообще. Какъ вспомнишь сегодняшнее утро — такъ сердце и запрыгаетъ! Счастье-то какое, свѣтъ-то какой, шумъ, солнце, морозъ, крикъ, благодарность Государя, все, все, рѣшительно все, чѣмъ только можетъ быть счастливъ человѣкъ! И вотъ уже второй разъ такое счастье за нынѣшній мѣсяць: и Александра Николаевна замужъ выходитъ, и спасеніе Государя, и одинъ день не учились, и въ довершеніе всѣхъ благъ — благодарность Государя! Даже не вѣрится — правда-ли это?!

25 ноября. Господи! что со мной дѣлается? Вчера вечеромъ прочла я романъ «Старый домъ», и все думала о Борисѣ. Мнѣ было ужасно досадно, отчего я не родилась въ началѣ нынѣшняго столѣтія и не въ высшемъ обществѣ; тогда я навѣрное увидала бы и познакомилась съ нимъ непременно. А тутъ — ходи себѣ въ гимназію, учись, а Борисъ хоть и не учился, а зналъ гораздо больше меня. Мнѣ ему было завидно, я представляла себѣ его домъ, обстановку, книги, его брата, какъ его везли въ крѣпость, что онъ тамъ дѣлалъ, и вдругъ — спросили изъ исторіи. Я ждала этого и выучила урокъ, но отвратительный рыжебородый Венька спросилъ — о, ужась! — Сѣверо-Американскую войну, а учимъ мы Семилѣтнюю. Конечно, я сказала слова три и замолчала, а на умѣ, въ мысляхъ все былъ Борисъ: представляю себѣ, какъ его допрашиваетъ Великій Князь, а тутъ Венька говорить: — «Что же вы дальше-то ничего не помните?» Ну, думаю, мученіе! Ничего не поставилъ... За исторіей былъ французскій. Я знала, что меня, навѣрно, спросятъ, и была спокойна, все думая о немъ. Но случилось то, чего я ужъ никакъ не ожидала отъ самой себя. Намъ задано было рассказать содержаніе трагедіи Корнеля «Сидъ». Я по-русски знала и не сомнѣвалась, что отвѣчу по-французски. Не тутъ-то было: не успѣла сказать и

половины — запнулась, по-русски знаю, по-французски выразить не умѣю. Покуда я размышляла, Наташка разоралась, поставила мнѣ пару, велѣла писать урокъ. До такого срама я еще никогда не доходила; мало того, велѣла мнѣ притти въ четвертый классъ отвѣтить урокъ вмѣстѣ съ П—вской (и та тоже). Ну, и отвѣтили: какъ бомбы вылетѣли изъ класса и промчались по залу. Стыдъ-то какой! Но — *il faut faire bonne mine au mauvais jeu* — и я слѣдую этому мудрому изреченію.

2 декабря. Александра Николаевна отказала своему жениху! Отказать человѣку уже обрученному съ ней, уже имѣвшему на нее право — это я не знаю, что такое!... Чувствую, что не могу уже смотрѣть на нее, какъ прежде, мнѣ кажется, что впереди ея стоитъ отверженный ею женихъ. Я никому ничего никогда, конечно, не скажу, но... нехорошо все-таки поступила Ал. Ник. Человѣкъ долженъ быть прежде всего человѣченъ, а она поступила съ женихомъ безжалостно. Она теперь такая веселая, ласковая, все смѣется, даже лицо ея какъ будто похорошѣло; но взглянуть прямо на нее — я не могу, не могу. А еще три недѣли тому назадъ я видѣла ихъ вдвоемъ такими счастливыми...

14 декабря. Давно я не писала, не то лѣнь, не то некогда было. Я ужасно люблю бывать у бабушки: тамъ такъ тихо, тихо, хорошо. У насъ въ домѣ, если тихо, то сонно все какъ-то, а у бабушки и тишина имѣетъ свою прелесть. Бабушка вчера мнѣ свою жизнь рассказывала, о мамѣ, о дядѣ Колѣ. Теперь передо мной открыта вся жизнь семьи нашей. И, Господи, сколько несчастья рассказывала мнѣ бабушка, и все это такъ хорошо, естественно, что, право, заслушаешься... Кажется, будто двѣ семьи — обѣ извѣстныя и уважаемыя — сошлись для того, чтобы вмѣстѣ соединить свое горе и страданіе и удвоить его на мамѣ. Обѣ бабушки испытали въ своей жизни много горя, снося его твердо; и мама всегда справлялась съ собою: всего два раза въ жизни я видѣла въ ней что-то похожее на отчаяніе и слезы, но потомъ она становилась вновь молчаливой, терпящей...

19 декабря. Сегодня французенка побранила меня и назвала умницей, «способной дѣвицъ» за то, что я ей перевела *m-me Staël*. Удивительная женщина была *m-me Staël*; вѣдь не даромъ назвали ее гениальной. Въ наше время такихъ нѣтъ. Какая она была умная! Семнадцати лѣтъ, когда наши дѣвушки начинаютъ только о выѣздахъ думать, она уже издавала «Письма о Ж. Ж. Руссо». Хо-

рошо сочинять; мнѣ иногда самой хочется что-нибудь написать, да все лѣнь, все кажется, что не умѣю.

Скоро отпущь! Не будешь ходить въ 4 часа домой по темнымъ улицамъ, въ грязь и вѣтеръ, въ слякоть и морозъ. «Домой, домой», радостно повторяютъ воспитанницы, бѣгая изъ класса въ дортуаръ, изъ дортуара въ классъ. «Домой, домой!» — раздается вездѣ, по всѣмъ угламъ комнатъ нашего огромнаго учебнаго заведенія. Вотъ, вся сіяя улыбкой, растрепанная, съ передникомъ на боку, бѣжитъ воспитанница. Въ рукахъ у нея цѣлая груда книгъ и тетрадокъ, ей неловко бѣжать, но она летитъ стрѣлой, толкаетъ подругъ, вдругъ наткнулась на кровать — и вся ноша разсыпалась. — «Что это вы, — замѣчаетъ недовольная классная дама, — бѣжите какъ полоумная! Смотрите, гдѣ ваши книги? Какъ вамъ не стыдно!» Но у воспитанницы ни малѣйшаго слѣда стыда, напротивъ: лицо ея дѣлается еще больше радостнымъ, и она на выговоръ отвѣчаетъ:—«Какъ-же, вѣдь домой, Вѣра Александровна».

Вонъ тамъ, у средней кровати, какая-то воспитанница. Около нея собралась цѣлая группа: кто надѣваетъ ей платокъ, кто за стегиваетъ пуговицу, кто связываетъ узелъ. Все уже собрано, она одѣта, укутана платкомъ, начинается прощаніе. — «Прощай, Маня, милая, напиши, коли будетъ время, на Рождествѣ». — «Прощай, Манька, прощай, душка, милая»,—раздается кругомъ. И всѣ, хотя были бы самыми заклятыми врагами уѣзжающей, считаютъ своею обязанностью проститься. — «Вѣдь ты съ ней въ ссорѣ, чего же цѣловаться-то лѣзешь?» замѣчаютъ воспитанницы. — «Я и забыла, Богъ съ ней; вѣдь за мной сегодня, милочка, въ пять часовъ придутъ, на желѣзную дорогу — и домой! Понимаешь-ли?» — «Еще-бы не понять» — отвѣчаютъ воспитанницѣ другія, въ подтвержденіе своихъ словъ крѣпко цѣлуя ее. «Домой, домой, домой», — раздается во всѣхъ углахъ и закоулкахъ, читается на лицѣ всякой воспитанницы... — «Да, — размышляетъ классная дама, стоя у окна дортуара для наблюденія надъ сборами воспитанницъ, — домой, конечно, пріятно отсюда уѣхать недѣли на двѣ; а что меня ожидаетъ тамъ, въ родномъ уѣздномъ городкѣ?» И въ ея воображеніи мелькаетъ неопрятная, грязная квартирка, въ которой живетъ слѣпая старуха мать, темныя, холодныя комнаты. Пріѣдешь — счетъ отъ хозяйки квартиры за дрова, свѣчи, провизію, все это нужно оплатить, нужно къ празднику что-нибудь купить, а жалованье не велико: всего 15 руб. въ мѣсяцъ. — Вотъ станетъ-ли денегъ-то на уплату, тяжело вздыхая, размышляетъ она: я вѣдь себѣ нынче шубу, калоши ку-

пила, — немного осталось. И тутъ еще навѣрно отъ бѣдной племянницы письмо придетъ: Христомъ Богомъ попросить къ празднику хоть три рубля прислать. Какъ тутъ откажешь? А пошлешь — нельзя будетъ ничего лишняго къ празднику купить... Имъ все весело! — злобно улыбается классная дама, поглядывая на воспитанницъ: — всѣ молодыя, счастливыя; а мнѣ — никогда не быть ужъ такой — говоритъ что-то внутри ея. И вдругъ у нея является желаніе огорчить этихъ веселыхъ, смѣющихся дѣвочекъ, наказать ихъ чѣмъ-нибудь, отравить имъ счастливыя минуты. — «Чего вы разшумѣлись, сію минуту всѣ изъ дортуара!» — прикрикиваетъ она на нихъ. Въ отвѣтъ раздаются жалобные голоса, еще болѣе раздражающіе классную даму. — «За что ты наказала сейчасъ этихъ дѣвочекъ?» спрашиваетъ ее какой-то внутренней голосъ. И она нервно стискиваетъ руки, стараясь не слышать этого веселаго смѣха и шума. А кругомъ — такъ кипитъ и шумитъ молодая, веселая, беззаботная жизнь; всѣмъ весело, всѣмъ, лишь у нея одной на сердцѣ тоска страшная, безысходная. — Домой, домой!

23 декабря. Приснился мнѣ папа вчера. Странное чувство испытываю я тогда, когда вижу его во снѣ: мнѣ такъ хорошо, весело дѣлается, только, какъ будто, жаль кого-то. Говорятъ, что это онъ напоминаетъ мнѣ, чтобы я за него молилась. Это правда. Когда я плохо или долго не молюсь за папу, онъ мнѣ всегда приснится такой ласковый, добрый, такъ что жаль сна бываетъ.

О, Господи, Господи! Помилуй меня грѣшную, прости всѣ грѣхи мои. Вѣдь Ты прощаешь грѣхи всѣмъ людямъ, — прости же, Господи, звѣрю скверному, гадкому хоть одну сотую долю его грѣховъ и прегрѣшеній. Хотѣлось бы мнѣ умереть, если не сейчасъ, не теперь, то 15-го августа будущаго года, мнѣ тогда будетъ ровно 15 лѣтъ; хотѣлось бы мнѣ умереть ровно въ 6 часовъ утра, т. е. въ тотъ часъ, когда я родилась; хотѣлось бы, чтобы меня похоронили въ ельникѣ, тамъ, гдѣ мы часто гулять ходили, посадили бы елочку на могилѣ, но креста не надо ставить, можно изъ елки простенькій вырубить; а если въ ельникѣ нельзя, то пусть бы похоронили меня въ дальнемъ углу нашего кладбища, тамъ, гдѣ солнце почаще и подольше бываетъ. Гораздо лучше умереть, чѣмъ жить! Когда нынче лѣтомъ я была на папиной могилѣ, то солнце такъ ярко свѣтило, такъ хорошо было, что сейчасъ бы умерла, лишь бы надо мной солнце такъ же свѣтило, и тихо такъ было бы на кладбищѣ...

Подписалась сама на журналъ «Свѣрь». Онъ будетъ высы-

латься на мое имя, короче сказать, у меня будет собственный журналъ. Рука такъ и дрожала, когда я писала адресъ: Вс. С. Соловьеву; мнѣ казалось, что съ моей стороны величайшая дерзость писать человѣку, мало того — незнакомому, а еще извѣстности, литератору.

Р. С. Вѣроятно, долго не буду писать, можетъ быть, времени не будетъ, можетъ быть, лѣнь, такъ что заранѣе объ этомъ сама себя предупреждаю.

26 декабря. Сегодня Ал. Ник. говорила, что пора мнѣ заняться ученьемъ какъ слѣдуетъ, и не ученьемъ только, а вообще всѣмъ. Сказала (совѣстно писать даже, точно сама себя хвалю), что во мнѣ есть всѣ данныя для того, чтобы быть (не знаю какимъ) человѣкомъ, что я существо самобытное, оригинальное, не похожее на другихъ, и наконецъ сказала:—«Я какъ-то говорила съ однимъ молодымъ человѣкомъ о васъ, и мы рѣшили, что вы не жалкая посредственность». Какъ мнѣ совѣстно все это писать, но вѣдь я пишу сама для себя, а слѣдовательно, и прибавлять что-нибудь отъ себя къ описанію разговора была бы ложь передъ самой собой. Ал. Ник. рѣшительно угадываетъ мои мысли: она совѣтовала мнѣ вести дневникъ и такъ, чтобы можно было впоследствии его издать. Ну, ужъ это слишкомъ! Во-первыхъ, я и въ дневникѣ-то почти никогда и не высказываюсь, а во-вторыхъ, моя жизнь не для всякаго интересна. — «Къ чему вы себя готовите?» спросила меня Ал. Ник. Ну, что я могу отвѣтить на это? Я, право, еще ничего не предполагаю сдѣлать, но чувствую, что домашняя жизнь меня затянетъ такъ, что въ одно прекрасное утро я что-нибудь сотворю такое, что... Но я объ этомъ теперь перестала думать, и слава Богу...

Теперь хотѣлось бы мнѣ и написать что-нибудь. Вѣдь я знала: стоитъ хоть немного написать, еще захочется; написала я «Домой», ну и еще что-нибудь напишу.—Дурра! Что за самонадѣянность!—твердить мнѣ разсудокъ.—А если хочется?—возражаетъ сердце. Чтобы я была человѣкомъ самобытнымъ, не похожимъ на другихъ людей, чтобы изъ меня что-нибудь вышло — этого я, воля ваша, никакъ не могла даже и вообразить. Правда, когда вырасту большая, я буду вести совершенно иную жизнь, не похожую на жизнь другихъ людей. Мнѣ, напимѣрь, очень хочется уѣхать въ Америку, сдать тамъ экзамень на капитана, получить въ команду какое-нибудь судно и отправиться путешествовать; ну, а человѣкомъ самобытнымъ — совсѣмъ себя не воображаю. И все-таки, послѣ этого разговора, предо мной точно

что-то свѣтлое, радостное, хорошее открылось; а слова — «надо послужить на пользу общества», — которые мнѣ сказала Ал. Ник., я никогда, никогда не забуду. Вѣдь я читала, что римлянка 14-ти лѣтъ надѣвала тогу и дѣлалась полноправной гражданкой; а у насъ когда это право получается? — Въ 21 годъ, или когда замужъ выйдешь. Странно!...

1889 годъ.

1 января. Съ новымъ годомъ! съ новымъ счастьемъ! Странно говорить «съ новымъ счастьемъ», какъ будто каждый новый годъ приноситъ его съ собой; тогда какъ съ каждымъ годомъ все чаще и чаще случаются «новыя» несчастья...

Встрѣтили мы новый годъ такъ, какъ, вѣроятно, ни одна семья въ городѣ... Вечеромъ я пришла въ спальню мамы и сказала, что уже половина двѣнадцатаго. — «Хорошо, зови дѣтей въ залу», проговорила она, лѣниво приподымаясь съ кушетки... — «Въ залу пожалуйста!» растворила я дверь дѣтской. Тамъ стоялъ шумъ, смѣхъ и крикъ, было, очевидно, весело; но при моихъ словахъ какъ-то всѣ притихли, бросили играть въ карты и, оправляясь и какъ-то зажмуриваясь на ходу, потянулись въ залу. Тамъ дѣйствующія лица находились вотъ въ какомъ положеніи: мама сидѣла прямо на диванѣ, облокотясь рукой на подушку; на лицѣ ея, какъ и всегда, мнѣ почти ничего не удалось замѣтить, кромѣ усталости и желанія спать; Надя сидѣла у стѣны на креслѣ, закрывъ платкомъ половину лица; Валя помѣщалась наискось отъ нея на стулѣ; лицо у нея было опущено внизъ, губы какъ-то насмѣшливо-презрительно передергивались; Володя помѣщался подлѣ мамы на диванѣ, перебиралъ руками пуговицы; Шурка сидѣлъ около дивана на стулѣ; «посадила меня мама, и сижу, а то меня накажутъ» — говорили его поза и лицо. Я была напротивъ дивана. Мы всѣ сидѣли и молчали, лица у всѣхъ мало-по-малу начали принимать выраженіе какой-то заспанности, отуплѣлости. Мама почти уже спала, но взглядывала поминутно на часы и тихо ворчала за что-то на Валю; наконецъ, она посмотрѣла въ послѣдній разъ на часы, было безъ 11 минутъ двѣнадцать. — «Вставайте!» сказала она. Мы всѣ машинально встали. Мама перекрестилась, и мы всѣ начали молиться. Не успѣла я сдѣлать и трехъ крестовъ, какъ раздалась команда: — «Подождемъ, еще рано». Всѣ опять сѣли; время шло быстро, осталось полминуты, и снова всѣ встали, начали молиться; молились долго.

Встала съ колѣнъ мама, подошла къ столу, взяла рюмку, мы всѣ тоже. — «Давайте чокаться», сказала мама... На меня нашло какое-то отупѣніе. Когда я чокнулась съ нею, мнѣ захотѣлось обнять ее, поцѣловать и поздравить искренно; но, взглянувъ на холодныя, тупыя, ничего не выражавшія лица сестеръ, я отказалась отъ моего намѣренія: поцѣловать маму при нихъ мнѣ показалось невозможнымъ. Стали расходиться. Въ дѣтской я увидѣла сестеръ, вошедшихъ туда съ оживившимися лицами,—онѣ уже исполнили тяжкую обязанность...

Эту встрѣчу новаго года я навсегда запомню: въ ней ясно отразились отношенія мамы къ намъ и наши къ мамѣ, въ особенности послѣднее. Всякій разъ, когда мы собираемся вмѣстѣ—молчимъ, не понимая, для какой цѣли пришли. Съ дѣтства и до отрочества мы были отдѣлены отъ матери цѣлымъ рядомъ нянекъ и гувернантокъ; мы не знали матери, она не знала насъ. Мы не привыкли передавать мамѣ съ малыхъ лѣтъ свои впечатлѣнія, думы и чувства; мама насъ объ этомъ и не спрашивала; позднѣе же сойтись было труднѣе. Я очень люблю маму, но никогда между нами не было разговора, какъ говорится, «по душѣ».

12 января. Сегодня два года, какъ умеръ папа. Упокой, Боже, его душу и возьми меня поскорѣе. Жить здѣсь, на землѣ, мнѣ не зачѣмъ, только ссоры да раздоры поселяю въ семьѣ, а тамъ, Господи, я хоть папу-то милаго моего увижу. Боже Великій и Сильный, Боже Правый и Многомилостивый! Прости мнѣ грѣхи мои, хоть не всѣ, всѣхъ ихъ простить нельзя, ихъ очень много! Великая я грѣшница, недостойна я, видно, милости Божіей: все живу и не умираю, но смилуйся, Господи, надо мною, возьми меня къ себѣ поскорѣе!... Вотъ въ Евангеліи и священныхъ книгахъ читаю, что надо думать о спасеніи души; а я-то! Недавно читала въ какой-то священной книгѣ объ адскихъ мукахъ: просто волосъ дыбомъ встанетъ. Царствію Божію не будетъ конца, и адскимъ мукамъ тоже конца не будетъ! Я навѣрно попаду въ адъ за великіе грѣхи свои и буду вѣчно тамъ мучиться! Вѣчно! Господи, Боже! Прости ты меня за то, что я хотѣла не грѣшить, да ничего не исполняю! Вѣдь, если меня разсердятъ серьезно, такъ я готова иногда не знаю что сдѣлать и съ этимъ человѣкомъ и съ собой! А это грѣхъ страшный, великій! Надо стараться не грѣшить. Господи, помоги мнѣ въ этомъ!

Вспоминаю смерть папы; все случившееся въ этотъ день я помню очень ясно, и все-таки мнѣ кажется, что какъ будто все это я видѣла во снѣ...—«Лиза, поди, посмотри папу-то—шопо-

томъ зоветъ меня бабушка поздно вечеромъ... Я вошла въ комнату и увидѣла... Нельзя больше продолжать: надо Евангеліе прочесть,—теперь тотъ часъ, когда умиралъ папа.

21 января. Боже мой! Въ пятницу изъ алгебры 3, сегодня — изъ физики 3. И это изъ тѣхъ-то предметовъ, по которымъ я въ нынѣшнюю четверть по 5 получить хотѣла! Словъ нѣтъ на языкѣ человѣческомъ, чтобы выразить мое мученіе. Хуже этого, я не знаю, что можетъ быть! Что теперь дѣлать? Всѣ мои планы разрушены до основанія: хотѣла все остальное полугодіе заниматься на круглое пять, всегда всѣ уроки приготавливала, и вотъ! Поправиться мнѣ въ эту четверть уже невозможно; и въ слѣдующую — тоже, потому что знаю, что мнѣ съ собой не совладать. Спросятъ меня изъ физики; посмотрю я на учителя, припомню вторую четверть, и... прости-прощай твердо выученный урокъ: страшная злоба такъ и подымается во мнѣ, я вся задрожу, забуду все и вся... пусть онъ говоритъ за меня, а я буду молчать... И изъ математики спросятъ: начну какъ слѣдуетъ, а потомъ — чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, и дойду я наконецъ до того, что запутаюсь въ отвѣтъ и не выпутаться! Вотъ тебѣ и надежды на этотъ годъ. Радуйся, Лиза, и веселись! Не для себя я хотѣла учиться на награду,—мнѣ кажется это смѣшнымъ,—а для мамы, чтобы ее утѣшить; теперь ни на какую награду совсѣмъ не имѣю надежды. Одно только меня смущаетъ: вѣдь если я, вопреки своему желанію, перейду безъ награды, то обязана для мамы кончить съ золотой медалью, — а какъ я буду учиться? Вдругъ и тутъ у меня будетъ провалъ? Что тогда дѣлать?

Къ Ал. Ник. сегодня присталъ какой-то человѣкъ съ требованіемъ денегъ, грозя, въ противномъ случаѣ, убить, и показалъ ей ножъ. Она, конечно, страшно испугалась, проходившій мимо господинъ защитилъ ее отъ этого человѣка. Что, если бы онъ мнѣ встрѣтился! Пусть бы онъ убилъ меня, мнѣ все равно, я только отдала бы ему свои серьги, больше у меня ничего нѣтъ. А хорошо, если бы я его встрѣтила! Убилъ бы меня, и дѣло съ концомъ! И за тройку изъ физики мама не стала бы сердиться. Боже, отчего не посылаешь Ты смерть тому, кто ее проситъ? Мнѣ смерть — предметъ первой необходимости: меня не стануть бранить, не заставятъ французскихъ правилъ изъ Игнатовича учить, не будутъ изъ физики и математики спрашивать и тройки ставить; не будетъ Шкаликъ выговаривать, не буду я больше бояться — «вотъ спросятъ»...

10 февраля. Читаю «Историческій Вѣстникъ», и даже жалѣю, что взяла его: зависть беретъ къ инымъ людямъ. Вотъ, напримеръ, «Воспоминанія г-жи Головачевой-Панаевой». Сколько интереса! Сколько видѣла она, съ какими образованными людьми находилась съ самага дѣтства! Еще ребенкомъ она вращалась въ театальной средѣ, потомъ вышла замужъ за извѣстнаго литератора И. И. Панаева, очутилась между литераторами. Она теперь, навѣрное, старуха, старше моей бабушки, а сколько она знаетъ! Если ей съ малыхъ лѣтъ приходилось вращаться въ той средѣ, гдѣ главное—искусство, требующее болѣе или менѣе умственнаго развитія, то какъ же тутъ не позавидуешь! У г-жи Головачевой отецъ и мать Брянскіе—артисты императорскаго театра, у нихъ постоянно бывало большое общество, актеры и театралы, — есть что вспомнить, даже и съ ранняго дѣтства. А потомъ — какое у нея бывало блестящее литературное общество! Островскій, Некрасовъ и другіе!... А что мнѣ вспомнить въ прошломъ?—Въ глухой провинціи, ни одного интереснаго знакомства...

18 февраля. Сегодня умерла мамина няня. Царство ей небесное! Уже давно она хворала, но все выздоравливала, хотя и стара была — 89 лѣтъ. Многое она видала на своемъ вѣку и все почти помнила. Умная, добрая, славная была няня! — «Всѣ мы умремъ, да только не въ одно время», — сказала горничная Александра, — «сколько ни живи, а два вѣка не проживешь». Вотъ своего рода философія. Хотя я и очень рѣдко разговариваю съ прислугой, но почти послѣ каждаго изъ этихъ разговоровъ невольно раздумываешься, какъ они объясняютъ такъ ясно и просто то, надъ чѣмъ ломаютъ себѣ многіе головы. У насъ прислуга вся своя, нерехтская, нетронутая нынѣшней «лакейской цивилизаціей». Вотъ, напримеръ, Александра, она несчастлива съ мужемъ, но никогда на это не жалуется, ей и въ голову не приходитъ, что можно было бы жить лучше: «ничего не подѣлаешь, ужъ на то Божья воля» — таковъ у нея отвѣтъ на вопросъ, отчего это такъ, а не иначе. И съ этимъ убѣжденіемъ люди живутъ, рождаются, растутъ и умираютъ; и нѣтъ у нихъ никакихъ «почему», которые часто портятъ жизнь образованному человѣку, и живутъ, тихо, смиренно, ничего не зная, и про нихъ никто ничего не знаетъ. Одинъ Богъ вѣдаетъ всѣхъ людей и дѣла ихъ...

19 февраля. Нѣтъ, вѣрно я всегда буду одна; скучно, что нѣтъ никого кругомъ, но я никогда не даюсь этой думѣ; и если бы я

дала себѣ волю—тоска бы заѣла меня, это ужъ я чувствую, только сдерживаю ее, — ну и цѣла. Теперь мнѣ бы хотѣлось иногда, очень рѣдко, впрочемъ, съ кѣмъ-нибудь поговорить, рассказать о чемъ-нибудь, посмѣяться, и если бы была здѣсь А. Н.—мнѣ бы никакой подруги не нужно было бы, потому что она единственный человѣкъ, которому я могу сказать все. О, какъ мнѣ тогда было бы хорошо! Но, кажется, я начинаю «faire des chateaux en Espagne». Этому не бывать, ну и писать про это нечего.

26 февраля. Не хочется итти мнѣ въ гимназію, противны стѣны казенныя. Поневолѣ возненавидишь ихъ, когда бродишь одна въ классѣ или въ дортуарѣ: все холодно, мертво такъ кругомъ... Теперь, какъ говорится, всѣ наши учителя «запороли горячку»: программы, повторенія, билеты — все пошло въ ходъ. Охъ! Учмсь, учмсь, вотъ я, напимѣрь, до 6-го класса дошла, и все-таки у меня голова — пустая бочка. Вѣдь, какъ, напимѣрь, мы готовимся къ экзамену? Положимъ, сдали русскій, а дня черезъ три алгебра и геометрія. И вотъ, по выходѣ изъ класса, мы стараемся выкинуть изъ головы всю программу русскаго языка, чтобы снова набить ее математикой; кончится математика — вытряхивай все математическое, чтобы набить ее историческимъ, и такъ до конца экзаменовъ. Когда же они кончатся, то у ученицъ въ головѣ получается результатъ: у неспособной — осталась въ головѣ программа послѣдняго экзамена, потому что ее не для чего уже было вытряхивать, и тѣ обрывочки отъ программъ другихъ предметовъ, которые какъ-то успѣли уцѣлѣть въ ея головѣ; у способной — вся программа послѣдняго предмета и обрывки программы предпослѣдняго, а про первые экзамены и говорить нечего, — почти что все бываетъ позабыто (когда забываешь — даже лучше, — въ головѣ просторнѣй бываетъ); у зубри-зубрящей все отъ зубренія въ голову иногда засѣдаетъ довольно крѣпко и только, но своего онѣ никогда почти ничего не могутъ прибавить къ выученному. Ну, да Богъ съ ними, съ экзаменами-то, вѣдь еще не настали!

Ал. Ник. сказала, что чахотка заразительна. Я была въ восторгѣ. Значить, стоитъ мнѣ притти къ больной Лизѣ, поцѣловаться съ ней нѣсколько разъ, подольше посидѣть — и заражусь. Я чуть было на стулѣ не подпрыгнула, но Ал. Ник. сказала, что можно заразиться, находясь постоянно съ больнымъ, и притомъ долгое время, а я вѣдь самое долгое могу сидѣть у Лизы — часъ!...

18 марта. Пятыми овладѣла бѣшенная стихоманія: влюбляются

и стихи сочиняють, сочиняють стихи и влюбляются... Дурочка Дуня — и та тоже что-то про любовь сочинила, да рифмы подобрать не сумѣла, и за ужиномъ просить мою тетушку: — «Сочини мнѣ рифму на «ешь». — «Горошку поѣшь», говоритъ, а сама такъ и хохочетъ (у нихъ горохъ былъ). — «Да нѣтъ, кричитъ Дуня, у меня въ стихѣ: ты всѣхъ въ себя влюбляешь». — «Въ такомъ случаѣ можно: «и горошекъ поѣдаешь»... — «А-а-а, — разревѣлась Дуня, — вы все надо мной насмѣхаетесь, я про васъ классной дамѣ скажу!» Такъ и не сочинила стиха Дунечка. И я, точно нарочно, вчера переложила элегію «Брожу ли я» на гимназическія чувства и сегодня прочла ее въ классѣ; всѣмъ понравилась, многія списали. Послѣ мнѣ говоритъ Соня: — «Лиза, милая, напиши стихи!» Думая, что она просить въ альбомъ ей написать — соглашаюсь. — «Да мнѣ не то! Ты мнѣ про меня, сама сочини, да подлиннѣе!» Я такъ и вытаращила на нее глаза: я — и вдругъ стихи пишу! — «Ты, вѣдь, меня знаешь, и напиши про меня; ты такъ хорошо элегію переложила». Эхъ, не можетъ понять человѣкъ, что перекладывать и самой сочинять — двѣ вещи разныя. А въ общемъ — къ воспитанницамъ надо позвать немедля врача-психіатра.

25 марта. Подруга Соня свободно владѣетъ формой стиха; какъ легко читать ея стихотворенія! Всего ихъ шесть, небольшія, въ три, пять и шесть куплетовъ, и видно, что у Сони есть талантъ. Сестра Валька тоже сочиняетъ, попадаютъ иногда недурныя строфы, но она еще не сочинила такого стихотворенія, гдѣ бы не было ни одной неподходящей рифмы, ни одной глупости: слово «плачь», напр., она рифмуетъ «калачъ». А вотъ у меня таланта ни къ чему нѣтъ, да я объ этомъ и не думаю и не жалѣю...

26 марта. Я часто воображаю себя умершей: лежитъ тѣло, моя бывшая оболочка, отъ которой я только-что освободилась; я въ воздухѣ невидима, но вижу и слышу все. Мое тѣло кладутъ на столъ, совершаютъ надъ нимъ панихиды, плачутъ (впрочемъ, это едва-ли), кладутъ въ гробъ и зарываютъ въ землю. Когда же заруютъ мое тѣло въ землю, тогда я пойду отдавать отчетъ Богу о томъ, что я сдѣлала въ теченіе своей жизни... Въ смерти нѣтъ ни для кого разницы: умираетъ Царь, умираетъ въ тотъ-же день и минуту и послѣдній рабочій, — и души обоихъ одинаково летятъ къ Богу, отдають Ему отчетъ о дѣлахъ своихъ и идутъ потомъ каждая въ мѣсто, уготованное имъ Богомъ... Завидовать некому: все временное; а когда сравнишь нашу жизнь съ вѣчностью, то сдѣлается страшно, страшно до того, что я разъ чуть

было не вскрикнула отъ ужаса, когда стала представлять себѣ вѣчность. Но сколько ни думай человѣкъ, онъ себѣ не можетъ ничего представить безконечнымъ, такова природа людская, хотя и говорятъ: «его никогда не забудутъ, память его вѣчна», но если бы, дѣйствительно, вздумали себѣ представить это «вѣчно» и «никогда», то никогда не представили бы. Человѣкъ не въ состояніи представить себѣ, ужасъ объемлетъ его, когда онъ углубится въ слово «вѣчно», и мы до того привыкли къ временному, что неспособны стоять спокойно передъ вѣчностью. Вотъ почему умирающіе очень часто бываютъ тревожны: духъ человѣка смущается при переходѣ въ вѣчность. Только тѣ и умираютъ спокойно, кто жизнь свою провелъ безупречно...

31 марта. Вотъ тебѣ и ученье: вѣдь, съ удовольствіемъ бы стала рисовать, да если нѣтъ возможности. — Гдѣ это видано, чтобы ученицы говорили: «не хотимъ рисовать», а учитель ихъ слушался! Господи, дай мнѣ ножъ, и я зарѣжу его! Вѣдь, такое зло сегодня меня взяло, искусила себѣ всѣ руки, всѣ пальцы, чтобы только сдержаться, на полъ бросилась, руки стала о столъ ударять изо всей силы...

15 апрѣля. Скоро пойдетъ умственная сумятица. Помогай, Господи, вкладывать всю чужую ученость въ наши головы отъ начала историческихъ временъ...

Въ Парижѣ выставка открывается 6 мая. Вотъ бы поѣхать! Мама только головой качаетъ: куда, говорить, съ вашимъ состояніемъ тратиться! И чѣмъ больше мама такъ говорить, тѣмъ больше она убѣждаетъ насъ жить въ будущемъ скромно; и чѣмъ дольше мы такъ уединенно живемъ теперь, — тѣмъ сильнѣе мнѣ хочется вырваться на волю, уѣхать куда-нибудь далеко-далеко отъ такой монотонной жизни. Во мнѣ сидитъ какой-то бѣсъ, самый непокойный; иной разъ я бѣгаю какъ сумасшедшая по всему дому, страшно хочется мнѣ убѣжать куда-нибудь, не сидѣть смирно за книгой... А тутъ мама со своими нотаціями, сестры съ зубреніемъ, горничныя съ книжками отъ лавокъ и Михайло со сдачей отъ говядины. — Эхъ, жизнь, жизнь...

30 апрѣля. Первый разъ въ жизни была въ оперѣ, давали «Жизнь за царя». Боже мой! Примадонна труппы поетъ, какъ немазаное колесо скрипитъ. А хористки, хористки! Вѣдь, это ужасъ, такъ бы ихъ всѣхъ безъ передниковъ и наказала: съ высокой прической и розетками на головѣ, напудрены, съ подведенными

глазами, съ завитыми чолками, у одной даже волосы распущены, и рожи, рожи! А сарафаны! На Марьицѣ надѣтъ корсетъ и теперешній русскій костюмъ, а у хористокъ, у всѣхъ безъ исключенія — турнюры! Визгливые голоса хористокъ, скрипучее колесо Марьицы при подобныхъ костюмахъ — эффектъ! Понравились мнѣ мужчины, только, по моему, Ванѣ слѣдовало бы не такъ румяниться и пудриться, а сдѣлать бы себѣ лицо загорѣлое, болѣе подходящее къ деревенскому мальчику. Но послѣ сценъ мужчинъ на сцену вновь являются хористки — и прости-прощай пріятное впечатлѣніе. Хохотать и злиться хочется, глядя на этихъ несчастныхъ пѣвицъ...

3 мая. Вчера былъ экзамень русскій письменный; тема была простая: «Типы недоброжелателей науки по первой сатирѣ Кантемира». Ее я плохо помнила, и сочиненіе вышло неважно. Плохи дѣла! И французскій скверно, да и русскій тоже! Ну, что же дѣлать, не ревѣтъ же изъ-за неудачи! Не могу не записать: одна изъ насъ, описывая типъ Сильвана, написала: «зачѣмъ учить геометрію? Наймешь извозчика, заплатишь ему деньги, повезетъ куда угодно!» — И это пишетъ 17-лѣтняя дѣвица! Каково? Чего, кажется, труднѣе связать слова Простаковой со словами Сильвана, а у насъ и это ухитрились сдѣлать. Я думаю, кости Фонвизина и Кантемира перевернулись бы въ могилѣ, когда бы они могли слышать, какъ перевираются ихъ сатиры!

5 мая. Вотъ сегодня ровно годъ съ тѣхъ поръ, какъ я начала вести замѣтки. Я вчера прочитала ихъ немного сначала: смѣшное все такое написано... И вотъ годъ. Ничего дома не перемѣнилось, ни одной вещицы, порядокъ, день — все тѣ же, что и вчера и прошлый годъ были! Я читала дневникъ Полевого (1837—1838 г.); онъ въ концѣ концовъ восклицаетъ: — «Что за жизнь! Это жизнь?!» И дѣйствительно, ему можно воскликнуть такъ, у него жизнь была каторгой работы журнальной. А мнѣ отчего не сказать: наше житье отчасти и не жизнь, а что-то среднее между спаньемъ и ѣдой; впрочемъ, этому я уже давно перестала удивляться.

Валя просила разбудить ее сегодня въ два часа ночи, она никакъ не можетъ выучить билетовъ изъ географіи. Я, ложась спать, должна притти къ ней въ комнату и разбудить ее, и для этого она вечеромъ сунула мнѣ въ щелку двери слѣдующіе стихи:

Тебя, о Лиза, умоляю!
Я географіи совсѣмъ не знаю!
Когда моя дражайшая Надюшка
Прекраснымъ крѣпкимъ сномъ заснетъ—
Сейчасъ же мягкая подушка
И одѣяло на полъ перейдетъ.
Лишь только всѣ уgomонятся
И дрыхнуть стануть какъ сурки,—
Тогда ты можешь и подняться
И въ нашу комнату взойти.
И вотъ, вся въ черномъ или въ бѣломъ,
Тихонько дверь ты отомкни,
Однимъ толчкомъ, толчкомъ лишь смѣлымъ
Меня ты, соню, разбуди.

Теперь сиди до двухъ часовъ, чтобы Вальку разбудить, а мнѣ спать хочется...

13 мая. Вчера днемъ, помолившись въ часовнѣ, иду въ гимназію переулкомъ, а мнѣ навстрѣчу трое нищихъ—просятъ денегъ. Сперва я отказала, но потомъ нагнала ихъ. — У меня нѣтъ денегъ, хотите взять мои сережки? — «Давай, давай, матушка», — былъ отвѣтъ. Сама не помню, какъ отстегнула и сняла серьги — бабушкинъ подарокъ — и положила въ руку одной старухѣ. — Онѣ золотыя,—сказала я ей, и поскорѣе ушла впередъ. Какое-то странное чувство испытывала я, когда ушла отъ нихъ; опредѣлить это чувство я не умѣю, но оно съ такою силою всю меня охватило, что я даже разозлилась. Отчего это бываетъ?... Отсутствіе сережекъ моихъ никто не замѣтилъ, и пока никто ничего не знаетъ.

15 мая. Вчера похоронили Лизу... умерла отъ чахотки. Упокой, Боже, ея душу! Послѣдній разъ я ее видѣла въ мартѣ, и тогда уже видно было, что не долго ей жить, что она уже «не отъ міра сего»: такъ странно говорила и смотрѣла, рука, какъ палочка, самая тоненькая. Лиза, Лиза! И умерла-то ты среди казенщины, и никого близкихъ при тебѣ не было. Говорятъ, что ее хорошо похоронили наши, много плакали; это не мудрено: хорошая, славная была она. Досадно, что я не была на похоронахъ, и даже не знала, когда она умерла! Надо какъ-нибудь лѣтомъ собраться на кладбище, узнать, гдѣ она похоронена. Вотъ, мы на землѣ остались и экзамены держимъ, а Лиза-то, вѣдь, гдѣ теперь? Теперь она знаетъ все, все, что на землѣ дѣлается; вѣдь, она жива, да только не здѣсь.

Я себѣ смерть такъ объясняю: живетъ человѣкъ, думаетъ, говоритъ, всѣ его дѣйствія мы видимъ; умеръ человѣкъ, т. е. отлѣтѣла отъ него душа — и тѣло не движется, лежитъ. А душа-то, вѣдь, все та же. То, что мы называемъ «я», всегда будетъ живо и никогда не умретъ; «я» — это не эгоистическое выраженіе; по моему «я» это — сама душа, одушевляющая тѣло. Когда мы повторяемъ «я» нѣсколько разъ кряду и смотримъ въ то же время на руки, ноги, плечи, — мы чувствуемъ, что не это, не тѣло наше составляетъ «я», а что-то такое внутри насъ, и что «я» только заключается въ этой оболочкѣ. Посредствомъ «я» мы чувствуемъ, ходимъ, говоримъ, словомъ — продѣлываемъ все то, что продѣлываютъ и всѣ люди; но нѣтъ «я» — и мы ничего не можемъ сдѣлать! Посредствомъ «я» совершается все лучшее и все худшее въ мірѣ: «я» властвуетъ надъ другими, «я» разрушаетъ царства, города, истребляетъ народы. И вотъ смерть извлекаетъ «я» изъ тѣла, и какія-бы великія дѣла ни творило «я» — все-таки тѣло его безпомощно, и оно уже не можетъ дѣйствовать безъ «я», а это «я» отдаетъ отчетъ Богу о своихъ дѣлахъ и поступкахъ. «Я», живое, вѣчное изъ вѣчныхъ, живущее частью на землѣ — въ тѣлѣ, а частью въ небѣ — освобожденное отъ тѣла, часто приводитъ меня въ ужасъ: «Я, я, я», до безконечности живущее!

О, Господи Боже, какъ ничтоженъ человѣкъ предъ этимъ вѣчнымъ живымъ «я». Великій ужасъ обнялъ бы человѣка, если бы онъ непрестанно помышлялъ о вѣчности этого «я» и сознавалъ бы вполне, что его «я» когда-нибудь освободится отъ тѣла. Это такой страхъ, такое чувство собственнаго ничтожества, что предъ нимъ блѣднѣютъ самыя жестокія муки, потому что «я» вѣчно, а земныя мученія временны. Смерть — освобожденіе «я» отъ тѣла; я знаю, что «я» живо, никогда не умретъ; что когда-нибудь мое «я» увидитъ въ другомъ мірѣ и это «я». И вотъ, странное чувство возбуждаетъ во мнѣ видъ мертваго тѣла: другіе плачутъ надъ нимъ, какъ будто человѣкъ и дѣйствительно умеръ, я же вижу только въ тѣлѣ ту оболочку, въ которой «я» жило на землѣ; а такъ какъ «я» сохраняетъ всѣ свои способности и познанія, пріобрѣтенныя на землѣ, то его-то и слѣдуетъ признавать, собственно, человѣкомъ, а тѣло только его оболочкой. Разъ «я» живетъ вѣчно, то, слѣдовательно, и человѣкъ не умеръ, а только «я» оставило тѣло. Поэтому-то мнѣ и странно, при видѣ этой оболочки, лежащей въ гробу, — видѣтъ слезы объ этомъ человѣкѣ: плакать можно только объ «я» и просить Бога простить ему его согрѣшенія, вольныя и невольныя. Вотъ и Лиза,

вѣдь, она живетъ теперь, но только въ другомъ мѣстѣ; и я когда-нибудь увижу ее и узнаю, каково ей.

Вчера, когда я узнала, что она умерла, я пошла поскорѣе къ себѣ, помолилась и открыла Евангеліе наудачу, чтобы потомъ истолковать то, что откроется. И открылось мнѣ: Евангеліе отъ Иоанна, глава 11-ая, стихъ 26: «И свѣрхъ того между нами и вами утверждена великая пропасть, такъ что хотящіе перейти отсюда къ вамъ не могутъ, также и оттуда къ намъ не переходятъ». Послѣ этого я еще два раза открывала Евангеліе, но не попадала на болѣе подходящее къ смерти. Сейчасъ я открываю вновь Евангеліе: отъ Иоанна, глава 16-ая, стихъ 25: «Но Авраамъ сказалъ: Чадо! вспомни, что ты получилъ уже доброе твое отъ жизни твоей, а Лазарь злое; нынѣ же онъ здѣсь утѣшается, а ты страдаешь». Какъ истолковать эти слова?

Лиза, Лиза! Вотъ и меня тоже зовутъ Елизаветой; и молясь — упокой, Боже, душу новопреставленной рабы Твоя Елизаветы — воображаю, какъ и надо мной будутъ читать молитву эту, пѣть успокойные стихи. Господи, тогда-то мнѣ хорошо будетъ!

Лиза, Лиза! И зачѣмъ только ты умерла?! Если бы я плакать умѣла, я бы не по-человѣчески заплакала, но плакать я не умѣю, какъ по-настоящему плачутъ. Вотъ злиться—умѣю, до того, что всѣхъ, кто разозлить, могу зарѣзать; руки себѣ до синяковъ кусаю и перочиннымъ ножомъ рѣжу, если разозлиться явно невозможно...

25 мая. Завтра экзаменъ «физичный», и послѣдній. Да, дѣла!.. Сегодня отъ тети получено письмо изъ Берлина съ двумя марками, по 10 пфениговъ каждая; и я не только не могла узнать содержаніе письма, но даже мнѣ не позволили взять хоть одну изъ заграничныхъ марокъ. Дверь мамы моей заперта сегодня... и подумаешь изъ-за чего? — Только сказала мамѣ: не проходи, пожалуйста, черезъ мою комнату, надо, вѣдь, заниматься! Мама дошла до двери своей комнаты и черезъ минуту же, точно маленькая, снова къ двери. Тутъ ужъ я не вытерпѣла: такъ, мама, и учиться невозможно! И что же? Дверь въ мамину комнату, прежде бывшая лишь притворенною, — съ шумомъ захлопывается на задвижку и уже весь день не отпирается. И чего-чего только къ этому случаю и не было пристегнуто: и что-то о манерахъ, и что-то о благодарности, и что-то о пирожномъ, и «я тебѣ покажу, кого ты должна слушаться», на что я, помню, тихонько отвѣтила: «пожалуй». Въ результатъ, конечно, брань, и уже не «дрянь-дѣвченка», а нѣчто посильнѣе, похуже и вообще для человѣче-

скаго достоинства пооскорбительнѣе... Дѣйствительно, я могу быть, ну, хоть дрянью, но тѣмъ, чѣмъ Богъ сотворилъ не людей, а свиней, и даже вообще никого не сотворилъ, — я не могу быть не только по законамъ человѣческимъ, но и по закону природы. Я не слыхала отъ мамы и такихъ словъ и такихъ поступковъ уже давно, и странно, что ничего мнѣ отъ этого не сдѣлалось: все слушала спокойно, точно не мнѣ говорятъ. А коли отвыкнешь отъ такихъ сценъ — трудненько, вѣдь, къ нимъ потомъ привыкать...

Завтра физика. Какъ-то придерется ко мнѣ физикантъ: на всѣ его вопросы и придирки я въ нынѣшнемъ году торжественно молчала, за что получала аккуратно каждый разъ 3. Я нахожу очень страннымъ привычку человѣка спать ночью: сонъ пустая трата времени. Вчера я до четырехъ съ половиною часовъ утра сидѣла, — и физики 10 билетовъ выучила и цѣлую книжку «Историческаго Вѣстника» прочла. А сегодня почему-то спать хочется. Дѣлалъ бы человѣкъ дѣло день, дѣлалъ бы его и ночь, да спалъ бы всего два часа; вотъ тогда и къ экзаменамъ удобно было бы готовиться. Бьетъ уже 11 часовъ. Пора заниматься...

26 мая. Ура! перешла въ 7-ой классъ!! У меня всего двѣ четверки экзаменаціонныхъ, а на остальныхъ 5. Про годовые — не говорю, потому что... Какая суета, гамъ, шумъ, крикъ, возня, — словомъ, все то, что мнѣ такъ нравится, что я такъ люблю въ гимназіи. Каждая послѣ экзамена бѣжала въ дортуаръ укладываться: снималось казенное бѣлье, передники, такъ что тѣ, которыя уходили сегодня, надѣвъ для приличія только казенное платье, были совершенно декольтированы и сидѣли на кроватяхъ.

Я бродила, бѣгала взадъ и впередъ, наблюдая воспитанницъ. Вотъ идетъ одна изъ нихъ, остановилась, вздохнула, и говоритъ: — «Слава Богу, теперь и послѣдніе сдали, больше нечего уже бояться, совсѣмъ свободны; слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ!» и начинаетъ усердно класть земные поклоны передъ висѣщимъ на кровати образомъ. Рядомъ съ ней, вся обложенная вещами, на колѣняхъ передъ раскрытой тумбой другая; третьей платье портниха принесла; та затягивается въ корсетъ, надѣваетъ его, кругомъ съ любопытствомъ смотреть... Все больше и больше приходятъ съ экзамена, вотъ, наконецъ, пришла и послѣдняя. Теперь собралось судилище; сидимъ, толкуемъ. Вдругъ вошла Людмила Іосифовна съ листкомъ фамилій и балловъ, мы всѣ бросились къ ней, заорали, зашумѣли; я кричу — мнѣ сколько? — «Пять!» Я разинула ротъ: у меня годовой 3, а на экзаменѣ 5! и подпрыгнула отъ радости! Самый трудный для меня предметъ

сошелъ такъ прекрасно!.. Всѣ бѣгаютъ, смѣются, я душила и тискала Маню... Кто-то сказалъ: «mesdames, вѣдь мы — седьмая, понимаете-ли вы это?» Я только тутъ сообразила: вѣдь, дѣйствительно, седьмая! И всѣ очень дивятся моимъ балламъ: изъ физики, кажется, единственный въ классѣ контрастъ, «паразительный», прибавляютъ восьмая. — Съ тобой, Лиза, мы уравнились» — сказала мнѣ П—ая, получившая три на экзаменѣ. — Да, такъ давай уравнимся и въ 7 классѣ: ты вѣдь будешь бить на золотую, хотя мнѣ это совершенно все равно, у меня «честолюбія» нѣтъ... Господи, какъ пріятно теперь. Экзамены кончены, на душѣ такъ легко...

31 мая. Для развлечения я теперь придумала написать, какъ я провела годъ живущей въ Сиротскомъ домѣ; — положимъ, это будетъ смахивать на «воспоминанія», ну, да ничего: вѣдь я не покажу своей тетрадки никому, а писать для себя совсѣмъ не грѣшно.

4 июня. Сегодня умеръ Иванъ Данилычъ, нашъ хозяинъ. Царство ему небесное! Старый другъ его, Иванъ Антонычъ Котласовскій, часто бывалъ у него въ послѣднее время, и теперь бѣгаетъ и плачетъ: послѣдняго друга своего хоронить. Переходя дворъ, подошелъ онъ къ окошку нашей передней, гдѣ были мы всѣ, и когда мама выразила ему свое сожалѣніе, онъ только сказалъ. — «Все кончено... послалъ телеграммы вездѣ»... и старые голубые его глаза были совсѣмъ красны, и голосъ дрожалъ... Жаль его... Жилъ человѣкъ—и умеръ; «окна мѣломъ забѣлены; хозяйки нѣтъ». А я ни на минуту не подумала объ Иванѣ Данилычѣ, надѣясь, что не умретъ.

Снились мнѣ сны въ эту ночь, и преглупые сны. Одинъ такой страшный, я даже закричала: снилось мнѣ, что лежу я на постели у самой двери моей комнаты; а за дверью стоитъ кто-то и просить у меня ключа отъ двери (она заперта), чтобы повѣситься на моей сторонѣ двери на продолговатой формы задвижкѣ. Я ключа не даю и держу у себя подъ одѣяломъ; и знаю, что этотъ кто-то не можетъ у меня ключа отнять, потому что дверь заперта; а кто-то все просить и умоляетъ дать ключъ. Наконецъ, кто-то говоритъ:—«а, ты не даешь,—сама достану»... и начинаетъ дергать дверь и даже хочетъ просунуть пальцы сквозь щель ея, чтобы отодвинуть задвижку. Боже, я испугалась, и закричала... Проснулась — слышу бьетъ 5 часовъ. Снова заснула.

И снится мнѣ вновь, будто на морѣ большая буря, я спасаю и собираю вещи какой-то нѣмки, которую очень люблю; тружусь безъ устали, и вдругъ попадаю въ домъ, гдѣ всѣ Дьяконовы. Какъ только я вошла въ домъ, мнѣ тотчасъ дали жену; на ней черное платье и цѣпочка вокругъ шеи отъ часовъ. Она меня будто-бы любить, но вся эта масса женъ и мужей интригуешь, сплетничаетъ и наговариваетъ другъ на друга; между ними есть какой-то старшій, но я чувствую себя очень свободно, онъ оказывается моимъ мужемъ. Когда я иду мимо темноватой комнатки, кто-то изъ мужчинъ говоритъ мнѣ: «у твоего мужа десять любовниковъ: Мень, Ленъ, Зень, Пенъ»... Я останавливаюсь, ошеломленная вѣстью объ измѣнѣ мужа... и проснулась... Я помню все, что снилось, такъ ясно и ярко, точно всѣ ощущенія были наяву.

Странно. Ну, и снится же такая чепуха! Не знаю, что и вздумалось мнѣ записать эти сны, нелѣпы и дики они...

Я такъ думаю, что это отъ цвѣтовъ: третьяго дня я купила на бульварѣ два букета какихъ-то ночныхъ фіалокъ, полевыхъ цвѣтовъ съ сильнымъ запахомъ, и вторую ночь ставлю ихъ около своей подушки.

15 *іюня*. Ровно черезъ два мѣсяца будетъ рожденіе моей собственной особы: 15-го августа и 15 лѣтъ! Чѣмъ больше — тѣмъ лучше: значительное количество лѣтъ внушаетъ уваженіе и почтеніе къ своей особѣ другихъ личностей, а этого долженъ желать каждый. Какъ бы мнѣ хотѣлось умереть именно въ этотъ день, ровно въ 6 часовъ утра, когда я родилась, и если бы кто-нибудь прислалъ ко мнѣ смерть на этотъ день и часъ, то сдѣлалъ бы мнѣ самый лучший подарокъ на рожденъе. Но чего хочется, того всегда долго ждать приходится, это я замѣчаю уже давно. Вотъ хочется умереть, а жди, когда сама смерть придетъ; хочется книгъ — жди, когда пришлютъ изъ бібліотеки; хочется платья — жди, когда матеріи купятъ и сошьютъ. Хуже всего, что смерть не идетъ; если бы можно было крикнуть: «эй, ты, пошла сюда, тебя мнѣ нужно!» Хорошо было-бы, а то — все жди...

27 *іюня*. Годъ назадъ — поѣхала въ Нерехту. Отъ времени моего пребыванія тамъ остался дневникъ, писанный карандашемъ, на четвертушкахъ бумаги; я какъ пріѣхала оттуда (8 *іюня*), такъ его и не развертывала, надо будетъ какъ-нибудь разсмотрѣть *).

*) Въ рукописяхъ автора этой части дневника не сохранилось. *Прим. ред.*

1 июля. Ну день! Сестры довели Александру Николаевну до отказа, и этимъ заставили маму унижаться, просить у нея, какъ милости какой, остаться, какъ будто мама сама была гувернанткой и просила не отказывать себѣ отъ мѣста. Это гадко, мерзко, низко! Я, будучи на маминоѣ мѣстѣ, такъ унижаться бы не стала, а на дѣтей обратила бы побольше вниманія; а то у насъ все на словахъ, и исправленіе, и стараніе, и все такое, а дѣйствіемъ мама никогда не поучить хотя бы Надьку, упрямѣйшее существо въ мірѣ...

2 июля. Читаю я свой дневникъ и вижу расписаніе каждаго дня. Это глупо, ужъ лучше совсѣмъ ничего не писать, чѣмъ каждый день одно и то же.

Я читала гдѣ-то, что если намочить платокъ эфиромъ и вдыхать его, то человѣкъ получаетъ странныя ощущенія. Ложась спать, я и хочу сейчасъ испытать это: помочу платокъ и лягу въ постель. И эфиръ у меня кстати есть, его я вчера купила для задушенія насѣкомыхъ.

А-а, такъ ты не можешь, у тебя духу не хватаетъ... Такъ будь-же ты проклята трижды, проклятое созданіе!

4 июля. Прекрасная мысль пришла мнѣ, когда я съ мамой провожала Толгскую Божію Матерь: когда окончу курсъ въ гимназіи, и если мама не согласится на дальнѣйшее продолженіе моего образованія, — я поступлю въ монастырь! Чѣмъ дома жить, да небо коптитъ, ужъ лучше служить Богу, тѣмъ болѣе, что меня въ семействѣ ничто особенное удержать не можетъ. Лучше монастыря и быть ничего не можетъ, я теперь все о немъ думаю. Вотъ какія иногда прекрасныя мысли въ голову приходятъ, и совершенно неожиданно.

8 июля. Горничная сказала мнѣ, что сегодня за обѣдней въ монастырѣ будутъ постригать монахинь, двухъ, кажется. Я рѣшила непременно итти туда: вѣдь, можетъ быть, когда-нибудь и я буду такъ же постригаться, отчего же мнѣ и не посмотрѣть? Но, однако, ничего не было...

Досадно, что наслѣдникъ покойнаго Ивана Данилыча вздумалъ подарить довольно порядочное количество его книгъ, между прочимъ Бѣлинскаго и Тургенева, старушонкѣ, верхней квартиранткѣ, которая ихъ никогда и въ руки-то не возьметъ! Гораздо лучше — продалъ бы ихъ мамѣ; новыхъ книгъ она никогда не покупаетъ, а по случаю купила бы.

9 июля. — «Ахъ, какія у васъ манеры!» — «Вы не умѣете держаться!» — терпѣть не могу я этихъ восклицаній Ал. Ник., не понимаю ихъ, ибо легче мнѣ просидѣть надъ физикой три часа и выучить десять теоремъ, чѣмъ понять; восклицанія эти для меня совершенная terra incognita. Человѣкъ идетъ по улицѣ, кланяется, разговариваетъ, а про него говорятъ: — «манеры хорошія, хорошо себя держитъ». Подаваніе руки, разговоръ, походка — все это имѣетъ вѣдь свои названія, а въ общемъ называется «манерой держать себя», такъ что-ли? Въ такомъ случаѣ это похоже на сложеніе: каждое число имѣетъ отдѣльное названіе, а сумма ихъ другое, такъ-ли? Слова эти даже неудобны, но безъ нихъ почему-то не могутъ обойтись какъ отцы, такъ и матери, какъ гувернеры, такъ и гувернантки; другихъ, я увѣрена, нѣтъ совсѣмъ въ мірѣ...

12 июля. Ал. Ник. начинаетъ говорить мнѣ дерзости, и я на силу удержалась, чтобы не назвать ее какъ-нибудь: слишкомъ ужъ далеко начинаетъ заходить. Если послѣ перваго іюля роль мамы по отношенію къ ней перемѣнилась, однако — кто въ комъ больше нуждается? — Мама платитъ ей 30 рублей въ мѣсяцъ, а у насъ гувернантки, знающія иностранные языки, получали 25 рублей, и если она откажется — ей скоро такого урока не найти, 30 же рублей въ ея семьѣ большія деньги...

Эта изящная барышня, образецъ прекрасныхъ манеръ и деликатнаго обращенія, говоритъ дерзости своимъ же воспитанницамъ, зная, что мы не можемъ ей отвѣчать тѣмъ же, защищаться, и выходитъ похоже на то, что самый большой человѣкъ бьетъ маленькаго невиннаго ребенка. Такъ поступать нечестно, или, иначе говоря — не по-рыцарски. Вообще, нашъ «образецъ» во многихъ случаяхъ является «образцомъ нечестнымъ, образцомъ на шпилькахъ, но сверху прикрытымъ одѣяніемъ хорошихъ манеръ и изящества». Нечего сказать, хорошо! А еще мама говоритъ: — «бери съ Ал. Ник. примѣръ!» Очень благодарна, но брать примѣръ съ такихъ «образцовъ» въ отношеніи ихъ дерзостей и оскорбленій младшихъ я никогда не буду. Вотъ тутъ-то и показываетъ себя человѣкъ!

19 июля. Сегодня я одно выраженіе Ал. Ник. сравнила съ выраженіемъ пьянаго мужика и сказала ей. Подѣломъ! въ другой разъ такъ не заговорить. Вотъ и благородная барышня! Виденъ человѣкъ во гнѣвѣ своемъ: изящество наружу, а колкость и дерзость внутри!... Теперь она будетъ молчать и говорить

только «прощайте» и «здравствуйте». Это очень скверно, я терпѣть не могу, когда такъ говорятъ, но не извинюсь, не извинюсь. Никогда до нынѣшняго года я не писала и не думала о ней ничего дурного, а тутъ и пишу и думаю самыя нелестныя для нея штуки. Что дѣлать — пишу правду! Защищаться младшему отъ старшихъ всегда необходимо; я, вѣдь, уже въ 7-омъ классѣ, мнѣ скоро будетъ 15, а ей 22 — это почти одно и то же, — слѣдовательно, она, да и никто, безнаказанно мнѣ дерзости говорить не можетъ. Вообще, я не мямля, не ребенокъ, а совсѣмъ взрослая женщина! Дома думаютъ: «ты — точно малый ребенокъ, любишь бѣгать, играть». Но, Боже мой, развѣ взрослыя женщины не играютъ и не бѣгаютъ, когда соберутся между собою?! Это, вѣдь, не грѣхъ...

24 *юля*. Читала я сегодня вечеромъ хорошій романъ Линева «Исповѣдь преступника». Если бы не предисловіе, право подумала бы, что все это выдуманно — до такой степени все странно, неожиданно и необыкновенно въ этой исповѣди. «Бываютъ же на свѣтѣ люди, съ которыми случаются странныя вещи!» — гдѣ-то я прочла это выраженіе, и оно удивительно подходитъ къ автору романа: все — романично, и все — правда!

31 *юля*. Были за службой въ нѣмецкой церкви. Внутренность ея представляетъ продолговатую комнату, на одномъ концѣ округленную, и тамъ стоятъ иконы, изображающія Распятіе Іисуса Христа, Тайную Вечерю и еще по иконѣ справа и слѣва; по сторонамъ длинныя, снѣжно-бѣлыя скамьи; на стѣнѣ виситъ черная доска съ написанными бѣлой краской цифрами. И все. Ни одной иконы болѣе, ни одной зажженной лампы; все тихо, уныло, казенно... мертво какъ-то! Когда мы вошли, — пасторъ стоялъ въ особой пристройкѣ, наверху стѣны, подъ балдахиномъ, и говорилъ своей паствѣ съ жаромъ, жестикулируя, иногда взглядывая въ книгу. Усѣвшись на одну изъ заднихъ скамеекъ, я внимательно слушала, о чемъ онъ поучалъ своихъ прихожанъ, и поняла-таки суть его рѣчи: любовь къ Богу, любовь къ ближнему. Говоря о вѣрѣ въ Бога, — онъ указывалъ себѣ на сердце, и еще чаще сталъ повышать и понижать голосъ. Сказавъ въ заключеніе обычное «Амен», пасторъ сошелъ внизъ. Еще въ серединѣ его рѣчи заигралъ органъ, и всѣ сидящіе запѣли хоромъ; я такъ и замерла на мѣстѣ, услышавъ это пѣніе: до того тихо, стройно и звучно раздавалось оно подъ сводами церкви. Господи, какъ хорошо!... Вскорѣ пасторъ подошелъ къ столу передъ иконой Распятія, который, очевидно, замѣняетъ алтарь. Со скамейки со-

шла одна нѣмка и, приблизившись къ столу, стала передъ нимъ на колѣни. Началось чтеніе по книгѣ, вперемежку съ пѣніемъ и органомъ, потомъ органъ заигралъ надрывающій душу похоронный напѣвъ, и пасторъ, взявъ со столика облатку, подаль ее женщинѣ; затѣмъ чашу, и далъ ей пить. Это совершалось причащеніе. Мнѣ даже стало страшно: по ихъ понятію Духъ Святой нисходитъ на эти Дары, они причащаются и думаютъ, что Богъ принимаетъ ихъ службу. Жалко ихъ! Ослѣпленные люди!

... Что будетъ черезъ мѣсяць? Великій Господи, сдѣлай такъ, чтобы я умерла въ этомъ августѣ! Вѣдь, тоска, какъ подумаешь, что черезъ мѣсяць будешь одѣваться, собирать книги, будутъ ходить учителя — фу-уй! Умирать время: довольно, кажется, жила, и хотя настоящей жизни не видала и ничего не знаю, но умереть все-таки мое первѣйшее желаніе. Настоящая-то жизнь — тамъ, у Бога, и мы живемъ на землѣ пресмыкаясь.

13 августа. Къ вечеру вдругъ сверкнула молнія, но грома нѣтъ, и теперь, когда пишу, разразился ливень. Кругомъ темно, все стихаетъ, и въ природѣ разливается какая-то теплота... Еще 33 часа, и мнѣ 15! Скоро время идетъ, и пусть идетъ оно быстро-быстро, не давая ни минутки намъ назадъ оглянуться, чтобы подумать о прошломъ, — все это глупости однѣ. О, была бы моя власть, было бы время дѣйствительно въ образѣ стараго старика, — я бы крикнула на него: ну, скорѣй, время, скорѣй, бѣги, бѣги, не уставая, быстро впередъ, не давай никому раздумывать!...—И бѣжало бы время, чѣмъ быстрѣе—тѣмъ лучше, тѣмъ ближе къ смерти, къ могилѣ.

Тетрадка кончается; напишу для конца что-нибудь о «кончинѣ». Это было 7 лѣтъ тому назадъ; гувернантка у насъ была Зинаида Андреевна. Было дѣло лѣтомъ. З. А. сидѣла на складномъ стулѣ около бесѣдки, держа въ рукахъ «Московскія Вѣдомости»; я стояла, опершись локтями на ея колѣни, и слушала, какъ она начала рассказывать горничной: — «Въ одномъ селѣ упала съ неба бумага и будто бы эта бумага кричала: «вы всѣ грѣшники и недостойны меня поднять». Тогда нашелся одинъ праведникъ, который ее поднялъ, и прочелъ, что черезъ семь лѣтъ будетъ кончина вѣка.» Тогда, помню, я подумала: черезъ семь лѣтъ... мнѣ будетъ уже 14... и эта цифра показалась мнѣ огромной. За весь этотъ семилѣтній промежутокъ я иногда вспоминала объ этомъ рассказѣ и считала, сколько лѣтъ осталось до кончины вѣка. И вотъ — до сихъ поръ ея нѣтъ. Экую, подумаешь, глупость люди выдумаютъ...

15 августа. Вотъ, наконецъ-то, 15-ое! Цифры совпали! Недаромъ мнѣ такъ хотѣлось 15-ти лѣтъ! Весь день прошелъ очень пріятно. Подарила мнѣ мама золотую браслетку съ якоремъ и сказала: — «Какъ этотъ якорь крѣпко прикрѣпленъ къ браслеткѣ, такъ и дочь моя пусть любитъ крѣпко маму».

16 августа. Завтра молебень и, значить — ученье... да что про него толковать, скучно. А нынѣшній годъ обязательно надо бы учиться; впрочемъ, я это давно знаю, слѣдовательно, — нечего и писать. Такъ и чувствуешь уже учебную обстановку, даже кажется, что Ал. Ник. на фотографической карточкѣ строго смотритъ на меня и говоритъ: — «Ну-съ, вы приготовили эту теорему, а тамъ посмотримъ нѣсколько задачекъ». Этотъ годъ послѣдній; дай Богъ всего хорошаго.

20 августа. Вчера былъ молебень... У о. Клавдія и о. діакона новыя ризы, золотыя съ серебряными крестами. Еще двѣ иконы на подставкахъ по сторонамъ царскихъ вратъ тоже новыя. Завтра ученье...

21 августа.

Не грѣхъ ли для начала года
Такъ глупо время убивать?

Пробило 8 часовъ, Михаилъ открылъ ставни, и тусклый свѣтъ дождливаго дня какъ-то лѣниво проникъ въ комнатку, скользнулъ за ширмы и тѣмъ заставилъ открыть глаза мою милость. — Ну-съ, подумала я (и едва не сказала вслухъ), а вѣдь сегодня надо... и, взглянувъ на висѣвшее напротивъ форменное платье, принесенное еще съ вечера, не докончила своей мысли: чего-жъ тутъ размышлять? Обрядъ одѣванія моего затянулся долго: день былъ скверный, лилъ дождь, все было какъ-то лѣниво, отчего же и человѣку въ такой день не полѣниться одѣться быстро?

Вышла я въ столовую, наскоро выпила чаю или молока и, взявъ зонть и «календарь для учащихся» — быстро пошла по дорогѣ къ своей гимназій.

Двери были отворены, и на вѣшалкахъ въ передней висѣло уже множество шляпъ и одеждъ; Степанъ сидѣлъ на ларѣ и куриль. Взбѣжавъ по лѣстницѣ, я прошла черезъ залу и отворила дверь седьмого класса. Тамъ слышался смѣхъ, болтовня и шелестъ шиваемыхъ новыхъ тетрадей изъ казенной бумаги; нѣ-

которыя изъ воспитанницъ доканчивали очень полезную придуманную ими шутку: въ крышку столика вбиты были четыре гвоздя, и на нихъ крестообразно обвивались нитки; пространство между нитками и крышкой служило вмѣсто портфеля для вкладыванія бумаги, тетрадей, нотъ, писемъ и т. д. Поздоровавшись со всѣми, я, какъ дѣловой человѣкъ, освѣдомилась о новыхъ книгахъ. — «Пиши, сказала Оля, таблицы логариѳмовъ и руководство косматой географіи Малинина и Буренина». Я записала буквально ея слова. — «Да ты смотри, не спроси такъ въ лавкѣ по разсѣянности, вѣдь, могутъ тебѣ дать «косматую» географію!» Кругомъ засмѣялись. Я окончила записывать, больше дѣлать было нечего, и я рѣшила итти домой... — «Нѣтъ, не пойдете!» — вдругъ вымолвилъ Шкаликъ, встрѣтивъ меня въ залѣ. Оторвавшись на минутку отъ журнала, онъ удивленно глядѣлъ на меня: — «Оставайтесь здѣсь». — Неужели до 4-хъ? перебила я ее, совершенно недоумѣвая. — «До тѣхъ поръ, пока Надежда Ивановна не разрѣшитъ», былъ отвѣтъ. — «Не пустила», возгласила я, вернувшись въ классъ.

Вошелъ Шкаликъ. — «Приходящія будутъ здѣсь, а вы уйдете домой на завтракъ въ 12 часовъ, и чтобы въ 2 часа опять притти сюда». — Зачѣмъ? — «Да что вы поглупѣли, что-ли, за лѣто? — накинулась на меня Александра Андреевна, — вѣдь, придутъ же учителя, а если ихъ нѣтъ, то все же вы должны сидѣть и ждать!» И разсерженный Шкаликъ убѣждалъ къ своему безотвѣтно-покорному стаду — третьимъ. Вотъ и сиди! Старая исторія.

Вскорѣ наши достали расписаніе и торжественно внесли его въ классъ. «Понедѣльникъ. Первая — математика, вторая — исторія, третья...» — раздался громкій голосъ читавшей, покрываемый удивленными восклицаніями остальныхъ. Работу прервалъ звонокъ, напоминавшій часъ моего освобожденія, и я убѣжала безъ оглядки домой. О близости двухъ часовъ я не беспокоилась: еще вчера сказали нашимъ, что Гор—евъ не придетъ, будетъ пустой часъ, и опоздать теперь минутъ на пять — не бѣда. Взявъ съ собою книги, грязною дорогою я дошла до гимназіи, но, переходя передъ ней улицу, запуталась въ грязи, чуть не упала, и съ трудомъ, наконецъ, добралась до крыльца. Быстро прошла я въ залу, гдѣ царствовала та зловѣщая тишина, по которой можно всегда угадать, что идетъ гдѣ-нибудь урокъ. — «Да, вѣдь, у васъ Гор—евъ!» сказалъ мнѣ кто-то. — Неужели?.. и скромно войдя въ классъ и поклонившись учителю, я сѣла на свое мѣсто. Гор—евъ говорилъ о добромъ сердцѣ Карамзина, и, вѣроятно, отъ гордости, что онъ преподаетъ въ седьмомъ классѣ — какъ-то осо-

бенно, кругообразно вертѣлъ бровями и такъ моргалъ глазами, что я подумала, не сошелъ-ли онъ съ ума. Толкуя долго и много о Карамзинѣ, онъ навелъ на большинство скуку, но я слушала внимательно, потому что хотѣла выучить безъ записки, въ чемъ и успѣла. По окончаніи урока Шкаликъ вновь набросился на меня.—«Вы почему опоздали? Я вамъ въ поведеніи сбавлю, а въ слѣдующій разъ будете оставлены на часъ. Вы думаете, что седмица, такъ на васъ и управы нѣтъ!»

Произошла опять путаница въ расписаніи; мы стали ждать французскаго... Учитель не являлся, я присоединилась къ нашимъ, и мы болтали о пустякахъ до 4-хъ. Уже будучи на улицѣ и сообразивъ, какъ и что было, я вспомнила очень мѣткіе стихи аркадскаго принца:

Не грѣхъ ли для начала года
Такъ глупо время убивать?

Да, правда, и это потерянное время воротить было совершенно невозможно...

23 августа. Разбираясь у мамы въ книгахъ, я взяла себѣ нѣсколько прекрасныхъ французскихъ книгъ, и между прочимъ: «La vie de Iesus par Ernest Renan», страшно обрадовавшись этой находкѣ. Но мама тутъ какъ тутъ: пришла, увидѣла и взяла, сказавъ, что рано читать! Но вѣдь мнѣ уже 15 лѣтъ! У меня все-таки остались: «Эмиль» Руссо, «Коринна» Staël, «Приключеніе Телемака» Фенелона, Жюль Вернь — все въ оригиналахъ; а ту книгу я какъ-нибудь послѣ отыщу у мамы...

29 августа. Э, да я кажется 6 дней не писала? И хорошо, а то къ чему каждодневныя скучныя строчки. Начала посѣщать свою «старую дуру». Дѣйствительно, чѣмъ наша гимназія не «старая дура?» Тамъ всѣ изъ ума выжили, начиная съ начальницы и кончая швейцаромъ. Надежда Ивановна благополучно допускаетъ всѣхъ дочекъ своихъ къ наградамъ и золотымъ медалямъ, отнимая ихъ у другихъ воспитанницъ; шьетъ своей любимой Надѣ платья, очень мало заботясь о другихъ живущихъ, ихъ поведеніи и ученіи; говорятъ (и подтверждаютъ), что она беретъ подарки и покровительствуетъ кое-кому...

Шкаликъ злится, бѣгаетъ, наказываетъ, суется вездѣ и не въ свое дѣло, преподаетъ французскій языкъ, а самъ не умѣетъ передать легонькаго разсказца на этомъ языкѣ; говорятъ (и подтверждаютъ), будто бы пить иногда любить,—что именно—ка-

ждый можетъ догадаться... Другая классная дама П** раздѣлила свой классъ по поведенію на «мраморныхъ, золотыхъ, серебряныхъ, тряпичныхъ», кажется «мѣдныхъ», и дала каждой изъ нихъ подчиненную младшаго класса, «дочку», приказавъ ей звать ту, которой дана «мамой». Mais que-ce que c'est donc?... Дюсетъ скверная подражательница двумъ первымъ: ругается, толкается, кричить,—словомъ, совсѣмъ не то, чѣмъ должна быть воспитательница... «Машка дура» — ходячая глупость и простоватость, ее проведетъ всякая приголовишка, а глупа до того, что подобно Женѣ Д—шевской играетъ иногда въ мячикъ съ мальчишками; и вовсе не по педагогическимъ взглядамъ объ участіи воспитательницъ въ дѣтскихъ играхъ, а отъ своей глупости... Ну, могутъ-ли всѣ эти быть воспитательницами здравомыслящихъ русскихъ молодыхъ дѣвочекъ?! Четыре другихъ... — всѣ молоды, невѣсты, шумятъ и смѣются, — нужно-ли ихъ слушаться?!

О преподавателяхъ не говорю. Русская словесность — по запискамъ, остальное все по книгамъ; ни живой мысли ни живого слова! Учитель физики, объясняя новый урокъ, когда касается дѣло геометріи, поспѣшно объявляетъ, что это дѣло учителя математики, а не его. Урокъ отъ этого дѣлается менѣ понятенъ, но зато «физикъ» не прибавилъ себѣ лишняго дѣла, которое принадлежитъ «математику». Всѣ предметы, по моему, должны находиться въ связи между собою: русская словесность, славянскій языкъ, исторія и географія; математика, физика, космографія и географія; французская литература, французская исторія; новый, ветхій завѣтъ, катехизисъ; исторія русской и все-ленской церкви обязательно со всеобщей и русской исторіей и географіей. Вотъ тогда была-бы дѣйствительная польза; тогда часовой урокъ могъ-бы обратиться въ двухъ-часовой, всѣ-бы стали стараться знать, чему ихъ учать. Теперь-же — каждый предметъ самъ по себѣ, и когда пришлось разъ Гор—еву въ пятомъ классѣ, по поводу басни «Гуси», спросить — въ которомъ году былъ спасенъ Римъ, по какому случаю, съ какимъ народомъ велась война,—всѣ молчали, а учили недавно. Эхъ, никто ничего не понимаетъ, замѣчать и знать не хочетъ...

Наконецъ—Степанъ, старикъ швейцаръ, цѣлые дни ругается съ дочерью, чуть-ли не дерется съ ней, невѣжа, никому изъ ученицъ не подаетъ пальто...

И вышла гимназія «старая дура».

8 сентября. Вызвали вчера изъ космографіи, я очень плохо отвѣчала; хорошо, что меня прервалъ звонокъ. Да! говорить, что

физика и космографія легки (въ этомъ по традиціи убѣждены воспитанницы) и изъ нихъ получали 5, а я рискую два получить и провалиться... А еще твердятъ: золотая медаль! Гдѣ мнѣ! Вотъ подавайте мнѣ терпѣнія, прилежанія, хоть по $\frac{1}{2}$ фунта на каждый день, да еще сдѣлайте такъ, чтобы и урокъ мнѣ всегда нравился,—тогда, навѣрное, медаль будетъ; ну-съ, а безъ этого—прошу не взыскать: если не понравится урокъ, я и читать его не стану... Вообще, всѣ уроки нужно учить только передъ классомъ: тогда память свѣжѣе будетъ.

14 сентября. Была вчера у всенощной: всегда почему-то мнѣ за ней вспоминается Лиза,—гдѣ она теперь? Почему, несмотря на все могущество знанія человѣческаго, никто въ мірѣ мнѣ объ этомъ сказать не можетъ?! Гдѣ она, Лиза, съ которой такъ часто я встрѣчалась, смѣялась, шалила,—и теперь? Каково ей, и когда я уйду туда же? Боже мой, если бы, вмѣсто ученыхъ трактатовъ о земномъ, человѣкъ зналъ бы хоть что-нибудь о будущемъ, небесномъ,—было бы въ миллионъ разъ лучше... Гдѣ она?!

17 сентября. Вотъ смѣшно: Ал. Ник. попросила меня приготовить изъ французскаго во второй классъ ея Зину. Мнѣ — и вдругъ учить! Чтобы меня поучить—это съ удовольствіемъ, но самой учить—даже и во снѣ не снилось. Правда, лѣтъ шесть тому назадъ, я учила «всѣмъ предметамъ» и усердно объясняла правила ариѳметики (быть можетъ потому, что я ихъ сама плохо знала) своей куклѣ, но то было уже охъ какъ давно! Съ тѣхъ поръ у меня совершенно пропала охота заниматься педагогикой; я не чувствую къ этому дѣлу ни малѣйшей охоты... А если я живого человѣка въ педагогическомъ жару побью немножко? Вѣдь я люблю, чтобы понимали сразу, и когда сестры просятъ вторично объяснить—всегда молчу...

30 сентября. Вотъ и 5 изъ космографіи, хотя урокъ прочтала только одинъ разъ, и съ первой лавки подсказали величину солнца. Да-съ! Дѣла-то, очевидно, къ «золотой» подвигаются: изъ русскаго—4, изъ ариѳметики спросятъ—2 обязательно получу. Боже, у насъ одинъ «русскій» учитель, и мы не знаемъ, какъ отъ него-то отдѣлаться, а въ 8 кл. цѣлыхъ 3: одинъ—русская литература, другой—русскій элементарный и третій—педагогика. И развѣ можетъ мужчина читать и разумѣть педагогику? Вѣдь ее знаютъ только мамы, да и то далеко не всѣ. Когда же настанетъ то прекрасное время, когда во всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ

не будетъ видно ни одного синяго фрака? Когда же, наконецъ, женщину станеть учить женщина? Вѣдь такъ гораздо лучше: къ мужчинѣ не со всякимъ вопросомъ обратишься, съ нимъ все-таки не свободно, да и ему не всегда ловко; съ женщиной—дѣло другое. О, Господи, ужъ если мы до такого времени не доживемъ—пусть хоть внучки наши не увидятъ въ своихъ заведеніяхъ синихъ фраковъ... Исполни мое прошеніе, Господи!

12 октября. О, Боже мой, если-бы Ты мнѣ помогъ на самомъ дѣлѣ сдѣлать то, что мнѣ такъ хочется! Мы не можемъ служить и занимать важныя должности, но есть одна область, гдѣ не нужно мужчинъ, а гдѣ все дѣло должно принадлежать женщинамъ... Но для этого надо мнѣ еще шесть лѣтъ ждать... Долго! Долго!...

Соня пишетъ романъ въ прозѣ: «Погибшая молодость». Я не читала его, но, судя по заглавію, кажется, похожъ на тѣ мало-извѣстные романчики, вродѣ «Восходящая дверь», или «Мертвецы мстители», которые наполняютъ ежемѣсячныя книжки мало распространенныхъ журналовъ. И стихотворенія ея отсылать въ редакцію пока нельзя: новыя, безъ сомнѣнія, будутъ гораздо лучше. А у меня «Четвертый классъ» еще не двигается: потеряла тетрадку, но мама сегодня пришила новую, и завтра начну писать дальше.

17 октября. Съ чего начать? Господи, какой день сегодня! Сто лѣтъ пройдетъ—не забуду, да и никто, навѣрное, не забудеть. Обѣдня была торжественная, пѣли прекрасно; о. Клавдій сказалъ краткую отличную рѣчь. «Ангеломъ своимъ заповѣсть о Тебѣ сохранить Тя во всѣхъ путѣхъ Твоихъ»; онъ говорилъ о жертвоприношеніи Исаака и просилъ Бога принять нынѣшнюю молитву всей Россіи. Послѣ обѣдни начался молебенъ, служившійся по особо-составленному для этого дня Святѣйшимъ Синодомъ чину. Что это былъ за молебенъ! Вѣкъ бы слушала и не ушла изъ церкви. «Да не хвалится мудрый мудростью своею, сильный силою своею, богатый богатствомъ своимъ» — читаль о. діаконъ. Господи, прими молитву насъ, людей простыхъ, темныхъ, незамѣтныхъ... Дивно было, когда запѣли «Слава въ вышнихъ Богу»: слова этой, обыкновенно вечерней, молитвы (что придаетъ ей большую торжественность) производятъ странное, торжественное, свѣтлое, прекрасное впечатлѣніе...

Изъ церкви мы пошли на парадъ. На площади было много народу, и я не могла видѣть все то, что тамъ происходило.

Слышно было только пѣніе, и какъ только оно раздалось — заиграли «Коль славень»: двѣ молитвы поднимались къ ясному, синему небу, точно два звука отъ всей массы народа летѣли къ Богу, сливаясь въ одинъ нѣжный, чистый и звучный... Что это была за минута! Послѣ молебна началась закладка часовни. Я все ждали, когда же крикнуть «ура». Но вотъ, унесли старья, изорванныя знамена полковъ, черезъ минуту шапки замелькали въ воздухѣ, и крики «ура» понеслись по площади...

25 октября. На нашемъ балу танцевала я много, весело мнѣ было и... за это получила замѣчаніе, что дурно держу себя. Я очень удивилась и обратилась къ Шкалику за объясненіемъ. — «Нечего объяснять: вы стояли впереди, а больше ничего и не спрашивайте, идите, идите!» былъ отвѣтъ. Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Я стояла въ первыхъ рядахъ группы танцовавшихъ воспитанницъ и шла впередъ, потому что вся толпа двигалась такъ же. Если я въ чемъ и виновата, то, пожалуй, въ томъ, что пригласила родственника губернаторши; вѣдь онъ все же посторонній, а я, какъ ни какъ, все же ученица... А если меня часто приглашали, то не виновата же я въ этомъ; своею внѣшностью никогда не занимаюсь, или ровно настолько, чтобы каждый день быть умытой, одѣтой и причесанной, да и то подозрѣваютъ въ употребленіи чего-то неподобающаго — кольдкрема, или глицерина. Жду, что будетъ завтра въ дежурство Шкалика. Но что будетъ, когда мама узнаетъ это замѣчаніе?!

31 октября. Въ поведеніи въ выводѣ 5—; изъ франц. оказались три единицы... Мама все узнала о моемъ поведеніи на балу, и ради того, что она простила, не прогнала меня отъ себя — я все готова отъ нея теперь перенести; даже буду охотно учить Игнатовича для N. Noyer, буду учить усердно теоремы и дѣлать алгебраическія задачи. Милая мама! А я какая гадость, глупая дѣвчонка!

22 ноября. Думаю написать «Царство математики», и для этого просила Ал. Ник. назвать мнѣ возможно большее количество именъ математиковъ знаменитыхъ, древнихъ и новыхъ, и ихъ «ученые разговоры». Но — вообще нужно замѣтить — она не можетъ отвѣтить на мои вопросы; и теперь уже сознаю, что за два года я выросла, а она нѣтъ, что я ее догоняю. Если она знаетъ ариѳметику лучше меня, умѣетъ учить малыхъ ребятъ — это еще не резонъ говорить мнѣ: — «Какъ вы смѣете такъ со

мною обходиться? Я вовсе не хочу фамильярности съ вами». Въ романѣ «Дача на Рейнѣ» педагогъ не такой былъ, а докторъ философіи, да и тотъ позволилъ своему воспитаннику говорить себѣ «ты», былъ съ нимъ хорошей и доброй, а не гордился и не говорилъ Роланду «не фамильярничайте», хотя имѣлъ тысячу разъ болѣе правъ поднять передъ нимъ свою голову, чѣмъ Ал. Ник. передъ нами...

О многомъ судить она какъ-то странно. — «Вы, говоритъ, знаете, что обязанность каждаго человѣка — не грѣшить, а когда онъ не грѣшитъ, то старается каждому дѣлать пріятное; вы не должны раздражать своими вопросами другихъ, это грѣхъ». Хитро, ловко придумано, но тутъ ясное противорѣчіе: очень вѣдь часто человѣкъ, желающій дѣлать пріятное другимъ — льститъ, для пріятности этой беретъ себѣ на душу даже очень большое количество грѣховъ. Я это и сама ясно вижу и читывала въ священныхъ книгахъ у бабушки. Что же это она, не понимаетъ, что-ли?

Тоже о театрѣ: намъ о. Клавдій говорилъ, что въ немъ бывать грѣхъ, а она говоритъ — нѣтъ; даже отвергаетъ, что адъ веществененъ, хотя этому и есть не опровергнутыя доказательства въ книгѣ «О смерти», сочиненія какого-то Измаила, епископа въ Бабаевскомъ монастырѣ. Я спору, доказываю — не вѣрить, ну точь-въ-точь какъ нѣкоторыя мои одноклассницы, которыя также это отрицаютъ...

1 декабря. Недавно читала «Воспоминанія о поѣздкѣ на Аѳонъ» Страхова («Рус. Вѣстн.», 1889 г.); когда читаешь «письма» Святогорца — на душѣ такъ отрадно, точно праздникъ какой-то, даже и теперь, когда пишу, не выразить всего словами. Чудное мѣсто, судя по описаніямъ, эта гора — вся озаренная внешнимъ солнцемъ и природою. И среди нея люди и Богъ... Спросили бы меня, гдѣ Богу быть подобаешь на землѣ, скажу: на Аѳонѣ. Тамъ только служатъ Ему такъ, какъ должно служить, и среди наиболѣе лучшихъ рабовъ своихъ Онъ пребывать долженъ...

Вотъ приближается Рождество, и мнѣ невольно на умъ приходитъ эта гора: какъ тамъ проводятъ праздникъ и какъ у насъ? Какъ ничтожны всѣ наши удовольствія, заботы и желанія предъ одной молитвой жителей горы Аѳонской. Вѣдь изъ этихъ-то заботъ и удовольствій состоитъ вся наша жизнь, слѣдовательно, также и она сама жалка, пошла и низменна. А тѣ молятся до конца жизни своей, мысли ихъ чисты, и ясенъ умъ. Мы — червяки, они — птицы! И часто мы, люди, ползаемъ весь свой вѣкъ

въ житейской грязи, и ни на одинъ мигъ въ насъ не проснется дума о томъ, что изъ этого будетъ?... Остается только пожелать умереть на Аѳонѣ — тамъ такъ пріятна и смерть.

1890 годъ.

1 января. Съ Новымъ годомъ! По примѣру прошлаго года я и на этотъ разъ поздравляю себя... День хорошій, очень тепло. Суворинъ въ «Маленькихъ письмахъ» совершенно вѣрно замѣтилъ: «если бы воскресъ Алексѣй Михайловичъ, и ему бы сказали, что готовятся встрѣчать Новый годъ, то онъ нисколько не удивился бы: въ его время встрѣчали 1-го сентября, и замѣтилъ бы только: «что это холода рано наступили, и снѣгъ выпалъ». Совсѣмъ поздняя осень, да и та холоднѣе.

7 января. Господи, отгони отъ меня мірскія мысли! Читая изъ книгъ и газетъ описанія придворныхъ баловъ, театральныхъ представлений — постоянно воображаешь себѣ все великолѣпіе ихъ обстановки, роскошь жизни и изысканность обращенія. Намъ, сѣренькому люду, который весь свой вѣкъ прожилъ въ провинціи съ ограниченными средствами, — недоступна та среда, представлять которую — моя страсть: меня туда тянетъ... Не знаю почему, но я люблю или все блестящее, извѣстное или же таинственное, невѣдомое; а такая середина, въ которой я живу теперь — нѣтъ, совсѣмъ не по душѣ она мнѣ. Но что за глупость, — любить и думать о томъ, чего тебѣ не достичь, стремиться туда, куда никогда не попадешь! Вотъ страсть! И чего это я? Сознаю, что глупо до крайности, но какъ пьяницу трудно отучить отъ вина, такъ и меня отъ моей привязанности къ недостижимому... Господи, дьяволъ вселился въ меня, помилуй меня окаянную грѣшницу.. Нѣтъ, рѣшительно надо итти въ монастырь...

5 февраля. «Паки Голгова и Крестъ, паки гробъ и плащаница» — такъ, кажется, начинается одна изъ извѣстныхъ проповѣдей. У насъ — «паки рыданіе и плачь, паки гробъ»: умерла милая Лена Борисова. О. Клавдій при погребеніи сказалъ проповѣдь, пояснивъ намъ ея счастье въ смерти. Какъ она была хороша въ гробу! Какъ невѣста лежала она вся въ кисеѣ, съ большимъ вѣнкомъ вокругъ головы; красивый и при жизни профиль — у мертвой казался еще изящнѣе, темныя брови и рѣсницы такъ нѣжно выдѣлялись на блѣдномъ лицѣ, губы слегка поси-

нѣли, но еще сохраняли розоватый цвѣтъ, что придавало лицу нѣсколько живой оттѣнокъ. Впервые пришлось мнѣ «прощаться», и сердце у меня страшно забилося, когда я подходила къ гробу. Увидѣвъ красивое, спокойное лицо покойной — я вся задрожала, сразу почувствовавъ всю ничтожность предъ этимъ мертвымъ тѣломъ, и, пробормотавъ: «невѣста, невѣста» — расплакалась не хуже малаго ребенка. Я вдругъ узнала ничтожность моего «я», мнѣ показалось, что я пигмей передъ Борисовой, а она невѣста. Вотъ она теперь увидится съ Михайловской, встрѣтятся онѣ. Когда-то и мы всѣ, весь нашъ классъ сойдется тамъ! Болѣе половины изъ насъ тогда уже будутъ старухи, а Борисова съ Михайловской, бывшія старше многихъ изъ насъ, — молодыми... А день былъ ясный, солнечный, кругомъ все было такъ оживленно, что я послѣ невольнао подумала: «спящій въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся живущій»... Эхъ, суета!

3 марта. Соня влюблена и, кажется, серьезно. — «Боже мой, что только иногда выкидываютъ дѣти!» — такъ ворчалъ старый адвокатъ изъ романа Мавра Юкая... Вотъ что Соня сказала мнѣ сегодня: — «Онъ надо мной такую силу, такую власть имѣетъ, что скажи онъ въ воду броситься — и я брошусь; для него всѣмъ пожертвовать готова, и если нужно для него голову отрубить — я дамъ».

Въ первый разъ въ жизни вижу передъ собой влюбленную, говорю съ ней и нахожу, что любовь — прелюбопытная штука: вотъ какія чувства и мысли приходятъ тогда на умъ.

12 марта. Важная новость въ мѣрѣ политическомъ: кн. Бисмаркъ, геніальный «желѣзный канцлеръ», объединитель Германіи, выщелъ въ отставку. 6 марта подалъ о ней прошеніе Вильгельму II, 8-го получилъ ее, съ назначеніемъ генераль-инспекторомъ кавалеріи и съ возведеніемъ въ санъ герцога Лауэнбургскаго. Всѣ въ Германіи поражены этою отставкою, хотя, когда Бисмаркъ подалъ прошеніе — всѣ въ Берлинѣ были увѣрены, что Вильгельмъ согласится. Газеты приводятъ причины прошенія Бисмарка. Однѣ увѣряютъ, будто бы между Бисмаркомъ и Вильгельмомъ возникъ споръ по поводу рѣчи, съ которой императоръ хотѣлъ обратиться къ иностраннымъ делегатамъ, приглашеннымъ имъ же въ Берлинъ по поводу рабочаго вопроса. Бисмаркъ, какъ руководитель внѣшней политики, просилъ сдѣлать въ ней нѣкоторыя измѣненія, находя инныя мѣста неудобными для произнесенія предъ иностранными делегатами, — Вильгельмъ будто бы

не согласился на эти измѣненія, и Бисмаркъ подалъ въ отставку. Другіе находятъ, что Бисмаркъ и императоръ давно расходились въ политическихъ взглядахъ, и третьи, наконецъ, утверждаютъ, что Бисмаркъ уже старъ, чтобы руководить политикой, и какъ будто бы не подходитъ по своимъ убѣжденіямъ къ императору, «полному свѣжихъ силъ». Послѣдняя причина приводитъ меня чуть не въ бѣшенство. Вѣдь Бисмаркъ — геній, извѣстный всему міру: нѣтъ на земномъ шарѣ такой земли, такой столицы, такого сколько-нибудь значительнаго города, гдѣ бы не знали хотя бы его имени; о его заслугахъ предъ отечествомъ знаетъ всякій образованный человѣкъ; масса же, извѣстная подъ названіемъ «читающей публики», соединяетъ съ его именемъ понятіе о чемъ-то грозномъ, величественномъ, сильномъ; и Бисмаркъ не старъ: несмотря на свои 70 лѣтъ, онъ два года назадъ, 25 января 1888 года, произнесъ такую рѣчь, что вся Европа задрожала, въ чемъ признаются тѣ же газеты, которыя называютъ его устарѣвшимъ. А кто поручится, что императоръ, «полный свѣжихъ силъ», будетъ такимъ же геніальнымъ, какъ Бисмаркъ? О Вильгельмѣ говорятъ, будто бы онъ намѣревается быть «самъ своимъ канцлеромъ», т. е. дать мѣсто имперскаго канцлера такому человѣку, который былъ бы просто исполнителемъ его личныхъ распоряженій. Что Вильгельмъ II не изъ геніальныхъ государей — доказываютъ его поѣздки съ политическими цѣлями, его визиты другимъ государямъ; его жажда къ дѣламъ, естественно, происходитъ отъ молодыхъ лѣтъ и, пожалуй, отъ избытка «свѣжихъ силъ», которыхъ ему некуда дѣвать, но Вильгельмъ не будетъ вторымъ желѣзнымъ канцлеромъ, не будетъ вторымъ Бисмаркомъ.

«Бисмаркъ уволенъ отъ должности имперскаго канцлера, президента Прусскаго Совѣта министровъ и министра иностранныхъ дѣлъ. Князь Бисмаркъ фонъ-Шенгаузенъ навсегда сходитъ съ политической арены, и если бы когда-нибудь — чего вовсе нельзя безусловно отрицать — бывшему канцлеру пришлось снова выступить на нее, то явился бы герцогъ Оттонъ Лауэнбургскій», говоритъ «Новое Время». Какъ долго гремѣло это имя! Не помню, когда именно въ первый разъ я услышала это слово: газеты я начала читать съ 7-ми лѣтъ, къ политикѣ же пристрастилась съ прошлаго года, когда телеграммы, вслѣдствіе сообщеній о Рудольфѣ и Маріи Вечера, стали очень интересны. Когда я подросла, то вполне свыклась съ именемъ Бисмарка; и теперь, прочтя объ его отставкѣ — я была очень удивлена и поражена, въ первое время мнѣ показалось даже невозможной та-

кая мысль; я воображала его смерть, похороны — на занимаемомъ имъ посту, воображала его памятники, но не отставку. Но невозможное, по моему мнѣнію, оказалось возможнымъ и уже совершилось. Мнѣ ужасно жаль канцлера...

Не глупо-ли? маленькая, никому невѣдомая фигура сидитъ и расписываетъ о политикѣ цѣлыя страницы своего дневника... Ну, никто не прочтетъ.

Сегодня отправила стихотвореніе Сони въ «Сѣверъ»...

17 марта. Странный человекъ ученица Мирославская: ни одной фразы не скажетъ просто — все литературно, какъ-то вычурно-романично. Таковую рѣчь, какъ ея, даже слушать было дико; а когда я сказала, что разсержусь, если она не дастъ мнѣ прочесть свои тетрадки — она не дала договорить и бросилась ко мнѣ на шею со словами: — «О, какъ я тебя полюбила!» Фраза очень театральная, романическая, но произнесена была совершенно искренно. Она, по ея словамъ, чувствуетъ себя какой-то особенной съ дѣтства и сомнѣвается, есть ли у нея дарованіе; это было высказано вновь въ самыхъ книжныхъ оборотахъ рѣчи, отчего казалось ужасно неестественнымъ, и я посовѣтовала ей говорить болѣе живымъ языкомъ. Сомнѣваться въ своемъ дарованіи — хорошо: чѣмъ меньше увѣренности, тѣмъ лучше. Надсонъ самъ возвелъ себя въ таланты, а Буренинъ указалъ ему, что онъ только дарованіе, да и то невысокаго разряда; поэтъ, уже больной, не могъ вынести спокойно его нападокъ и умеръ. Примѣръ очень поучительный для начинающихъ писателей. Кстати, у Мирославской, какъ и у Сони, любимые поэты Надсонъ и Пушкинъ. — И здѣсь Надсонъ! — воскликнула я. Не даромъ же высказался одинъ критикъ, что онъ своей поэзіей «попалъ въ самый центръ гимназическихъ идеаловъ и вождельній!» А кому нравится Надсонъ, слѣдовательно, нравится и лирика. О, эта лирика! Она, кажется, заполонила собою всю теперешнюю поэзію. «Пессимистическая просебятина» — выраженіе грубое, но вѣрное. Какъ бы поэтъ лирики ни былъ, но въ его произведеніяхъ главный элементъ — собственное чувство, въ большинствѣ случаевъ склонное видѣть во всемъ темную сторону...

6 апрѣля. Весна. Волга прошла, зеленѣетъ трава. Какъ только начинается таять снѣгъ — здѣсь мнѣ становится душно, скверно, тянетъ въ Нерехту. О, если бы я могла тамъ прожить все лѣто! Какъ только весна, — такъ особенный бѣсъ, который сидитъ смиренно всю зиму и осень, начинается во мнѣ шевелиться, я мѣста себѣ не нахожу... такъ и убѣжала бы куда-нибудь...

Смѣшно мнѣ вспоминать, что я думала прежде: въ 12 лѣтъ я толковала о «цѣли въ жизни» и чуть не плакала, доходя до отчаянія, что у меня ея не было; въ 13 лѣтъ я плакала горькими слезами о томъ, что праздная, безсодержательная жизнь въ домѣ—по окончаніи курса меня «затянетъ»; въ 14 лѣтъ я, отбросивъ всѣ мысли о «цѣли въ жизни» и о жизни, меня ожидающей по окончаніи курса—прожила весь годъ счастливо, со спокойнымъ сердцемъ; въ 15 лѣтъ я имѣю «цѣль въ жизни» и, какъ человѣкъ практической, придумала нѣсколько выходовъ въ случаѣ, если не достигну того, что хотѣлось бы мнѣ сдѣлать. Что я не достигну—это очень вѣроятно: «много надо времени и много надо денегъ». Фраза эта безпрестанно у меня на умѣ...

З а м ѣ т к а. Моя дальняя родственница поступила въ женскій монастырь въ Ростовѣ, была умной старухой и сдѣлалась игуменьей. Оба ея сына также поступили въ монахи, одинъ изъ нихъ умеръ, другой—ученый іеромонахъ, живетъ въ Аѳинахъ. Теперъ я успокоилась: монахи и монахини въ числѣ нашихъ родственниковъ есть, и еще не простые, а игуменья и іеромонахъ. Слава Богу! Увидѣть бы когда-нибудь этого іеромонаха, распросить его, отчего онъ поступилъ въ монастырь и какъ сдѣлался ученымъ; отчего онъ живетъ въ Греціи, каковъ тамъ языкъ, жители, нравы, монастыри и монахи, какова была его мать, отчего она поступила въ монастырь, словомъ—все о жизни этого семейства хотѣлось бы знать. Спрошу бабушку.

1 мая. О, мой дневникъ, послушай, что расскажу я тебѣ: вчера была въ концертѣ Есиловой. Когда она играетъ,—даже сомнѣваешься, человѣкъ-ли это за роялемъ или другое, сильное и высшее существо. Венгерская рапсодія Листа въ ея исполненіи «чудо силы и бѣглости рукъ». До сихъ поръ мнѣ никогда не приходилось слышать такой чудной, прекрасной игры. Что предъ ней всѣ наши учительницы музыки!

11 мая. Пробило половина пятого, и я, одѣвшись, отправилась въ гимназію. Снимая пальто въ прихожей, я съ ужасомъ замѣтила мужскую шляпу: пришелъ, пришелъ... Всѣ седьмая въ полной парадной формѣ сновали взадъ и впередъ по залѣ съ учебниками и программами; года и имена разныхъ историческихъ дѣятелей слышались отовсюду. Я опять плохо приготовилась къ экзамену, русская, средняя, новая и древняя исторіи перепутались въ головѣ.—«Который часъ?»—«Шестой!!»—«Пріѣхалъ вице-губернаторъ, пріѣхалъ!!»—съ тревогой раздавалось

кругомъ. Ну, думаю, совсѣмъ плохо мое дѣло, и, бросивъ книги, я достала изъ кармана свои фотографическія карточки и стала раздавать ихъ, кому слѣдуетъ. Мигомъ около меня собралась толпа... Время шло незамѣтно, и вскорѣ мы начали выстраиваться передъ дверями портретной, по алфавиту, чтобы безъ шума размѣститься по скамьямъ. Извольте стоять передъ затворенной дверью и мучиться приятнымъ сознаніемъ того, что вотъ-вотъ сейчасъ тебя вызовутъ, и достанется скверный билетъ! Наконецъ двери растворились, и быстро, тихо, какъ мыши, мы пробрались за наши скамьи и очутились передъ грознымъ ареопагомъ... Директоръ громко прочелъ первыя фамиліи.

Я сидѣла восьмою по счету и перелистывала листы исторіи, стараясь прочесть невыученное и просматривая любимые билеты. Программа наша изуродовала до неузнаваемости древнюю, среднюю и новую исторію. Трудно было сократить ее больше, чѣмъ сократили мы. Достаточно сказать, что изъ древней исторіи (въ 11 билетахъ!) мы знали немного о грекахъ, спартанцахъ и римлянахъ; изъ средней — мы выпустили всѣ главы о славянахъ, исторію Австро-Венгрии, Франконскій домъ и паденіе Константинополя, заключивъ остальное въ 9-ти билетахъ; изъ новой исторіи безъ всякаго стѣсненія вычеркнули тридцатилѣтнюю и семилѣтнюю войны, и знали только одну исторію Франціи, начиная съ Франциска Перваго. Русская исторія была пройдена вся, но въ программѣ въ послѣднюю минуту нашли нужнымъ вычеркнуть объ Александрѣ II и войну 1877 года (очевидно, билеты эти были признаны негодными къ употребленію).—Что вы дѣлаете съ исторіей?! хотѣлось мнѣ воскликнуть, когда я дрожащей рукою ставила скобки на этихъ билетахъ. Съ такимъ-то запасомъ знаній готовилось выпустить насъ въ педагогическій классъ наше начальство и учителя...

— Дьяконова! — вызвалъ, наконецъ, директоръ, и я, стараясь не выражать на лицѣ смертельнаго страха, взяла билетъ... на немъ стояла цифра 6. Я подала билетъ учителю: изъ всеобщей исторіи. Въ программѣ значилось: «Начало Пелопонесской войны. Никіевъ миръ. Алкивіадъ». И онѣмѣла отъ ужаса: билетъ былъ не читанъ... Даютъ-ли переэкзаменовку по исторіи, мелькнуло у меня въ головѣ... Положеніе было очень скверное: на выпускномъ экзаменѣ вынуть неученый билетъ! Приходилось рисковать хорошимъ аттестатомъ...—Я не могла нѣкоторыхъ билетовъ приготовить по домашнимъ обстоятельствамъ*),—тихо ска-

*) И это отчасти правда.

зала я учителю, который громко повторилъ мои слова всему ареопагу. Всѣ обратились къ учителю: — «Она въ году отлично училась, позвольте ей вынуть другой билетъ». Я вынула 20-й — «Опять изъ всеобщей»,—сказалъ учитель, тревожно взглядывая на меня...—«Столѣтняя война, Жанна д'Аркъ». Этотъ билетъ я знала хорошо, но — странное дѣло — 6-й билетъ произвелъ на меня такое сильное впечатлѣніе, что я забыла все о столѣтней войнѣ и безнадежно посмотрѣла на учителя. — «Отвѣчайте изъ русской исторіи о Михаилѣ Ѳеодоровичѣ!» — громко сказалъ онъ. У меня горло сжимало до того, что я отвѣчала тихимъ, прерывающимся голосомъ. Меня остановили:—«Расскажите о Даріи Гистаспѣ». Съ трудомъ припомнивъ эту статью, я заговорила быстро, насколько могла: еще немножко, и я громко разревлась бы какъ малый ребенокъ. — «Довольно»... Я вышла изъ класса въ залъ, и тутъ только вздохнула свободно... — «Mesdames! страсть какъ рѣжутся»—и подобнаго рода замѣчанія такъ и лились кругомъ...

Экзаменъ кончился, всѣ бросились къ учителю. — Сколько мнѣ?—«5».— Экзаменъ небывалый: никогда такъ ясно не выражались снисходительность учителей и мошенничество экзаменовавшихся...

28 мая. Урра!! Серебряная медаль!! Аттестатъ!! Мама очень довольна, и я тоже: за лѣнъ медаль получить, это даже очень хорошо. «Вотъ сладкій плодъ ученья!» Теперь скорѣе въ Нерехту, а пока дочитаю «Божественную комедію»,—жалъ, что не знаю по-итальянски...

29 мая. Въ своей проповѣди, обращенной къ оканчивающимъ курсъ, о. Клавдій увѣщевалъ всѣхъ жить благочестиво, говорилъ о самообразованіи и молитвѣ. А мнѣ такъ и представилось, что на пустой серединѣ церкви вальсируетъ одна изъ насъ, какъ доказательство того, что нѣкоторыя изъ насъ будутъ дѣлать... Иронія? Намъ бы учиться и учиться еще года 4 или 5, чтобы по выходѣ считаться образованными, а тутъ—самообразование предлагаютъ.

Воспитанницы, куда вы разойдетесь, въ какія стороны васъ раскинетъ судьба? Будете-ли вы богатыми невѣстами производить фуроръ въ вашихъ захоlustяхъ, будете-ли вы просто жить дома, т.-е. ничего не дѣлать, или бѣгать по грошевымъ урокамъ? Можетъ быть, будете сельскими учительницами и сгинете безъ вѣсти въ дальнихъ селахъ; или замужъ выйдете и на базаръ ходить будете съ корзинкой на рукѣ и грязно одѣтой прислугой по-

зади?—Во всѣхъ случаяхъ судьба ваша скверная, и не такую мнѣ нужно... Господи, услыши молитву мою, вонми гласу моленія моего. Я пойду въ монастырь, если только сдѣлаю то, что хочу сдѣлать.

1 іюня. Какъ хороши были тѣ вечера, которые я проводила одна въ Нерехтѣ. Бывало, встанешь передъ окномъ своей комнаты наверху и смотришь: внизу раскинулся темною массой городъ, не видно рѣки изъ-за темноты, за городомъ молчаливо чернѣетъ лѣсъ. Нерехта спитъ, кругомъ все тихо, въ маленькихъ домишкахъ почти нигдѣ нѣтъ огня. И тоскливо какъ-то становилось: нигдѣ я такъ ясно не видѣла всю ничтожность человѣка, такихъ людей, какъ мы... На большой равнинѣ, гдѣ-то въ средней полосѣ Россіи, межъ зеленыхъ луговъ, затерялся городишко Нерехта; люди настроили себѣ крошечныхъ домиковъ, живутъ въ нихъ, спятъ спокойно... А ночь величавая смотритъ съ неба на землю, покрывъ ее темнымъ покрываломъ, и люди кажутся маленькими черными точками... тоска, тоска страшная... Какъ ни думай, а человѣкъ — муравей, нуль, ничто, несмотря на всю свою премудрость, всѣ науки и изобрѣтенія; и съ такимъ пріятнымъ сознаниемъ придется прожить всю жизнь, до смерти...

Какъ часто играетъ судьба! Я нерѣдко думаю, отчего я не родилась принцессою или отъ родителей, принадлежащихъ къ высшему свѣту? О, тогда бы мнѣ можно было возвыситься! У меня есть два желанія, и одно изъ нихъ — попасть въ этотъ заколдованный кругъ, знакомый мнѣ лишь по газетамъ и мемуарамъ... Нѣтъ, довольно думать о томъ, чему никогда не исполниться: ты будешь монахиней съ четками въ рукахъ и псалтиремъ на аналоѣ своей кельи... А до монастыря, т. е. до старости, надо много трудиться и учиться...

6 іюля. Вернулась съ дачи около Москвы, гдѣ гостила у тети. Какой тамъ чудный лѣсъ! Небо голубое, деревья высокія, солнце свѣтитъ, кругомъ — ни души, все тихо, и если бы можно было — я оставалась бы тамъ цѣлыми, цѣлыми днями...

На дачу часто пріѣзжали гости — купцы и комиссіонеры. За обѣдомъ, когда собирались всѣ вмѣстѣ — молодежь и они — не было слышно никакого разговора, тѣмъ менѣе смѣха и шутокъ; всѣ молчали, лишь изрѣдка перекидываясь фразами, въ родѣ: «онъ купилъ на 40 тысячъ мѣди... и дешево». Молчаніе это не казалось мнѣ страннымъ или принужденнымъ: я, по рожденію русская купчиха, попавъ въ кругъ людей коммерческихъ, гдѣ мнѣ надлежитъ быть, сразу поняла, что купцу или приказчику — лю-

дямъ занятымъ—нѣтъ вакацій, какъ то бываетъ для «интеллигента», а поэтому они и устають больше, имъ не до болтовни.

Скверное впечатлѣніе производитъ Москва лѣтомъ: пыльный воздухъ, грязно, шумъ. На улицахъ вывѣсокъ столько, что я удивилась, — гдѣ же живутъ покупатели для такого множества магазиновъ? Нѣтъ почти дома безъ вывѣски, часто очень неграмотной. Отъ прежней, древней Москвы, столько разъ описанной въ романахъ, не осталось камня на камень: это другой городъ, выстроенный на мѣстѣ стараго. Въ одномъ стихотвореніи сказано: «Москва, какъ много въ этомъ словѣ для сердца русскаго слилось». Это правда; но видъ Москвы съ ея лѣтней духотой, суетой и шумомъ не способенъ возбудить ни малѣйшаго чувства. Только входя въ Кремль невольно проникаешься благоговѣніемъ: тамъ вездѣ тишина, всѣ соборы дышатъ чѣмъ-то спокойнымъ, давно минувшимъ; невольно вспоминаешь, чѣмъ была прежде Москва, какія въ ней совершались событія, и ниже склоняешься предъ какой-нибудь иконой въ сознаніи своего ничтожества...

22 *юля*. Странное впечатлѣніе производитъ единовѣрческая церковь: вездѣ старинныя иконы и живопись на старинный ладъ; глазу негдѣ отдохнуть отъ этихъ сухихъ линий, этихъ неестественно выгнутыхъ рукъ, ногъ и головъ у изображенныхъ святыхъ. Въ богослуженіи нѣтъ почти ни одной не искаженной молитвы; поютъ даже такія, которыя кажутся лишенными всякаго смысла, напр.: «Милость мира, жертва и пѣніе», вмѣсто «жертва хваленія». О, какъ великъ безсмертный патріархъ Никонъ! Слушая эту службу съ дикимъ, рѣжущимъ ухо пѣніемъ, я невольно изумилась: какой же силою воли долженъ былъ обладать чловѣкъ, чтобы заставить современныхъ ему людей служить по исправленнымъ книгамъ... Стоявшіе вокругъ меня старообрядцы и старообрядки внимательно слѣдили за каждымъ словомъ, точно боялись, чтобы не пропустили ни одного слова изъ этихъ старыхъ книгъ. Порядокъ всюду наблюдается образцовый: войдя въ церковь, берутъ маленькую подушку и, перекрестившись, кладутъ земные поклоны въ разныя стороны, держа подушку въ обѣихъ рукахъ; подходя ко кресту, сперва идутъ мужчины, потомъ женщины, всѣ съ четками; за службой стоятъ, поджавъ руки, почти не крестятся, а въ землю не кланяются совѣмъ.

3 *августа*. Невозможно описать всю красоту Волги. Хороша она днемъ, освѣщенная яркимъ солнцемъ, кипящая жизнью; тогда она тянетъ къ себѣ отдохнуть, развалиться и нѣжиться на зе-

ленной душистой травѣ ея береговъ. Ночью — ея природа величественно-прекрасна. Ночь имѣетъ въ себѣ что-то торжественное, таинственное, какова бы она ни была: бурная, грозная, съ дождемъ и вѣтромъ—возбуждая особенный страхъ, тихая, звѣздная, ясная — принося благоговѣйное чувство. И часто останавливаешься пораженною, смотря на освѣщенную луною Волгу, покрытую отблесками тысячи синихъ переливчатыхъ огней... Въ природѣ живетъ что-то, невольно заставляя говорить cadaго: тише! Это—чудная красота неувядаемой природы. «А ночь—Небесныя силы — какая ночь совершается въ вышинѣ!» — воскликнулъ безсмертный писатель. Иныя ночи именно «совершаются», какъ таинство: есть нѣчто торжественное и таинственное въ яркомъ мерцаніи звѣздъ. Но мнѣ въ такую ночь еще хочется сѣсть на коня и скакать безумно куда-нибудь, только бы не видѣть проснушагося душнаго города.

4 августа. Читаю теперь Надсона. Модный поэтъ, его любятъ, кажется, вся молодежь; начитавшись критическихъ этюдовъ Буренина, я смотрю на него съ предубѣжденіемъ. Въ сущности, Надсонъ не повиненъ въ своей славѣ, раздутой десятками его поклонницъ изъ маленькаго огонька въ большой костеръ, и такъ какъ вся его жизнь сложилась неудачно, — онъ былъ бы безъ нея несчастливъ. Получивъ плохое образованіе, онъ не зналъ корифеевъ иностранной литературы, былъ боленъ, бѣденъ, не особенно развитъ умственно — и среди всѣхъ этихъ несчастій ему протянула руку фортуна, онъ сталъ знаменитостью. Его смерть оплакивали тысячи, и долго, можетъ быть, въ глухихъ захолустьяхъ Россіи будутъ жалѣть молодого поэта сентиментальные провинціалы, изнывая надъ его стихами, тогда какъ прочіе забудутъ, стыдясь своего увлеченія такимъ поэтомъ. Надсонъ — калифъ на часъ; часъ его пока еще не пробилъ, конецъ, можетъ быть, еще не близокъ, но время сдѣлаетъ свое дѣло. Надсонъ — поэтъ чувства; это чувство такъ и сквозитъ, плещетъ черезъ край во всѣхъ его стихотвореніяхъ; онъ искрененъ — это несомнѣнно; искренность чувства, выраженнаго въ гладкихъ стихахъ, да еще сама жизнь Надсона, по-моему, главнымъ образомъ, и положили начало его славы. Отъ избытка чувствъ — онъ даже не ставилъ главнѣй надъ стихами, и достаточно прочесть алфавитный указатель, чтобы составить себѣ понятіе о поэтѣ: «Я пришелъ къ тебѣ». «Я жду тебя». «О любви твоей, другъ мой». «Умерла моя муза». «Другъ мой, братъ мой» — вотъ названія, встрѣчающіяся на каждомъ шагу. Стихотворенія Надсона отчаянно молоды, через-

чуръ, до смѣшного; въ нихъ нѣтъ силы, той желѣзной силы, которая придаетъ такую красоту стиху; онъ примиряетъ, но самъ не можетъ поднять руку съ оружіемъ—у него нѣтъ для этого мощи. Изящное по задушевности тона стихотвореніе «Страничка прошлаго» напоминаетъ личность поэта, и не въ его пользу: сразу вспоминаешь, кто написалъ эти стихи, и другіе читаешь уже осторожно, не увлекаясь. Оттого такъ пріятно, среди бездны этого «чувства», наткнуться на стихотвореніе, въ родѣ «Пѣсни Мефистофеля»: кажется, что писалъ его другой поэтъ, только не Надсонъ. Въ заключеніе скажу, что посмертныя стихотворенія, за малыми исключеніями, не слѣдовало бы печатать, — почти всѣ они состоятъ изъ десяти строкъ и всѣ не окончены. Мастерски написанное одно стихотвореніе Полонскаго—«На смерть Надсона»—лучше всей поэзіи поэта; читая это произведеніе одного изъ Маэусайловъ современной русской поэзіи, чувствуешь не рѣмованное нытье, а глубокое сожалѣніе старца о даровитомъ юношѣ.

15 августа. Сегодня мнѣ исполнилось 16 лѣтъ! Я вполнѣ горжусь своими годами: пріятно сознавать, что въ нѣкоторомъ родѣ уже совершеннолѣтняя... Теперь читаю романы. За 1½ мѣсяца прочла ихъ не меньше 10 книгъ, все французскіе. Глупы они страшно, но не могу отстать отъ нихъ. Передо мной лежатъ Руссо, de-Staël, а въ рукахъ «Les exploits de Rocambole» — и классики забыты, забыта ночь, — я не существую, а живу съ какимъ-нибудь Rocambole или sir Williams... И эту страсть преодолѣть не могу.

30 августа. Встрѣчала о. Іоанна Сергіева, о которомъ въ послѣднее время такъ много говорятъ и пишутъ. Я видѣла его близко, и меня поразили полузакрытые, необыкновенно яркаго голубого цвѣта глаза: они смотрѣли куда-то вдаль, не замѣчая никого изъ многочисленной толпы. Нѣжно-розовый цвѣтъ лица, юношескій румянецъ и голубые глаза о. Іоанна невольно поражали: онъ казался молодымъ, тогда какъ волосы и борода указывали настоящій возрастъ. Выраженіе лица у него было кроткое; благословляя народъ, онъ говорилъ: «здравствуйте, други мои», «велико имя св. Троицы». Его слова были для меня странными, необыкновенными: кто-то «не отъ міра сего» явился съ привѣтствіемъ въ грѣшный міръ.

1 сентября. На урокъ въ нашемъ восьмомъ классѣ. Учитель педагогики сказалъ: — «Человѣкъ послѣ недолгаго занятія наукой чувствуетъ легкій аппетитъ; если же занятія будутъ слиш-

комъ усилены, то тѣло разрушится, и человѣкъ умретъ». Вызвалъ повторить одну изъ насъ: — «Послѣ занятія мы чувствуемъ аппетитъ». — «А если мы будемъ дольше заниматься?» — «Аппетитъ усиливается». Мы разсмѣялись. — «Зубная боль есть боль тѣлесная?» — «Нѣтъ, нервная» — была отвѣтъ...

12 сентября. Была у Аристовой; игралъ ея учитель Балакиревъ, и она собрала нѣкоторыхъ своихъ ученицъ слушать его. Боже мой, какъ можетъ играть человѣкъ! Онъ дѣлалъ съ роялемъ, что хотѣлъ: онъ говорилъ, пѣлъ, плакалъ, звенѣлъ подъ его руками! О, несравненный артистъ! Когда онъ окончилъ, я встала, у меня ноги дрожали, въ ушахъ звенѣли послѣдніе аккорды — и я даже не поблагодарила хорошенько мою учительницу. Мнѣ снилась ночью его игра и онъ самъ сѣдой, великолѣпный старикъ. Я люблю его всей душой за его игру... О, если бы услышать его еще разъ!

16 сентября. Слушала фонографъ Эдиссона. Я ожидала, признаюсь, большаго: мнѣ казалось, что я услышу голосъ и музыку, какъ въ театрѣ, но на дѣлѣ не то: фонографъ съ точностью воспроизводитъ звуки, но очень глухо, иные даже едва слышно. Получалось впечатлѣніе, какъ будто за три комнаты играютъ или поютъ. Но хуже всего воспроизводитъ фонографъ человѣческій голосъ: нужно было напрягать слухъ, чтобы уловить слово. Зато музыку, особенно высокія ноты, слышно отлично... «Человѣчество идетъ впередъ!» Эту казенную фразу можно смѣло сказать, услыша фонографъ. Я, право, не знаю, чѣмъ лучше быть: Пушкинымъ или Эдиссономъ? Патти или профессоромъ? Чѣмъ лучше, что лучше, о, Господи, право не знаю!..

22 октября. Когда я умру? Что ждетъ насъ тамъ, въ другомъ мірѣ? Будемъ ли мы, дѣйствительно, жить вѣчно, какъ сказано въ Евангеліи. Я не могу этому вѣрить: жить вѣчно слишкомъ страшно, но и уничтожиться безъ всякаго слѣда тоже не хочу. Какъ же быть? Я думаю, думаю, и ничего не могу рѣшить... «Жить вѣчно», какой ужасъ! Если вдуматься въ это слово, можно съ ума сойти; я иногда думаю долго, и потомъ чуть не кричу отъ ужаса... Ахъ, если бы можно было убить душу, а тѣло оставить на землѣ жить и наслаждаться.

23 октября. Прочла два романа Гюго: «Человѣкъ, который смѣется» и «93-ій годъ». Первый изъ нихъ произвелъ на меня

сильное, поразительное впечатлѣніе. Пошли и ничтожны кажутся съ двумя этими странными, но прекрасными произведеніями другіе прочтенные мною романы, гдѣ говорится только о любви. Сейчасъ начну читать Стендаля «Красное и Черное».

25 октября. Вчера былъ актъ. Я ужасно боялась выходить за медалью и дрожала, стоя въ первомъ ряду. Хорошо помню только ту минуту, когда ко мнѣ протянулась рука губернаторши съ раскрытымъ футляромъ, на темно-синемъ бархатѣ котораго рѣзко выдѣлялась большая серебряная медаль. На актѣ присутствовало многое множество лицъ въ парадныхъ мундирахъ съ золотымъ шитьемъ. Я полагаю, что ихъ пригласили болѣе для красоты вида: мундиры очень хороши, а изъ нѣкоторыхъ изящныхъ «знаковъ отличія» я съ удовольствіемъ сдѣлала бы брошку...

Что сказать о балѣ? Это былъ послѣдній гимназическій балъ въ моей жизни. Время провела я весело; жаль, что было мало хорошихъ лицъ между нашими кавалерами, гимназистами и студентами, но нельзя быть особенно требовательной въ наши неэстетическія времена. Танцевала я немного... Вспоминаю прошлогодній безумно-веселый балъ. Тогда я, дѣйствительно, веселилась до самозабвенія, до изступленія, Богъ знаетъ до чего. Я понимаю такое веселье и вполне ему сочувствую. Хорошо иногда увлечься чѣмъ-нибудь до того, что забудешь все, даже собственное «я». Думаю, то же самое испытываютъ пьяницы, когда напьются. Въ первый разъ въ жизни я забылась — это было въ прошломъ году. Я получила замѣчаніе, слѣдовательно, подобное самозабвенію неприлично. Вѣрно сказано, что труднѣе всего управлять самимъ собою. А я иногда совсѣмъ не умѣю сдерживаться...

18 ноября. Нельзя-ли уйти хотя на недѣлю изъ дома? Три года продолжается эта жизнь; прежде я возмущалась — теперь чувствую смертельную усталость... И въ этой бессмысленной сутолокѣ жить еще 5 лѣтъ!

Педагогика никакъ не дается, она мнѣ разстраиваетъ нервы, я — какъ разбитое фортепьяно. Быть тѣмъ, къ чему нѣтъ призванья, не заставишь; меня же ломаютъ, но я не поддаюсь. Я высоко цѣню истинныхъ педагоговъ и всегда узнаю ихъ, но чтобъ самой быть имъ — никогда! Это слишкомъ трудно, почти невозможно.

2 декабря. На здѣшной сценѣ было представлено «Горе отъ

ума». Боже, во что превратилась эта гениальная комедія! Софья говорила какъ старая сентиментальная дѣва, Чацкій оралъ, позировалъ, то и дѣло ударяя себя по бокамъ. Говорятъ, будто бы артистъ отъ волненія передъ началомъ пьесы упалъ въ обморокъ, даже хотѣли спектакль отмѣнить, что было бы гораздо лучше. Остальные исполнители были карриатурами тѣхъ, роли кого они исполняли. Внѣшняя обстановка и костюмы довершали рѣдкій «ансамбль»: Софья была одѣта въ платьѣ прошлогодней моды, Чацкій — какъ сидѣвшіе въ партерѣ мужчины, Лиза — въ коленикоровомъ зеленомъ платьѣ французской субретки... Студенты неистово хлопали въ ладоши, шумъ и гамъ стоялъ невообразимый. Мнѣ было скучно...

1891 годъ.

1 января. Съ Новымъ годомъ!... Я встрѣчу ихъ здѣсь еще четыре, и затѣмъ... куда? За границу? Чѣмъ лучше быть — профессоромъ или купцомъ? Всего лучше быть губернаторшей, тогда бы я много сдѣлала для нашей гимназіи. Сегодня мнѣ весело...

1 февраля. Утромъ посмотрѣла на себя въ зеркалѣ: на меня смотрѣлъ уродъ! Да, это печальный фактъ, я чуть не бросила зеркало, но сколько ни искала хоть привлекательной черты на лицѣ своемъ — не находила, и все болѣе убѣждалась въ своемъ собственномъ уродствѣ: предо мной была одна изъ тѣхъ физиономій съ грубыми чертами, которыя я положительно ненавижу... А скоро балъ. Мучительное сознаніе собственной неловкости и незначительности уже теперь охватываетъ меня... Скверно, скверно!... Послѣ бала я буду на положеніи Настеньки изъ «Тысячи душъ» въ ея первый выѣздъ въ свѣтъ, съ тою только разницею, что съ ней хоть одинъ тонцовалъ, а со мною никто не будетъ...

4 февраля. Была вчера на вечерѣ. Какъ было весело! Я много танцевала и даже въ первый разъ въ жизни шла подъ-руку съ гимназистомъ! Мнѣ было и страшно и весело! Легкая, безсодержательная, чисто бальная болтовня, кругомъ толпа, запахъ духовъ, цвѣты... отъ всего этого у меня съ непривычки къ концу вечера заболѣла голова... Мои опасенія за туалетъ были совершенно напрасны, и если онъ не былъ такъ хорошъ, какъ мнѣ хотѣлось, то это только потому, что я слишкомъ была требова-

тельна... Я была бы рада опять ѣхать туда на вечеръ, если бы его повторили...

23 марта. Какъ давно не раскрывала тетради. Теперь я гораздо болѣе люблю думать, чѣмъ братья за перо; для меня дневникъ уже не мѣсто изліянія моихъ мыслей и чувствъ, какъ прежде, а такъ — тетрадка, которую разъ, много два въ мѣсяцъ возьмешь въ руки и запишешь кое-что, если есть время. На дняхъ съ П. кончили писать комедію «Провинція»...

19 апрѣля. Неужели это не сонъ, и «Крейцера соната» въ моихъ рукахъ? Ахъ, какъ весело! Снова начинаю вѣрить въ свою счастливую звѣзду. Звѣздочка! свѣти мнѣ чаще и ярче, свѣти такъ, какъ свѣтила сегодня, будь умница... Какъ хорошо! И какой я наклею носъ моей почтенной наставницѣ! — «Не читайте, Лиза, этого произведенія, если даже оно и попадется вамъ въ руки». А я дѣлаю какъ разъ наоборотъ...

И то, о чемъ я даже не мечтала, считая невозможнымъ, исполнилось такъ просто и легко. У знакомаго адвоката заговорили, между прочимъ, о «Крейцеровой сонатѣ», и я призналась, что мнѣ и думать нечего ее прочесть (я вообще равнодушно относилась ко всѣмъ толкамъ и разговорамъ объ этомъ произведеніи, именно вслѣдствіе невозможности прочесть его самой). П. П. засмѣялся: — «Да вотъ, она у меня, не хотите ли посмотреть?» Я удивилась, едва скрывъ свое смущеніе. — Хоть бы «посмотрѣть» — и то хорошо. Принесъ. Я осторожно полистывала; вѣроятно, на моемъ лицѣ изображалась смѣсь удивленія и почтенія, которое я чувствую ко всѣмъ произведеніямъ Толстого. Замѣтивъ это, кругомъ засмѣялись. Шутя, я увѣряла всѣхъ, что буду помнить по крайней мѣрѣ, какъ держала въ рукахъ эту тетрадку. Мнѣ очень хотѣлось попросить ее прочесть, но я не смѣла, считая это невозможнымъ. Вдругъ, къ моему великому удивленію, П. П. предложилъ мнѣ дать ее прочесть. Я обрадовалась, и на вопросы — не узнаетъ-ли мама — сказала, что никто ничего не узнаетъ. — «Мы съ вами вступаемъ въ заговоръ», смѣясь замѣтилъ адвокатъ. Я простилась и ушла съ драгоценнымъ сверткомъ.

22 апрѣля. Только что кончила читать «Крейцерову сонату». Я читала ее, наслушавшись разныхъ сужденій и толковъ, которые сводятся къ одному: окружающая жизнь становится противной и гадкой вслѣдствіе страшно тяжелаго впечатлѣнія отъ про-

изведенія. Содержаніе, само по себѣ, дѣйствительно, ужасно. Разсказъ Позднышева — цѣлая поэма страшныхъ страданій, почти непрерывныхъ нравственныхъ мученій. Невольно удивляешься, какъ это люди выносятъ такую жизнь. Но и Позднышевъ не вынесъ ея до конца, иначе — онъ сошелъ бы съ ума. Тонко и глубоко затронулъ Толстой всѣ стороны души человеческой... Но, можетъ быть, вслѣдствіе моего полного незнакомства съ отношеніями мужчинъ и женщинъ, незнанія жизни и какихъ-то страшныхъ пороковъ и болѣзней, — на меня «Крейцеровая соната» не произвела чрезвычайно сильнаго впечатлѣнія, и, прочтя ее, я не усвою себѣ «мрачный взглядъ на жизнь»...

14 мая. Я писала въ прошлый разъ о «Крейцеровой сонатѣ», но мнѣ такъ хотѣлось спать, что я прервала свои разсужденія. Можетъ быть это и хорошо?

Я помню, когда читала «Анну Каренину», то зачитывалась ею до того, что все забывала: мнѣ казалось, что я не существую, а вмѣсто меня живутъ всѣ герои романа. Такое же ощущеніе испытывала я, читая «Крейцерову сонату»; она притягивала меня къ себѣ какъ магнитъ. Это чисто физическое ощущеніе. «Крейцеровая соната» не только не произвела на меня «ужаснаго» впечатлѣнія, а наоборотъ: я и прежде любила произведенія Толстого, теперь же готова преклоняться передъ ними. Многіе писатели описывали и семейную жизнь, и стремились дать образецъ народной драмы — и никто изъ тысячи писателей не создалъ ничего подобнаго «Крейцеровой сонатѣ» и «Власти тьмы». Я жалѣю, что мое перо не можетъ ясно выражать моихъ мыслей. Я могу сказать, но не написать; говорить легче. Пока живъ Толстой, пока онъ пишетъ — нельзя говорить, что наша литература находится въ упадкѣ: Толстой самъ составляетъ литературу. Теперь то и дѣло раздаются сожалѣнія: талантовъ нѣтъ, посредственностей много, ничего хорошаго не пишутъ. Ну, и пусть талантовъ нѣтъ и посредственностей много: геній одинъ стѣдитъ всѣхъ талантовъ и посредственностей. Оттого-то они и рѣдки. Въ нашей литературѣ въ одинъ вѣкъ явилось три генія; явится ли столько же въ будущемъ столѣтіи? — Наврядъ-ли. — Такъ имѣемъ ли мы право жаловаться? — Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ... Можетъ быть (!) я буду имѣть случай прочесть «Исповѣдь» Толстого. Вотъ бы хорошо!

18 мая. Экзамены кончились, и всѣми нами овладѣло какое-то грустное настроеніе. Не было и тѣни радости. Намъ было гру-

стно, оттого что скоро придется разстаться другъ съ другомъ и многимъ изъ насъ вступить въ жизнь. Это «вступленіе» въ настоящую жизнь не для всѣхъ приятно, главное же — никто изъ насъ не знаетъ, что кого ждетъ впереди. И теперь всѣмъ было какъ-то тяжело и скверно; заглядывая глубже, можно думать, что намъ было безсознательно грустно отъ неяснаго предчувствія ожидающей насъ будущности. Эта будущность темна; поприще наше, къ которому насъ подготавливали — трудно, и неблагоприятно, и непосильно многимъ изъ насъ. Мы проживемъ — и не останется отъ насъ на землѣ даже камня, по которому могли бы узнать о нашемъ существованіи. Намъ предстоитъ темная, безвѣстная жизнь; вотъ ужъ справедливо можно сказать: «надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда»...

О, какъ была бы я рада окончанію курса, если бы мнѣ завтра же исполнилось 21 годъ! Но я должна потерять четыре лучшіе года для настоящаго вступленія въ жизнь. — «Ужасно, ужасно, ужасно!» — могу я воскликнуть какъ Гамлетъ...

23 мая. Сегодня мнѣ П—ская объяснила все для меня непонятное, и я впервые въ жизни узнала столько гадости и мерзости, что сама ужаснулась. Она мнѣ объяснила смыслъ словъ — изнасиловать, фиктивный бракъ, проституція, домъ терпимости... это ужасно мерзко, отвратительно... Такъ вотъ въ чемъ состоитъ любовь, такъ воспѣваемая поэтами! Вѣдь послѣ того, что я узнала — любовь самое низкое чувство, если такъ его понимаютъ... Неужели Богъ такъ устроилъ міръ, что иначе не можетъ продолжаться родъ человѣческой?.. Къ моему величайшему изумленію оказалось, что и здѣсь, въ Ярославлѣ, существуетъ домъ терпимости, несчастныя женщины проживаютъ тамъ съ желтыми билетами... О, позоръ, стыдъ, униженіе! Какъ ихъ мнѣ жаль! Лучше бы имъ не родиться никогда... вѣдь это — ужасъ! У меня теперь точно глаза открылись. Богъ все премудро устроилъ, но изъ этого люди сумѣли сдѣлать величайшій, безобразнѣйшій изъ грѣховъ; Онъ справедливо наказываетъ такихъ людей страшными болѣзнями, и болѣзней этихъ не надо лѣчить, — это наказаніе. Но гдѣ же нравственность? Гдѣ священники и церкви? Просто голова кружится...

30 мая. Вчера въ послѣдній разъ мы одѣли форменныя платья, въ послѣдній разъ сдѣлали официальные реверансы, собравшись въ залѣ, и получили свидѣтельства... Сердце сперва готово было разорваться отъ тысячи разнообразныхъ ощущеній: весело и гру-

стно, жалко и страшно... Но потомъ... Въ послѣдній разъ, разставаясь можетъ быть навсегда, крѣпко обнявшись, мы сказали другъ другу «прости». Тяжело было прощаться съ друзьями, съ которыми провели вмѣстѣ столько лѣтъ, и мнѣ вдругъ стало очень жаль гимназіи, классныхъ дамъ, товарищей, всего, къ чему привыкла за пять лѣтъ и что отъ души полюбила. Мнѣ вспоминаются стихи Тютчева: «Прости, о родина, прости!»...

Проходите скорѣе, четыре года! Что я буду дѣлать въ ожиданіи совершеннолѣтія—это еще вопросъ; а о томъ, что буду дѣлать послѣ—о, это я уже рѣшила! Вотъ тогда... но нѣтъ, не буду писать. Трудиться на скромномъ педагогическомъ поприщѣ я рѣшительно не считаю себя способной; надо искать другого пути, и я его найду... Всѣ мы пойдемъ разными путями жизни, и пусть они будутъ счастливы для насъ...

Смѣшно теперь читать эти таинственныя недомолвки! А вѣдь мною уже давно рѣшено итти на курсы. Только привычка къ скрытности и опасеніе, что дневникъ попадетъ въ постороннія руки, мѣшали мнѣ высказывать свои задушевные мысли и желанія.

31 июля. Передъ тѣмъ, какъ помѣстить въ газетѣ объявленіе объ урокѣ—мною овладѣло раздумье: что я хочу сдѣлать? Вѣдь объявленія объ урокахъ помѣщаются только нуждающимися въ нихъ бѣдными людьми. А я-то? Мое желаніе имѣть урокъ, развѣ это не капризь? Мнѣ онъ нуженъ только для того, чтобы имѣть свои деньги, карманныя деньги, которыхъ мама давать мнѣ не соглашается. Знакомыхъ у меня нѣтъ, слѣдовательно, уроковъ мнѣ доставить никто не можетъ, я и придумала помѣстить объявленіе.

Что сказалъ бы на это мой гордый и самолюбивый отецъ? Въ поискахъ уроковъ есть всегда что-то унижительное... О, навѣрно папа запретилъ бы мнѣ и думать объ этомъ, если бы узналъ, что его родная дочь, не менѣе гордая, чѣмъ и онъ самъ, рѣшилась помѣстить объявленіе, какъ самая послѣдняя городская учительница...

Въ рукѣ у меня былъ клочекъ бумаги съ написаннымъ объявленіемъ; стоило разорвать его—и все кончено... Такія мысли волновали меня, но... Рубиконъ былъ перейденъ...

2 августа. Объявленіе начинаетъ приносить «плоды»: бабушка пришла въ ужасъ, мама очень недовольна, говоритъ, что

я прославилась на весь городъ, молчить, грозы пока нѣтъ, но для меня хуже всего это молчаливое гоненіе... Всѣ и все противъ меня. Теперь я готова сознаться, что поступила довольно необдуманно, не сказавъ никому ни слова; за эту выходку мнѣ придется поплакаться.

На семейномъ совѣтѣ рѣшено: прекратить печатаніе объявленіе и не пускать меня на Французскую выставку въ Москву.

30 октября. Какъ давно я не писала дневникъ! Почти 3 мѣсяца! Это занятіе почему-то не доставляетъ мнѣ никакого удовольствія, какъ прежде. Жизнь моя — полнѣйшее однообразіе, утомительная, монотонная... Всему причиной мать: она губитъ мою молодость, она затягиваетъ меня въ болотную тину своего болѣзненного существованія. Теперь меня держать взаперти. Нѣтъ, это невозможно! Кажется, что не хватитъ силъ для такой жизни...

1892 годъ.

8 января. Какъ сонъ прошли эти дни святокъ — я веселилась. Теперь я все-таки успѣла ближе познакомиться съ обществомъ, хотя меня держатъ слишкомъ строго, наблюдаютъ за мной постоянно, находя, что я еще очень молода для частыхъ выѣздовъ. Дѣйствительно, я моложе всѣхъ барышень, у меня нѣтъ такой представительности и самоувѣренности, но вѣдь это приобрѣтается привычкой... Мнѣ уже смѣшно себя вспомнить прошлогодней гимназисткой, которая дрожала какъ осиновый листъ, подавая впервые въ жизни руку гимназисту.

1 марта. Боже мой, до чего гадка моя жизнь! Ты, въ рукахъ котораго наша жизнь — неужели Ты не можешь послать мнѣ избавленія? Я не знаю, что теперь выйдетъ изъ меня: характеръ мой сталъ несносенъ, и все болѣе и болѣе разгорается во мнѣ ненависть къ этой жизни...

Жить такъ, чтобы не знать, что будетъ съ тобою завтра — вотъ что увлекаетъ меня; лучше работать и ходить босикомъ, но быть спокойной въ душѣ, нежели носить туфли, ничего не дѣлать и постоянно волноваться о самой себѣ. Христіанство запрещаетъ самоубійство, но будь я язычницей — меня уже съ 14-ти лѣтъ не было бы на свѣтѣ.

Миръ прекрасенъ, но если всякое стремленіе къ нему изъ своего крошечнаго мірка запрещено и осмѣивается — тогда

жизнь не жизнь, а какой-то тяжелый, безцѣльный сонъ. Для чего я теперь существую, что, въ сущности, дѣлаю, на что уходитъ этотъ годъ моей жизни? — Вотъ вопросы, на которые я могу дать правдивый отвѣтъ, но мнѣ его больно сказать...

10 марта. Я начинаю, такъ сказать, снова мой дневникъ. Все, что написано мною раньше, за эти четыре года, представляетъ только внѣшнюю, мало интересную связь событій. Я дѣлала это изъ боязни и скрытности, но теперь все это оставлю. Я даже рисовалась иногда въ дневникѣ, но... повторяю слова Маріи Башкирцевой: «къ чему лгать и рисоваться?» — въ особенности мнѣ. Написавъ свой дневникъ, Марія Башкирцева думала оставить «фотографію женщины», и ошиблась: ея дневникъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ, не можетъ представить «фотографію женщины» — въ немъ она писала искренно и правду, что я дѣлаю очень рѣдко относительно себя самой, скрывая большую часть того, что думаю.

Итакъ, я начинаю новый дневникъ. Всякій, кому онъ попадетъ въ руки, подумаетъ: «и съ чего эта такая маленькая, безвѣстная дѣвушка начинаетъ вести дневникъ, какъ будто бы онъ кому-либо представить интересъ». Но я веду его только для себя, и мнѣ не зачѣмъ скрываться...

13 марта. Это какъ бы предисловіе къ моему дневнику. Я буду писать о себѣ: еще одной «фотографіей женщины» будетъ больше. Но я женщина изломанная, если можно такъ выразиться, я полна противорѣчій самой себѣ; у меня неровный характеръ. Прежде всего — что я такое? я и сама не могу сказать. Находятся люди, называющіе меня странной. Это неправда: я очень обыкновенна; даже моя наружность — мое отчаяніе, — съ каждымъ днемъ я все болѣе убѣждаюсь въ простой, но непріятной истинѣ — что я уродъ или очень некрасива. А такое сознаніе въ 17 лѣтъ ужасно. Я обожаю красоту, въ чемъ бы она ни выражалась. Во мнѣ нѣтъ также той привлекательности, которая заставляетъ и некрасивыхъ казаться красивыми; я неинтересна, и никогда ни одинъ мужчина не найдетъ удовольствія въ бесѣдѣ со мною. Говорятъ, что я много читала — и это вздоръ: читала кое-что безъ разбора, что попадалось подъ руку. О моихъ способностяхъ всѣ и всегда были почему-то высокаго мнѣнія, но я совершенно не знаю математики, хотя и кончила съ медалью курсъ гимназій. Судьба дала мнѣ огромное честолюбіе, большіе планы... но со-

всѣмъ не дала данныхъ для исполненія ихъ и удовлетворенія звѣря, грызущаго мое сердце. Боже меня сохрани быть завистливой, но я иногда не могу не жаловаться на эту злую мачеху... Если бы случилось такъ, что я должна была обѣднѣть, — то могла бы жить какъ Діогенъ въ бочкѣ. Это извѣстно мамѣ, которая ужасно боится З%: если ихъ будутъ выдавать, то доходы наши должны очень уменьшиться. Я вся состою изъ крайностей, а поэтому и думаю двойственно: если это такъ, то такъ, а если иначе, то иначе, мнѣ все равно. Я чувствую, что жизнь въ нашей семьѣ заставитъ меня возненавидѣть семейную жизнь. Я никогда не выйду замужъ, въ чемъ не вижу бѣды. Мое одиночество въ семьѣ заставляетъ меня сильно страдать, меня никто не любитъ; должно быть — лишній человекъ въ семьѣ. Это чувство ужасно, и я постоянно молюсь, чтобы какъ-нибудь избавиться отъ такой жизни. Но напрасно: Слышащій всѣхъ — не слышитъ меня. Впрочемъ, я, кажется, богохульствую, чего не должно быть въ дневникѣ молодой дѣвушки. Можно быть пессимисткой, только не по отношенію къ религіи. Однако, я не смотрю слишкомъ мрачно на жизнь: она очень интересна и занимательна для всякаго, и я сомнѣваюсь, что изъ двухъ лучше: умереть, не зная и не увидѣвъ жизни, или же умереть, вполне извѣдавъ ее со всѣми ея дурными и хорошими сторонами. Въ первомъ случаѣ — полное невѣдѣніе; во второмъ — знаніе великой науки — науки жизни...

2 апр. Вел. четвергъ. Сегодня въ церкви, подъ звуки печальнаго пѣнія, я вдругъ почувствовала, что не могу дать отвѣта на вопросъ: что такое Богъ? Давно переставъ думать о Немъ — не понимаю Его. Глаза мои наполнились слезами, горло сжало, мнѣ стало страшно, и я упала на колѣни, упрекая себя за невѣріе, — грѣхъ, въ которомъ до сихъ поръ никогда не была виновата въ дѣтствѣ, ибо мысли о Богѣ для меня были самыми лучшими.

Начали читать Евангелія. «Да не смущается сердце ваше, вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте». Это краткое изреченіе мнѣ кажется почему-то полнѣе, выразительнѣе и торжественнѣе другихъ... Именно такъ: «да не смущается сердце ваше»... Эти слова, какъ и всегда, произвели на меня впечатлѣніе: казалось, что самъ Богъ говоритъ намъ, и мой смущенный умъ сразу успокоился...

8 апрѣля. Время бѣжитъ неудержимымъ потокомъ... Когда я думаю о смерти и о слѣдующей за ней вѣчной жизни — то испытываю такой невыразимый ужасъ, что не могу успокоить себя ни молитвой, ни чтеніемъ Св. Писанія, ни научными размы-

шленіями, — и живу со смущеннымъ сердцемъ... Какъ жалокъ умъ человѣческой, если онъ не можетъ имѣть понятія о вѣчности! Вѣдь мы не задумываемся о той вѣчности, которая сотретъ и изгладитъ весь слѣдъ нашей «вѣчности», нашего «безсмертія». О, людской родъ, достойный слезъ и смѣха! Какъ мало ты думаешь о смерти!.. Хорошо подобно Паскалю видѣть всегда пропасть рядомъ съ собою. Это можетъ отъ многого уберечь. Но не всѣ люди — Паскали, и не всѣ святы.

15 апрѣля. Приѣхала изъ Нерехты, была тамъ только два дня, и они пролетѣли какъ сонъ. Милая Нерехта! твой воздухъ дѣйствуетъ на меня благотворно, я оживляюсь при одномъ твоёмъ видѣ; самый звукъ твоего названія пріятнѣе мнѣ всякой музыки. О, скорѣй бы лѣто! Я опять уѣду отсюда, изъ этой мучительной каторги, именуемой семейною жизнью! Въ ней нѣтъ для меня ни умственныхъ ни нравственныхъ интересовъ...

16 мая. Сейчасъ я думаю, что такое представляетъ мой дневникъ? Это журналъ «одной изъ многихъ». Да! много насъ описываютъ въ романахъ, но... мнѣ кажется, что все-таки въ нихъ есть доля фальши. Можетъ быть найдутся наивные люди, которые спросятъ: кто это «мы»; я отвѣчу: «мы» — дѣвушки, окончившія и неокончившія курса гимназіи, желающія продолжать свое образованіе далѣе, но не находящія въ семьѣ ни сочувствія ни поощренія, а наоборотъ, сильное сопротивленіе... Прибавить къ этому мои безумныя мечтанія, мое страстное желаніе учиться, и вы поймете, каково мнѣ жить. Почему всякое, даже самое маленькое желаніе заниматься — у мужчины встрѣчается съ похвалой и одобреніемъ, а у женщины — съ недовѣрчивой усмѣшкой и порицаніемъ? Почему дѣвушки съ мечтами о «курсахъ» встрѣчаются очень часто, курсистокъ же однако немного? Говорятъ, эмансипація въ Россіи сдѣлала большіе успѣхи, но мнѣ кажется — нѣтъ: кто знаетъ, какія таятся воззрѣнія на женское образованіе въ глубинѣ исконно-русскихъ семей, въ глубинѣ сердець матерей? Статистика показываетъ одно, а жизнь — совсѣмъ другое.

Ростовъ, 1 іюня. Есть что-то невыразимо пріятное во встрѣчѣхъ и разговорахъ съ чужимъ, но роднымъ по чувству человѣкомъ. Это освѣжаетъ умъ и мысли, чувствуешь себя вполнѣ счастливой, когда тебя понимаютъ... Здѣсь я безъ счету разъ ѣздила въ церковь и за акафисты, и за обѣдни, и за всенощныя, съ удовольствіемъ посѣщала монастыри Троицы, Яковлевскій и др. Церкви

Ростова отличаются богатымъ убранствомъ, изъ монастырей Яковлевскій — гдѣ почиваютъ мощи Св. Димитрія — мнѣ очень понравился; нѣсколько печальный напѣвъ монаховъ за акафистомъ — «радуйся, Димитріе, Ростовскій чудотворче» — производитъ грустное, благоговѣнное впечатлѣніе... По-моему, посѣщеніе церкви — дѣло столько же набожности, сколько и привычки: есть люди, не могущіе обойтись безъ обѣдни утромъ, какъ иные — безъ театра вечеромъ. Горячо молясь за длиннѣйшимъ акафистомъ или Херувимской, я порой начинала мечтать... Человѣкъ никогда не долженъ забывать, что онъ сотворенъ по образу и по подобію Божію, и что онъ смертенъ. Имѣй каждый эти двѣ мысли въ головѣ постоянно, вдумывайся въ ихъ смыслъ, и міръ избѣгнулъ бы большинства золъ своихъ. Но... мы всѣ ослѣплены сіяніемъ того міра, надъ которымъ человѣкъ же признанъ царемъ...

16 іюня. Когда я пишу эти строки — слезы навертываются на глазахъ, и рука невольно дрожитъ. Я видѣла весь ужасъ смерти.... Мой крестный былъ безнадеженъ, и вчера утромъ, придя къ нему — жена его встрѣтила меня съ заплаканными глазами: — «Онъ умираетъ». Я бросилась въ спальню и... чуть не вскрикнула отъ страха и жалости: онъ лежалъ съ открытыми глазами и ртомъ, никого не узнавая и тяжело хрипя. Я откинулась въ уголь, испуганно посмотрѣвъ на это страшное зрѣлище: смерть уже была здѣсь... ужасно было ея приближеніе. Докторъ сказалъ, что больной еще можетъ прожить около сутокъ: мозгъ уже былъ пораженъ, но отъ чего послѣдуетъ смерть, отъ наростовъ въ мозгу или отъ кровоизліянія — неизвѣстно...

Томительно потянулись часы. И вся погруженная въ думы, прислушиваясь къ тяжелому хрипѣнію умиравшаго, ходила я изъ угла въ уголь по комнатѣ... Въ первый разъ въ жизни я видѣла такъ близко наступленіе смерти и обратилась къ религіи. Есть что-то утѣшительное въ вѣрѣ. Надо вѣровать. Вотъ уже скоро душа покинетъ свое тѣло... что будетъ чувствовать она, какова будетъ жизнь души послѣ смерти, что ждетъ ее? Я вся замирала подъ гнетомъ этихъ мучительныхъ вопросовъ — смерть и вѣчная жизнь грозно встали передо мной — и мысли спутались въ моей головѣ...

Къ вечеру призвали священника: начали читать отходную. Это чудныя, страшныя молитвы, эти святыя слова заставляли меня плакать, и, стоя на колѣняхъ, при мерцающемъ свѣтѣ лампы, въ темной комнатѣ, я заливалась слезами. Плакали всѣ, и смерть была близко...

Наступила ночь, страшная ночь. Съ крестнымъ сдѣлалась перемѣна: хрипъ перешелъ въ стонъ, и этотъ непрерывный стонъ привелъ меня въ ярость. Я металась по комнатѣ, бросалась ко всѣмъ иконамъ, прося Бога или о смерти крестнаго или объ его выздоровленіи. Я была зла на всѣхъ и на себя за то, что не была въ состояніи помочь ему. Наконецъ, утомившись отъ гнѣва и молитвъ, все еще слыша стоны, я немного прилегла на диванъ и заснула. Проснувшись, вскакиваю и бѣгу: крестный все такъ же. Мнѣ вдругъ представилось, какъ черезъ нѣсколько часовъ въ залѣ будетъ стоять гробъ, какъ будутъ пѣть панихиду... Я вздрогнула невольно, и мнѣ опять стало страшно...

А смерть безвозвратно брала свое: крестный пересталъ уже стонать, только прерывисто и тихо дышалъ... Въ спальнѣ было темно. Собравшись всѣ въ ней, мы стали молиться. Крестный дышалъ все тише и тише; вотъ онъ тяжело вздохнулъ, открылъ ротъ, сказалъ что-то, слышно было, будто кровь перелилась по всему его тѣлу, еще одинъ вздохъ... Мы замерли. Я откинулась въ уголь и рыдала неудержимо. Такъ стояли мы нѣсколько минутъ. Крестный не шевелился, его глаза остановились... Открыли стору, и яркій свѣтъ озарилъ темную комнату: передъ нами лежалъ мертвецъ. Невыразимое чувство ужаса, охватившее меня въ моментъ смерти крестнаго — замѣнилось вдругъ спокойствіемъ, покорностью неизбѣжному. Мои рыданія утихли, и я чувствовала, что болѣе не заплачу. Только при переносѣ тѣла на столъ я вскрикнула отъ испуга, когда раскрытые глаза и ротъ его обратились ко мнѣ...

О, мой милый, мой дорогой крестный! Какъ жаль мнѣ тебя, твоей несчастной жизни и твоей смерти!

17 іюня. Жизнь идетъ своимъ чередомъ...

Мѣняя каждый мигъ свой образъ прихотливый,
Капризна какъ дитя, и призрачна какъ дымъ—
Вокругъ трепещетъ жизнь тревогой суетливой,
Великое смѣшавъ съ ничтожнымъ и смѣшнымъ ..

Завтра уже крестный будетъ тихо и спокойно лежать въ могилѣ, а мы снова уйдемъ въ свою маленькую, ничтожную жизнь. Я не хотѣла бы умереть, не оставивъ послѣ себя никакого слѣда на землѣ; это желаніе безумно съ моей стороны, но... что же дѣлать, я пишу правду. Пусть хоть немножко моя личность не будетъ забыта, пусть хоть въ этомъ дневникѣ сохранится отчасти мое «я» со всѣми волнующими его мыслями. Впрочемъ, я маленькій человекъ, и кому могу быть интересной?...

27 іюня. Всѣ эти дни я была въ странномъ настроеніи, и никакъ не могла избавиться отъ страшной тоски, которая овладѣла всѣмъ моимъ существомъ. Постоянно читая старинную книгу— «Гласъ трубный, зовущій на судъ» — я всѣми мыслями была въ міръ загробной жизни. Это мистическое настроеніе, смѣшанное съ какимъ-то страхомъ смерти и вѣчности, въ которую рано или поздно войдемъ и мы, доходило иногда до такой степени, что я думала, не схожу-ли съ ума. Но въ то же время я удивительно спокойно относилась ко всему окружающему: всѣ наши дразги и заботы житейскія казались такими ничтожными, мелкими предъ вѣчностью, что мнѣ было стыдно волноваться изъ-за нихъ. Теперь понимаю христіанскую философію... Если бы теперь я стала нищей, — ничто не нарушило бы мое ясное настроеніе.

Нерехта, 28 іюня. Я въ Нерехтѣ! Опять на родинѣ, дышу ея знакомымъ воздухомъ, гуляю въ нашемъ миломъ саду, который годъ отъ году все болѣе и болѣе разрастается. Чудо, какъ хорошо здѣсь! Я буквально не помнила себя отъ радости, когда приѣхала сюда, и какъ маленькая бѣгала по комнатамъ. Каждое зеркало отражало сіяющую розовую фізіономію и блестящіе сѣрые глаза, они улыбались мнѣ, и я сама себѣ показалась хорошенькой...

Въ ясной синевѣ неба сіяетъ солнце, кругомъ тишина, и у меня на душѣ, вѣчно взволнованной, спокойно и ясно, какъ это небо. Безъ страстей и горькихъ думъ я живу здѣсь и наслаждаюсь, мнѣ все дорого, все мило...

Надѣвъ длинную блузу, я завязываю ее шарфомъ выше таліи, собираю свои бѣлокурые волосы высоко на затылокъ большимъ узломъ, расчесывая ихъ спереди, и получается фигура начала нынѣшняго столѣтія, фигура прабабушки въ молодыхъ годахъ, съ высокой таліей, съ наивнымъ улыбающимся лицомъ... Ребячество!

Ахъ, если бы вы знали, какіе здѣсь чудные вечера! Я жалѣю, что не поэтъ, что я не могу описать всю эту прелесть засыпающей природы, эту ночь, которая спускается на землю тихо и незамѣтно, точно боясь людей напугать своимъ внезапнымъ приходомъ... Я долго гуляю въ саду, смотрю на небо, звѣзды сверкаютъ одна за другой, а тѣнь отъ кустовъ и деревьевъ становится все гуще и гуще, шелеститъ тихо вѣтеръ, кузнечики стрекочутъ въ кустахъ, становится темно... И поздно вечеромъ я возвращаюсь домой...

Какъ правъ былъ поэтъ, сказавъ:

Сохраняется дольше въ глуши
Первоначальная ясность души.

Я похожа на Антея, который съ прикосновеніемъ къ матеріе-землѣ получалъ отъ нея новыя силы...

29 іюня. Одинъ великій философъ сказалъ правду: познай самого себя. И это оказалось труднымъ: человекъ все знаетъ, только не можетъ пустяка—знать себя. Точно такъ же иногда властители міра владѣютъ милліонами людей, и не умѣютъ владѣть собой. Казалось бы, чего проще? Знать себя и владѣть собой можетъ каждый человекъ. А между тѣмъ, есть-ли на свѣтѣ такой человекъ, который и то и другое знаетъ бы въ совершенствѣ?

30 іюня. Холера!... Бѣдствіе это надвинулось въ наши края... Матушка глушь уѣздная — наша Нерехта — чистится, осматривается санитарями, совсѣмъ по-столичному. Строится баракъ за городомъ, въ поѣздѣ желѣзной дороги ходитъ бѣлый вагонъ. Въ церквахъ читаютъ особыя молитвы, служатъ молебны, совершаютъ крестные ходы. Я была у Троицы въ селѣ. Народу—масса, священникъ читалъ специально для «народа» написанную простымъ разговорнымъ языкомъ проповѣдь. Любопытно знать, какое впечатлѣніе произвела она.

1 августа. Жестоко ошибаются тѣ, кто считаетъ жизнь пустой, ничтожной, скверной, да и вообще всѣ, которые недовольны жизнью, потому что отъ человека же зависитъ сдѣлать ее безсодержательной или прекрасной и высокой...

Въ эти дни я кончила нѣмецкіе переводы и думаю приняться за лекціи о сущности религіи Фейербаха. Судя по введенію, онѣ будутъ интересны. «Учитель Лингвистъ» спокойно отдыхаетъ на бабушкиномъ столѣ, а итальянская статья тщетно старается обратить на себя мое милостивое вниманіе: заниматься пока еще лѣнь.

4 августа. Съ берега Кострома — точно русская купчиха расползлась въ ширину. Самое замѣчательное въ ней—Ипатіевскій монастырь. Я была тамъ, но, признаюсь, не вполне довольна его посѣщеніемъ: какъ простымъ смертнымъ, намъ можно было войти только во дворецъ и церковь, осмотрѣть только поверхностно, слушая объясненія сторожа, въ родѣ: «вотъ комната Михаила Θεодоровича, здѣсь его спальня, зала». Видѣла также гробницы Годуновыхъ. Я очень люблю старину, а тутъ каждый предметъ переноситъ мысль за сотни лѣтъ, въ другой міръ, къ другимъ людямъ... Какое-то смутное чувство охватило меня, когда я вышла изъ монастыря: онъ очень древній, все въ стѣнахъ его ды-

шало стариной, а въ трехъ шагахъ отъ него — современный плывучій мостъ, покрытый грязью и извозчиками. Сразу отъ старины попадаешь въ нашъ вѣкъ — это и производитъ на меня ошеломляющее впечатлѣніе.

7 августа. Въ нашемъ роду сохранилась вотъ какая легенда. Это было очень давно. Одинъ изъ прадѣдовъ какъ-то много задолжалъ и не хотѣлъ расплачиваться съ кредиторами. А въ старину векселей не давали, вѣрили на слово. Вотъ онъ и придумалъ, чтобы не платить, отречься отъ своихъ долговъ, показать подъ присягой, что у него ихъ никогда и не было. А такъ какъ всѣ нерехтяне знали, что онъ много долженъ, то удивлялись, какъ онъ рѣшается дать ложную присягу. И священники это знали, но думали, что онъ все-таки опомнится, — вѣдь присягой не шутятъ. Повели его присягать на гору, за Нерехту, въ присутствіи массы народа. Онъ, не смущаясь, сталъ присягать, но въ эту минуту надъ его головою разверзлось небо, и среди молніи голосъ произнесъ: анаѰема, анаѰема!... Съ тѣхъ поръ, говорятъ, родъ былъ проклятъ, а потому его теперь и преслѣдуютъ несчастія.

Я горько плакала, впервые услышавъ этотъ рассказъ, но и теперь отчасти вѣрю ему... Такія легенды, помимо всего ужаса, имѣютъ свою тайную прелесть: есть что-то дѣйствительно увлекающее и страшное въ нихъ. Грозный фатумъ обращается въ Божіе предопредѣленіе, и вѣра въ судьбу какъ бы оправдывается указаніемъ свыше.

12 августа. Когда я думаю, что вотъ уже скоро годъ, какъ я теряю время, и что впереди предстоятъ еще годы терпѣнія — страшное отчаяніе охватываетъ меня. Я хочу одного и только одного: учиться. Я чувствую, что слишкомъ мало знаю и слишкомъ не развита, чтобы вполнѣ вступать въ жизнь. Всѣ другія желанія и страсти не существуютъ для меня; природа же нарочно создала меня такъ, что благодаря моей внѣшности — всѣ мечтанія о счастьѣ, любви не для меня. Что толку въ томъ, что у меня розовый цвѣтъ лица, красивыя губы, бѣлыя зубы, тонкая фигура — все это еще не составляетъ привлекательности. Когда я слушаю рассказы моей пріятельницы Сони о томъ, какъ въ нее влюблялись, когда я вижу, что ея лицо разгорается, глаза блестятъ, и вся она въ эти минуты смотритъ настоящей красавицей — тогда я думаю, что представляю ей живѣйшую противоположность: чѣмъ больше она одушевляется — тѣмъ я становлюсь холоднѣе, она увлекается — я насмѣшливо улыбаюсь, и право, не будь у

меня такая мѣщанская наружность, я была бы похожа на Мефистофеля...

Что, въ сущности, человѣкъ? т. е. такой обыкновенный человѣкъ, какъ и мы всѣ? По-моему, это даже менѣе, чѣмъ ничто. Я удивляюсь, какъ это люди не понимаютъ своего ничтожества: они создаютъ себѣ свой особый маленькій мірокъ, въ которомъ ставятъ кумиромъ свое «я», и стараются другихъ подчинить ему. О, сколько недовѣрія и презрѣнія испытываю я къ такимъ людямъ... Я прежде не понимала, какъ можно жить своимъ трудомъ, безъ состоянія, а теперь—отнимите у меня все, что я имѣю, и я пожалѣю только объ одномъ, что съ потерей средствъ я потеряю возможность изучать науки, но зато у меня разовьется другая сторона—человѣческая. Важно, очень важно воспитать въ себѣ эту сторону характера, потому что тогда научишься относиться ко всему спокойно и безпристрастно.

«Во имя Озириса, почивающаго въ Абутохѣ, я пишу истину»—такъ могу и я сказать, какъ древній египтянинъ въ какомъ-то романѣ. Только разница въ томъ, во имя чего я пишу эту истину. Я пишу потому, что чувствую непреодолимое желаніе, ничѣмъ непобѣдимую привычку довѣряться бумагѣ, всѣ мои чувства заносю сюда. Дневникъ—мой alter ego—живетъ со мной. Въ силу обстоятельствъ я не могу довѣряться людямъ...

24 августа. Погода чудная, августъ хочетъ казаться маемъ. Я сидѣла сегодня въ саду, на моей любимой полянкѣ подъ липой; на мнѣ обычное синее платье, на головѣ легкой бѣлый платокъ съ кружевами; граціозно прислонившись къ дереву, я сижу на складномъ стулѣ и, обнявъ одной рукой толстый сукъ, поднимаю голову и начинаю... мечтать... Но какъ мнѣ было грустно! Я плачу отъ радости, когда уѣзжаю сюда, и сколько горя, разставаясь съ Нерехтой... Съ каждымъ стукомъ колесъ уходящаго отсюда поѣзда—мое сердце замираетъ, слезы неудержимо бѣгутъ изъ глазъ... Стоя у окна вагона, я вся сосредоточиваюсь на видѣ исчезающаго города, и оторви меня кто-нибудь отъ него въ ту минуту—мнѣ кажется, что я умру... Скоро меня уже не будетъ здѣсь...

Я опять смотрю и на небо и на знакомыя деревья, кусты и цвѣты, съ моего мѣста мнѣ отлично все видно, и, при мысли, что скоро-скоро я должна все это оставить, что я не увижу этой знакомой, дорогой картины,—страшно сжимается мое сердце, и, забывъ все, я чувствую, какъ слезы душатъ меня...

Ярославль! При одной мысли о немъ, о семьѣ—все здѣсь

въ моихъ глазахъ еще привлекательнѣе, и еще тяжелѣе разставаться... А тамъ что, дома? О, эти мысли, эти мученія, чего бы я не дала, чтобы жить спокойно! Нѣтъ, я не могу такъ жить! Боже мой! мнѣ еще три года ждать! Иногда я объ этомъ думаю хладнокровно — иногда прихожу въ бѣшенство!

Но законъ и жизнь неумолимые ясно говорятъ мнѣ одно: ты должна жить, какъ тебѣ прикажутъ, до двадцати одного года...

25 августа. Я теперь самостоятельна, и должна сама о себѣ заботиться. Законъ опредѣляетъ съ 17-ти лѣтъ положеніе сироты въ имущественномъ отношеніи. Въ августѣ прошлаго года мнѣ исполнилось 17 лѣтъ, а въ январѣ меня отдѣлили, т. е. я подала заявленіе, и мнѣ назначили попечительницу. Я получила въ свое распоряженіе всѣ % % со своего капитала. Этихъ процентовъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказалось немного; конечно, жить можно, но въ обрѣзъ, «прилично», но съ расчетомъ во всемя. Это очень хорошо, — надо только умѣть распоряжаться этой небольшой суммой. Все-равно, вѣдь, и въ 21 годъ, когда я получу капиталъ — онъ не увеличится. Слѣдовательно, немного ранѣе начать знакомство съ житейской экономіей — полезно.

28 августа. Моя милая родина, моя милая Нерехта! Скоро-скоро разстанусь съ тобой! Сентябрь уже близко, и время отъѣзда наступаетъ. Когда подумаю о немъ — сердце замираетъ отъ горя. Прощай, тихая, свѣтлая жизнь!...

Наконецъ рѣшусь сказать здѣсь мою завѣтную мечту, мою единственную тайну. До этого года я думала по совершеннѣйшей поступить на курсы, но мысль о потерянныхъ годахъ заставляетъ меня поступить въ одинъ изъ швейцарскихъ университетовъ. Какія знанія нужны для этого, какія требованія и формальности — ничего не знаю, я иду ощупью, на-авось, съ отчаянной смѣлостью слѣпого... Что-то будетъ? А пока въ ожиданіи занимаюсь. — Вотъ эта мысль — источникъ моего существованія. Передо мной есть звѣзда, и я къ ней иду... О, мое счастье! когда нужно — приди ко мнѣ!...

Ярославль, 6 сентября. Чѣмъ чаще я сталкиваюсь со здѣшнимъ обществомъ, тѣмъ болѣе сознаю, что оно мнѣ чуждо. Съ ледянымъ спокойствіемъ наблюдая за нимъ, ясно вижу невозможность сблизиться и не дѣлаю попытокъ къ знакомству. «Что я Гекубъ, что Гекуба мнѣ?» Что мнѣ общество, и что я ему? И съ приближеніемъ сезона, когда всѣ заняты толками о кружкѣ,

о военномъ клубѣ, о туалетахъ — я сижу дома и думаю о предстоящихъ занятіяхъ языками, музыкой, принимаюсь за латынь, хотѣла бы поучиться и по-итальянски...

Какъ-то въ газетѣ я прочитала, что К—ская заключила фиктивный бракъ, съ цѣлью уѣхать за границу для ученія. Это меня поразило: такая мысль мнѣ бы и въ голову не могла притти. Но зато и я не К—ская... Однако, примѣръ заразителенъ: что, если бы и мнѣ сдѣлать то же! Но здѣсь никто и не согласится, это невозможно. Притомъ, я вѣдь получу свободу, но какъ долго ждать! А между тѣмъ къ мамѣ стали уже приходять свахи. Вотъ бѣда-то! что за народъ!

7 сентября. Ахъ, если бы душа могла говорить! тогда она рассказала бы вамъ мои мученья... Пересмотрѣвъ латинскую грамматику и книгу упражненій Шульца — пришла въ отчаяніе. Нѣтъ! мнѣ никогда не справиться съ этою массою правилъ и словъ, никогда не выучиться этому языку! Боже мой! Я занимаюсь съ Володей всего четвертый вечеръ, прошла и написала шесть переводовъ, — вѣдь это пустякъ, а мнѣ уже 18 лѣтъ! А ему!!! И онъ все это будетъ знать, а мнѣ не узнать никогда, никогда! Есть отчего быть въ отчаяніи...

— «*Sic non respondes?*» — пресерьезно спрашиваетъ меня Володя. — *Taceo et non respondeo*, — съ увѣренностью говорю я, потому что эти глаголы сходны съ французскими *taire* и *répondre*. О, почему ранѣе меня не учили ничему серьезно?...

15 сентября. Я представляю, кажется, человѣка, запертаго въ клѣтку, — не выйти ему изъ нея, такъ и мнѣ выхода нѣтъ... Слышаций всѣхъ не слышитъ меня... И отъ безсильнаго отчаянія, страшной злобы, — я еще удивляюсь, какъ не разорвалось у меня сердце. Но жалобы бесполезны; только здѣсь можно свободно предаваться имъ, бумага — не человѣкъ, никому ничего не скажетъ. Впрочемъ, впереди у меня есть цѣль, къ которой я иду, нужно быть терпѣливой...

По-моему, разрѣшивъ вопросъ — въ чемъ цѣль жизни? — человѣкъ уже исполнилъ ее на половину: стремиться къ достиженію ея — составить и наполнить жизнь. Часто онъ такъ и умретъ, не дойдя до цѣли, но и то хорошо, что онъ хоть шелъ къ ней, хоть не даромъ жилъ. И до тѣхъ поръ, пока я не буду вполне образованной — у меня и быть не можетъ другой цѣли...

19 сентября. ...Очень рѣдко, при взглядѣ въ зеркало на свое

свѣжее, розовое лицо съ сѣрыми глазами, которые, по выраженію Сони, смотрять «открыто и ясно», — мнѣ думается, что я могу быть не хуже другихъ, т. е. не некрасивой. Но здравый смыслъ, котораго на все остальное мнѣ часто не хватаетъ — тотчасъ же останавливаетъ всякія дальнѣйшія самообольщенія: что издали кажется красиво, вблизи у зеркала теряетъ свою красоту. Впрочемъ, глупо жалѣть о томъ, что не красавица: не всѣмъ же родиться прелестными, надо быть кому-нибудь и уродомъ. Но вотъ еще что: одна изъ гувернантокъ учила меня почти цѣлый годъ кокетству, убѣждая, что дѣло не въ красотѣ, а въ томъ, чтобы имѣть право на вниманіе мужчинъ. Объ этомъ-то послѣднемъ я никогда не заботилась, а она удивлялась и читала мнѣ цѣлыя лекціи. Я слушала, хлопала глазами и пропускала мимо ушей. Я знаю, что на это не способна, у меня нѣтъ той смѣлости, безъ которой кокетство, по моему мнѣнію, невозможно. Въ глубинѣ души я сознаю, что могу быть и оригинальной и интересной, умѣю поддержать всякій вопросъ на общественныя темы, могу ловко вывертываться изъ затрудненія, когда разговоръ принимаетъ нежелательный для меня оборотъ, могу говорить цѣлый часъ, ничего въ сущности не сказавъ, если нужно — притворюсь непонимающей, тонко сыграю роль беззаботной дѣвушки... но все это мнѣ рѣдко приходится примѣнять на дѣлѣ. И притомъ, это мое собственное сознаніе, а себѣ никогда нельзя довѣрять вполнѣ. Точно также я не довѣряю и людямъ: излишняя откровенность всегда повредитъ. Вотъ почему дневники и всевозможные журналы стоятъ лучшаго друга...

Я нахожу большое удовольствіе писать дневникъ; для меня это привычка, потребность. Пусть статистики, дорожащія каждой минутой, высчитываютъ, сколько времени потратитъ человѣкъ въ теченіе всей своей жизни на бесполезное исписываніе страницъ,—отъ меня далекъ подобный расчетъ. Но мнѣ иногда припоминаются стихи:

Не унижай себя; стыдися торговать
 То гнѣвомъ, то тоской послушной
 И гной душевныхъ ранъ надменно выставлять
 На диво черни простодушной.
 Какое дѣло намъ—страдалъ ты или нѣтъ,
 На что намъ знать твои волненья,
 Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,
 Разсудка злыя сожалѣнья...

Однако, я успокаиваюсь тѣмъ, что эти стихи не для меня, а для тѣхъ, которые дѣйствительно напоказъ думаютъ и пишутъ.

Когда же пишу я—дѣлаю это только для себя. И кто будетъ имѣть жестокость порицать меня?

30 сентября. Тоска страшная... Я сегодня не выдержала и залилась отчаянными, горькими слезами. Моя болѣзненная мнительность и чувствительность пробуждаются при малѣйшемъ поводѣ... Какъ скверно и тяжело быть вѣчно одной! Но, милая Лиза, тебя некому успокоить — ты сама успокойся. Разсудокъ — прежде всего. Никакія сентиментальности не должны замѣнять его.

О, если бы все это бросить, отъ всего освободиться! Я чувствовала бы тогда, вѣроятно, то же самое, что чувствовалъ Н. М. Пржевальскій, отправляясь въ далекія путешествія. Но мнѣ говорятъ: «не лучше-ли вамъ выйти замужъ?» О, я не такъ глупа, какъ думаете вы, свахи и кумушки... Лучше вынести эту домашнюю тюрьму три года и потомъ получить свободу, нежели изъза минуты отчаянія заплатить цѣлой жизнью... А какъ я дорожу этимъ правомъ — свободно располагать своею личностью! Богъ одинъ знаетъ, какое оно для меня недоступное сокровище.

Завтра Покровъ Пресвятой Богородицы. Боже всѣхъ, Богъ Милостивый и Великій, Святая Дѣва,—покрой насъ, несчастныхъ, Святымъ Твоимъ омофоромъ!

13 октября. Мнѣ кажется, что моя теперешняя жизнь должна, несомнѣнно, отразиться въ будущемъ, и вліяніе ея будетъ гибельно. О, неужели я сойду съ ума?! Боже, спаси меня... Я стараюсь всѣми силами твердо стоять и не колебаться, усвоить себѣ тотъ философскій взглядъ на жизнь, благодаря которому Діогенъ жилъ въ бочкѣ и отшельники жили годами въ пустыняхъ. Но молодость беретъ свое, мнѣ хочется жизни, свѣта, дѣла и знаній, словомъ — всего, чего я лишена и никогда не достигну, если буду такъ жить...

«Мать» — жестокое слово, которое для меня звучитъ горькою насмѣшкою, — отнимаетъ у меня все, даже свою любовь ко мнѣ, какъ своему ребенку. Но Богъ съ ней, если она меня не любить!

Читаю теперь «Государя» Макіавели. Эта ужасная книга могла быть написана только въ свое время. Читая ее, можно воскликнуть: «и до такой гадости, подлости могъ дойти человѣкъ!» Эта книга — возмутительнѣйшая насмѣшка надъ человѣкомъ, она внушаетъ мнѣ глубокое отвращеніе и негодованіе. Авторъ ея полагаетъ, что государь (Il principe) — какое-то особенное существо, которое, въ силу невѣдомыхъ никому правъ, можетъ рас-

полагать по произволу человѣческой жизнью, справедливостью, честностью — всѣми благородными чувствами. Когда я прочла похвалу дѣйствіямъ Цезаря Борджіа — я бросила книгу на полъ. Меня возмущаетъ, что одинъ человѣкъ только потому, что онъ носитъ названіе Государя, имѣетъ право располагать всѣмъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта книга была достойной своей эпохи. Разсужденія Маккіавели на первыя три книги Тита Ливія очень интересны; конечно, нельзя не согласиться, что всѣ совѣты государю внушены глубокимъ знаніемъ исторіи и людей; они дышатъ практической мудростью, но она-то и бьетъ черезъ край!

Льстецы, льстецы, старайтесь сохранить
И въ самой подлости отгѣнокъ благородства.

А здѣсь его и нѣтъ. Впрочемъ, это было, пожалуй, счастливое, наивное время, гдѣ всякій говорилъ откровенно, не скрывая своихъ думъ. Мы, должно быть, стали утонченнѣе. Будь такая книга написана въ наше время—автору не поздоровилось бы отъ нападокъ прессы и общества...

24 октября. Иногда, увлеченная Св. Писаніемъ и примѣрами житія святыхъ — я рѣшаюсь вести добродѣтельную жизнь, а иногда—совсѣмъ наоборотъ. Почему я такая? Но... Впрочемъ, вы не знаете, какъ я честолюбива; этого я не говорю н и к о г д а и н и к о м у, но въ дѣйствительности—безумныя мечты овладѣли мною уже съ 13 лѣтъ. Въ этомъ глупомъ возрастѣ я уже мечтала о приключеніяхъ, о возможности поѣздки въ Абиссинію, чтобы выйти тамъ замужъ за негуса; въ 15 лѣтъ я мечтала образовать женскій университетъ въ Россіи, и, вся поглощенная этой мыслью, таинственно заявляла въ дневникѣ: «много надо времени и много надо денегъ»... Я все отдала бы за славу. И вотъ, мечтая такимъ образомъ, я въ то же время вижу, какъ это все глупо, и голосъ разсудка твердилъ мнѣ «перестань»... но могу-ли я?

Теперь читаю «Коранъ» Магомета, и это оригинальное произведеніе не производитъ на меня ни малѣйшаго впечатлѣнія. Я сдольваю его съ усиліемъ, а все-таки читаю; вѣдь это, по меньшей мѣрѣ, оригинально: читать Коранъ. О немъ всѣ знаютъ, но немногіе имѣютъ понятіе. Святые книги написаны не простымъ языкомъ, а какимъ-то особеннымъ слогомъ, который производитъ на насъ неотразимое впечатлѣніе; такое же впечатлѣніе долженъ былъ произвести и Коранъ на арабовъ; хотя ему до Евангелія—какъ до звѣзды небесной далеко. Евангеліе слегка напоминаетъ восточный колоритъ языка.

Москва, 12 ноября. Сейчас вернулась из Большого театра, слушала «Жизнь за Царя». Это лучшая изъ русскихъ оперъ: все, что есть высокаго, благороднаго въ душѣ человѣческой—пробуждается, когда ее слушаешь. Театръ, его обстановка, публика, костюмы — отъ всего этого у меня кружится голова, я положительно не могу писать, иначе выйдетъ какая-то восторженная чушь...

13 ноября. Я очень огорчена, смущена, вообще поставлена въ недоумѣніе: тетя замѣтила, что у меня совершенно дѣтскія манеры, и я не умѣю держать себя солидно, по годамъ. Но что же мнѣ дѣлать? Для себя, въ глубинѣ души — я серьезна, положительна, но въ глазахъ другихъ — чувствую, что я какой-то смѣшанный, пестрый человѣкъ: однимъ кажусь серьезной, другимъ — ребенкомъ (это для меня оскорбительно), третьимъ — умной (чего нельзя сказать). Что же это такое?...

16 ноября. «Сафо» Ермолова играла безподобно. Меня поразила ея голосъ: глубокой, гармоничный, сильный — онъ проникаетъ въ душу, невольно приковываетъ все вниманіе. А лицо! — вся драма изображалась на немъ, все, что не выражалось словами — можно было читать въ ея чертахъ. Это гениальная артистка. Ее забросали цвѣтами, сыпался дождь букетовъ, она улыбалась и посылала публикѣ воздушные поцѣлуи. Какъ бы мнѣ хотѣлось быть на ея мѣстѣ!...

20 ноября. «Такъ жизнь молодая проходитъ безслѣдно!» Боже, дай мнѣ другой жизни! Дай власти и славы, научи меня смиренію, кротости, терпѣнію и терпѣнію.

Такъ и рвется душа
Изъ груди молодой,
Просить воли она,
Просить жизни другой!!!

Но бесполезны жалобы, просьбы и слезы... Впрочемъ, теперь пока здѣсь я счастлива, и совсѣмъ забываю о домѣ и о своихъ.

22 ноября. Вчера умеръ Фетъ. Тотъ самый Фетъ, стихами котораго я зачитывалась, считая его чуть-ли не безсмертнымъ. Майковъ, Полонскій, Фетъ — вотъ три писателя, на которыхъ держится, какъ я думаю, вся наша современная поэзія — и уже

одного изъ нихъ не стало! Что толку въ томъ, что въ Россіи много поэтовъ! Никакіе Фруги и Надсоны не замѣнятъ и строчки Фета, возьмите ихъ десятками тысячъ, все же они — не онъ.

А 27-го праздновалось 50-тилѣтіе со дня первой постановки «Руслана и Людмилы» Глинки. Въ Петербургѣ этотъ день прошелъ торжественно, а здѣсь и не вспомнили о немъ. «Ахъ, Москва, Москва, золотая голова» — поется въ пѣснѣ, но на этотъ разъ можно сказать: мѣдная ты голова, такъ какъ только мѣдный лобъ не можетъ понять значенія этого дня для русской музыки.

3 декабря. Слушая оперу «Вражья сила», я впервые вполнѣ ощущала, какъ музыка можетъ выражать всѣ движенія души человѣческой, какъ мои чувства сливались съ грустными звуками русскихъ мотивовъ... «Вражья сила» — это наше русское, родное: одинъ видъ кузнеца Еремки, народное гулянье на масленицѣ, эти пѣсни и ряженые — все, все рѣшительно нравится мнѣ...

Можетъ быть, вы будете удивляться, что я пишу почти исключительно о театрахъ? Что же дѣлать! Театръ производитъ на меня сильное впечатлѣніе, я увлекаюсь и наслаждаюсь имъ.

7 декабря. Я буквально не вижу дня, жизнь здѣсь очень интересна, и, какъ вы видите — мой дневникъ не наполняется всевозможными размышленіями. Сегодня, напр., снова была въ театрѣ. Каюсь, я не читала «Дмитрія Самозванца» Островскаго — и напрасно. Какъ трогательна и ужасна по простотѣ своей сцена царицы Марѣы, сколько въ ней нѣжности и тонкой любви материнскаго сердца. — «Гдѣ сынъ-то мой?» спрашиваетъ она въ порывѣ неудержимаго горя, и какъ потокъ слезъ начинается ея рассказъ о смерти Дмитрія... Послѣднюю сцену выслушала съ трудомъ: при громѣ пушекъ, среди возмущенной толпы смерть Самозванца ужасна, и невольно я въ душѣ ощущала страхъ...

Ярославль, 13 декабря. Какая здѣсь тишина послѣ шума и оживленія Москвы! Приѣхавъ сюда, я въ первый же день наслушалась безобразныхъ сплетенъ, возможныхъ только въ провинціи. То-ли дѣло — Москва! Тамъ человѣкъ незамѣтно исчезаетъ въ общей массѣ, онъ можетъ жить спокойно, занимаясь чѣмъ хочетъ, одѣваясь, какъ угодно, думать, какъ хочетъ, вообще — жить своею жизнью, не заботясь о мнѣніи другихъ, и если онъ не знаменитость — о немъ никто не заговоритъ, его не замѣтятъ. Я испытала это удобство — быть незамѣтной, невозможное въ провинціи...

20 декабря. Сегодня, через полтора слишком года по окончании курса — я получила дипломъ. Неужели для того, чтобы прочесть эти официальные строки съ обозначеніемъ всѣхъ балловъ и правъ — мнѣ нужно было учиться семь лѣтъ? Неужели этотъ «прекрасный» дипломъ, эти «одобрительные» аттестаты и свидѣтельства выданы мнѣ для того только, чтобы имъ лежать гдѣ-нибудь въ сундукѣ «подъ крѣпкимъ замкомъ»?

О, если бы я, повинуюсь порыву сердца, могла высказать все, что я думаю, о чемъ страдаю! Если бы я могла плакать тѣми отчаянными слезами, когда разрывается грудь отъ рыданій... Напрасно! мнѣ не дадутъ свободы, — и ни слезы ни угрозы не въ состояніи сломить силу предрасудковъ, которыми, какъ каменной стѣной, окружена моя жизнь.

На дипломѣ написано: № 15 229. Насъ цѣлая армія, всегда и вездѣ мы останемся неизвѣстными, пропадаемъ въ массѣ; наша судьба быть маленькимъ, сѣренькимъ человѣчкомъ, червякомъ... Вотъ кто мы, которые, какъ и я сейчасъ, живемъ своей крошечной личной жизнью, строя изъ личныхъ несчастій чуть ли не общественныя катастрофы...

Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодovитой
Ни гениемъ начатаго труда...

24 декабря. Рождественская ночь! Торжественная и прекрасная она пройдетъ для меня прозаично. Въ мои лучшіе годы, когда дружба необходима мнѣ — нѣтъ никого, кому бы я могла сказать свои думы.

Печаленъ я, со мною друга нѣтъ,
Кому бы могъ пожать отъ сердца руку...

Какъ пусто все кругомъ!

31 декабря. Въ сущности, я очень несчастна... въ смыслѣ счастья. Мои мечты и надежды не исполняются, домашняя жизнь такъ тяжела. Еще 12-тилѣтней дѣвочкой, по смутному предчувствію, я твердила стихи:

Такъ и рвется душа изъ груди молодой,
Просить воли она, просить жизни другой...

Значить, я тогда уже чего-то искала, и заливалась горькими слезами при мысли, что у меня нѣтъ цѣли жизни. О, дѣтство, дѣтство! *V ta brevis, ars longa...*

О, Боже мой! помоги мнѣ! Дай мнѣ больше разума, силы

воли, у меня ихъ такъ мало! Надо имѣть вѣру. И я готова рыдать отъ отчаянія и молиться со всей силой вѣры, на которую способна. Прежде я умѣла молиться, цѣлыми часами стоя на колѣняхъ передъ лампадой.

Скоро-скоро старый годъ канетъ въ вѣчность... Тысячи людей съ радостью и надеждой говорятъ: «съ Новымъ годомъ!» И я должна радоваться: еще шагъ впередъ по пути къ моему совершеннolѣтiю а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ удовлетворенiю единственнаго желанiя — учиться.

— Съ Новымъ Годомъ, господа! И, пожалуй, съ новымъ счастьемъ! Оставивъ въ сторонѣ личную жизнь, отчего не пожелать всѣмъ добрымъ людямъ всякаго счастья? Вѣдь понятiе о немъ до бесконечности разнообразно...

1893 годъ.

7 января. Однажды я подумала, что мнѣ можно выйти замужъ за старика, не моложе 67 лѣтъ, очень богатаго, умнаго, образованнаго, тонкаго эстета, знатока всего изящнаго, который бы меня вполнѣ понималъ и относился бы скорѣе какъ отецъ, нежели мужъ. По-моему, съ такимъ человѣкомъ можно рассчитывать на 10 лѣтъ полнаго счастья, а потомъ... пожалуй, мнѣ больше и не надо. Счастье очень хрупко, и если выпадетъ его лѣтъ на 10, — и этимъ человѣкъ долженъ быть доволенъ. Но... нѣтъ идеаловъ въ нашъ вѣкъ, о нихъ можно лишь мечтать, — такъ и мнѣ не найти моего идеала...

Это я говорю между прочимъ. Въ сущности же я давно рѣшила не выходить замужъ за русскаго, а за француза. Не говоря уже о франко-русскихъ симпатiяхъ, — мнѣ еще недавно пришлось узнать изъ книги, что отъ браковъ съ иностранцами, т. е. отъ смѣшанныхъ, рождаются наиболѣе умныя дѣти. А вѣдь, какъ хотите, очень прiятно имѣть умныхъ дѣтей...

30 января. Я окончила читать дневникъ Марiи Башкирцевой. Онъ не произвелъ на меня ни малѣйшаго впечатлѣнiя. Личность автора — въ высшей степени несимпатична. Отыщите хотя одну привлекательную сторону ея характера, укажите искреннее, сердечное движенiе въ этой книгѣ! «Я» переливается на всѣхъ страницахъ тысячами оттѣнковъ, отъ мрачнаго до свѣтлаго и наоборотъ. Не понимаю, какъ могли заинтересоваться этимъ дневникомъ за границей. Гладстонъ отозвался о немъ, какъ объ одномъ

изъ величайшихъ произведеній конца этого вѣка; другіе превозносятъ эту книгу до небесъ, потому что въ ней, будто бы, «весь отразился вѣкъ, вѣкъ нынѣшній, блестящій, но ничтожный», и Марія Башкирцева была его самой типичной представительницей. Бѣдное XIX столѣтіе! Оно отразилось въ самолюбивомъ, слабомъ и безнравственномъ человѣкѣ! Неужели оно, подходя уже къ концу, не заслужило болѣе лучшаго сравненія?... М. Башкирцева, конечно, искренна въ своемъ дневникѣ, она рисуетъ себя такой, какой она есть; ее нельзя назвать талантливой, даровитость—вотъ ея блескъ; но чудовищень этотъ ужасный эгоизмъ подъ блестящей, прекрасной внѣшностью. Если дать прочесть эту книгу монаху, онъ скажетъ: «заблудшая, несчастная душа», и, пожалуй, будетъ правъ. Горько видѣть, какъ увлекаются въ наше время подобными книгами...

Вы не подумайте, что я пишу это отъ женской зависти. Мало-ли на свѣтѣ людей, болѣе стоящихъ зависти! Я знаю, что въ глубинѣ души своей я, въ сущности, тоже нездоровый человѣкъ, мое нравственное существо съ одной стороны истерзано, измучено безобразной домашней жизнью, съ другой—какъ-то разбрасывается въ разныя стороны. У меня никого нѣтъ... нѣтъ въ цѣломъ мірѣ человѣка, который могъ быть мнѣ другомъ, у котораго я нашла бы себѣ поддержку. Но если судьба предоставляетъ итти одной по своей дорогѣ—нужно-ли, смѣю-ли я жаловаться на одиночество? У меня есть книги, у меня есть разумъ,—вотъ кто можетъ и долженъ быть моимъ другомъ. Надо заставить сердце молчать, тогда разсудокъ свободнѣе опредѣляетъ.

Великій Боже, прости меня, помоги мнѣ! Вотъ Они, Сынъ и Матерь Божіи, единственныя небесныя высшія Существа, къ Которымъ я могу прибѣгнуть, Которымъ я могу высказать всю бездну горя и безконечное страданіе, которыми переполнена душа моя. И мнѣ только 18 лѣтъ! И въ душевной тюрьмѣ, въ четырехъ стѣнахъ, не видя людей, хоронить себя! Господи, спаси!

1 февраля. Мнѣ кажется, что если бы я попала съ самыхъ раннихъ лѣтъ къ хорошему воспитателю и меня учили бы всему, что мнѣ хотѣлось знать, надлежащимъ образомъ направляя мое умственное развитіе,—изъ меня вышло бы что-нибудь замѣчательное, и если бы въ наше время для насъ, женщинъ, мечтанія о великихъ дѣлахъ, служеніи обществу были бы осуществимы—я увлеклась бы ими... Но меня оставили безъ вниманія, а дѣйствительная жизнь такъ однообразна, такъ притупляюще дѣйствуетъ на нервы, что возможно сойти съ ума, не находя себѣ удовлетво-

ренія... Я теперь изучаю нѣмецкую и французскую литературы, играю сонаты Бетховена, читаю Гёте и Бѣлинскаго, учусь латыни, занимаюсь рукодѣліемъ, хожу за обѣдною, за всенощную. И только? и больше ничего? Такъ знайте же, — ни-че-го! И это называется «жизнью»... Порой на меня находитъ дикая злоба: я недовольна тѣмъ, что родилась женщиной; при взглядѣ на меня никто не повѣритъ, что эти строки принадлежатъ такому маленькому, тоненькому существу съ дѣвической улыбкой и открытымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ...

10 февраля. Перечитывая дневникъ за послѣдніе дни, я вижу, что это ни болѣе ни менѣе, какъ отчаянный крикъ неудержимаго горя. Я съ виду спокойна, равнодушна и безстрастна, въ глубинѣ души призывая на помощь все, что есть во мнѣ христіанскаго, стараясь «смириться». Вотъ чего стоитъ мнѣ это безстрастіе! «Надо покориться!» — Надо!? Когда хочется видѣть весь міръ, знать все, когда мечтаешь до головокруженія о будущемъ!? Я бросаю перо и падаю на колѣни передъ иконой Божіей Матери...

10 марта. Въ эти дни по вечерамъ потихоньку, чуть не съ запертыми дверями, я съ увлеченіемъ читала «Петербургскія трущобы» Крестовскаго, и сейчасъ, съ первымъ ударомъ полночи, прочла послѣднія строки романа. Сколько гадости и мерзости въ немъ! Я много прочла подобныхъ французскихъ романовъ, еще болѣе сложныхъ, но ни одинъ изъ нихъ не произвелъ на меня такого угнетающаго впечатлѣнія. Быть можетъ потому, что все это наше русское, родное, гдѣ могутъ происходить подобныя безобразія, жить такія существа, какъ Касьянчикъ, Капельникъ и др. Романъ, конечно, не бываетъ безъ интриги, но правда въ немъ есть... Развратъ! О, это ужасное слово! Я бы хотѣла имѣть милліоны, чтобы уничтожить его, освободить этихъ ужасныхъ, жалкихъ женщинъ... Однако, все это одни наивныя мечтанія ребенка, я это отлично сознаю.

И погромче насъ были витіи,
Да не сдѣлали пользы перомъ;
Дураковъ не убавимъ въ Россіи,
А на умныхъ... тоску наведемъ...

3 апрѣля. За эти дни изъ мелочей нашей жизни я постепенно пришла къ заключенію, ужасному для меня по своей прямолинейности и простотѣ: въ семьѣ я оказалась чужою! Лишній, ненужный человѣкъ, никто изъ семьи не любитъ его. Все къ этому шло

медленно, систематически, постепенно... Боже мой, какъ страдаетъ мое несчастное сердце, какъ разрывается грудь отъ рыданій, которыхъ я не стыжусь, потому что никто ихъ не видитъ... Если бы вы знали это чувство, которое захватываетъ человѣка!

Но я слишкомъ поддаюсь настроенію, здравый разумъ долженъ быть всегда при мнѣ. Что же теперь дѣлать? Ахъ, — бросить все и бѣжать, бѣжать скорѣе! Какъ счастливы люди, не знающіе всѣхъ этихъ мелочей жизни, невидимыхъ драмъ, такъ часто разыгрывающихся среди насъ незамѣтно и тихо. Но мы еще посмотримъ! За минуту я плакала, теперь — не нужно слезъ! Не все еще въ жизни состоитъ изъ одной семьи. Гдѣ-то я читала: «жизнь — борьба, съ которой храбро надо драться»...

17 апрѣля. Я начинаю рѣже писать. О чемъ писать? Моя жизнь такъ убійственно-однообразна, такъ несложна, что не стоитъ и задумываться надъ ней. А я сама? — Вѣдь такихъ милліоны, и всѣ онѣ думаютъ, стремятся, мучаются, радуются и, въ концѣ концовъ, умираютъ. Такова жизнь большинства насъ, женщинъ: мы родимся только для того, чтобы, давъ жизнь другимъ существамъ, заботиться о нихъ, стусеваться за этими заботами и тихо, незамѣтно умереть.

Прямо передо мной портретъ Наполеона I; я люблю подолгу смотрѣть на это прекрасное лицо, на эти необыкновенные глаза, и кажется мнѣ, что лицо оживаетъ, глаза загораются, и вотъ-вотъ онъ встанетъ передо мною, мой обожаемый герой, предъ которымъ невольно преклоняешься. Сила этого генія имѣетъ для меня какую-то чарующую прелесть. Пусть говорятъ мнѣ, что онъ презрительно отзывался о женщинахъ, — въ наше время послѣдній недоучившійся мальчишка можетъ сказать то же, но безъ всякаго права и основанія. И если бы я жила во время Наполеона и была француженкой — я воздвигла бы ему храмъ...

Рядомъ съ Наполеономъ — карточка о. Іоанна Кронштадтскаго. Даже въ этомъ мой смѣшанный, пестрый характеръ даетъ себя знать: въ моей душѣ могутъ мирно уживаться и безграничное поклоненіе Наполеону и почитаніе и вѣра въ о. Іоанна...

19 апрѣля. Я плакала, читая «Страданія Вертера». Послѣднія строки — «Милые, какъ они рѣзвятся? Въмѣсто моей сказки расскажи имъ исторію несчастнаго друга» — невозможно читать безъ слезъ. Боже, какъ счастливъ тотъ человѣкъ, который можетъ создавать великія произведенія, какъ счастливъ тотъ, кто, умирая, оставить по себѣ безсмертное наслѣдство! И развѣ не

высшее счастье написать произведение, которое, по простествіи ста и болѣе лѣтъ, живетъ, говорить прямо сердцу и невольно возбуждаетъ людей къ чему-то лучшему, высшему будничной жизни? Геніи — счастливѣйшіе избранники всего человѣчества. Смѣясь надъ всевозможными любовными увлеченіями или относясь къ нимъ свысока снисходительно, — я, читая Вертера, плачу надъ тѣми же страданіями, надъ той же любовью. Значить, есть въ этомъ романѣ то, что трогаетъ самую холодную сердца. Или мнѣ, живущей исключительно головой, такъ незнакомо человѣческое сердце, что его истинное изображеніе глубоко трогаетъ меня? — Не знаю... Но теперь нѣтъ Вертеровъ. А Шарлотты? Онѣ-то, можетъ быть, есть, но вѣдь Шарлотта безъ Вертера была бы ничто.

26 апрѣля. Сейчасъ я раскрыла наудачу Св. писаніе и прочла въ посланіи Іакова гл. 4 стихъ 1: «И откуда брани и свары въ васъ?» и стихъ 2: «Желаете, и не имате, убиваете и завидите, и не можете улучите, сваряете и борете, и не имате, зане не просите». Меня это поразило: точно нарочно я искала этой главы, раскрытой наудачу. Есть что-то освѣжающее, утѣшающее въ Священныхъ книгахъ, чего я не нахожу ни въ какихъ другихъ. Возьму читать Четьи-Минеи. Съ дѣтства я не брала этихъ книгъ въ руки; а маленькой — чтеніе ихъ доставляло мнѣ величайшее блаженство.

9 мая. Въ газетѣ д-ръ Ласковскій изъ Женевы даетъ предостереженіе дѣвицамъ и женщинамъ, стремящимся къ высшему заграничному образованію, что оно «представляетъ почти непреодолимая трудности», и «изъ 100 молодыхъ дѣвицъ всего только 2 получили научную степень на естественномъ и медицинскомъ факультетахъ», а остальные или умерли или разѣхались, не окончивъ курса. Ужасъ охватилъ меня: дѣйствительно, имѣть твердое намѣреніе ѣхать учиться — легко, но каково исполнить его? Какъ надѣяться на свой умъ, на свои способности, силы которыхъ испытаны только въ среднемъ учебномъ заведеніи, да еще въ провинціи. Я должна съ гордостью признаться, что никогда не вѣрила тѣмъ похваламъ, которыя мнѣ расточали съ дѣтства: у меня, къ счастью, было или много здраваго смысла или скромности. Впрочемъ, я не вѣрила чужимъ оцѣнкамъ моего ума и способностей больше всего по привычкѣ критически относиться къ сужденіямъ другихъ относительно себя. Обо мнѣ такъ много судили невѣрно, что въ концѣ концовъ я уже ничему не вѣрю... Мои мечтанія объ университетѣ! Но я осуществляю ихъ!

10 мая. ...Когда мой кузенъ расчесывалъ прекрасные волосы Валѣ — я съ горечью вспомнила о своей длинной, но тоненькой косѣ; когда онъ взялъ ея руки въ свои и сталъ ихъ расхваливать — я со злобой смотрѣла на свои тонкія, некрасивыя и слабыя руки, неспособныя почти ни къ чему, на свою худую, неправильную фигуру... и одинъ Богъ знаетъ, что творилось въ моей душѣ. Гадко мнѣ ревновать, и не объ этомъ я думаю. Нѣтъ: похвалы наивнаго и простого мальчика тому, что дѣйствительно привлекательно, только ясно показывали мнѣ, что если онъ не находитъ во мнѣ ничего, то и никто другой не найдетъ этого. Уродъ! Уродъ! Я знаю, что я могла бы ему понравиться, если бы стала кокетничать, но гордость запрещала мнѣ это. Не унижительно ли стараться обращать на себя вниманіе? Боже, за что же я такая несчастная?! Я плачу; но напрасно... Бѣдная Лиза!

18 мая. ...Темная ночь, на улицахъ ни души, слышно, какъ моросить мелкій дождь... Перечитывая свой дневникъ, я нахожу, что онъ похожъ на записки отчаяннаго пессимиста. И это — въ контрастъ моей оптимистической рожѣ?! Чортъ возьми, бываютъ же на свѣтѣ противоположности!

10 июня. Въ Романовѣ, наканунѣ крестнаго хода (суб. 4), на который сходится масса народа изъ разныхъ уѣздовъ и деревень, въ соборѣ, полномъ молящихся, вдругъ раздались крики: «пожаръ, спасайтесь!» Ударили въ набатъ. Произошла паника; всѣ бросились бѣжать къ выходу, а на лѣстницѣ сидѣло множество деревенскихъ женщинъ, отдыхающихъ до всенощной; охваченная ужасомъ толпа, толкая другъ друга, искала спасенія черезъ ихъ головы...

Несчастныя деревенскія бабы! Я хорошо знаю ихъ привычку тѣсными рядами усаживаться на лѣстницахъ церкви и на паперти, и поэтому-то главнымъ образомъ онѣ и пострадали при катастрофѣ: по нимъ бѣжала толпа, ихъ головы топтали тысячи ногъ, и несчастныя, не успѣвъ опомниться, встать — были убиты.

Что произошло далѣе — нельзя описать... Убитыхъ оказалось 136 чел., изъ нихъ 126 женщинъ. Причина этой трагедіи: когда работники затопили въ соборѣ недавно выстроенную печь — слышался запахъ гари и дыма; и вдругъ кто-то крикнулъ зловѣщее слово... Священники продолжали богослуженіе, успокаивали народъ, говоря, что никакого пожара нѣтъ, но съ обезумѣвшей массой нельзя ничего было сдѣлать, — и вотъ столько жертвъ, столько ужасныхъ смертей! Боже мой, до чего еще те-

мень нашъ бѣдный народъ, если среди него могутъ случаться такія несчастія!

Спрашивается, гдѣ же была полиція? что дѣлаетъ городская администрація? Возмутительно и то, что даже не были посланы телеграммы въ большія столичныя газеты, а между тѣмъ находятъ же возможнымъ и интереснымъ сообщать объ отъѣздѣ какого-нибудь французскаго полковника куда-нибудь на велосипедѣ. Какъ будто бы русскимъ читателямъ интереснѣе знать имя спортсмена, нежели читать о подобныхъ возмутительныхъ и ужасныхъ случаяхъ! Какъ будто бы не своя рубашка къ тѣлу ближе! Какъ посмотришь на народъ, да послушаешь такихъ разсказовъ, такъ ясно станетъ, среди какой тьмы невѣжества и неразвитости блуждаетъ русскій крестьянинъ! Развѣ подобныя происшествія мыслимы въ Западной Европѣ? А тутъ — среди бѣлаго дня, въ благоустроенномъ городѣ, повинуюсь только слѣпому ужасу, — масса бѣжитъ, бросается изъ оконъ, убивается и убиваетъ другихъ до смерти. Можетъ-ли еще болѣе озвѣрѣть чловѣкъ? Всѣ тѣ единичныя преступленія, о которыхъ мы знаемъ, не могутъ произвести такого мрачнаго впечатлѣнія: здѣсь были сотни убивающихъ, сотни убитыхъ... и, можетъ быть, убившіе — въ свою очередь были убиты. Какъ только закроешь глаза — невольно представляется мнѣ все это: трупы, стонъ умирающихъ, крикъ... Вотъ ужъ подлинно «станъ погибающихъ», только не «за великое дѣло любви»...

Нерешта, 7 іюля. Съ тѣхъ поръ, какъ я прочла статью Гнѣдича въ «Русскомъ Вѣстникѣ» — «Вопросъ о единобрачїи мужчинъ», я уже не вѣрю нынѣшнимъ женихамъ и ихъ любви. Меня возмутила не самая статья, а выписка изъ комедїи «Перчатка» Бьернсона, гдѣ невѣста возвращаетъ жениху данное ему слово, потому что онъ зналъ до свадьбы другихъ женщинъ. И вотъ, вмѣсто сочувствія несчастной невѣстѣ, отовсюду поднимаются вопли негодованія, и самъ женихъ, на вопросъ возмущенной дѣвушки — рѣшилъ бы онъ жениться на падшей до замужества — тономъ оскорбленной добродѣтели читаетъ сй-же (!) нотацію, что всякій мужчина изъ его круга почелъ бы это за позоръ для себя... Имъ все можно, а женщинамъ они не прощаютъ, и еще считаютъ позорнымъ союзъ съ подобной себѣ: они же ее развращаютъ, и они же смѣютъ отворачиваться отъ нея, дѣлаясь впоследствии «образцовыми» мужьями и отцами семействъ. И это вездѣ! вездѣ! и въ Россїи и за-границей! О, Боже мой, Боже мой! Точно что оторвалось у меня на сердцѣ, я хотѣла плакать, но не могла.

Невольно я подошла къ полкѣ книгъ и перечла вновь «Крейцерову Сонату». Какимъ глубоко-нравственнымъ произведеніемъ показалаcя она мнѣ! Еще болѣе я поняла величіе генія Толстого въ его откровенныхъ признаніяхъ, сознаніи испорченности, въ призывѣ молодежи къ нравственности. Это было извѣстно всѣмъ, но Толстой первый осмѣлился заговорить, и за это его обвиняли чуть-ли не въ развратѣ. Разговаривая со мной о «Крейцеровой Сонатѣ», мужчины всѣ порицали это произведеніе съ разныхъ точекъ зрѣнія учеными словами и выраженіями, и ни одинъ изъ нихъ не сознался, что Толстой правъ. Они возмущались... О, какъ все это гадко!...

28 июля. Погода стоитъ чудесная. Я гуляю по тѣнистымъ аллеямъ сада въ самомъ непозволительномъ костюмѣ: рубашкѣ и юбкѣ, предоставляя свои открытыя плечи, руки и шею жечь солнцу и «прохлаждать» вѣтру. У насъ въ домѣ мужчинъ нѣтъ, и этотъ костюмъ въ такую жару, увѣряю васъ, незамѣнимъ и прелестенъ по своей откровенности. Идиллія!... Мнѣ нравится ощущеніе солнечнаго тепла, и когда всѣ другіе охаютъ и не знаютъ, куда дѣться отъ жары — я съ удовольствіемъ иду по солнцу, чувствуя себя точно въ паровой ваннѣ: и горячо и пріятно... А вокругъ меня благодать какая! Кузнечики трещатъ, цвѣты киваютъ головками, ярко свѣтитъ солнце, небо голубое, воздухъ чистый, и тишина, всюду тишина... Чортъ возьми, какъ это хорошо!... Здѣсь я совсѣмъ облѣнилась, и лекціи Фейербаха не раскрываются уже третью недѣлю. Разъ въ годъ, по пріѣздѣ сюда, я отдыхаю, буквально забывая все.

6 августа. Поѣхали на богомолье въ монастырь на Песочной. Было очень пріятно ѣхать съ восходомъ солнца, при свѣжемъ, прохладномъ вѣтрѣ просыпавшагося утра. Я очень люблю всякія путешествія вообще, а на этотъ разъ ѣхала еще на богомолье — и была въ прекрасномъ настроеніи духа. Въ монастырѣ, повинувая своей привычкѣ, меня потянуло искать старинные памятники на кладбищѣ, и вскорѣ среди скромныхъ плитъ я нашла очень оригинальный старый памятникъ, на которомъ съ одной стороны былъ выбитъ въ мраморномъ медальонѣ бюстъ мужчины екатерининскихъ временъ, съ другой — красовался мѣдный медальонъ съ изображенной въ профиль женской головой въ греческой прическѣ, — это были, очевидно, мужъ и жена; подъ мужнинымъ медальономъ — гербъ и краткая надпись: «Конной гвардіи ротмистръ... Овцынъ, родился... умеръ 1805 г.», болѣе

ничего. Я долго не могла оторваться от этого интереснаго мавзолея: ни мужъ, ни жена не отличались ни красотою ни знатностью, но однако оба хотѣли оставить потомству свои незамѣчательныя фізіономіи. Суета суеть!..

Къ вечеру насъ позвали исповѣдываться, но я отказалась, потому что, относясь къ говѣнію очень серьезно, я не могу себѣ представить исповѣдь и причастіе такъ вдругъ, безъ всякой предварительной подготовки къ нимъ. А ѣхать на Песочную на два дня затѣмъ только, чтобы исповѣдаться и пріобщиться, да еще въ то же время погулять, шутить и смѣяться, — я этого не могла примѣнить къ себѣ. И странно было мнѣ видѣть, какъ сразу, точно по командѣ, лица молодежи стали серьезными, сосредоточенными — и это выходило дѣланно и фальшиво...

Ярославль, 16 августа. Я даже не дописала фразы въ послѣдній разъ: перо падало изъ рукъ, я заснула...

Какъ всегда, мнѣ очень жаль было покинуть родную землю.

Вчера былъ день моего рожденія; уже два года жизни прошли бесплодно, незамѣтно, хотя за это время я многое увидѣла, узнала, не говоря уже о наружности, которая стала немного поприличнѣе. Ахъ, одно это сознание собственной негодности можетъ довести до бѣшенства; къ тому же я не выношу своего затворничества, и насильственнаго спокойствія—оно во все не по моему характеру. Но... еще два года, и я свободна. Дай, Господи, терпѣніе!

12 сентября. На сельско-хозяйственной и промышленной выставкѣ сѣверныхъ губерній меня очень привлекаетъ и интересуетъ отдѣлъ промышленности. Не сказывается ли въ этомъ мое купеческое происхождение? Хотя мы уже числимся только почетными гражданами, но наши родные все больше очень состоятельные купцы, и цѣлый рядъ моихъ предковъ, съ какой стороны ни поглядишь—съ бабушкиной, съ дѣдушкиной, отцовской, материнской—всѣ торговые люди... Мнѣ наиболѣе нравится въ этомъ отдѣлѣ рѣзной иконостасъ удивительно тонкой и изящной работы... Я была на французской выставкѣ, и конечно наша мѣстная промышленность далеко не такъ ушла впередъ, чтобы можно было чему-нибудь удивляться; иные экспонаты были даже смѣшны, а платья, напр., во всякомъ случаѣ не допустили бы выставить въ окнѣ московскаго магазина, но для провинціи и это сойдеть съ рукъ. На выставкѣ есть также павильонъ съ плодами земными необыкновенной величины. Чего-чего тутъ нѣтъ: и рѣпа, и

морковки, и огурцы, цвѣтная капуста, земляника, крыжовникъ—цѣлое царство плодовъ и овощей. Глядя на эту благодать, глаза разбѣгаются. Такой павильонъ можно одобрить: онъ выстроенъ какъ разъ во-время,—въ холерную эпидемію, соблазняя всѣхъ на зло докторскимъ предписаніямъ не ѣсть фруктовъ и плодовъ! Въ кустарномъ отдѣлѣ стоитъ деревянный велосипедъ, изобрѣтенный крестьяниномъ. Мужичекъ очень симпатичной наружности стоитъ около своего бициклета и очень толково объясняетъ всѣмъ, какъ онъ выучился на немъ ѣздить. Удивительный русскій мужичекъ: онъ не платитъ 300 р. за свое удовольствіе, не выписываетъ себѣ стального коня изъ Англіи, а изъ простого дерева строитъ подобную машину, и катается себѣ, я увѣрена, не хуже многихъ нашихъ велосипедистовъ...

Сказать откровенно, мнѣ болѣе всего нравятся на выставкѣ пріѣзжіе помѣщики, съѣхавшіе сюда изъ шести губерній. Они такіе огромные, рослые, у нихъ чудныя фигуры и свѣжія лица, всѣ въ своеобразныхъ костюмахъ не здѣшняго покроя, и наши ярославцы кажутся въ сравненіи съ ними какими-то довольно жалкими пигмеями. Есть что-то сильное и здоровое въ одномъ ихъ внѣшнемъ видѣ, въ манерахъ, разговорахъ; видно сейчасъ, что это люди земли, помѣщики, все имъ знакомо и всѣмъ они интересуются. Въ промышленномъ и кустарномъ отдѣлахъ ихъ почти не видно, зато въ сельско-хозяйственномъ и въ ресторанахъ...

20 сентября. Я прочла «Донъ-Жуана». Байронъ удивительно соединяетъ въ его лицѣ невинность и порокъ; дѣтскую ясность души съ испорченностью рано развившагося юноши; поэма проникнута поэзіей и цинизмомъ... и можно только удивляться этому «безгранично гениальному» произведенію, какъ говоритъ Гёте. Мнѣ кажется, въ лицѣ Донъ-Жуана порокъ никогда не имѣлъ болѣе привлекательной формы, нигдѣ еще не описывалась любовь и паденіе такъ поэтично и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ цинично, свободно и рѣзко. Много разъ читала я всевозможныя циничныя описанія у Зола, но у него совсѣмъ нѣтъ поэзіи: одна грязь, иной разъ отвратительная по своей правдѣ. А въ «Донъ-Жуанѣ»? — Вотъ отрывокъ: «Итакъ, свершилось! Сердца ихъ соединились на уединенномъ берегу; звѣзды, вѣнчальныя свѣчи ихъ свадьбы, проливали ослѣпительный свѣтъ на ихъ плѣнительныя лица. Океанъ былъ свидѣтелемъ, а гротъ ихъ брачной постелью. Соединенные собственными чувствами, они не имѣли иного священника, кромѣ уединенія. Они—мужъ и жена! Они—счастливы! Ихъ молодые глаза видѣли ангеловъ другъ въ другѣ и рай—во всей

землѣ». Когда я прочла послѣднюю пѣснь «Донъ-Жуана», я машинально взялась за «Онѣгина». Какъ похожи эти два типа, и въ то же время какая между ними разница!

22 сентября. Я сейчасъ раздѣвалась, чтобы лечь спать. Заплетая косу, я подошла къ зеркалу, зажгла свѣчку. Рубашка нечаянно спустилась съ одного плеча... Боже мой, какая жалкая, уродливая фигура! Худыя дѣтскія плечи, выдавшіяся лопатки, вдавленная, слабо развитая грудь, тонкія какъ палки руки, огромныя ноги неприличныхъ для барышни размѣровъ. Такова я на 20-мъ году моей жизни. Я чуть не плакала отъ отчаянія. За что я создана такимъ уродомъ? Почему у сестеръ красивыя, прелестныя плечи, шея, волосы, маленькія ножки, а у меня—ничего, ничего! И вѣдь никто не вѣритъ, что я считаю себя совершенно искренно уродомъ. О, дураки! они судятъ только по лицу, пока не обезображенному оспой... Да, только въ одномъ дневникѣ можно откровенно признаваться, невольно смѣясь надъ собой; что можетъ быть смѣшнѣе маленькаго уroda, который много о себѣ думаетъ, съ сумасшедшими мечтаніями, всевозможными планами, жизнь котораго вертится около своего «я» и... на котораго, какъ и слѣдуетъ ожидать, никто не обращаетъ вниманія? Это можетъ быть только смѣшнымъ и глупымъ. Такова-то и я. И вотъ почему я никогда не думаю о мужчинахъ,—влюбленный уродъ смѣшонъ и жалокъ... Какъ пріятно теперь жить съ сознаніемъ собственнаго безнадежнаго уродства! И мнѣ хотѣлось разбить всѣ зеркала въ мірѣ, чтобы не видѣть въ нихъ своего отраженія...

29 сентября. Странно, я постоянно должна скрывать все, что высказываю здѣсь. Въ наше время такъ мало цѣнятъ самую любовь; а естественное желаніе имѣть близкое, родное существо, съ которымъ постоянно хочется быть въ общеніи—такое желаніе прямо могутъ осмѣять. Счастливыцы вы, тѣ, у кого есть другъ—мать, сестра или братъ! Мои же друзья—только книги и этотъ дневникъ...

7 октября. Прекрасенъ восторженный порывъ всей Франціи при встрѣчѣ русскихъ моряковъ. Никакой союзъ государей не можетъ быть прочнѣе союза народнаго, не официально заключеннаго, но который тѣмъ прочнѣе, чѣмъ прочнѣе его духовныя нити. Пріемъ государя государемъ всегда окажется принужденнымъ, восторги «народа»—по необходимости; когда же народъ—самъ радушный хозяинъ, — встрѣча выходитъ дружественная,

братская, простая и величественная. Начитавшись описаній франко-русскихъ торжествъ, я готова теперь влюбиться во всѣхъ французовъ сразу, и еще тверже рѣшила выйти замужъ за француза: мнѣ нравится добрый характеръ, живость, экзальтація и великій геній этого прекраснаго народа.

...12 ноября. Въ прошломъ году въ этотъ день я была первый разъ въ жизни въ Большомъ театрѣ, шла «Жизнь за Царя». А теперь?—«Ужъ нѣтъ волшебной сказки». Я закрываю глаза, мысленно переносуюсь въ прошлое и вижу опять все, слышу эту чудную музыку; мнѣ кажется... Но что бы ни казалось, а я все-таки здѣсь...

Въ домѣ появились свахи; онѣ взялись за дѣло очень усердно и по-старинному: предлагаютъ «показать» меня женихамъ... О, Господи, мало видно еще подлости и гадости людской на землѣ! Наши женихи и обожатели, нажившись вдоволь со всякими..., идутъ теперь справляться о приданомъ, о нашей нравственности, чтобы жениться «какъ всѣ порядочные люди»!... Я встала на колѣни и, вмѣсто молитвы, горько заплакала. Но развѣ отъ слезъ люди станутъ лучше? Пусть смѣются надо мной, пусть называютъ наивной дѣвочкой, которая можетъ молиться, прося Бога избавить ее отъ участи ей подобныхъ...

20 ноября. Кончила читать (тайно отъ мамы) первую часть «Духа Законовъ» Монтескьё наслаждаясь новымъ, совершенно незнакомымъ мнѣ предметомъ, увлекаясь ясностью изложенія, проникаясь глубокимъ уваженіемъ къ сущности сочиненія и къ его геніальному автору. «Недостаточно заставить прочесть, надо заставить мыслить», говоритъ Montesquieu, и теперь у меня вся голова наполнена этой книгой. Сравнивая это произведеніе съ «Государемъ» Маккіавели и время обоихъ авторовъ—одинъ изъ нихъ мнѣ кажется дьяволомъ, другой чуднымъ, свѣтлымъ ангеломъ.

... 20 декабря. Если бы вы знали, какая у меня пустота въ головѣ! Не знаю, отчего это: отъ вліянія холодной погоды или отъ неимѣнія мыслей. Если человѣкъ посмотритъ на небо, онъ яснѣе пойметъ свое ничтожество; если онъ посмотритъ въ траву, гдѣ копошатся мириады насѣкомыхъ—онъ сознаетъ себя царемъ природы. Откуда же такое странное противорѣчіе? Отчего человѣкъ такъ полонъ контрастовъ? Я думаю, что мой дневникъ скоро будетъ похожимъ на рядъ отрывочныхъ фельетоновъ, и какой-ни-

будь досужій насмѣшникъ можетъ назвать его «фельетончикомъ моей жизни». Что жъ, мало развѣ людей, вся жизнь которыхъ представляетъ легкій, безсодержательный фельетонъ? Но моя жизнь бѣдна внѣшними событіями. Я описываю только свою личную жизнь и только для себя самой, конечно... Сестры подсмѣиваются надъ моимъ занятіемъ, которое обратилось въ прочную привычку довѣрять все бумагѣ.

27 декабря. «Рыбаки» Григоровича... Какъ я была бы счастлива, если бы могла хоть однажды встрѣтиться съ авторомъ. Чѣмъ-то нетронутымъ, свѣжимъ пахнуло на меня, забытое дѣтство вновь стало предо мной, и вспомнила я, какъ увлекалась этой прекрасной идилліей еще маленькой дѣвочкой.

Трудно передать теперь то чудное впечатлѣніе, которое сохранилось во мнѣ: я инстинктивно чувствовала что-то свѣтлое, прекрасное въ этомъ произведеніи, и долго жила этой радостью. Такого впечатлѣнія, перечитывая «Рыбаковъ», конечно, уже не получилось, и только о прошломъ задумалась я...

29 декабря. Странно: во мнѣ точно два человѣка: одинъ — домашній, который живетъ въ семьѣ, болтаетъ вздоръ, ссорится съ матерью, а другой—живетъ совершенно особенно, своею внутренней жизнью, отдаваясь то радости, то печали. Это—мірокъ моихъ книгъ, учебниковъ, мечтаній, сентиментальныхъ бредней, мірокъ моихъ мыслей, чувствъ и впечатлѣній, котораго мнѣ некому показывать, моя фотографія, однимъ словомъ—мой дневникъ. Перваго-то человѣка видятъ во мнѣ всѣ и вовсе не одобряютъ; о второмъ никто не догадывается, да и знать никто не захочетъ: кому какое дѣло до меня? Я такъ и живу раздвоенно.

1894 годъ.

1 января. Вотъ и опять Новый годъ. Вчера я гадала, лила олово, и мнѣ вылился свадебный вѣнецъ—всѣ были въ восторгѣ. Но неужели это гаданье дѣйствительно предвѣщаетъ то, надъ чѣмъ я смѣюсь: такая перспектива нисколько не привлекаетъ меня...

Навѣрное ни одна молодая дѣвушка не проводитъ такъ этого вечера: въ большомъ креслѣ, полураздѣтая, съ распушенной косой, озираясь при малѣйшемъ шумѣ, украдкой увлекаясь Кар-

лейлемъ, его замѣчательной книгой «Герои и героическое въ исторіи»...

7 января. Боже мой, до чего я дошла! Я назначила свиданье студенту-репетитору, у котораго тайно ото всѣхъ, черезъ брата, доставала себѣ читать всѣ послѣднія книги. Мое холодное безстрастіе дѣвушки, поведеніе которой въ отношеніи молодежи безразлично, чисто какъ вода,—куда оно дѣлось? Что, наконецъ, онъ подумаетъ обо мнѣ? Вѣдь можетъ быть онъ не понялъ моей единственной мысли, заставившей меня рѣшиться на подобный поступокъ: страха передъ родными, если они обо всемъ узнаютъ, и любви къ чтенію, потому что книги очень интересны, и я ихъ нигдѣ, кромѣ него, достать не могу. Но, впрочемъ, безразлично,—пусть я окончательно упаду въ его глазахъ; передъ собой я сознаю, что не совсѣмъ виновата, что мнѣ есть еще оправданіе въ этомъ смѣломъ поступкѣ. Будь, что будетъ!

9 января. Обстоятельства мнѣ благопріятствовали: мы встрѣтились на каткѣ, и я ему сообщила новый планъ для тайнаго чтенія книгъ, безъ посредничества Шурки. Онъ его одобрилъ и долго говорилъ о той странной обстановкѣ, въ которой живетъ наша семья. Случайно разговоръ коснулся брака; мой собесѣдникъ очень удивился, когда я замѣтила, что отношусь къ нему совершенно безразлично.—«Вы разсуждаете какъ старуха! Слишкомъ рано вы разочаровались въ людяхъ. Непремѣнно надо вамъ принести Макса Нордау». — Что жъ, если я такъ разсуждаю — этому меня научаетъ жизнь,—грустно сказала я.—«Но потомъ вы можете очень раскаяться». — Это почему-же? — «Да потому, что вы вдругъ встрѣтите человѣка, котораго полюбите»... Я ожидала это возраженіе и приготовилась къ нему.—Полюбить? Merci.—засмѣялась я,—этого никогда не случится.—«Отчего?» —Я ни въ какомъ случаѣ не могу разсчитывать на взаимность, а любить такъ, одной,—противъ этого возстанетъ мое самолюбіе. — «Но вѣдь въ этомъ же вы не властны», увѣренно отвѣтилъ студентъ.—Будто-бы? Напрасно такъ думаете: это зависитъ отъ самообладанія... Я немного позировала передъ нимъ; не знаю почему, но мнѣ иногда доставляетъ удовольствіе казаться хуже, чѣмъ я есть въ дѣйствительности.

11 января. Онъ принесъ мнѣ «Историческія письма» Миртова, литографированныя... Какъ я боюсь... но смѣлымъ Богъ владѣеть! Вечеромъ мама пригласила его къ чаю. Я узнала въ немъ чело-

вѣка нѣсколько свободомыслящаго, отрицающаго богатство храмовъ Божіихъ (это «излишняя роскошь»), не признающаго святыхъ, сомнѣвающагося въ ихъ дѣйствительной святости и въ томъ, точно ли ихъ души въ раю или же гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Я много читала объ атеистахъ въ книгахъ, увѣрена также, что всѣ студенты безбожники, но говорить съ ними о религіозныхъ убѣжденіяхъ, къ счастью, мнѣ не приходилось. И сегодня, забывъ свою обычную сдержанность, говорила много и слишкомъ увлекаясь, такъ что со стороны, пожалуй, могла показаться ему даже смѣшной...

12 января. Печальный день... Папа, гдѣ-бы ты ни былъ, знай, что я всегда помню и люблю тебя! Подъ звуки старинныхъ мотивовъ, которые мама играла сегодня вечеромъ, закрывая глаза— я опять какъ будто очутилась въ Нерехтѣ маленькой 12-тилѣтней дѣвочкой въ то памятное Рождество, когда мы приготовились покинуть родину навсегда... Тогда умеръ папа. Онъ былъ четыре года душевно-больнымъ. Ясно помню его въ это время: онъ ходилъ по дому, не узнавая уже ни его ни окружающихъ... Но папа продолжалъ любить насъ: я его не боялась даже въ самые ужасные моменты его буйныхъ припадковъ и неистовыхъ метаній... И онъ бывалъ всегда кротокъ при встрѣчѣ съ нами...

13 января. Въ дружеской бесѣдѣ подруга Катя пыталась склонить меня къ равнодушному отношенію къ мужчинамъ, не оставшимся дѣвственными до брака. — «Ты удивляешься? Но— увы — всѣ безъ исключеній они таковы». — Но вѣдь это же гадость, Катя, это нечестно!—проговорила я, и слезы такъ и брызнули у меня изъ глазъ.—«Какая ты нервная, милая,—они же не могутъ оставаться чистыми, себя сдерживать, они лѣчатся отъ этого». — И все-таки — безсознательно повторила я — это гадко! Они до брака удовлетворяютъ свою чувственность, а послѣ эти самые подлецы требуютъ отъ насъ безукоризненной чистоты и не соглашаются жениться на дѣвушкѣ, у которой было увлеченіе до брака. Нѣтъ, ужъ если поведеніе супруговъ должно быть одинаково, тогда и мужчины должны жениться на проституткахъ... Я убѣждена, какъ и ты, что каждый мужчина — скверный человекъ, и поэтому спрашиваю тебя—стоитъ-ли любить такихъ? Я потребую отъ своего жениха того, чего онъ не можетъ мнѣ дать — дѣвственной чистоты, чтобы онъ былъ подобенъ мнѣ; иначе говоря—никогда не выйду замужъ... Пусть меня считаютъ глупой идеалисткой, но мнѣ невозможно подумать, мнѣ гадко

будеть вступить въ бракъ съ человѣкомъ, у котораго я завѣдомо буду десятой женою по счету. Это такъ скверно и такъ невыносимо, что я лучше лишу себя счастья имѣть дѣтей и поступлю въ монастырь... Допустимъ, наконецъ, что жить безъ любви невозможно,—такъ я всѣми силами постараюсь вырвать эту любовь изъ моей души, но не отдамъ ее какому-нибудь современному приличному подлецу, потому что это—униженіе, какъ ни старайся ты его оправдать... Таковы мои убѣжденія, ихъ не выльчишь никакими книгами...

Нашъ разговоръ былъ прерванъ...

19 января. Сестры сейчасъ мнѣ сказали, что мама устроила шпионство за мной: сама входитъ въ мою комнату, когда меня нѣтъ, посылаетъ прислугу подсматривать, какъ бы я не встрѣтилась со студентомъ. Съ «Историческими письмами» въ ящикѣ комода я не могу быть равнодушна къ этому: на этотъ разъ попадусь не только я, но и онъ... Боже мой! Навѣрно душа Вѣчнаго Жида была спокойнѣе, нежели моя теперь!...

4 февраля. Хочу просить студента принести мнѣ лекціи государственнаго права, именно тѣ, гдѣ читается о гражданскомъ управленіи Россіи. Мы, русскія дѣвушки, къ стыду нашему, даже не имѣемъ объ этомъ понятія,—такъ курсъ нашихъ гимназій кратокъ, и такъ мало стараются сообщать намъ свѣдѣній о своемъ отечествѣ. Огромное большинство, почти всѣ женщины средняго круга, въ особенности изъ купечества, совсѣмъ не знаютъ, какъ управляется страна, а вѣдь это вопросъ очень живой и серьезный. За границей общественные вопросы съ большимъ интересомъ изучаются всѣми. Наша француженка m-lle Marie, не особенно развитая особа вообще, съ поразительнымъ увлеченіемъ ратуетъ далеко отъ родины о своихъ депутатахъ и выборахъ; тамъ всякій сознаетъ себя гражданиномъ своей страны, въ нихъ развивается съ малыхъ лѣтъ сознательный патриотизмъ, и что можетъ быть лучше этого?

4 февраля. Ложась спать, я подумала, что вѣдь никто и никогда не любилъ меня такъ, какъ могутъ любить и любятъ другихъ, что я даже никогда никому не нравилась, и мнѣ стало грустно. А зеркало безжалостно отражало мои обнаженные худыя, тонкія руки, всю мою хрупкую, худощавую фигуру, мои длинные волосы и жалостную розовую фізіономію... Впрочемъ,

это говоритъ во мнѣ только самолюбіе и женское тщеславіе, — что за любовь въ нашъ вѣкъ?...

Возвращусь къ разговору съ Катей, о которомъ я писала недавно... Повторяю, я потребую отъ будущаго мужа, идя съ нимъ къ алтарю, своей чистоты. Мнѣ всё, навѣрно, скажутъ, что я требую слишкомъ многого, но могу сказать одно: мысль, что я для мужа, каковъ бы онъ ни былъ, буду не первая, а десятая жена по счету, что онъ отдавалъ себя ранѣе другимъ, послѣ чего пришелъ ко мнѣ,—эта мысль приводитъ меня въ ужасъ и отвращенно не потеряно; въ такомъ случаѣ любовь—настоящая лю-невозможнаго; но вѣдь мужчины приходятъ же въ ярость при одной мысли, что ихъ жена ранѣе принадлежала другому. Вотъ такія мученія Отелло и я должна буду испытывать, съ тою только разницею, что для него невѣрность жены была лишь въ сознаниі, а для меня испорченность моего будущаго супруга—ужасная дѣйствительность. Теперь мнѣ всякій претендентъ становится противень; чувства любви, о которомъ намъ твердятъ, что оно свято, высоко, прекрасно,—въ нихъ я не допускаю: оно свято для дѣвушки, но вы-то, современная влюбленная молодежь, ведущая всѣхъ невѣсть къ алтарю, вы не можете его испытывать. Это чувство можетъ быть дѣйствительно высоко, когда оно не унижено, не оскорблено развратомъ, когда женщина для мужчины еще не предметъ наслажденія, и чистое отношеніе къ ней совершенно не потеряно; въ такомъ случаѣ любовь—настоящая любовь, а всякая другая, которая приходитъ послѣ къ человѣку, уже потерявшему свою чистоту, узнавшему женщину—только оскорбляетъ «святое» чувство. Всякій изъ нихъ способенъ влюбиться, но полюбить такъ, какъ въ первый разъ въ жизни—онъ не можетъ. Онъ, конечно, любить жену, дѣтей, примѣрный семьянинъ, всѣ удовлетворяются этимъ,—но въ моей душѣ подымается мучительное чувство, мужъ мнѣ гадокъ, противень... Подумайте, сколько глубочайшихъ жизненныхъ драмъ скрывается во всемъ этомъ...

Ахъ, женщины, женщины! прежде, чѣмъ добиваться своихъ правъ, эмансипации, не лучше-ли было бы вамъ достичь своего самага естественнаго права: супружеской равноправности въ смыслѣ нравственномъ, потому что въ этомъ самомъ жизненномъ вопросѣ женщина играетъ очень унижительную и обидную роль. Отъ нея требуютъ святѣйшей непорочности грязнѣйшіе развратники, а если она нарушаетъ однажды вѣрность мужу, то въ нее бросаютъ грязью всѣ тѣ, которые нарушали ее сто одинъ разъ. По-моему, равноправность въ вопросѣ брака должна существо-

вать прежде всякихъ другихъ: если я виновенъ—я не могу и не требую отъ тебя невинности, потому что самъ не безгрѣшенъ; я не виновенъ—будь и ты такая же; а если только ты виновна, то я могу и долженъ тебѣ простить, потому что тысячи твоихъ сестеръ прощаютъ подобный же грѣхъ тысячамъ моихъ братьевъ.—Вотъ какъ должны разсуждать и думать тѣ современные подлецы, которые, испортившись въ конецъ, осмѣливаются протягивать намъ руку.

Могутъ засмѣяться надо мною и сказать, что этого осмѣливаюсь требовать я, уродъ, на котораго ни одинъ мужчина не обратитъ вниманія. Да! именно такой уродъ, никѣмъ не замѣчаемый, и осмѣливается заявить свои права...—«Ты разсуждаешь такъ потому, что никогда никого не любила», говорятъ мнѣ знакомые. Да; но послѣ того какъ я узнала всю бездну низости и порока, въ которую погружена наша молодежь—у меня пропала вѣра въ эту любовь; и если даже предположить необходимость этого чувства—неужели же я не буду въ состояніи задушить его, овладѣть собой? У меня все-таки есть свое самолюбіе.

9 февраля. О, до какого униженія дошла я! Въ присутствіи посторонняго лица въ нашей семьѣ мнѣ вдругъ нанесли невыразимо-тяжелое оскорбленіе... Я вырвалась изъ комнаты, почти задыхаясь отъ рыданій прибѣжала къ себѣ, надѣла платокъ и жакетку, и не помня себя выбѣжала на улицу... Я понимала одно: бѣжать, бѣжать скорѣе изъ нашего проклятаго дома, гдѣ родная мать—хуже злой мачехи, гдѣ моя гордость взрослой дочери и женщины была унижена до такой степени, до какой я не желаю моему злѣйшему врагу... И я пошла. Слезы гнѣва и нервныя рыданія душили меня; подъ темной вуалью и большимъ бѣлымъ платкомъ нельзя было видѣть моего лица...

Я рѣшила бѣжать; но документовъ у меня не было—это пресѣкало мнѣ путь... Скитаясь до сумерекъ по городу въ страшномъ отчаяніи, я хотѣла ночевать у чужихъ... И вдругъ вспомнила бѣдныхъ сестеръ: какъ мнѣ ихъ жаль, какъ горячо я люблю ихъ...

Было уже поздно. Побѣгъ изъ дома все болѣе казался невозможнымъ, и съ болью и страхомъ въ душѣ—я пошла къ дому...

10 февраля. Униженные и оскорбленные! Какъ теперь близки всѣ вы моему сердцу!.. Нѣтъ словъ для выраженія моего безсильнаго отчаянія, злобы и цѣлой бури всевозможныхъ чувствъ, которая поднимается во мнѣ при одномъ воспоминаніи о вчерашнемъ позорѣ! И въ то же время я испытываю стыдъ, когда по-

думаю, что всѣ наши семейныя отношенія вдругъ выступили въ настоящемъ свѣтѣ... точно спичкой освѣтили темную комнату... Господи, услышь молитву мою, помоги и дай моей измученной душѣ миръ и спокойствіе...

12 февраля. Мнѣ кажется, что тотъ день всегда будетъ для меня вчерашнимъ днемъ. Я не только не забываю этого страшнаго удара, но чувствую его еще больше съ каждымъ днемъ. Я не могу никого видѣть, не выхожу изъ своей комнаты; при встрѣчѣ у меня бьется сердце, и я вся дрожу...

Прочла «Марію Стюартъ» въ оригиналѣ. Эта страстная трагедія какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ моему теперешнему настроенію. Читая монологи Маріи Стюартъ, кажется, что они написаны не перомъ, а кровью—такъ все ярко, страстно, живо... У Гёте—совсѣмъ другой языкъ. Шиллеръ производитъ на меня большее впечатлѣніе, нежели онъ, и не потому ли, что Гёте я часто не понимаю, тогда какъ Шиллеръ говоритъ прямо сердцу.

Гёте былъ богъ, и въ своемъ божественномъ спокойствіи, казалось, забывалъ иногда о существованіи людей; Шиллеръ былъ тоже богъ, но въ то же время и человѣкъ: высоко стоя надъ толпою, онъ зналъ и понималъ всѣ глубины человѣческаго сердца и самъ жилъ его жизнью, его радостями и страданіями. Первому роду генія человѣчество удивляется и больше боится, чѣмъ любитъ; второму большинство не удивляется, вовсе не боится, но любитъ такого генія, какъ Шиллеръ, всѣмъ сердцемъ.

Мнѣ кажется, что у насъ, русскихъ, Пушкина можно сравнить съ Гёте, Шиллера—съ Лермонтовымъ, но только отчасти, потому что Лермонтовъ слишкомъ мало написалъ. Изъ всѣхъ русскихъ писателей я Пушкина люблю болѣе всѣхъ и перечитываю его безчисленное множество разъ.

13 февраля. Мнѣ необходимо забыться... и потихоньку, вмѣстѣ съ m-lle Marie, я поѣхала за городъ на фабрику Карзинкиныхъ. Огромныя зданія изъ краснаго кирпича, кругомъ угрюмыя кучки рабочихъ—все это мнѣ вдругъ напомнило что-то старое, давно забытое. Вспомнилась наша собственная фабрика, только въ меньшихъ размѣрахъ, куда иногда я ходила съ отцомъ. Въ праздникъ здѣсь работы не было, и мы только вошли на минутку посмотреть въ новомъ корпусѣ паровую машину-гиганта, приводящую въ движеніе всю фабрику. Съ почтительнымъ удивленіемъ смотря на колоссальные винты, массивныя колеса и обогативныя части какой-либо машины,—невольно чувствуешь, что все ни-

чтожество передъ такою силою и еще яснѣе сознаешь, что тутъ господинъ—мужчина, а мы—какія-то безпомощныя, слабыя созданія...

Фабрика Карзинкиныхъ отчасти представляетъ симпатичное явленіе послѣдняго времени, когда дошли до сознанія, что нужно не эксплуатировать трудъ рабочихъ, а разумно пользоваться имъ, создавая при этомъ такую обстановку, въ которой трудъ не былъ бы борьбой за существованіе, а нормальнымъ условіемъ жизни. Отрадно было видѣть городокъ труда, устроенный по правиламъ гигіены и порядка, гдѣ трудящійся людъ, кромѣ денежной платы, получаетъ и квартиру, и увеселенія, и возможность учить своихъ дѣтей. Недалеко то время, когда подобныхъ фабрикъ будетъ еще болѣе, и на нихъ перестанутъ смотрѣть какъ на источникъ заразы всякаго рода, а наоборотъ—онѣ станутъ маленькими центрами просвѣщенія и народнаго образованія. Тогда фабрики будутъ имѣть двойное значеніе: кромѣ промышленности, онѣ будутъ развивать народъ, образовывать его...

18 февраля. Въ эти дни я такъ легко возбуждаюсь, что у меня начинаются головныя боли, и я рѣшила, наконецъ, больше не думать объ этомъ. Вчера, собравъ все мое самообладаніе, размысливъ хорошенько о случившемся, невольно подумала, что я—ничтожное, жалкое существо—смѣю придавать слишкомъ много значенія своимъ маленькимъ личнымъ неприятностямъ, и что мстить мнѣ за себя въ этомъ случаѣ не приходится: «Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ», сказалъ Тотъ, Который все и всѣмъ прощаетъ. Я очень вѣрю этимъ словамъ: они часто сбываются въ жизни тамъ, куда не доходитъ правосудіе, и въ тѣхъ даже ничтожныхъ дѣлахъ, которыя совершаются въ семьяхъ...

Теперь мнѣ необходимо овладѣть собой, побороть мученія и хоть для виду—покориться. Между тѣмъ, это почти невозможно: мой непокорный характеръ менѣе всего покоренъ мнѣ самой. О, тысячу разъ правы тѣ, кто говорятъ, что побѣда надъ самимъ собой—труднѣйшая изъ побѣдъ. Человѣкъ можетъ властвовать надъ всѣми, но надъ собой часто совсѣмъ не въ состояніи. И какъ трудно прощать другимъ!

25 февраля. Приятное впечатлѣніе осталось у меня послѣ посѣщенія на фабрику Карзинкиныхъ пріюта яслей, куда матери относятъ дѣтей своихъ на время работы...

Двѣ большія свѣтлыя комнаты; одна вся уставлена бѣлыми колыбельками съ грудными дѣтьми, которыхъ укачиваютъ няни;

другая, побольше—для маленькихъ, которыхъ матерямъ нельзя оставить дома однихъ. Въ ней встрѣтила насъ цѣлая ватага крошечныхъ фигурокъ, одѣтыхъ въ красныя платица и бѣлыя передники, всѣ босикомъ—они кругомъ сидѣли на полу и играли вмѣстѣ. Это было такъ мило и непривычно для глазъ; такъ трогательно было видѣть дѣтскія личики, ихъ смѣхъ, улыбки и милую болтовню! Чѣмъ-то хорошимъ, нѣжностью и тишиною вѣяло отсюда. Когда мы вышли изъ яслей на дворъ и пошли осматривать новую фабрику,—подъ оглушительнымъ стукомъ машинъ—мнѣ не вѣрилось, что я всего-то какой-нибудь часъ была въ этомъ тихомъ пріютѣ.

Но что мнѣ болѣе всего нравится на фабрикѣ—это ея атмосфера, полная смысла и дѣятельности: чувствуется, что здѣсь люди живутъ, а не прозябаютъ, что они заняты дѣломъ, и работа ихъ живая, а не мертвая. На меня это произвело большое впечатлѣніе.

1 марта. Великій постъ. Я не люблю измѣнять разъ установленныхъ привычекъ по отношенію къ церкви. У меня ихъ немного, но я держусь ихъ крѣпко. Воспитанная въ семьѣ, гдѣ еще сохранились отчасти прежнія старыя требованія относительно говѣнія и поста, — я сохраняю ихъ и нарушеніе буду считать грѣхомъ. По-моему, и то и другое необходимо исполнять. Не говоря о требованіяхъ церкви, къ которой принадлежимъ мы, говѣніе полезно современнымъ людямъ, какъ средство разъ въ годъ опомниться отъ нашей суеты: приготавливаясь къ исповѣди, мы обращаемся къ нашей душѣ, совѣсти, вспоминаемъ, раздумываемъ, что мы сдѣлали, и хотя намъ, конечно, трудно исправиться, — все же мы возвращаемся изъ церкви съ сознаниемъ своихъ грѣховъ и какъ бы обновленные ихъ прощеніемъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, исповѣдь дѣйствуетъ на меня. Ахъ, какъ бы посмѣялись надъ этими строчками всѣ мои знакомые молодые люди! Таковъ ужъ нынѣшній вѣкъ... Въ сущности, мнѣ слѣдовало бы быть настоящей атеисткой, судя по моей семьѣ: отецъ никогда не былъ особенно вѣрующимъ, совершенно равнодушно относясь къ церкви; мать—вслѣдствіе своей очень самолюбивой природы, тоже равнодушна къ религіи и ея обрядамъ, насмѣхается надъ священниками, а по праздникамъ читаетъ французское Евангеліе; насъ же, дѣтей, воспитывала въ духѣ религіозномъ, сама не подавая никакого примѣра. Что казалось бы могло выйти изъ такого воспитанія? Но у насъ въ семьѣ еще живы двѣ бабушки, двѣ старинныя русскія купчихи, которыя свято соблюдаютъ наши дѣдовскіе

обычаи по отношенію къ церкви; обѣ имѣли на меня большое вліяніе, поэтому изъ меня и вышла вѣрующая.

16 марта. Случайно прочла въ журналѣ «Русскій Вѣстникъ» повѣсть Данилова «Въ тихой пристани». Она написана очень обыкновенно, но авторъ взялъ не избитую фабулу романа, а помѣстилъ свою героиню въ монастырь, и разсказъ ведется отъ ея лица въ формѣ дневника, гдѣ она описываетъ монастырскую жизнь и свое душевное настроеніе. Страницы ея дневника — тихія, ясныя, и я такъ увлеклась міромъ монахинь, что опять начала думать о поступленіи въ монастырь. Время отъ времени я подумываю о немъ. Отчего бы и нѣтъ? Будь у меня болѣе спокойная натура — я бы, навѣрное, поступила. Въ людяхъ я... какъ бы сказать? — не то что разочарована, а все-таки думаю о нихъ довольно плохо. Одна мысль о замужествѣ мнѣ ужасна, а если и живутъ на свѣтѣ совершенно честные люди, — они не посмотрятъ на меня, жалкаго урода.

Прочитанная повѣсть произвела на меня такое сильное впечатлѣніе, что я думаю, нельзя-ли мнѣ этотъ послѣдній годъ до совершеннолѣтія провести въ монастырѣ въ качествѣ послушницы? Я бы зарылась въ свои книги, богослуженія, посты и молитвы... Но мечтать можно до безконечности, а кромѣ того я сбиваю всѣхъ съ толку противорѣчивыми намѣреніями — то на курсы, то въ монастырь — высказывая ихъ совершенно искренно.

18 марта. На исповѣди о. Владиміръ спросилъ меня: — «Не имѣете-ли какихъ грязныхъ помысловъ, встрѣчаясь съ мужчинами?» Этотъ суровый вопросъ вызвалъ съ моей стороны недоумѣніе: — Какіе же это помыслы? Но строгій священникъ не довольствовался моимъ невѣдѣніемъ и продолжалъ: — «Да, разные помыслы... не приходятъ-ли они вамъ на умъ?» — Нѣтъ, отвѣчала я, очень смутно соображая, что и мужчинъ-то не встрѣчаю почти нигдѣ, а у насъ дома тѣмъ болѣе... Въ церкви всю всюнощную я чувствовала, какъ въ душѣ моей воцаряется миръ. Теперь, прочитывая Апостолъ на завтрашній день, я наткнулась на строки, смыслъ которыхъ буквально тотъ же, что и слова о. Владимира: «Итакъ, не оставляйте упованія вашего, которому предстоитъ великое воздаяніе. Терпѣніе нужно вамъ, чтобы, исполнивъ волю Божію, получить обѣщанное».

6 апрѣля. Читая «Дневникъ Аміеля», спокойнѣе становится на душѣ. «Всякій человѣкъ подобенъ укротителю дикихъ звѣрей,

а эти звѣри — его страсти. Вырвать имъ клыки и когти, взнудать ихъ, приручить, сдѣлать изъ нихъ домашнихъ животныхъ, слугъ, хотя бы и рычащихъ, но все-таки покорныхъ — въ этомъ личное воспитаніе». «Не презирай своего положенія: въ немъ ты долженъ дѣйствовать, страдать и побѣдить. На всякой точкѣ земли мы одинаково близки къ небу и къ безконечному». «Доставлять счастье и дѣлать добро — вотъ нашъ законъ, нашъ якорь спасенія, нашъ маякъ, смыслъ нашей цѣли. Пусть погибнуть всѣ религіи, только бы оставалось это: у насъ будетъ идеаль, и стоитъ жить». «Одно необходимо: отдаться Богу. Будь самъ въ порядкѣ и предоставь Богу распутывать мотокъ міра и его судебъ. То, что должно быть, — будетъ. Чтобы совершить путь жизни, можетъ быть ничего болѣе не нужно для человѣка, кромѣ вѣры въ добро». «Въ религіозное настроеніе входишь черезъ чувство добровольной зависимости и радостной покорности принципамъ порядка и добра. Въ религіозномъ возбужденіи человѣкъ сосредоточивается, онъ снова находитъ свое мѣсто въ безконечномъ единствѣ, и чувство это свято».

Какія чудныя, замѣчательныя страницы! Каждое слово проникаетъ въ душу, говоритъ въ одно и то же время и уму и сердцу, возвышаетъ насъ, отрывая хоть на время отъ суетоки жизни. Такое впечатлѣніе производитъ на меня этотъ «Journal d'un âme intime». Аміель говоритъ о религіи, о долгѣ; у этого профессора философіи, швейцарца по происхожденію, читаешь такія страницы, которыя слѣдовало бы прочесть нашимъ великимъ писателямъ и учителямъ церкви: такъ глубока его вѣра, такой искренностью и любовью къ человѣчеству дышатъ строки дневника. Его можно назвать «зеркаломъ прекрасной души» (нѣсколько видоизмѣнивъ названіе, данное Гёте дневнику Оттиліи). Я теперь вполне понимаю, какъ можно быть счастливымъ, и какъ истинные философы понимаютъ счастье. Мы, люди, въ большинствѣ стремимся къ счастью—сознательно и безсознательно,—но, къ сожалѣнію, немногіе понимаютъ, въ чемъ именно состоитъ истинное счастье, и немногимъ оно дается; между тѣмъ — прочтите «Дневникъ Аміеля», и если кромѣ ума у васъ есть и сердце, которое можетъ и хотеть жить, — вы найдете эту дорогу. Какова бы ни была жизнь Аміеля въ дѣйствительности — жизнь его души, оставленная имъ въ дневникѣ, была прекрасна. Она была прекрасна, потому что была полна вѣрою, религіей долга, сознательно и полезна. Немногимъ удастся провести ее такъ!

7 апрѣля. Какая же я, однако, женщина! Сегодня тетя присла-

да мнѣ изъ Москвы черную шляпу, и вотъ сейчасъ, вечеромъ, я не могла удержаться, чтобы не примѣрить ее еще и еще разъ. Я бросила «Исторію всемірной торговли» Этельмана, которая меня очень заинтересовала, и подошла къ зеркалу. «О, женщины, ничтожество вамъ имя!» такъ восклицаетъ Шекспиръ. Ужъ не ради этого ли пристрастія къ мелочамъ и любви къ наряду онъ такъ называетъ насъ? Если изъ-за этого, то, пожалуй, онъ правъ. Вѣдь всѣ наши наряды, тряпки, конечно, ничтожество, необходимыя мелочи жизни, которыми нужно заниматься ровно настолько, чтобы не быть смѣшной педанткой или Діогеномъ въ юбкѣ; посвящать же имъ все время, думать и относиться къ нимъ серьезно — это, дѣйствительно, дѣлаетъ женщину ничтожной. Я поэтому рѣдко переносу разговоры о нарядахъ и вообще не особенно люблю ими заниматься; но не могу удержаться отъ удовольствія, которое мнѣ доставляютъ надѣтыя новыя платья, шляпы, и всегда съ интересомъ пробѣгаю хроники моды. А почему? Да потому, что я... все-таки же женщина!

10 апрѣля. Когда подумаешь, что пройдетъ сто лѣтъ, и всѣ мы, наша жизнь, всѣ окружающіе насъ друзья, родные, знакомые, даже толпа на улицахъ—все это умретъ, исчезнетъ, не оставивъ послѣ себя даже и слѣда, какъ исчезла, напр., въ прошломъ вся жизнь такихъ же людей, какъ мы, когда подумаешь объ этомъ — сразу какъ-то своя личная жизнь, свои страданія — покажутся мельче, ничтожнѣе, отойдутъ гораздо дальше. То несчастье, которое въ данную минуту занимаетъ насъ всецѣло — вовсе ужъ не будетъ казаться такъ велико, если продлится даже нѣсколько лѣтъ. А черезъ сто лѣтъ? Все, все опять другое, новое, намъ неизвѣстное. Что значимъ мы, мелкіе людишки, въ этомъ вѣчномъ всеильномъ *perpetuum mobile* времени? Но мы все-таки цѣнимъ себя и не думаемъ, что черезъ короткій періодъ времени отъ нашей жизни, ея радостей и страданій не останется даже воспоминанія,—они исчезнутъ безслѣдно. Какъ, значитъ, мы любимъ увлекаться и жить только настоящей минутой!? Вѣрно, человѣка не передѣлаешь...

18 апрѣля. Пасха... Наступалъ вечеръ, когда мы сѣли въ лодку. Волга была такъ тиха и спокойна, что казалась неподвижной, а кругомъ—печально замирающій, красивый ландшафтъ... И среди тишины и прелести природы—по рѣкѣ вдругъ понеслись грустные звуки малороссійской пѣсни, которую пѣлъ намъ студентъ... «А за что жъ ты, Даша, Грицю отравила?» слышится мнѣ,

и я не могла въ тѣ минуты выразить овладѣвшаго мною чувства: оно исчезало, сливаясь съ протяжнымъ, бесконечно пріятнымъ мотивомъ. Кончилась пѣсня, и мнѣ стало грустно.

Чего мнѣ было жаль? Чего мнѣ хотѣлось? — Я не теряла никого и ничего; жизнь моя все та же, и во всякомъ случаѣ я не о ней сожалью... Ахъ, отчего мы не можемъ понять иногда причины этого неопредѣленнаго стремленія къ чему-то, куда-то, за чѣмъ-то, а между тѣмъ, я увѣрена, что каждый человѣкъ ощущалъ порой въ себѣ это желаніе...

Чѣмъ больше я присматриваюсь къ студенту, тѣмъ болѣе нахожу, что онъ — взрослый ребенокъ, хорошій, умный, но... все-таки ребенокъ. Всѣ мы забавляемся съ нимъ какъ дѣти. Онъ называетъ меня злой, капризной, я смѣюсь, и очень довольна... И этотъ вечеръ вмѣстѣ съ сестрами мы провели очень весело, много шутили, но... особенное чувство, уже давно забытое, точно вновь проснулось во мнѣ, и мнѣ нисколько не было ни смѣшно ни весело. Если бъ я была другая, то не задумалась бы объяснить это тѣмъ, что влюблена, но для меня это невозможно, и я не такая. Такъ почему же это, почему?

23 апрѣля. Склонность анализировать все и всѣхъ — нельзя назвать счастливымъ свойствомъ характера: въ большинствѣ случаевъ въ жизни встрѣчаешь болѣе дурного, нежели хорошаго, и всѣ «аналитики» естественно видятъ ее болѣе мрачной, чѣмъ другіе, живущіе, не разбираясь въ своихъ ощущеніяхъ, не отдавая себѣ отчета въ своихъ чувствахъ. Эти послѣднія обладаютъ счастливымъ свойствомъ — безсознательной радости и довольства. Оно, конечно, въ большинствѣ принадлежитъ намъ, молодежи; и не въ этомъ ли кроется та тайна молодости, которой завидуютъ старики и которой имъ никогда не вернуть? Я бываю иногда такъ счастлива...

30 апрѣля. Конверсія! конверсія! Ее правительство преподнесло намъ въ видѣ краснаго яичка къ Христову дню. Мама плачетъ, мы терпимъ убытки. Призванный чиновникъ сказалъ, что у насъ, дѣвочекъ, у каждой убытку по 85 р., и мы беззаботно улыбаемся. Меня эта конверсія тревожитъ исключительно съ одной стороны: какъ бы теперь мое поступленіе на курсы не затруднилось. Мама и раньше твердила мнѣ, что трудно жить въ Петербургѣ на мои средства, а послѣ конверсіи окончательно рѣшить, что я тамъ буду — нищей. Я начинаю привыкать къ новымъ условіямъ, и мнѣ даже доставляетъ удовольствіе огрничивать се-

бя теперь, въ виду уменьшенія дохода. Такъ, напр., я перешиваю уже сама свои платья, передѣлываю накидку и, чтобы избавить себя отъ мелкихъ расходовъ на портниху, не покупаю новыхъ вещей. Я сижу съ иголкой въ рукахъ, съ этими обыденными мыслями, мои книги заброшены. Ни Шиллеръ ни Дарвинъ такъ и не раскрываются. Мнѣ, право, кажется забавнымъ видѣть себя точно въ новой роли: скромной рукодѣльной дѣвицы.

8 мая. Въ чудный весенній день я сижу одна въ саду, наслаждаясь тихимъ вечеромъ и природой. Мнѣ кажется она еще болѣе очаровательной въ вечерній часъ: неподвижны деревья, и листья на нихъ будто вырѣзаны нѣжнымъ рисункомъ на темнѣющемъ небосклонѣ; въ замирающей тишинѣ таинственно шепчутся лепестки уснувшихъ цвѣтовъ, лѣниво порой всколыхнется трава... Все принимаетъ неясный, грустный оттѣнокъ... И чувствую я, что и сама начинаю жить этою грустью, неопредѣленное стремленіе охватываетъ меня всю, и хотѣла бы я въ эти минуты вполне слиться съ природой, освободиться отъ своего тѣла, чтобы исчезнуть, уничтожиться — тамъ, гдѣ-то далеко, въ вѣчномъ шумѣ деревьевъ, въ сіяніи луны, въ темномъ небѣ... Только въ такія минуты, поздно вечеромъ могу я мечтать и думать, чувствуя себя вполне хорошо. Часто я даже не могу выразить словами своихъ ощущений. Теперь, съ наступленіемъ лѣта, начинается опять моя обычная «тоска по родинѣ», меня тянетъ домой, въ Нерехту.

10 мая. Не хочется спать въ такой благодатный майскій вечеръ... Я беру моего неизмѣннаго, вѣчно-молчаливаго друга и начинаю писать. Многіе, почти всѣ, смѣются надъ такимъ занятіемъ, называя его пустымъ и безцѣльнымъ препровожденіемъ времени. Конечно, въ этомъ есть доля правды: жизнь огромнаго большинства настолько неинтересна и незначительна, что кажется смѣшно наполнять страницы разговоромъ о себѣ. Но я могу найти для себя оправданіе: если большинство называетъ это пустою и безцѣльною тратою времени, — не теряютъ ли они время гораздо худшимъ образомъ? Я беру среднюю массу, людей провинціи, городовъ, такъ называемый интеллигентный кругъ, — не теряютъ ли они время за картами, сплетнями, биллиардомъ, посѣщеніемъ гостиныхъ, гуляньемъ въ общественныхъ мѣстахъ и т. п. для всѣхъ въ наше время доступными удовольствіями? Если это такъ, то я имѣю полное право «терять время» по-своему; но кромѣ того, признаюсь, привычка писать дневникъ — обратилась у меня во вторую натуру. Гдѣ бы я ни была, что бы ни дѣлала—всегда,

возвращаясь домой, невольно открываю ящикъ комода и вынимаю эту тетрадку. Во всякомъ случаѣ, такая привычка—самая безобидная и безвредная изъ всѣхъ, какія только могутъ существовать. Кому какое дѣло, сколько я извела бумаги, и кому мѣшаю я, исписывая страницы по вечерамъ, одна въ своей комнатѣ.

20 мая. Студентъ увлеченъ моей младшей сестрой; я настолько не нравлюсь ему, что онъ не считаетъ нужнымъ даже скрывать это. Что жъ, Богъ съ нимъ! Впервые познакомившись довольно близко съ молодымъ человѣкомъ—теперь я вижу, что мнѣ, уроду, нечего ожидать вниманія и вѣжливости отъ молодежи, если я не вызываю у нея эстетическаго чувства... Какіе, въ сущности, пустяки иногда волнуютъ меня!..

29 мая. ...Они шли вдвоемъ по аллеѣ, такіе молодые, красивые, стройные: Валя шла, опустивъ голову, онъ старался смотрѣть ей въ глаза, и обоимъ было весело; а я стояла за деревьями и смотрѣла на нихъ. Вдругъ что-то кольнуло меня: я вспомнила, что еще нынче зимой онъ такъ же разговаривалъ со мной... хотя немного интересовался мной... а теперь? Слезы навернулись у меня на глаза, и я побѣжала къ пруду, обошла его и, ставъ у забора, могла немного овладѣть собой.

Что это? Или я завидую Валѣ? Это зависть, такое гадкое, скверное чувство, въ особенності по отношенію къ родной сестрѣ! Нѣтъ, нѣтъ! Я еще не настолько испорчена. Если вслѣдствіе излишней пылкости воображенія мнѣ казалось, что онъ относился ко мнѣ иначе, нежели теперь, — отъ этого пострадало немного лишь мое самолюбіе; а такъ какъ я хорошо владѣю собой, то сумѣю его скрыть ото всѣхъ. Я встрѣтилась съ нимъ, жизнь насъ случайно столкнула, а потомъ, завтра—мы разойдемся, можетъ быть, навсегда... Навѣрно, онъ сохранитъ обо мнѣ воспоминаніе, какъ о своей хорошей знакомой... Въ сущности, мнѣ даже хотѣлось бы, чтобы онъ подлюбилъ Валю и женился на ней. Ихъ была бы хорошая пара; и тогда я могла бы называть его братомъ... Но довольно мечтать!

Читаю «Исторію цивилизаціи Англіи». Но мнѣ кажется, что я еще совершенно необразована; многому надо учиться, чтобы хорошенько понять ее; на каждомъ шагу встрѣчаю я собственное невѣжество, и готова притти въ отчаяніе. Скоро ли, скоро ли исполнится мое желаніе, поступлю ли я на курсы?

14 іюня. Карно убитъ! Его убили при привѣтственныхъ кли-

какъ народа, которому онъ только что произнесъ прекрасную, задушевную рѣчь, и которымъ всегда управлялъ такъ разумно, безукоризненно-тактично... Насколько я люблю этотъ народъ — настолько же и сожалею... Какая бессмысленная, адская, звѣрская жестокость! Анархисты — не люди; это проказа рода чело-вѣческаго, отродье дьявола. Чего хотятъ эти звѣри? Что можетъ быть бессмысленнѣе и ужаснѣе убійства любимца націи, идеально-безупречнаго гражданина, вся жизнь котораго была посвящена на благо отечеству? Что сдѣлалъ онъ какому-то безвѣстному проходимцу? И вотъ этотъ звѣрь среди толпы народа убиваетъ... Нѣтъ, мнѣ не найти достаточно словъ для выраженія негодованія! Я рѣшительно не могу ни о чемъ другомъ думать, и съ трудомъ могу это скрыть. И теперь — я хотѣла бы обнять всю Францію, утѣшить ее, какъ сестру! Но... я могу только писать!

Кусково, 14 іюня. Здѣсь, вдали отъ города, всѣ событія отходятъ на другой планъ, а дачная жизнь съ ея безконечными прогулками занимаетъ почти весь день... Я очень люблю гулять въ огромномъ саду гр. Шереметева; онъ напоминаетъ извѣстное намъ только по книгамъ прошлое, когда наше старинное русское барство жило широкою вольною жизнью, среди безчисленныхъ крѣпостныхъ.

Широкія аллеи, обсаженные липами, подстриженными и ровными, сходятся, образуютъ площадки и опять убѣгаютъ вдаль; старинныя мраморныя статуи конца прошлаго или начала нынѣшняго вѣка, почернѣвшія отъ времени Флоры, Венеры, Парисы — все, очевидно, издѣлія своихъ доморощенныхъ скульпторовъ; большія куртины съ цвѣтами, красивые пирамидальные тополи въ горшкахъ и лѣстница дома, ведущая въ садъ, вся уставленная цвѣтами, два мраморныхъ монумента въ память посѣщенія Кускова Екатериною II и Александромъ III — все это представляетъ очень красивую картину, въ особенности при солнцѣ... Но мнѣ нравятся больше дальнія аллеи этого роскошнаго сада, гдѣ нѣтъ никакихъ украшеній и цвѣтовъ, и крытыя липовыя аллеи, гдѣ вѣчно полумракъ и тишина. Здѣсь я люблю думать одна и, углубляясь въ садъ дальше и дальше, слышу только чириканье птицъ и вѣчный шумъ деревьевъ. И такъ хорошо, что не хотѣлось бы уходить!.. Я иду одна и начинаю мечтать... Столѣтнія деревья, безмолвные свидѣтели прошлаго и настоящаго, точно рассказываютъ другъ другу свои воспоминанія, и мнѣ кажется, что я вижу идущихъ по этимъ аллеямъ придворныхъ въ роскош-

ныхъ костюмахъ прошлаго вѣка; пудренные парики и фижмы, шелестъ шелковыхъ платьевъ, французская рѣчь... А вотъ и знаменитая бесѣдка изъ раковинъ, гдѣ Екатерина II играла въ карты. Подходишь къ запертымъ дверямъ и смотришь — сквозь стекла можно хорошо видѣть ея внутренность: стѣны, потолокъ, колонны, статуэтки — все сдѣлано изъ раковинъ или усыпано ими. Вечеромъ, при освѣщеніи, это должно быть прекрасно, какъ сказочные дворцы. Но сколько потребовалось труда, чтобы создать такую бесѣдку? Эта египетская работа могла быть исполнена только въ то время, когда трудъ былъ даровой...

Когда смотришь на эти историческіе памятники и гуляешь по саду, гдѣ царить образцовый порядокъ, видишь старинный барскій домъ, весь наполненный картинами и портретами — все мнѣ, современной «буржуазкѣ» изъ интеллигенціи, внушаетъ невольное уваженіе къ этому старинному дворянскому роду. Что бы ни говорили о томъ, что человѣкъ самъ себѣ создаетъ имя, и нечего уважать титулы — все-таки историческое имя обширнаго рода съ цѣлымъ рядомъ своихъ традицій — невольно внушаетъ уваженіе. И вся эта разряженная буржуазная толпа, наполняющая садъ по праздникамъ, кажется тутъ рѣшительно неумѣстной: яркіе современные туалеты дачницъ, не имѣющіе въ себѣ ничего изящнаго и утонченнаго, рѣжутъ глаза въ этихъ старинныхъ аллеяхъ, которыя видѣли на своемъ вѣку императрицу, ея аристократическую свиту...

3 июля. Къ тетѣ сюда пріѣхалъ близкій другъ нашей семьи, котораго я знаю почти съ дѣтства. Въ немъ я всегда уважала доброту характера и стремленіе къ самоусовершенствованію. Живя постоянно въ разныхъ городахъ, я съ удовольствіемъ съ нимъ переписывалась. Теперь, воспользовавшись случаемъ, мы въ первый же вечеръ уединились ото всѣхъ на террасѣ и разговорились совершенно откровенно.

Разговоръ касался преимущественно нравственной стороны жизни, ея задачъ и цѣли... — Вспомните, Петя, какъ вы однажды спросили, размышляю ли я когда-нибудь надъ молитвой Господней? Задавая другимъ такіе вопросы, я рѣшаюсь спросить васъ, какъ вы лично относитесь къ нимъ?—«Конечно, я стараюсь по возможности разрѣшать ихъ въ жизни, хотя это иногда бываетъ и трудно»...—Хорошо. Однажды вы сказали, что смотрите на женщину не какъ на игрушку или развлеченіе, а какъ на человѣка, вполне вамъ равнаго; правъ ли поэтому авторъ «Крейцеровой сонаты»? Я чувствовала, что задаю такой вопросъ слишкомъ

поспѣшно, что я сбилась съ задуманнаго пути, но я шла напрямикъ... — «Позднышевъ, конечно, говоритъ правду, хотя онъ самъ былъ менѣ испорченъ, нежели другіе»,—отвѣтилъ Петя.— А все-таки онъ требовалъ отъ жены, чтобы она была чиста и невинна, не такъ ли? — «Да, конечно». — Ну, а вы, стоя предъ алтаремъ, бываете ли такими же... неиспорченными (я немного запнулась, говоря это слово, и невольно мой голосъ дрогнулъ), какъ ваши невѣсты? Лично вы—продолжала я вдругъ съ отчаянной смѣлостью — такъ ой? — «Нѣтъ, я испорченъ» — произнесъ Петя совершенно спокойно. Меня точно остріемъ ударили въ сердце. Я хотѣла что-то сказать, но не могла, и вдругъ, закрывъ лицо руками, разрыдалась горько и неудержимо.

Мой идеальный, честный, глубоко-нравственный другъ, какимъ я его себѣ представляла, теперь рассыпался въ прахъ, и ничего отъ него не осталось! Точно былъ человѣкъ, и не стало его. Мой прекрасный сонъ—исчезъ, а съ нимъ и мое убѣжденіе, что существуютъ на свѣтѣ идеальные люди. Я не могла сразу опомниться, хотя вполнѣ сознавала, что мои слезы неумѣстны...

Петя молча принесъ воды.—«Выпей, Лиза, успокойся»,—повторялъ онъ. Черезъ минуту я опять овладѣла собой. — Не надо воды...—тихо сказала я, не глядя на него и отвернувшись къ подоконнику, гдѣ лежали развернутыя газеты. Строчки мелькали передъ глазами, и точно сквозь сонъ я слушала отрывочныя фразы Пети.—«Ты, Лиза, еще не знаешь жизни... надо тебѣ сказать, что существуютъ обстоятельства... Впрочемъ, ты подумаешь, что я, говоря это, стараюсь оправдаться»... Я молчала и смотрѣла въ газету,—мнѣ уже не нужно было слушать его. Эти оправданія я знаю наизусть, знаю и жизнь; я думала только, что Петя съ его возвышенными стремленіями, религіозностью, нравственными качествами, является исключеніемъ изъ окружающихъ лицъ; но вотъ и онъ — такой же, — съ полнымъ спокойствіемъ говорить о своемъ паденіи, и ни слова раскаянія нѣтъ въ его словахъ... О, sancta simplicitas! о, глупая наивность въ двадцать лѣтъ! Вѣдь нѣтъ уже такихъ людей, и тебѣ ихъ никогда не встрѣтить! Но Петя не понялъ ни моихъ слезъ ни моего молчанія. Если бъ онъ зналъ, что въ эту минуту онъ видѣлъ передъ собой человѣка, который оплакивалъ свой исчезнувшій идеалъ? Это очень глупая фраза, а между тѣмъ это правда. Имѣть идеалъ—смѣшно, по меньшей мѣрѣ, но я не боюсь насмѣшки... И Петя вдругъ сталъ для меня уже другимъ человѣкомъ, похожимъ на всѣхъ...

18 іюля. Сегодня рано утромъ тетя поѣхала со всей семьей

въ Обираловку встрѣчать о. Іоанна, который ѣхалъ въ Москву. Я давно, года три, его не видала и, конечно, воспользовалась случаемъ получить его благословіе. Въ Обираловкѣ ждаль поѣзда пришлось минутъ 20. Мы взяли семь билетовъ перваго класса, чтобы, войдя въ вагонъ о. Іоанна, ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ Кусково, и стояли на платформѣ въ ожиданіи поѣзда. Народу на станціи все прибывало, а когда подошелъ поѣздъ — было уже тѣсно. Торопясь войти въ вагонъ (поѣздъ стоялъ всего двѣ минуты), я видѣла только благословляющую руку, которую ловили и цѣловали десятки другихъ... На площадкахъ вагона насъ, имѣвшихъ билеты, не пускали въ вагонъ къ о. Іоанну. — «Не приказано, да какъ же я могу?» — говорилъ кондукторъ, вертась во всѣ стороны между пассажирами и убѣждая ихъ войти въ сосѣдній вагонъ. Никто его не слушалъ. Тетя, окруженная дѣтьми, кормилицей и няней, и я рисковали упасть подъ поѣздъ, стоя на площадкѣ, гдѣ нельзя было повернуться. — «Сейчасъ поѣздъ тронется, уйдите, пожалуйста, пускать не приказано» — кричалъ въ отчаяніи кондукторъ... Но тетя настойчиво добивалась, чтобы ее пропустили въ вагонъ. — «Вызовите ко мнѣ Софью Яковлевну (Борхардтъ), скажите ей, что я Ол—ва, у меня сынъ — крестникъ о. Іоанна, я его личная знакомая». Сначала эти слова не произвели никакого впечатлѣнія на неумолимаго кондуктора, но когда Софья Яковлевна вышла къ тетѣ и расцѣловалась съ ней — двери вагона открылись, и мы вошли.

Въ небольшомъ купе на диванѣ сидѣлъ о. Іоаннъ. Онъ немного постарѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ я видѣла его въ послѣдній разъ; его кроткіе лучистые голубые глаза остались тѣ же, только выраженіе лица было измученное, сильно усталое. Золотой наперстный крестъ съ синей эмалью, темная шелковистая ряса на лиловой подкладкѣ и старенькая соломенная шляпа... Мы вошли всѣ и по очереди подходили подъ благословіе. Я пристально смотрѣла на о. Іоанна и мысленно просила его помолиться за меня и за маму. Что-то благоговѣйное, особенное, казалось мнѣ, носилось въ воздухѣ, и чувствовалось, что мы находимся въ присутствіи необыкновеннаго человѣка, ближе стоящаго къ Богу, нежели мы всѣ, вмѣстѣ взятые. Я жадно слѣдила за каждымъ словомъ и движеніемъ о. Іоанна. Видно было, что онъ очень утомленъ, постоянно зѣвалъ, глаза его невольно смыкались... Вслѣдъ за нами къ нему привели нервно-больную, которая, получивъ благословіе, упала на скамью въ сильномъ припадкѣ. Ея крики раздались по всему вагону. Всѣ замолчали. О. Іоаннъ всталъ и положилъ ей руку на голову. Больная начала кричать

еще болѣе. Продержавъ руку нѣсколько времени, о. Іоаннъ прикрылъ ей лицо платкомъ и велѣлъ унести, а самъ, разстроенный этой тяжелой сценой, подошелъ освѣжиться къ открытому окну. Едва онъ вернулся на мѣсто, какъ въ купе быстро вошла женщина съ маленькой дѣвочкой. — «Благословите, батюшка, на новую жизнь, хочу дѣвочку отдать въ пріютъ куда-нибудь»... — «Развѣ не ваша это дочка?» — спросилъ о. Іоаннъ. — «Не моя, не моя, пріемышъ, сирота круглая, такъ вотъ благословите, батюшка, помѣстить куда-нибудь». — «Ты говоришь, сирота?» — переспросилъ о. Іоаннъ, почти не слушая женщину, очень неприятную на видъ. — «Круглая сирота, батюшка»... О. Іоаннъ вынулъ изъ кармана деньги, отдѣлилъ двѣ красненькихъ бумажки и отдалъ женщинѣ лѣвою рукою. — «Вотъ ей», — сказалъ онъ, въ то время какъ правою благословилъ какого-то мужчину, который, цѣлуя его руку, всунулъ туда деньги и что-то проговорилъ...

Въ Кусковѣ станція была переполнена народомъ. У окна вагона была лавка, и о. Іоаннъ, высунувшись до половины, пожималъ протягиваемыя ему со всѣхъ сторонъ руки. Мы поскорѣе выбрались изъ толпы... Я шла домой, вся подъ впечатлѣніемъ свиданія съ о. Іоанномъ. Этотъ тихій и кроткій священникъ олицетворяетъ собою идеалъ служителя Божія, и вся его необыкновенная личность дышитъ смиреніемъ и безконечною добротою. Я видѣла его сегодня, въ вагонѣ, благословляющаго, утѣшающаго, подающаго милостыню сиротѣ, ласкающаго дѣтей, и такъ онъ всегда, гдѣ бы онъ ни былъ... И немудрено, что нашъ народъ, отъ сановника до крестьянина, чтитъ о. Іоанна... Это живое напоминаніе намъ о томъ, какими мы должны бы быть...

19 июля. Вторично осматривая Третьяковскую галерею — на меня сразу нахлынула такая масса художественныхъ впечатлѣній, что даже закружилась голова... Картины Рѣпина, Айвазовскаго, Верещагина, — все, что есть прекраснаго въ нашей живописи, всѣ лучшіе художники, о которыхъ я читала только въ газетахъ, были здѣсь передъ моими изумленными глазами... Многіе считаютъ лучшею картиною всей галереи Рѣпина «Иванъ Грозный у тѣла своего сына». Картина эта замѣчательна и дѣйствительно производитъ сильное впечатлѣніе: лицо Грознаго выражаетъ безконечный дикій ужасъ предъ своимъ злодѣяніемъ, и оно главнымъ образомъ приковываетъ къ картинѣ. Вы смотрите пристально на нее, невольно заражаетесь этимъ ужаснымъ выраженіемъ Грознаго, васъ тянетъ къ картинѣ, и въ то же время страш-

но, кажется, что боишься войти въ эту комнату... Говорять, что нѣкоторымъ дѣлается дурно при видѣ этой картины...

Ярославль, 2 августа. Какая была чудная звѣздная ночь, послѣдняя ночь, которую я проводила въ Кусковѣ! Тania и я сидѣли на балконѣ, пораженные красотой, и долго, прижавшись другъ къ другу, любовались ею. Кругомъ было такъ тихо, — а въ темномъ небѣ непрерывно блестящимъ метеоромъ пролетали падающія печальныя звѣзды... И величественная ночь спокойно смотрѣла на землю...

А теперь я опять здѣсь, въ пыльномъ и душномъ городѣ. Не буду повторять одно и то же, т. е. не буду высказывать сожалѣній о прошломъ...

7 августа. Я пока стою въ сторонѣ отъ дѣйствительной жизни, только наблюдаю и думаю. Моя жизнь — пока еще не жизнь. А вѣдь мы переживаемъ опасное, хотя и очень интересное время. Читая «Вырожденіе», я часто говорила объ этомъ съ кузиной Таней.

Жизнь теперь такъ сложна и запутана, что человѣкъ, измученный въ борьбѣ за существованіе, мало-по-малу мельчаетъ физически, передавая потомству всевозможные пороки, болѣзни, вырождается нравственно. Современный человѣкъ, изношенный физически и нравственно утомленный, оказывается негоднымъ какъ для дальнѣйшаго существованія, такъ и для произведенія потомства, пригоднаго для будущаго. Какъ самый яркій признакъ болѣзни общества на западѣ появился анархизмъ. И вотъ, среди этой больной, нервной массы раздаются голоса тѣхъ, кто понимаетъ, къ чему приведетъ такая жизнь: — «Вернитесь назадъ! бросьте эту ненормальную жизнь, полную всевозможныхъ излишествъ и пороковъ, возвратитесь къ прежней простотѣ». Лучшіе писатели Европы, начиная съ Л. Толстого, проповѣдуютъ нравственность и единобрачіе мужчинъ. И теперь на насъ, представителей молодого поколѣнія, лежитъ выполненіе задачъ будущаго, т. е. мы должны воспитать слѣдующее поколѣніе уже инымъ, чѣмъ мы сами: здоровое, сильное, какъ физически, такъ и нравственно, смѣлое, выносливое, съ правильными понятіями обо всемъ. Въ этомъ-то будущемъ поколѣніи должна возникнуть великая сила сопротивленія порокамъ и болѣзнямъ общества, и быть можетъ въ его власти будетъ измѣнить условія жизни... Такъ думали мы, молодыя дѣвушки, сидя вдвоемъ надъ книгою. Удастся ли только выполнить намъ это?

15 августа. Сегодня мнѣ исполнилось 20 лѣтъ. Стыдно и грустно думать, что столько лѣтъ напрасно прожито на свѣтѣ... Чѣмъ дольше мы живемъ, тѣмъ менѣе мы мечтаемъ, тѣмъ менѣе осуществимы наши грандіозные планы. Жизнь знакомитъ насъ съ дѣйствительностью, и мы постепенно спускаемся съ облаковъ. Помню, какъ дѣвочкой 15-ти лѣтъ мечтала я о созданіи въ Россіи женскаго университета, совершенно похожаго на существующіе мужскіе по программѣ, думая посвятить свою жизнь на пріобрѣтеніе необходимыхъ средствъ, для чего хотѣла ѣхать въ Америку наживать милліоны; и достаточно было двухъ лѣтъ, чтобы понять несостоятельность подобныхъ мечтаній. Теперь же я думаю только о томъ, какъ мнѣ поступить на будущій годъ на высшіе женскіе курсы. Сегодня мама отказала мнѣ въ разрѣшеніи, и я не знаю, что предпринять. Совѣта и помощи—нечего и думать искать: я никого не знаю, о курсахъ здѣсь понятія не имѣютъ, и когда я говорю о нихъ—выражаютъ сомнѣніе въ ихъ существованіи. Одно изъ первыхъ затрудненій—конечно, денежное; второе—мои недостаточныя знанія, полученныя въ гимназіи, въ-третьихъ—нѣтъ разрѣшенія, въ-четвертыхъ—препятствіе родныхъ... Боже мой, до какой степени не свободенъ свободный человѣкъ! Можно ли уродливѣе обставить свою жизнь? Человѣкъ, рожденный свободнымъ—самъ себя лишилъ этого драгоценнаго блага, создавъ массу затрудненій, при которыхъ родится, живетъ и умираетъ, да еще при жизни заботливо увеличиваетъ ихъ...

8 сентября. Съ Валею вдвоемъ мы говорили о бракѣ, и никто не мѣшалъ намъ задавать другъ другу откровеннѣйшіе вопросы. Я спросила ее, когда она узнала, въ чемъ состоитъ бракъ?—«Въ тринадцать лѣтъ».—Кто же тебѣ объяснилъ это?—«Да никто; я узнала отчасти изъ разговоровъ прислуги, отчасти изъ книгъ, вѣдь въ библіи же писано объ этомъ»... Моя сестра, несмотря на свой 17-тилѣтній возрастъ, читала всѣ романы Зола и Гюи-де-Мопассана, и я помню, какъ часто мы возмущались бездной порока и разврата, описываемой такъ откровенно Мопассаномъ, невольно чувствуя отвращеніе къ этимъ «порядочнымъ молодымъ людямъ», которые на насъ женятся... — «Знаешь ли, когда я думаю о В.*)—мнѣ легче на душѣ; вѣдь все-таки не всѣ люди такіе»,—сказала Валя. — Ты думаешь, что онъ еще невиненъ? — «Да, конечно. Онъ — такое дитя природы и ведетъ строгую, умѣренную жизнь; онъ мнѣ кажется такимъ чистымъ»... Я засмѣялась. Валя

*) Студентъ; онъ окончилъ курсъ и уже уѣхалъ отсюда.

остановилась: — «Что ты?» — Успокойся, милая, онъ нисколько не лучше другихъ, и это ничего не значитъ, что онъ «дитя природы», по твоему мнѣнію. — «К-а-акъ? Онъ, думаешь ты, испорченъ? О, нѣтъ, Лиза, не разочаровывай меня, я хочу вѣрить, я не могу»... Валя смотрѣла на меня умоляющими глазами, и все ея хорошенькое личико выражало страхъ передъ тѣмъ, чего она не хотѣла знать.

Ея чистое, молодое существо готово было возмутиться моими словами, которыя разрушали ея вѣру... — Погоди, Валя, не возмущайся. Я тебѣ сейчасъ объясню: есть два рода молодыхъ людей. Одни — предаются разврату, не стыдясь своего паденія, и говорятъ о немъ совершенно спокойно, безъ малѣйшаго угрызения совѣсти, какъ о дѣлѣ естественномъ и необходимомъ (тутъ мой голосъ едва не дрогнулъ: я вспомнила Петю). Это — худшіе люди, они поступаютъ и гадко и нечестно. Другіе же, падая вслѣдствіе воспитанія или ложныхъ условій нашей жизни, даже вслѣдствіе своей природы, все-таки сознаютъ, что они поступаютъ гадко, и поэтому, если и предаются женщинамъ, то потомъ чувствуютъ угрызения совѣсти. Эти — относительно честные люди и лучшіе, изъ которыхъ мы можемъ выбирать. Конечно, я съ тобой согласна, что есть люди непорочные, но я ихъ не встрѣчала ни разу въ жизни... — «Лиза, я согласна съ тобой — прервала меня сестра; но пусть другіе, только не онъ, я въ него вѣрю... пощади, я не хочу тебя слушать»... Я пожала плечами: не мнѣ разбивать эту вѣру; пусть когда-нибудь она на дѣлѣ узнаетъ, какъ я узнала отъ Пети. И мнѣ стало грустно...

9 сентября. Была я у бабушки. Она возмущается нынѣшними дѣвицами: — «Вы все узнаете прежде времени; еще дѣвицы, — а ужъ все знаютъ про замужество! Поэтому Богъ счастья и не даетъ. И совсѣмъ не слѣдъ читать эту «Крейцерову сонату»; прежде дѣвицы никогда ничего не знали, а выходили замужъ и счастливы были; а нынче все развитіе, образованіе! Совсѣмъ не надо никакого образованія, тогда лучше будетъ!» Бабушка полагаетъ все зло въ «Крейцеровой сонатѣ» и въ образованіи! Вотъ тема для юмориста!

...15 сентября. Не надо увлекаться мечтами! Надо просто смотрѣть на жизнь. Въ чистой взаимной любви, въ любви къ человечеству вообще, въ познаніи самого себя и постоянномъ стремленіи къ самоусовершенствованію — вотъ самыя прочныя основы къ счастью. Мы, люди, непрерывно стремимся къ счастью, но всѣ

разно его понимаемъ; кажется, что вся наша жизнь проходитъ въ вѣчномъ стремленіи впередъ, къ чему-то лучшему, и какъ по-этому разнообразны страсти и желанія! Каждый человѣкъ—особый міръ...

25 сентября. Я начала читать А. Смита; пока прочла лишь предисловіе — страшно трудно. Но теперь только начинаю ясно сознать могущество науки. Нѣтъ силы въ мірѣ ей равной, никакіе люди, полководцы и литераторы, не могутъ сравняться въ могущество съ учеными. Въ самомъ дѣлѣ, кто болѣе великъ — Александръ Македонскій, Наполеонъ или Эвклидъ и Адамъ Смитъ? Отъ завоеванія Александра Македонскаго не осталось и слѣда, а геометрія Эвклида, философія Платона живы и будутъ жить. Въ 1812 году мы гнали французовъ — теперь они съ восторгомъ привѣтствуютъ насъ. Великая французская революція вспыхнула, потухла, — и отъ нея, какъ и отъ ея героевъ, не осталось и слѣда; но ученіе Адама Смита произвело революцію въ наукѣ, перевернуло всѣ системы и указало міру новый путь, по которому съ тѣхъ поръ должны итти народы, если хотятъ быть экономически состоятельными. Что лучше: съ внѣшнимъ блескомъ и славой управлять одною странюю и народомъ, чтобы потомъ исчезнуть безслѣдно, или же въ тишинѣ и бѣдности открывать міровые законы силою ума и мысли?—Все проходитъ; наука же—единственное относительно вѣчное, которое существуетъ на этой землѣ...

1 октября. Усердно читаю А. Смита, но, къ сожалѣнію, не все понимаю. Я поражена этой книгой: это гениальное произведеніе объясняетъ все такъ просто, и у читателя съ изумительной ясностью создается система политической экономіи; кажется, точно огромное зданіе воздвигается передъ глазами. Я читаю эти книги быстро, торопясь, чтобы моихъ занятій не замѣтила мама, и по-этому принуждена небрежно пробѣгать второстепенное, стараясь усвоить себѣ только главное.

6 октября. Въ артистическомъ кружкѣ я зѣвала отъ скуки. И любители, и сцена, и вся обстановка вечера казались мнѣ какими-то мизерными, жалкими. Съ тѣхъ поръ какъ я съ замираніемъ сердца входила въ ту же залу—три года назадъ—въ ней ничего не измѣнилось: то же ухаживанье кавалеровъ — офицеровъ и студентовъ, то же глупое кокетство со стороны барышень, однѣ и тѣ же сплетни, свѣтскіе разговоры, а въ общемъ — безко-

нечная пустота, пустота... провинціи. Здѣсь нѣтъ ума, изящества, простоты, того, что дѣлаетъ общество интереснымъ, и я вполне довольна, что стою въ сторонѣ отъ него...

20 октября. Государь очень боленъ; всѣ боятся, что онъ умретъ. Принцесса Алиса поспѣшно выѣхала въ Ливадію, о. Іоаннъ Кронштадтскій тоже пріѣхалъ туда, былъ принять Государемъ и молился вмѣстѣ съ нимъ. Всюду служатъ молебны; всѣ озабочены, и только и разговора, что о возможной смерти Государя. Газеты всей Европы единогласно выражаютъ сожалѣніе о болѣзни Государя, котораго называютъ Миротворцемъ. Если бы не его воля, то была бы война. Но съ кѣмъ? Я вѣдь ничего не знаю, да и вообще мы мало знаемъ о внѣшней политикѣ и о томъ, что дѣлается въ высшихъ сферахъ. Весьма вѣроятно, что и была бы война; слухи о ней ходили здѣсь особенно въ 90—91 годахъ. Но я почему-то была твердо увѣрена, что войны не будетъ. Хорошо, если бы всѣ европейскіе монархи слѣдовали примѣру нашего Царя...

Сегодняшнія газеты говорятъ, что въ Ялтѣ, Ливадіи, Ариаднѣ, Ай-Тодорѣ масса народа, вездѣ все занято придворными, великими князьями и княгинями. Да, теперь тамъ, на югѣ, сосредоточены интересы всей Россіи. Какъ бы хотѣлось мнѣ хоть на минуту перенестись туда! Все бы видѣть, знать и имѣть возможность писать обо всемъ, потому что теперешнее время очень и очень интересное.

Всѣ эти дни я усердно занимаюсь и преподаваніемъ, и собственными уроками, и работой, и только по вечерамъ читаю «Основанія политической экономіи» Милля.

21 октября. Государь скончался вчера, въ 2 час. 15 мин. пополудни. Мы въ это время только читали телеграммы изъ Ливадіи объ опасномъ его положеніи. Александра III не стало! Не нужно говорить о томъ, какъ поражены всѣ, вся Россія. Въ лицѣ этого Императора Европа потеряетъ одного изъ самыхъ твердыхъ правителей, сторонниковъ мира, который не хотѣлъ ни съ кѣмъ вести войны, и политика котораго заставила уважать Россію. При немъ произошло франко-русское сближеніе; дружба Россіи возвысила Францію передъ лицомъ всей Европы, и популярность Александра III въ этой странѣ безпримѣрна. Закладка Великой Сибирской дороги, учрежденіе Министерства Земледѣлія, — вотъ дѣла, которыя въ памяти каждаго русскаго останутся неразрывно связаны съ именемъ Александра III, и его сохра-

нить исторія подъ именемъ Миротворца... Замѣчательно похожи судьбы Россіи и Франціи: она въ этотъ годъ потеряла своего президента, мы — своего Государя. Даже въ частной жизни двухъ правителей находимъ тождественность: старшій сынъ Карно былъ женихомъ, когда убили его отца; а къ нашему Наслѣднику пріѣхала его невѣста...

22 октября. Живя въ ограниченномъ кругу — я такъ далека отъ общества, его интересовъ, политическаго движенія, что рассказы одной знакомой были для меня новостью... Оказывается, что нигилистическое движеніе, которое я считала давно уже подавленнымъ, существуетъ... Въ разговорѣ мы даже не называли этихъ лицъ, а говорили просто «они» и «эти»... — «Вотъ, что скажетъ теперь фабрика Карзинкиныхъ, туда уже отправили полицію», — сказала Л—ская... — «Фабричный народъ — самый опасный, тамъ часто бываютъ бунты. Къ тому же, они всегда стараются распространять свое ученіе прежде всего между фабричными. А вѣдь у Карзинкиныхъ такая масса народа»... Я слушала съ интересомъ: — вотъ отголоски общественнаго мнѣнія; вотъ первое, что всѣмъ приходитъ на умъ послѣ перемѣны власти...

25 октября. ...Современному государству оказывается труднѣе всего соблюдать миръ, т. е. то нормальное положеніе, въ которомъ народы должны жить по законамъ божественнымъ и человѣческимъ. Прежде было наоборотъ: думали, что вести войну гораздо труднѣе, и имена великихъ полководцевъ записывались въ исторію. Теперь же случилось то, чего никто не могъ ожидать, и такой выводъ могъ бы казаться нелѣпымъ, если бы не былъ на самомъ дѣлѣ: ведя войну съ первыхъ вѣковъ существованія міра, люди въ концѣ XIX вѣка дошли, наконецъ, до сознанія, что война есть величайшее зло, что ея надо избѣгать, что богатство страны зависитъ не отъ количества завоеванныхъ земель, а отъ собственнаго мирнаго прогресса. Всѣ захотѣли мира, поднялись толки о разоруженіи. И... никто не рѣшился первый послѣдовать своему же убѣжденію: одна страна зорко слѣдитъ за вооруженіемъ другой, подозрѣвая другъ друга въ желаніи нарушить общій миръ. Всѣ твердятъ о немъ, и... поэтому война можетъ вспыхнуть каждую минуту: чѣмъ сильнѣе общее желаніе мира, тѣмъ труднѣе соблюдать его. Боже, до чего это нелѣпо и противно всякому здравому смыслу!...

Я помню турецкую войну чуть-чуть, какъ сонъ; начиная съ дѣтства, я росла, такъ сказать, въ мирѣ и настолько сроднилась

съ нимъ, что даже мысль о войнѣ мнѣ представляется чѣмъ-то дикимъ, невозможнымъ. Долгое соблюденіе мира приносить пользу не только матеріальную, въ видѣ успѣховъ цивилизаціи, но и нравственную: миръ прекрасно вліяетъ на душу человѣка, внушаетъ ему нелюбовь къ войнѣ. — «Мы никому не дѣлаемъ зла, не воевали ни съ кѣмъ, зачѣмъ же, почему и съ кѣмъ будемъ мы вести войну теперь?» — совершенно естественно спрашиваемъ мы, молодое поколѣніе. И дѣйствительно, въ нынѣшней молодежи не видно воинственнаго направленія; даже дѣти, и тѣ не играютъ въ солдаты — любимую игру прежнихъ поколѣній. Я никогда не видѣла игры «въ солдаты», не слыхала команды повоенному. Дѣтскія же игры часто отражаютъ дѣйствительность...

29 октября. Не заключается ли истинное счастье, которое мы можемъ испытывать здѣсь, на землѣ, — въ душѣ человѣка? Нельзя ли найти его въ самомъ себѣ? Полная гармонія душевныхъ силъ, всего настроенія человѣка, сознание исполненнаго долга, даннаго каждому изъ насъ на все время жизни, — не въ этомъ ли заключается истинное счастье? Но мы, грѣшные люди, никогда не можемъ жить вполне правильно, слѣдуя заповѣдямъ Того, Который указалъ намъ путь къ счастью: оно слишкомъ высоко для насъ, и мы его считаемъ недоступнымъ нашему пониманію. Надо спуститься пониже. Снисходя къ человѣку, можно сказать, что и въ стараніи самосовершенствованія найдетъ онъ для себя счастье:

Усовершенствуй то, что есть:
Себя, свой даръ, свой трудъ, и вотъ —
Живой предметъ твоихъ заботъ —
Твоя единственная честь

— сказалъ Полонскій, и сказалъ вѣчную истину. Ею, такъ сказать, движется міръ.

4 ноября. Никогда въ жизни время не проходило такъ монотонно и однообразно для меня, какъ теперь. Ужасающе долго тянутся зимніе дни... Я и сестры живемъ буквально какъ затворницы, не видя никого постороннихъ. Семейная жизнь представляетъ картину самую безотрадную, тяжелую и ничего хорошаго не предвѣщающую. Неврастеникъ-мать ненавидитъ и преслѣдуетъ насъ, какъ умѣетъ, посѣявъ непріязнь между всѣми... И мы, три сестры, стоимъ въ этомъ омутѣ грязи житейской и инстинктивно чувствуемъ, какъ непомѣрно вырастаетъ наше терпѣніе. Откуда взялось оно — не знаю; но у меня теперь спокойнѣе на душѣ.

Я часто повторяю стихи А. де-Мюссе:

Créature d'un jour, qui t'agite d'une heure,
De quoi viens-tu plaindre et qui te fait gemir?
Ton âme t'inquiète et tu crois qu'elle pleure;
Ton âme est immortelle, et le temps va venir;
Ton âme est immortelle, et la mort va venir!

Всѣ житейскія испытанія такъ ничтожны въ сравненіи съ вѣчностію. Я часто восхищаюсь твердостью характера и силою души героевъ и съ восторгомъ думала: если бы и мнѣ свершить что-нибудь такое же! Навѣрное, и я смогла бы! — Но время великихъ подвиговъ прошло; въ особенности же намъ, провинціальнымъ дѣвушкамъ, мечтать о нихъ!.. Надо умѣть терпѣливо переносить маленькія страданія, *petites misères de la vie*; твердость характера можетъ выработаться чаще всего при этихъ житейскихъ условіяхъ. Но, Боже! неужели же Ты навсегда отвернулся отъ насъ? Нѣтъ, если не близко время, когда мы будемъ свободны и наша жизнь не измѣнится, — то есть же и то освобожденіе, о которомъ говоритъ де-Мюссе.

13 ноября. Рубинштейнъ умеръ! Вотъ великая потеря для Россіи и цѣлаго міра. Говорятъ, что покойный композиторъ былъ очень потрясенъ смертью Государя, который любилъ его. А. Г. умеръ внезапно, отъ паралича сердца. А я надѣялась когда-нибудь услышать этого царя музыки. Когда я читала о Бетховенѣ и Моцартѣ, то представленіе объ этихъ геніяхъ всегда сливалось съ представленіемъ о нынѣшнемъ — Рубинштейнѣ. Имена великихъ людей имѣютъ какое-то обаяніе, которое сливается съ ихъ личностію; когда слышишь ихъ—невольно представляешь себѣ возвышенное, идеальное, противоположное намъ. Такъ я думала всегда о Рубинштейнѣ, и глазамъ не вѣрила, когда прочла о его смерти. Невольно кажется, что смерть не существуетъ для такихъ людей.

14 ноября. Теперь необходимо обратить вниманіе на народное образованіе, которое находится у насъ, сравнительно съ Западной Европой, въ жалкомъ состояніи. Все у насъ неудовлетворительно, начиная съ рабскаго положенія школы, народныхъ учителей и учительницъ, и кончая неправильнымъ взглядомъ самихъ крестьянъ на образованіе, которое они даютъ исключительно мальчикамъ, тогда какъ огромная масса женскаго населенія до сихъ поръ еще вполне невѣжественна. Давно пора сдѣлать народ-

ное образованіе обязательнымъ и увеличить расходы на него. Извѣстно, что Западная Европа тратитъ на образованіе одного человѣка ежегодно около 2 рублей, у насъ же тратится около... 20 коп.! Поэтому нигдѣ въ Европѣ не поражаетъ разница между образованнымъ человѣкомъ и народомъ, какъ у насъ. До тѣхъ поръ, пока ничего не будетъ сдѣлано для народнаго просвѣщенія,—мы будемъ подвигаться впередъ очень медленно.

17 ноября. На-дняхъ въ первый разъ была въ судѣ. Судебная обстановка производитъ впечатлѣніе довольно хорошее, и я съ интересомъ слѣдила за процессомъ.

Разбирались два незначительныхъ дѣла о кражахъ. Одинъ изъ подсудимыхъ — молодой съ глуповатымъ и грустнымъ лицомъ мужикъ, уже два раза судившійся ранѣе,—утверждалъ, что онъ невиновенъ. Несмотря на хорошую защиту, его все-таки обвинили, приговоривъ за кражу пальто въ 6 рублей цѣною въ арестантскія роты на 1½ года. Богъ знаетъ, что думалъ въ эту минуту бѣдный осужденный мужичекъ, но онъ сохранилъ свой прежній покорный видъ и тихо вышелъ изъ залы.

За нимъ ввели молодую дѣвушку, въ бѣломъ платкѣ и арестантскомъ платьѣ, — она обвинялась въ убійствѣ своего ребенка. На ея растерянномъ, измученномъ страхомъ и совѣстью лицѣ ясно можно было видѣть, что она вотъ-вотъ сейчасъ во всемъ сознается, что она готова лучше теперь же итти въ ссылку, чѣмъ подвергаться процессу суда. Широко раскрытые глаза съ мольбой смотрѣли на предсѣдателя, который суровымъ голосомъ сталъ ее допрашивать. Дѣвушка не имѣла силы отвѣчать, а предсѣдатель еще болѣе строго окрикнулъ ее; тогда она невнятно что-то пробормотала. Но мученія несчастной не должны были кончиться на этотъ разъ: экспертъ не явился, и разбирательство дѣла было отложено. Бѣдная женщина почти лежала на скамьѣ. Ее увели. Она вышла изъ залы совсѣмъ отупѣвшая, точно не сознавая, что съ ней дѣлается.

Обыкновенная исторія: соблазнили, бросили; родила ребенка, ѣсть нечего—и убила его. Невѣроятно, чтобы ее осудили. Однако, этого можно ожидать: въ нашемъ судѣ царствуетъ правда, но не милость.

19 ноября. Десятый разъ перечитывала «Отцовъ и дѣтей». Я знаю почти наизусть этотъ романъ. Въ немъ мои симпатіи постоянно привлекаетъ Анна Сергѣевна Одинцова, ея холодность и спокойствіе; мое самолюбіе удовлетворяется тѣмъ, что Базаровъ,

все отрицающий, ни во что не вѣрующей, циникъ и нигилистъ— полюбилъ именно такую женщину, и несчастливо. Она оказалась неизмѣримо выше его... «Странный этотъ лѣкарь!— повторила она про себя.— Она протянулась, улыбнулась, закинула руки за голову, потомъ пробѣжала глазами страницы двѣ глупаго французскаго романа— и заснула, вся чистая и холодная въ чистомъ и душистомъ бѣльѣ».—Такъ часто засыпаю и я, чувствуя себя вполне похожей на эту героиню. Сегодня же я читала то мѣсто, гдѣ Одинцова, украдкой посматривая на Базарова, думала: «нѣтъ, нѣтъ... нѣтъ»... и я чуть не вскрикнула—до того подходила эта мысль къ моему постоянному настроенію... «Ея спокойствіе не было потрясено (признаніемъ Базарова), но она опечалилась и даже всплакнула разъ, сама не зная, отчего, только не отъ нанесеннаго оскорбленія. Она не чувствовала себя оскорбленною; она скорѣе чувствовала себя виноватою». О, великій знатокъ женскаго сердца, какъ онъ умѣлъ живо и ярко изобразить всѣ движенія нашей души, всѣ неуловимые порывы, которыхъ мы иногда сами не понимаемъ.

Я теперь думаю, какимъ чудеснымъ образомъ сохраняетъ меня судьба! Если бы кто-нибудь признался мнѣ въ любви, — что же вышло бы? Вѣдь я такъ далека отъ подобной мысли, совершенно не развита въ этомъ отношеніи и, навѣрное, испугалась бы до полусмерти...

20 ноября. Давно уже и часто приходилось мнѣ сталкиваться съ практическою стороною жизни. Происходя изъ купеческой семьи, я съ дѣтства слыхала разговоры о фабрикахъ, деньгахъ, акціяхъ, игрѣ на биржѣ, торговыхъ операціяхъ и т. д.; на половину не понимая этихъ разговоровъ, касавшихся незнакомыхъ мнѣ предметовъ, я, однако, живо интересовалась ими. Часто думая о томъ, какъ складывается жизнь общества, я постоянно удивлялась, почему мнѣ не позволяли добывать деньги: разъ я получила образованіе—я могу и должна трудиться такъ же, какъ и другіе.

Но предрасудки стояли выше всего, и никто въ нашей семьѣ не хотѣлъ признавать нравственной необходимости труда...

Размышляя такимъ образомъ, я чувствовала, что мнѣ не хватаетъ почвы для моихъ сужденій, не хватаетъ основательныхъ знаній, словомъ,—самаго главнаго. Тогда, не зная, къ кому обратиться за совѣтомъ, я нечаянно прочла въ «Исторіи цивилизаціи Англии» о сочиненіи Смита: «Богатство народовъ». И то, что я узнала изъ Смита, заинтересовало меня еще больше.

Теперь я достала изъ нашей жалкой бібліотеки Милля: «Осно-

ванія политической экономіи». Въ этой наукѣ такъ много жизненныхъ вопросовъ, такъ много узнаешь новаго; и то, надѣ чѣмъ я никогда не думала и не обращала вниманія — оказывается предметомъ внимательнаго изученія. Съ первыхъ же страницъ открывалась передо мною исторія человѣчества (не такая, какую мы учили въ гимназій, и которая мнѣ никогда не нравилась), его трудовая жизнь, которая привела его къ прогрессу. Жизнь вообще, жизнь всѣхъ народовъ есть трудъ, и изъ этого закона, изъ этого вѣчнаго стремленія массъ и отдѣльныхъ лицъ къ улучшенію своего положенія, произошла цѣлая наука подъ названіемъ «Политическая экономія». Да, какія огромныя послѣдствія имѣли слова Творца міра, Который сказалъ первому человѣку, по изгнаніи его изъ рая: «Въ потѣ лица своего будешь ѣсть хлѣбъ твой». Отъ этихъ словъ произошло все, чѣмъ мы пользуемся теперь. Первый человѣкъ началъ трудиться по необходимости поддерживать свое существованіе, и весь міръ до сихъ поръ идетъ и до конца будетъ итти по той же дорогѣ. Если глубже вдуматься во все, что теперь есть у насъ, въ геніальныя изобрѣтенія, открытія, науки, даже искусства,—все произошло отъ этой первоначальной жестокой необходимости.

Читая Милля, я нашла также и подтвержденіе своихъ мыслей о необходимости труда для лицъ, обезпеченныхъ, какъ мы, т. е. живущихъ доходомъ на капиталъ. Оказывается, что мы, беря у общества все, сами не даемъ ему ничего и поэтому называемся «непроизводительными потребителями». Я теперь вполне поняла, почему матери стараются выдать дочерей замужъ: женщина, имѣя дѣтей, приноситъ обществу пользу уже тѣмъ, что она воспитываетъ будущихъ его членовъ, слѣдовательно, и у нея есть трудъ, необходимый для каждаго человѣка. Тоже и дѣвушка, на которую съ давнихъ временъ всѣ старались не обращать никакого вниманія: ея умъ, затронутый уже образованіемъ, не можетъ примириться съ этою жалкою жизнью и невольно ищетъ предмета, къ которому онъ могъ бы приложить свои силы, жить для чего-нибудь, повинувшись вѣчному закону труда.

Вотъ мой выводъ, основанный, какъ на законѣ жизни, такъ и науки: всякая дѣвушка, какъ бы богата она ни была, должна трудиться, если у нея нѣтъ никакихъ обязанностей, если она вполне свободна. Я не говорю о мужчинахъ, потому что они почти всѣ трудятся, — имъ открытъ весь міръ для дѣятельности. Но для насъ, когда число женскихъ профессій чрезвычайно ограничено, и конкуренція страшно велика, — необходимо расширить права женщины, дать ей болѣе солидное образованіе, открыть

женскіе университеты, или, по крайней мѣрѣ, медицинскіе институты, филологическіе, естественные, чтобы, получивъ высшее образованіе, женщина могла приносить болѣе пользы на избранномъ ею пути. На нынѣшнихъ же «воспитательницъ» и «учительницъ»—городскихъ и сельскихъ,—какихъ выпускаютъ сотнями наши гимназіи, просто жалость смотрѣть: развитія—почти никакого; одни маленькіе обрывочки знаній, чрезвычайная умственная ограниченность, наконецъ, крайне молодой возрастъ—18--19 лѣтъ. И такихъ-то посылаютъ въ народъ, въ школы, на крошечное жалованье, для народнаго просвѣщенія! Можно сказать, что не много же будетъ для него сдѣлано, если контингентъ учительницъ будетъ такой же, какъ теперь. А между тѣмъ, на наше прямое и естественное желаніе дополнить свое образованіе хотя бы на Высшихъ Женскихъ Курсахъ, смотрятъ, какъ на ересь; слово «курсистка» — почти бранное; даже само поступленіе на эти курсы обставлено такъ, что массѣ оно не доступно. — Вотъ несправедливости, вотъ ошибки общества, которыя ему рано ли, поздно ли придется исправлять, иначе оно можетъ поплатиться. Все идетъ впередъ. Я не требую, чтобы женщины имѣли вполнѣ одинаковыя права съ мужчинами, чтобы оба пола вмѣстѣ служили въ присутственныхъ мѣстахъ, управляли государствомъ; нѣтъ, для этого и мужчинъ достаточно. Но дайте женщинамъ болѣе широкую сферу дѣятельности, право человѣка вообще; его право на развитіе ума и сердца дайте тѣмъ, кто не имѣлъ возможности вступить въ бракъ и долженъ самъ зарабатывать себѣ пропитаніе. А если между такими женщинами окажутся изъ ряда вонъ выходящія по уму и таланту — не притѣсняйте ихъ и дайте имъ всѣ средства развиваться свободно. Женское воспитаніе и образованіе предоставьте всецѣло женщинамъ, какъ высшее, такъ и низшее. Пусть у насъ будутъ женщины-профессора, врачи, воспитатели, учителя. Смѣю думать, что и за всѣмъ тѣмъ остается достаточно женщинъ, которыя будутъ выходить замужъ.

23 ноября. Нечаянно попался мнѣ на глаза дневникъ за прошлый годъ. Это было какъ разъ въ то время, когда В. началъ приносить мнѣ книги потихоньку отъ мамы. Годъ прошелъ, и ничего уже нѣтъ! Не осталось ничего, кромѣ воспоминаній о пережитомъ прошломъ, воспоминаній, о которыхъ никто изъ насъ никогда не скажетъ другъ другу. Тѣмъ лучше! Дай Богъ всякому душевнаго мира и спокойствія...

Чувства рѣдко бываютъ вѣчны, а любовь — въ особенности. Вообще, на землѣ человѣку дается все, съ цѣлью показать, что

изъ всего, того, что онъ имѣеть — ничего нѣтъ постояннаго. И всѣ его старанія сдѣлать земное «вѣчнымъ» разбиваются безжалостно то «рукою времени», то людьми же, то обстоятельствами, то ходомъ всемірной исторіи (какъ кажется человѣку), а въ сущности—рукою Провидѣнія...

30 ноября. Чѣмъ ближе приближается день моего совершенствія—тѣмъ чаще приходится слышать разговоры о моемъ будущемъ, т. е. о поступленіи на курсы. Я сама всегда избѣгала этого разговора и даже тщательно скрывала отъ постороннихъ мое намѣреніе, зная, что въ Ярославлѣ ничего сказать нельзя: тотчасъ же скажутъ, что я уже уѣхала на курсы, или сочинятъ какую-нибудь сплетню. Кромѣ того, не въ моихъ правилахъ толковать о чемъ-либо, чего я хочу, и что еще не исполнилось. Если поступлю — скажу, если нѣтъ — лучше молчать о несбывшемся намѣреніи. Поэтому всѣ мои мечтанія не шли далѣе моей комнаты и страничекъ этой тетрадки.

Дѣйствительно, до тѣхъ поръ, пока я не получу бумаги, извѣщающей о моемъ принятіи на курсы,—ничего съ увѣренностью сказать нельзя: 1) комплектъ слушательницъ ограниченъ 400, слѣдовательно, число вакансій небольшое; 2) безъ разрѣшенія родителей туда не принимаютъ. Въ августѣ будущаго года мнѣ исполняется 21 годъ, но такъ какъ прошеніе надо подавать заранее, то разрѣшеніе родителей для меня обязательно, а мама до сихъ поръ еще не говоритъ навѣрное, дастъ она его или нѣтъ. Предчувствую, что тутъ дѣло просто, безъ обмана, не обойдется! Но весна еще не настала,—тогда будетъ пора для рѣшительныхъ объясненій.

Недавно былъ у насъ дядя, и несчастные курсы вновь выступили на сцену.—«Вы желаете учиться?»—спросилъ онъ меня своимъ обычнымъ добродушнымъ тономъ. Я молчала, но мама тотчасъ же рассказала за меня, что я ужасная дочь, и т. п.—«Совершенно лишнее дѣло итти вамъ на курсы — авторитетно согласился съ ней дядя:—туда идутъ тѣ, кто безъ средствъ, а вамъ на что?» Этого возраженія я не ожидала, но если дядя, какъ человѣкъ коммерческой, переводилъ разговоръ на практическую почву,—я рѣшилась взять ему въ тонъ.—Съ какой же стати мнѣ жить весь вѣкъ, сложа руки? Я хочу трудиться, какъ и всѣ, а для этого нужно учиться, чтобы знать больше, закончить свое образованіе. Но дядя стоялъ на своемъ:—«Если желаешь трудиться,—набери ребятешекъ и учи ихъ грамотѣ». — Да я съ удовольствіемъ буду ихъ учить, только дайте мнѣ самой прежде

доучиться.—Замужъ надо тебѣ, вотъ что—рѣшилъ сразу дядя: —жениха хорошаго, «умнаго» какого-нибудь» («умными» онъ насмѣшливо называетъ людей съ высшимъ образованіемъ). Всѣ мои возраженія не привели ни къ чему. Но вдругъ Валя, до сихъ поръ молчавшая, налетѣла изъ своего угла на дядю: — «Вотъ вы противъ курсовъ, дядя, а между тѣмъ посмотрите, какъ время идетъ впередъ. Наша бабушка умѣла читать и писать, а своихъ дочерей она уже въ гимназію отдавала; онѣ не кончили курса, но мы, ихъ дѣти, уже кончили курсъ. Слѣдовательно, вполне естественно, что мы хотимъ итти на курсы, а наши дочери, тѣ должны будутъ получать безпрепятственно высшее образованіе. Въдѣ требованія образованія идутъ впередъ». Дядя только посмотрѣлъ на дѣвочку (какъ онъ насъ называетъ) и, должно быть, удивился ея смѣлости. Такъ онъ и уѣхалъ отъ насъ, навѣрно, въ глубинѣ души сожалея о томъ, что у насъ нѣтъ отца, который могъ бы насъ воспитать, какъ слѣдуетъ, т. е. не далъ бы намъ возможности забрать подобныя опасныя идеи въ голову, и выдалъ бы насъ всѣхъ замужъ за «хорошихъ» людей.

2 декабря. Что даетъ мнѣ право на 24 часа въ сутки абсолютно-свободнаго времени? Скажутъ: вполне естественно, сударыня, у васъ есть «средства къ жизни». Но, въдѣ, мужчины, какъ бы они ни были богаты, живутъ и все-таки работаютъ, служатъ, учатся. Почему же намъ, дѣвушкамъ обезпеченнымъ, предоставляются домъ, тряпки, женихи и... больше ничего? Какъ давно объ этомъ говорятъ и пишутъ, какъ давно спорять о предразсудкахъ общества, но все-таки въ этомъ отношеніи оно совсѣмъ не идетъ впередъ! Нѣкоторые интеллигентные родители, правда, понимаютъ, что дѣвущкѣ можно и нужно учиться и работать, но въ нашемъ кругу зажиточной буржуазіи это понятіе пока плохо прививается.

По происхожденію я — чистая купчиха, ярославско-ростовско-нерехтская, по званію же не принадлежу къ этому сословію; но всѣ мои родственныя связи — въ немъ, и поэтому я не могу, мнѣ трудно создать для себя связь съ такъ называемой интеллигенціей. — А въ нашемъ купеческомъ кругу встрѣчаются такія картинки, которыя показываютъ, какъ мы не далеко еще ушли отъ временъ Островскаго. Здѣсь жизнь дѣвочки ограничивается тѣмъ, что по окончаніи гимназіи она возвращается домой и въ семьѣ должна ожидать замужества. Ей говорятъ: «Ты богата, у тебя все есть, за тобой столько-то тысячъ приданаго, тебѣ дали образованіе, въ свое время выйдешь замужъ, а пока — насла-

ждайся пріятной, беззаботной жизнью дѣвицы!»—Такъ разсуждаютъ всѣ благоразумные родители. Хорошо, если и дочь ихъ не идетъ дальше этого въ своихъ желаніяхъ; но если она разовьется и захочетъ учиться дальше, если, наконецъ, сознавая пустоту своего празднаго существованія, захочетъ труда умственнаго (а не хозяйственнаго, который обыкновенно предлагаютъ намъ, какъ лѣкарство отъ «глупыхъ книжекъ»), — что тогда? — Тогда столкнутся два начала: старое и молодое. Воля родителей крѣпка, ея не нарушишь, предрасудки—тоже. И вотъ—у обѣихъ сторонъ на душѣ вовсе не весело, и жизнь, по наружности такая богатая, беззаботная—въ сущности, оказывается вовсе не такой пріятной, какъ думаютъ всѣ...

7 декабря. Познакомилась со студентомъ Э—тейномъ и впервые рассказала постороннему человѣку, на какіе курсы хочу я поступить, и какія препятствія представляются мнѣ. Я говорила съ мужествомъ отчаянія: мнѣ рѣшительно не къ кому обратиться за совѣтомъ. Какова же была моя радость, когда онъ отнесся ко мнѣ съ полнымъ сочувствіемъ и даже далъ адресъ знакомой курсистки. Изъ моихъ словъ Э—тейнъ ясно видѣлъ всю мою безпомощность, и невольно, въ отвѣтъ на его мысли, которыя я угадывала,—рассказала ему, какъ строго, замкнуто проходитъ моя жизнь, какъ трудно мнѣ знать что-нибудь, и какъ относятся мама и мои родные къ моему желанію. — «Да это цѣлый романъ, смѣясь, сказалъ онъ.—Героиня за четырьмя стѣнами, не знающая дѣйствительной жизни». — Да, героиня безъ героя,—подтвердила я. Очевидно, ему мало были знакомы нравы купческаго круга, и я увлеклась своимъ разсказомъ о нашихъ предрасудкахъ. — «И вы могли вести такую жизнь? Знаете, я бы на вашемъ мѣстѣ сбѣжалъ, честное слово!» — возмутился студентъ. — Но бѣжать вѣдь совершенно бесполезно: всѣ бумаги были у мамы, меня все-равно не приняли бы на курсы...—«Ну, вы написали бы письмо какому-нибудь студенту съ просьбой избавить васъ отъ такой обстановки». — Какъ? что вы говорите? писать студенту?—искренно удивилась я (подобная мысль и въ голову не могла мнѣ притти—до того во мнѣ сильны привитыя воспитаніемъ понятія о приличіяхъ). — Да зачѣмъ же?—«Да затѣмъ, что онъ по человѣчеству долженъ былъ бы помочь вамъ, какъ всякій благородный человѣкъ». — Но... писать студенту, вѣдь это неприлично, — возразила я. — «Э, бросьте вы тамъ ваши прилично и неприлично; идти на-проломъ — вотъ и все! И если вы добьетесь своего—поступите на курсы,—то, такъ сказать, уже

во всеоружіи» — заключилъ Э—тейнъ. — Это какъ же? — «Очень просто: языки знаете, матеріально вы обезпечены». — Ну, нельзя сказать, чтобы вполне; прервала я, вспомнивъ свои опасенія, что на 700 рублей я едва ли проживу въ Петербургѣ. — «Все-таки рублей на 500 въ годъ можете разсчитывать?» — Могу, сказала я, и мнѣ стало совѣстно, что мнѣ не хватаетъ средствъ. Вѣдь живутъ же люди! — «Ну, вотъ; желаніе учиться у васъ, конечно, есть, иначе вы бы и не шли на курсы?» — О, конечно! — воскликнула я. — Я, кажется, весь день буду сидѣть за лекціями, только бы поступить! Онъ засмѣялся: — «Ну, не просидите, это невозможно. Повторяю, вы поступите во всеоружіи». — Ну, какое это всеоружіе! У меня нѣтъ никакихъ знаній. — «Но за ними-то вы и идете»...

Трудно передать то радостное настроеніе, которое овладѣло мною: мнѣ вдругъ показалось все такъ хорошо, такъ весело! Вернувшись домой (съ адресомъ!), я легла въ постель и долго не могла сообразить, правда ли это было, или весь этотъ разговоръ — сонъ. А на душѣ было такъ свѣтло, какъ никогда. Точно крылья выросли. Я опять начала надѣяться...

9 декабря. Была сегодня у бабушки. Она, кажется, уже примирается съ моимъ намѣреніемъ и весьма благосклонно спрашиваетъ меня о курсахъ. Милая бабушка! Нѣтъ сомнѣнія, что мое печальное семейное положеніе заставляетъ ее иначе смотрѣть на все: она ясно видитъ, что мнѣ въ семьѣ оставаться невозможно. Отчужденіе матери отъ насъ, ея дочерей, дошло до крайности: мы рѣдко встрѣчаемся, не говоримъ съ ней ни слова.

Еще болѣе: недавно она пришла ко мнѣ: — «Вотъ вы жалуетесь на меня, что я не говорю вамъ ничего. Есть женихъ, получаетъ 150 рублей въ мѣсяцъ, ищетъ невѣсту. Не хочешь ли выйти замужъ?» Я молча указала мамѣ на дверь комнаты братьевъ, которые слышали всѣ ея слова, но она какъ будто не видѣла моего жеста и продолжала еще громче: — «Получаетъ 150 рублей... мнѣ хвалили его...» Я встала и тихо, чтобы не слышали дѣти, сказала: — Прошу разъ навсегда не говорить мнѣ ничего подобнаго. Дайте мнѣ лучше разрѣшеніе поступить на курсы. — Этого было достаточно, чтобы мама ушла, и ея изящная, дѣвически-стройная фигура съ красивымъ, тонкимъ лицомъ исчезла за дверью. Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ вошла младшая сестра. — «Сейчасъ мама сказала мнѣ: Лиза не хочетъ итти замужъ, не хочешь ли ты? Я, разумѣется, отвѣтила, что не желаю, и хочу учиться». Этого довольно, чтобы понять, до чего дошло пренебреженіе матери къ намъ, молодымъ дѣвушкамъ. Не до-

стаетъ еще одной послѣдней ступеньки — и наша связь съ нею порвется.

Да простить мнѣ Богъ, но я уже давно перестала любить мать, какъ должна бы любить и какъ любила въ дѣтствѣ. Теперь мы, можно сказать, круглыя сироты. Отца у насъ нѣтъ, мать существуетъ для насъ только фиктивно, но никакъ не нравственно. Что будетъ дальше? Нашу небольшую семью, среди полного довольства, положительно преслѣдуютъ нравственные несчастія. О, какъ я цѣню теперь жизнь небогатыхъ людей, которые не живутъ въ большихъ квартирахъ, не шьютъ себѣ дорогихъ платьевъ, не держатъ лошадей, но въ семьяхъ которыхъ царятъ миръ и любовь, гдѣ всѣ члены не смотрятъ въ разныя стороны, а взаимно понимаютъ и любятъ другъ друга! Какъ желала бы я устроить такую семью изъ нашей, но это невозможно...

20 декабря. Прочла «Исповѣдь» Руссо. Почти до конца читала ее съ большимъ интересомъ. Весь тонъ этой книги, искренность признаній невольно трогаетъ и увлекаетъ; интересъ ослабѣваетъ только въ концѣ, когда Руссо наполняетъ страницы мелочными подробностями и разсужденіями о своихъ друзьяхъ. Его подозрительность, его постоянная жалоба на измѣняющихъ ему безъ причины друзей — все это придаетъ книгѣ, въ началѣ такой занимательной, характеръ чего-то мелочнаго, недостойнаго великаго человѣка. Осуждая своихъ друзей, Руссо постоянно увлекается описаніями этихъ подробностей; предназначивъ свою книгу для потомства, онъ съ равнымъ увлеченіемъ описываетъ какъ о себѣ, такъ и о старухѣ ле-Вассеръ, о своихъ ссорахъ съ нею, о записочкахъ г-жи д'Эпина... Но поразительнѣе всего кажется мнѣ невольное признаніе Руссо, на основаніи чего бросилъ онъ своихъ пятерыхъ дѣтей: «Я разсудилъ, что если я не могу самъ дать имъ воспитаніе, какое бы хотѣлъ, то лучше отдамъ ихъ обществу»...—говоритъ онъ совершенно спокойно, убѣжденный въ своей правотѣ. Такъ говоритъ человѣкъ, написавшій «Эмиля», произведшій переворотъ въ системѣ воспитанія! Я, право, готова повѣрить тѣмъ, кто думаетъ, что можно уважать писателя ради его твореній, презирая его, какъ человѣка. Руссо за свой поступокъ съ дѣтьми достоинъ презрѣнія, но его искренность, съ какою онъ признается и раскаивается въ немъ, можетъ отчасти смягчить вину его. Въ концѣ книги онъ говоритъ: «Кто разсмотритъ мой характеръ, мои нравы, мои привычки, склонности, удовольствія и послѣ этого назоветъ меня безчестнымъ человѣкомъ—тотъ достоинъ висѣлицы».

Руссо не лучше и не хуже многихъ, съ тою разницею, что онъ прямо признаетъ за собою тѣ вины и ошибки, которыя всегда скрываются другими. Онъ говоритъ, не стѣсняясь, и о своемъ первоначальномъ паденіи, и о своихъ дальнѣйшихъ отношеніяхъ къ женщинамъ, и о минутной связи съ проституткой, и о своемъ поступкѣ съ дѣтьми,—и всѣ эти факты не возмущаютъ нравственнаго чувства читателя такъ, какъ иногда возмущается оно новѣйшими произведеніями Зола и Мопассана, читая которыя знаешь, что это—не реальные факты, а лишь твореніе воображенія, воздѣйствующаго на дѣйствительность. То, что было въ жизни, нравственныя катастрофы—всегда заинтересовываетъ, возбуждаетъ состраданіе, но никакъ не гнѣвъ. Почему это? Я думаю—потому, что личность Руссо—въ самой сущности своей нравственная; его чувствительность мѣстами придаетъ исповѣди sentimentalный тонъ, но эти же чувствительность и нѣжность сердца возвышаютъ его характеръ и дѣлаютъ трогательной искренность его признаній.

Мнѣ пришлось читать дневникъ Маріи Башкирцевой, молодой дѣвушки, чистой и невинной. Она тоже искренна, но чтеніе ея дневника оставляетъ скорѣе тяжелое впечатлѣніе: холодный, блестящій эгоизмъ на всѣхъ страницахъ; она ни въ чемъ не виновата, она очаровательна при своей красотѣ, умѣ, талантѣ... Но... нѣтъ! Высшей справедливостью дышать до сихъ поръ слова: кающійся грѣшникъ лучше многихъ праведниковъ.

Наблюдая жизнь, необходимо каждому развить въ себѣ снисходительность къ людямъ, способность извинять, оправдывать ихъ поступки, въ то же время стараясь не отступать отъ своихъ убѣжденій. И это мнѣ удается, въ особенности во всемъ, что касается нравственности, любви, увлеченій. Поэтому-то я состояла и состою повѣренной всѣхъ моихъ подругъ, масса чужихъ тайнъ и романовъ мнѣ довѣряется безъ всякаго любопытства съ моей стороны. Теперь я хорошо понимаю, какимъ образомъ я приобрѣла довѣріе тѣхъ, кто въ гимназіи видѣлъ во мнѣ только какое-то отвлеченное существо «не отъ міра сего», вѣчно занятое книгами: по окончаніи курса, я сошла со своихъ облаковъ къ людямъ, присмотрѣлась къ ихъ жизни. Я не хвастаю, по меньшей мѣрѣ, глупо восхвалять самое себя; я не считаю это даже за достоинство; я просто стараюсь, по мѣрѣ возможности, быть ближе къ людямъ. Поэтому признанія Руссо, несмотря на его поступокъ съ дѣтьми, за который онъ достоинъ презрѣнія всѣхъ людей,—все-таки не теряютъ своей привлекательности для тѣхъ же людей.

21 декабря. Все болѣе и болѣе, съ глухимъ отчаяніемъ сожалѣю я объ этихъ трехъ безвозвратно ушедшихъ годахъ! Поступивъ на курсы, я кончу ихъ не ранѣе 25 лѣтъ—стыдъ подумать! Учиться до такихъ лѣтъ, ничего самостоятельнаго не дѣлая,— а вѣдь жизнь такъ коротка! Она пройдетъ, и не увидишь ея; не надо терять ни одной минуты безъ пользы, безъ дѣла, — я же теряю годы!! О, Боже, Боже, здѣсь не выразить словами того мученья, которое овладѣваетъ мною!

Я до того увлекаюсь этими мыслями, что мнѣ кажется — мое желаніе никогда не исполнится, что я не доживу до этого времени и умру нынѣшней весною. Разстроившись до послѣдней степени, я начинаю чувствовать себя скверно; сердце замираетъ. Машинально прижимаю къ нему руку и думаю, что у меня развивается порокъ сердца, что мнѣ надо бы совѣтоваться съ докторомъ, но это уже бесполезно, и нынче весной, какъ разъ въ то время, когда надо будетъ посылать прошеніе,—я умру! И тотчасъ же представляю себѣ, какъ я буду умирать, не высказывая малодушнаго сожалѣнія о жизни и скорой смерти, что должна буду я сказать сестрамъ и братьямъ при прощаніи... Картина выходитъ до того трогательная, что слезы навертываются на глазахъ отъ жалости къ самой себѣ и своей погибшей жизни.

Смѣшно, право, а между тѣмъ мое душевное состояніе въ послѣднее время именно такое. Никто не подозрѣваетъ его: я овладѣваю собой въ присутствіи другихъ...

Теперь я возмущаюсь за самое себя, что была покорна, позволивъ матери такъ жестоко разбить мою молодость... Я могла бы наполнить жалобами море, а не листы этой тетрадки! А между тѣмъ, возмущаться-то и не нужно и грѣшно: надо вспомнить Бога, крестъ страданій, требованія религіи; но не такъ-то легко мнѣ совладать съ собою... Не даромъ уже съ молодыхъ лѣтъ по вечерамъ я простаивала долгіе часы на молитвѣ, обливаясь слезами, прося у Бога лишь одного — прощенія въ своихъ грѣхахъ, и каялась до того, что забывала все окружающее. Мои глаза видѣли только икону, какая-то сила влекла меня къ ней, и казалось мнѣ, что я уже не въ комнатѣ, а подымаюсь куда-то выше и выше... Неизъяснимое наслажденіе охватывало меня всю, и чѣмъ больше я молилась, тѣмъ легче становилось мнѣ, и я ложилась спать совершенно спокойная и счастливая, еще не вполнѣ опомнившись отъ этого страстнаго покаянія. И теперь, какъ и прежде, я молюсь такъ же страстно, обращаюсь къ Богу съ моими отчаянными мольбами и слезами... И все-таки у меня не хватаетъ терпѣнія, исчезаетъ покорность судьбѣ...

Ахъ, когда подумаешь, сколько качествъ надо имѣть, чтобы называться истиннымъ христіаниномъ,—окажется, что мы всѣ болѣе, чѣмъ на половину, язычники.

Нерезта, 10 декабря. Какъ здѣсь хорошо! Едва только я вышла изъ вокзала и поѣхала по полю, едва завидѣла бѣлыя колокольни родного городка,—сердце опять забилось сильнѣе, опять охватило меня радостно-взволнованное чувство, которое испытываю всегда, пріѣзжая сюда... Здѣсь мирно и тихо встрѣчу я Новый годъ...

1895 годъ.

8 января. Я встрѣтила Новый годъ у себя на родинѣ. Никогда я такъ не молилась; никогда у меня не было такой глубокой мольбы къ Богу, какъ на нынѣшній годъ. Чего хотѣла я?—Я молилась о счастіи сестры, если ей суждено быть счастливой, просила счастья имъ обоимъ; себѣ просила я—исполненія моего желанія, осуществленія моей завѣтной мечты, моей цѣли, въ которой я иду. Двѣ просьбы только, не велико число, но велико ихъ значеніе: это была молитва о двухъ жизняхъ. И чувствую, что не только двѣ, но даже и одна изъ нихъ, можетъ быть, не исполнится...

13 января. Въ семейномъ кругу вновь заговорили о курсахъ. Мама не только не даетъ позволенія, но прямо старается возстановить родныхъ противъ меня всѣмъ, что можетъ пустить въ ходъ: слезами, притворствомъ, отчаяніемъ, любовью ко мнѣ, дальностью разстоянія etc. Такіе доводы производятъ вліяніе... Видя, что я отказываюсь отъ папирозъ, предложенныхъ дядей, меня серьезно и не безъ колкости спросили:—«А какъ же будешь тамъ-то, на курсахъ? Вѣдь всѣ курсистки курятъ»... Я могла только улыбнуться:—Далеко не всѣ,—сказала я, едва удерживаясь отъ смѣха. Но... мнѣ не повѣрили и въ дальнѣйшемъ говорили со мной мало и пренебрежительно. Дядя же, добрый и милый дядя, который насъ такъ любитъ и обращается, какъ съ маленькими дѣвочками, — усадилъ насъ около себя и прямо заявилъ:—«Ну, вотъ; посижу съ вами теперь, пока вы еще не уѣхали на курсы, пока вы еще хорошія дѣвочки»... Совершенно тронутая слезами мамы, бабушка растерянно повторяла:—«Ужъ очень далеко уѣдешь, Лиза; ну, на что тебѣ эти курсы?»...

Ахъ, тяжело! Вижу, что безъ борьбы не выйду я изъ моего

болота. Предразсудки — такая глухая стѣна, которую необходимо не разбирать, а прямо ломать силою, чтобы скорѣе увидѣть свѣтъ...

19 января. Обѣ сестры П-вы — въ высшей степени симпатичныя дѣвушки. Младшая, Маня, учится на курсахъ. Она сообщила нужныя свѣдѣнія о нихъ и обѣщала узнать, могутъ ли принять меня безъ разрѣшенія родителей, въ виду того, что въ августѣ я буду совершеннолѣтней. Такимъ образомъ, моя судьба, такъ сказать, виситъ теперь на волоскѣ: отъ отвѣта Мани зависитъ все. Потому что разрѣшенія мама по доброй волѣ не дастъ никогда: она играетъ комедію, обѣщая подписать бумагу, и, какъ ловкая актриса, переходитъ тотчасъ же на драматическую роль: слезы и отчаяніе при видѣ пера и чернилъ. Да проститъ мнѣ Богъ, но, вѣдь, это, въ сущности, притворство, нервный капризъ неврастеника, который заставляетъ приносить въ жертву своему произволу жизнь другихъ...

Слушая серьезный разговоръ 19-лѣтней дѣвушки, я невольно чувствовала, что ее постоянно окружаетъ интеллигентная среда, въ которой быстро развились ея умъ и способности. Наконецъ-то я познакомилась съ такимъ человѣкомъ, который мнѣ всегда былъ необходимъ! Только теперь, только сейчасъ! Боже, какъ бы охотно я кончила курсъ вмѣстѣ съ нею, возвратилась бы опять на надоѣвшую мнѣ школьную скамью, чтобы только имѣть возможность быть знакомой съ ней нѣсколькими годами ранѣе...

Когда Маня рассказывала о перепискѣ, которую она ведетъ съ молодыми людьми, о своихъ свободныхъ знакомствахъ — я невольно сравнивала себя: а я-то? — Въ 19 лѣтъ мнѣ едва-едва разрѣшено было знакомство со студентомъ и позволено, въ видѣ особаго снисхожденія, иногда поболтать съ нимъ о всякомъ вздорѣ въ присутствіи мамы. Только въ отношеніи моего умственного развитія я всегда была самостоятельна; но во внѣшней жизни со мной обращались, какъ съ малымъ ребенкомъ, постоянно ставили въ узкія рамки, и теперь я, дѣйствительно, похожа на робкаго, застѣнчиваго дитя. Бываетъ же возможность изуродовать такъ человѣка!..

И я чувствовала себя въ этотъ вечеръ очень скверно: какъ бы приниженной передъ Маней, сознавая при этомъ собственное невѣжество. Ахъ, какъ хотѣлось мнѣ хоть на время оставить всю эту обстановку, среди которой я выросла, и съ головой окунуться въ ту, такую привлекательную для меня, жизнь! Пусть въ

этой средѣ дѣвушки не имѣютъ брилліантовъ, молодые люди плохо одѣваются, но зато общество ихъ вдвое, втрое интереснѣе нашего, гдѣ въ гостиной—приличная скука, но всегда модные туалеты... Скорѣй, скорѣй за книги! Забыться!..

23 января. Я такъ устала, такъ устала, что даже равнодушно отношусь къ моей собственной судьбѣ. А между тѣмъ, въ ближайшіе дни должна ожидать ея рѣшенія. Но меня это даже и не интересуетъ: точно дѣло касается посторонняго лица, а не меня...

Недавно мнѣ приснилось, что я умираю: кто-то перерѣзалъ мнѣ жилу на ногѣ—это была моя казнь,—и кровь полилась; я упала на колѣни, закрыла лицо руками и повторяла только: Господи, помилуй меня! Я чувствовала, какъ съ каждой минутой теряю болѣе и болѣе силы, какъ вмѣстѣ съ кровью, которая лилась ручьемъ,—мало-по-малу исчезала жизнь. Въ глазахъ пошли зеленые круги, я зашаталась... «Это конецъ»—промелькнула у меня послѣдняя, неясная мысль. Все кругомъ померкло, и я полетѣла въ темную бездну... Я въ ужасѣ проснулась: о, слава Богу, это только сонъ! Сколько разъ снилось мнѣ, что я умираю, но никогда еще сонъ не былъ такъ живъ, и никогда наступленіе смерти не рисовалось такъ ясно. Отчего?—Недавно я съ увлеченіемъ прочла «Исторію Жирондистовъ». Описаніе послѣднихъ дней жизни и смерти этого несчастнаго короля врѣзались въ память: я живо воображала то время и старалась испытать въ себѣ душевное состояніе короля при извѣстїи объ осужденїи его на смерть въ 24 часа. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей, мнѣ и могъ присниться такой сонъ.

31 января. ...Какъ женщина, я не существую для мужчинъ; но и они, какъ мужчины, не существуютъ для меня. Я вижу въ нихъ только учителей, т. е. людей, которые знаютъ больше меня, и знакомство съ которыми можетъ быть прїятно и полезно, если я могу извлечь для себя какую-нибудь пользу. Но разъ они не могутъ быть учителями, разъ они не стоятъ гораздо выше меня—тогда они для меня не существуютъ. Я могу быть знакома съ ними, но для меня они не представляютъ ни малѣйшаго интереса. Я давно твердо убѣждена въ этомъ; послѣдніе дни только подтвердили мои мысли...

2 февраля. Да будетъ благословенъ сегодняшній день! Мнѣ кажется, что я снова начинаю жить! Несмотря на сильный вѣтеръ

и снѣгъ, я пошла на катокъ. Тамъ меня встрѣтилъ Э—тейнъ и поѣхалъ со мной. — «Знаете ли, я вѣдь имѣю сообщить вамъ пріятное извѣстіе», — сказала онъ. — Какое? — удивилась я. — «Маня пишетъ мнѣ, что она справлялась у директора курсовъ и узнала, что вы можете посылать бумаги теперь безъ разрѣшенія родителей, если въ августѣ вы совершеннолѣтняя». — Быть не можетъ! радостно воскликнула я. — «Вы не вѣрите? засмѣялся онъ, — такъ вотъ я вамъ прочту письмо»... Мои сомнѣнія сразу исчезли... — Какъ я счастлива, какъ я вамъ безконечно благодарна! — повторяла я, чувствуя, что въ душѣ моей подымается буря восторга. — «Ну, позвольте: радоваться тому, что вы видите себя близкой къ цѣли, конечно, можно, но я-то сдѣлалъ для этого немного». — Это для васъ, а не для меня, — возразила я. Мною овладѣло возбужденіе. — Вы становитесь для меня человѣкомъ, съ которымъ будетъ соединено воспоминаніе о самой лучшей, самой большой моей радости, — сказала я студенту. Тотъ молчаливо улыбнулся...

Мое надломленное, утомленное до безконечности существо вдругъ узнало въ себѣ новую силу. Точно больному дали лѣкарство, отъ котораго онъ выздоравливаетъ...

Надежда — прекрасное слово! Да, я могу теперь надѣяться; я снова могу жить!.. И мнѣ хотѣлось болтать безъ умолку, смѣяться такъ, какъ я давно уже не могла смѣяться.

Я каталась недолго. Было темно, когда я шла домой, но обычно длинная дорога не казалась мнѣ длинной, и темныя сумерки казались свѣтлѣе солнечнаго дня.

18 февраля. Вопреки моимъ ожиданіямъ, о. Владиміръ вовсе не былъ строгъ въ этотъ разъ на исповѣди. Отвѣчая на его вопросы, я говорила чаще «нѣтъ», вмѣсто обычнаго «грѣшна», потому что онъ спрашивалъ меня о вѣрѣ, о промыслѣ Божіемъ, стараюсь-ли помогать несчастнымъ словомъ и дѣломъ, а въ этомъ я не могу признать себя грѣшной. Но подъ конецъ я сообразила, что нельзя же на исповѣди говорить чаще «нѣтъ», нежели «да», и, смутившись, уже безъ раздумья, отвѣтила на вопросъ о. Владиміра: «не берете ли что-нибудь потихоньку?» — «грѣшна», хотя припоминаю теперь, что не взяла ничего...

Ежедневно читаю «Жизнь Иисуса Христа» Фаррара и думаю теперь, что гораздо труднѣе исполнить на дѣлѣ то, что въ мысляхъ кажется такимъ хорошимъ, добрымъ и поэтому легкимъ. Рѣшившись по возможности быть лучше, въ особенности въ отношеніяхъ семейныхъ, я сегодня едва-едва не отступила отъ такого добраго намѣренія. Прежде всего — видишь маму и вспоми-

наешь все, чѣмъ она оттолкнула насъ отъ себя, видишь ея жесткій характеръ; потомъ дѣти начинаютъ говорить грубости, безъ всякаго повода съ моей стороны, мѣшаютъ, и... мой характеръ готовъ вспыхнуть, какъ шведская спичка. Но надо же когда-нибудь научиться владѣть собой; неужели же у меня нѣтъ воли, нѣтъ самообладанія?

А знаете ли, чего мнѣ сегодня хотѣлось? Смѣшно сознаться даже самой себѣ. Видя, какъ дѣти ласкаются къ сестрамъ, обнимаютъ ихъ — мнѣ вдругъ страшно захотѣлось испытать самой эту дѣтскую, братскую ласку; которой я никогда еще не видала по отношенію къ себѣ. Сестры относились совершенно равнодушно къ этимъ «нѣжностямъ», какъ онѣ ихъ называютъ; но я... чего мнѣ такъ хотѣлось, того навѣрно не увижу никогда! Дѣти какъ-то стоятъ ближе къ сестрамъ и любятъ ихъ несравненно больше, нежели меня; имъ и въ голову не можетъ притти, что я, старшая сестра, потому отношусь къ нимъ строго, что люблю ихъ разумною любовью и желаю, чтобы изъ нихъ вышли порядочные люди... Впрочемъ, говорятъ, что дѣти ласкаются только къ хорошимъ людямъ, они инстинктивно чувствуютъ, кто ихъ любить. Въ такомъ случаѣ здѣсь нѣтъ ничего хорошаго для меня: я, значить, по существу дурной человѣкъ. Что жъ, это, быть можетъ, и правда!

24 февраля. Петя прислалъ мнѣ свою карточку; она была возвращена въ бумажку, и на ней было написано: «Лиза, посылаю свою карточку и прошу на меня не сердиться. Желаю всего хорошаго, Петя». И этотъ тоже просить на него не сердиться! Какъ странны люди! Однимъ словомъ, однимъ разговоромъ часто могутъ они причинить больше зла, нежели поступками, и не замѣтятъ этого; развѣ только мимоходомъ бросятъ вамъ: «не сердись»...—За что? Въ сущности, и Петя по-своему правъ, а виновата опять-таки я, вообразивъ его не тѣмъ, чѣмъ онъ есть. Единственнымъ извиненіемъ моимъ служить неопытность, уединенная жизнь, которую я веду, полное незнаніе людей, слишкомъ живое воображеніе...

26 февраля. Начались мои хлопоты относительно необходимыхъ документовъ для поступленія на курсы. У меня есть всѣ, за исключеніемъ трехъ: политической благонадежности, свидѣтельства о безбѣдномъ существованіи и позволенія родителей. Послѣднее—увы!—мнѣ получить невозможно. Я отправилась къ губернатору. Разговоръ былъ весьма коротокъ:—«Вы кто такая?

Для чего вамъ нужно свидѣтельство о политической благонадежности? Кажется, за вами ничего дурного не извѣстно, подайте прошеніе». Чиновникъ особыхъ порученій обѣщаль, что свидѣтельство вскорѣ пришлютъ ко мнѣ на домъ.

27 февраля. Труднѣе оказалось достать свидѣтельство о безбѣдномъ существованіи. Въ отношеніи денежномъ я всецѣло въ зависимости отъ Сиротскаго суда и прямо должна была обратиться къ нему, но побоялась, что тамъ мнѣ не выдадутъ свидѣтельства о моихъ средствахъ, въ виду того, что я—несовершеннолѣтняя. Мнѣ посовѣтовали обратиться въ полицію: если полиція выдаетъ свидѣтельство о бѣдности, то можетъ выдать и о безбѣдномъ существованіи. Я согласилась съ этимъ, и вотъ—начались мытарства.

По страшной слякоти добрались мы съ сестрой до «части», въ самомъ концѣ города. Тамъ очень красивый человекъ послѣ краткаго допроса сказалъ, что нужно обратиться въ полицейское управленіе. Пришлось съ одного конца города вновь отправиться на другой. Въ управленіи, по чугунной лѣстницѣ мы вошли въ грязный корридоръ, гдѣ какой-то чиновникъ провелъ насъ черезъ темныя комнаты за тотъ столъ, гдѣ онъ занимался. Обстоятельно разспросивъ меня, зачѣмъ мнѣ нужно это свидѣтельство, онъ съ недоумѣніемъ сказалъ, что подобный случай встрѣчается первый разъ.—Я нахожусь подъ попечительствомъ—скромно замѣтила я.—«Въ такомъ случаѣ вамъ надо обратиться въ Сиротскій судъ; а, впрочемъ, сдѣлайте такъ: приходите завтра утромъ сюда и переговорите объ этомъ съ полицеймейстеромъ: онъ вамъ скажетъ, куда обратиться. Если сюда—то прошеніе уже написано, и вы его тотчасъ подадите, а если въ судъ, то тогда приходите ко мнѣ, и я вамъ напишу прошеніе»...

28 февраля. Когда въ назначенный часъ меня ввели въ маленькую комнатку, гдѣ занимался какой-то чиновникъ,—все служашіе въ одинъ голосъ говорили мнѣ, что подобный случай встрѣчается впервые, и полиція подобныхъ свидѣтельствъ не выдаетъ. Вышелъ полицеймейстеръ, невысокаго роста, среднихъ лѣтъ, въ очкахъ и съ пышной рыжей бородой, расчесанной по обѣ стороны.—«Вамъ нужно подобное свидѣтельство въ знакъ того, что вы будете исправно вносить плату?»—сказалъ онъ.—Да.—«Но какъ же полиція можетъ выдать вамъ такое свидѣтельство о безбѣдномъ существованіи? Вѣдь ей же неизвѣстно, какія вы имѣете средства; при томъ—сегодня вы живете без-

бѣдно, завтра—нѣтъ; свѣдѣній о вашемъ имущественномъ положеніи мы не имѣемъ. Единственно, что можетъ вамъ выдать полиція, это—свидѣтельство о томъ, что вы не обращались за помощью ни въ какія благотворительныя учрежденія. Но такое свидѣтельство для васъ недостаточно, потому что въ томъ, какое вамъ требуется, нужно удостовѣреніе о вашихъ средствахъ». Вновь мнѣ пришлось замѣтить, что нахожусь подъ попечительствомъ.—«Тогда—чего же лучше, обратитесь въ Сиротскій судъ. Онъ вамъ выдастъ такое свидѣтельство».—Но мнѣ тамъ могутъ отказать, въ виду того, что я еще несовершеннолѣтняя. Нельзя-ли полиціи навести справки въ Сиротскомъ судѣ и выдать мнѣ свидѣтельство на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя она оттуда получить?—«Сиротскій судъ можетъ отказать полиціи въ справкѣ, потому что это ея не касается. Совѣтую вамъ обратиться прямо къ секретарю Сиротскаго суда, онъ вамъ все скажетъ». Я поклонилась и пошла въ ту комнату, гдѣ сидѣлъ мой вчерашній знакомый. Этотъ благодѣтельный человѣкъ написалъ мнѣ очень подробное прошеніе, сострадательно подтвердивъ, что полиція не можетъ выдавать подобныхъ свидѣтельствъ.

Дѣлать нечего—пошла въ Сиротскій судъ. Мнѣ лично не хотѣлось обращаться съ просьбой къ секретарю, изъ опасенія, что онъ, зная моихъ родственниковъ, можетъ рассказать имъ о такомъ неожиданномъ посѣщеніи. Каково же было мое удивленіе, когда я совершенно неожиданно встрѣтила съ его стороны самое живое сочувствіе.—«Желаю вамъ успѣха. Вамъ, конечно, надо поскорѣе имѣть это свидѣтельство? Бумага будетъ готова дня черезъ два. Съ такимъ дѣломъ нечего медлить,—чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Желаю успѣха.—Прошеніе составлено очень толково. Кто вамъ писалъ?»—спросилъ онъ.—Въ полиціи, отвѣчала я, потому что я сначала туда обратилась.—«Ну, вамъ тамъ выдать его не могли, надо было прямо сюда». Въ восторгѣ, что мнѣ удалось такъ легко и просто устроить дѣло, я уже собиралась уходить, какъ вдругъ секретарь, перевернувъ страницу и увидѣвъ только мою подпись—несовершеннолѣтняя наслѣдница Е. А. Д.—удивленно спросилъ:—«А гдѣ же подпись вашей попечительницы?» Этого я не ожидала.—Подписи нѣтъ, и мама никогда не подпишетъ подобной бумаги,—рѣшилась сказать я.—«Въ такомъ случаѣ Сиротскій судъ не можетъ вамъ выдать этой бумаги! Почему же ваша матушка не соглашается подписать ее? Развѣ она противъ этого?»—Да, мама не даетъ своего согласія на поступленіе на курсы.—«Но почему же? Это—такое благое дѣло, что я самъ, если бы была возможность, отпустилъ съ радостью

своихъ дочерей! Удивительно не давать согласія на такое хорошее дѣло; вѣдь въ тысячу разъ лучше учиться, нежели сидѣть здѣсь, въ провинціи, сложа руки и ничего не дѣлая!»—Ахъ, я уже четыре года прошу этого позволенія, и напрасно. И если я могу подать прошеніе теперь, то лишь въ виду моего совершеннолѣтія, которое исполнится въ августѣ. Все дѣло въ томъ, что бумаги надо посылать раньше, иначе я, конечно, не стала бы и обращаться за этимъ свидѣтельствомъ въ Сиротскій судъ.—«Значить, весь вопросъ только во времени? Жаль, жаль! Едва ли Сиротскій судъ найдетъ возможнымъ выдать такое свидѣтельство безъ подписи попечительницы! Вѣдь вотъ здѣсь недостаетъ только этихъ словъ: «противъ выдачи этого свидѣтельства ничего не имѣю», и бумага завтра же будетъ готова. Я такъ привыкъ видѣть всѣ бумаги за подписью попечительницы и не замѣтилъ сначала, что ея здѣсь нѣтъ»...—Но я не денегъ же прошу у суда, мнѣ онѣ не нужны, мнѣ необходимо только удостовѣреніе, что я могу платить въ интернатъ и за ученіе—умоляющимъ тономъ сказала я.—«Я понимаю, васъ безъ этой бумаги не примутъ, потому что плата въ интернатъ значительна. Но что же дѣлать, если по закону Сиротскій судъ безъ разрѣшенія матери не можетъ выдать вамъ такого документа! Въ противномъ случаѣ намъ всѣмъ можетъ попасть!»—Что же мнѣ теперь дѣлать?—съ отчаяньемъ вскрикнула я. Добрый секретарь глубоко вздохнулъ.—«Очень, очень жалѣю, я сочувствую вамъ, потому что нахожу ваше желаніе прекраснымъ. Постараюсь сдѣлать для васъ все, что могу. Вы все-таки подайте это прошеніе и приходите дня черезъ два за отвѣтомъ: или вамъ выдадутъ свидѣтельство, или возвратятъ обратно прошеніе»... Простившись, я вышла изъ суда совершенно растерянная, ничего не соображая...

Самыя худшія предчувствія оправдались... Опять, опять препятствіе! Опять отказъ! Нѣтъ нужной бумаги! Боже мой, что же теперь дѣлать? Вѣдь слова секретаря, его обнадеживаніе были только прикрытіемъ слишкомъ жестокаго отказа... Этотъ добрый человѣкъ сразу пріобрѣлъ мою полную симпатію за свое прекрасное, гуманное отношеніе ко мнѣ, личности совершенно ему чуждой, и тѣмъ больнѣе было для меня, слушая слова участія, знать, что не сегодня-завтра,—онъ же возвратитъ мнѣ обратно прошеніе... Съ этими грустными, жестокими мыслями тихо шла я домой и не выдержала: слезы отчаянія показались у меня на глазахъ, и шедшіе по улицѣ прохожіе съ удивленіемъ смотрѣли на мое взволнованное лицо.

Итакъ, второй разъ мнѣ приходится висѣть на волоскѣ! Боже

всемогущій, да неужели же нѣтъ у Тебя жалости ко мнѣ? Гдѣ же справедливость? Мнѣ, 20-лѣтней дѣвушкѣ, отказываютъ въ выдачѣ необходимаго свидѣтельства для продолженія образованія потому только, что мать изъ предразсудковъ, изъ странной прихоти, изъ ненависти къ дочерямъ—скорѣе допустить меня выйти замужъ за перваго встрѣчнаго и погубить себя на всю жизнь, нежели подпишетъ хотя одну бумагу, касающуюся курсовъ! — *Dura lex, sed lex!* И я на себѣ испытываю всю прелесть этой жестокости, которая въ данномъ случаѣ, можно сказать, прямо бессмысленна. Справедливость получается самая несправедливая: если позволеніе матери—все, то необходимо, отдавая дѣтей подъ опеку, наводить справки и о матеряхъ, чтобы онѣ не злоупотребляли своими правами.

3 марта. Сиротскій судъ отказалъ мнѣ въ выдачѣ свидѣтельства... Я уже заранѣе знала, что это такъ и будетъ, и поэтому спокойно выслушала секретаря, сообщившаго мнѣ объ этомъ. — Нельзя-ли устроить такъ, чтобы за меня поручился кто-нибудь?—спросила я. — «Вамъ есть еще два выхода, отвѣчалъ онъ: или вы можете написать директору курсовъ, что вы представите свидѣтельство объ имѣнннн вами средствъ послѣ совершеннолѣтія, потому что тогда Сиротскій судъ выдастъ это свидѣтельство, или же можете написать, что вы въ денежномъ отношеніи зависите отъ Сиротскаго суда, и чтобы дирекція навела у насъ справки о вашемъ состояніи. Тогда, на официальную бумагу директора, мы отвѣтимъ, что у васъ имѣется такое-то состояніе».—А это вѣрно, что Сиротскій судъ отвѣтитъ на запросъ директора, не откажетъ ему?—«Конечно, долженъ отвѣтить. Почему мы знаемъ, для чего директору курсовъ нужна справка?»—Но именно потому-то, что Сиротскій судъ не знаетъ, для чего директору нужна справка, онъ можетъ и отказать ему—подумала я, но не высказала этого сомнѣнія, считая неудобнымъ задерживать секретаря своими разспросами, такъ какъ къ нему безпрестанно подходили какіе-то люди съ бумагами.—Позвольте отъ души благодарить васъ...—«Очень, очень сожалью, что ничѣмъ не могу помочь вамъ. Сиротскій судъ на мои доводы отвѣчалъ мнѣ: мы призваны охранять семейный строй, но не разрушать его». Я поклонилась и ушла.

Тяжело было на душѣ.—И странное дѣло: чѣмъ тяжелѣе становится мнѣ, чѣмъ болѣе я вижу препятствій,—тѣмъ сильнѣе мое желаніе. Я чувствую, что становлюсь тверже и рѣшительнѣе, и буду сопротивляться до тѣхъ поръ, пока могу, пока хватить силъ. Теперь я уже закрываю глаза на все и иду впередъ, думая

только о достиженіи моей цѣли. Занятія нѣмецкой литературой и исторіей, за которыя я было принялась, не идутъ на умъ: несмотря на все спокойствіе, съ которымъ я стараюсь относиться въ своей неудачѣ, я не могу заниматься. Я строю всевозможные планы на случай другой, послѣдней неудачи — отказа принять меня на курсы, думаю о поѣздкѣ въ Петербургъ, словомъ—вовсе не объ исторіи Греціи и Рима, Шиллеръ и Гёте.

Сегодня дома разговаривала съ сестрами о моихъ дѣлахъ и рассказала имъ все, что и какъ думаю. Это немного облегчило меня. А почему?—и сама не знаю. Сестры ничѣмъ не могутъ мнѣ помочь, ни совѣтомъ, ни дѣломъ: лица у обѣихъ выражали только огорченіе при видѣ моей неудачи.

8 марта. Итакъ, — что предпринять теперь? Я почти рѣшила ѣхать въ Петербургъ, лично просить директора или кого-нибудь изъ «власть имущихъ» принять меня. Это единственное средство, чтобы не мучиться въ ожиданіи отвѣта — какого отвѣта?! Если тамъ мнѣ откажутъ, — получивъ нужныя свѣдѣнія у знакомой швейцарки, m-lle Nouer, — начну собираться въ Швейцарію...

Мнѣ не хочется терять еще годъ. Довольно, довольно! Когда я подумаю объ этихъ 3½ годахъ, я прихожу въ ужась и отчаяніе при мысли, что не сумѣла, какъ слѣдуетъ, распорядиться ими. Никакихъ знаній я не приобрѣла, читала такъ мало и не такія серьезные сочиненія, какія надо бы читать. Я упрекаю себя за то, что не купила себѣ книгъ, тратя всѣ деньги на наряды, поѣздки, театръ, довольствуясь книгами здѣшной бібліотеки... Словомъ, я недовольна моею прошлою умственною жизнью, всѣмъ, рѣшительно всѣмъ моимъ существомъ! «Надо бы такъ-то, надо бы сдѣлать то-то»... твердишь самой себѣ,—и сожалѣніе о безвозвратно-прошломъ наполняетъ душу такимъ сквернымъ сознаниемъ собственной негодности и неспособности, что я рада бы бѣжать на край свѣта, лишь бы уйти отъ упрековъ своей же совѣсти...

Да! Только теперь могу я понять цѣну спокойнаго и радостнаго чувства довольства собою, сознанія, что «я сдѣлалъ все, что долженъ былъ сдѣлать».

10 марта. Вспоминаю весну 1883 года. Двѣнадцать лѣтъ прошло! Не знаю отчего, но эта весна особенно припомнилась мнѣ. Тогда я была восьмилѣтней дѣвочкой и, помню, веселой, беззаботной, какъ птичка. Помню прекрасные весенніе дни, папинъ кабинетъ, весь залитый солнечнымъ свѣтомъ, и себя передъ пись-

меннымъ столомъ, читающую романъ Зола, какой—позабыла, должно быть, «Дамское счастье», потому что упоминалось имя «Дениза». Милая, родная Нерехта, счастливое время!—Все прошло, жизнь измѣнилась, и теперь уже нѣтъ ни дѣвочки, ни папинаго кабинета съ большимъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ книгами и газетами, ни тихой, ясной и прекрасной весны, какъ тогда!

11 марта. Получила изъ полиціи свидѣтельство о политической благонадежности. Очень опасалась, чтобы не вышло исторіи съ мамой, когда принесетъ бумагу полицейскій, но все обошлось благополучно. Помощникъ пристава принесъ свидѣтельство, когда меня не было дома, и сказалъ горничной, чтобы я пришла въ часть вечеромъ. Я заранѣе уже подготовила Вассу не докладывать ничего мамѣ, когда принесутъ бумагу, и если она спроситъ—отзывать не знаніемъ; поэтому, когда она начала допрашивать Вассу, кто звонилъ,—та отвѣтила:—«Не знаю; какой-то офицеръ спрашивалъ барышню, велѣлъ ей притти въ 8 часовъ».—«Куда?»—спросила мать.—«Не могу знать», отвѣчала моя вѣрная дуэнья. Когда я возвратилась домой, мать меня встрѣтила вопросомъ:—«Какой это офицеръ приходилъ за тобой?»—Подруга Маня уѣзжаетъ сегодня,—смѣло лгала я,—онъ приходилъ сказать, чтобы я пришла ее проводить. Можно мнѣ итти сейчасъ?—«Можете».—Ты за мной не присылай прислуги, меня проводятъ,—продолжала я лгать.—«Хорошо»,—сказала мама вполнѣ спокойно и сѣла ужинать. Я же, почти бѣгомъ, глухими переулками, отправилась на конецъ города, въ часть. Было темно, и ни одна изъ ярославскихъ барышень не согласилась бы итти въ такое время по такимъ улицамъ, гдѣ на каждомъ шагу трактиры, и гдѣ рискуютъ встрѣтиться съ будиловцами. Но я не думала ни о чемъ и пришла въ часть еще задолго до назначеннаго времени.

Меня вѣжливо пригласили присѣсть и подождать. Комната была полна народу. Мужики робко жались у стѣнъ, приставъ разговаривалъ съ какимъ-то мужчиной, въ другомъ углу двое писали, у дверей стоялъ старичекъ въ мундирѣ. Мнѣ было очень любопытно наблюдать за всѣми: въ первый разъ въ жизни видѣла я такую картину. Приставъ не имѣлъ ни минуты покоя. Отпустилъ мужчину—зазвонилъ телефонъ: нашли мертвое тѣло ребенка, и онъ съ кѣмъ-то разговаривалъ объ этомъ дѣлѣ. Затѣмъ къ нему привели въ качествѣ свидѣтеля извозчика. Я внимательно выслушала допросъ мужика; записавъ его показанія, приставъ отпустилъ его. Не успѣлъ онъ сѣсть—пришла баба съ жалобой,

опять звонилъ телефонъ, приходили полицейскіе, входили и уходили мужики и бабы, получая какія-то бумаги, а я все ждала. Наконецъ явился помощникъ, я подписала заранѣе приготовленную расписку, взяла свидѣтельство и ушла, утомленная до крайности. Что-то будетъ?

16 марта. Прочла послѣдній разсказъ Толстого: «Хозяинъ и работникъ». Едва только онъ появился въ печати, какъ уже единогласно признанъ критикой за шедевръ даже между произведениями великаго писателя. Дѣйствительно,—можно ли написать лучше, проще, возвышеннѣе? Въ немъ—и сила, и великая христіанская идея. Кажется, словами не передать того впечатлѣнія, которое производитъ этотъ разсказъ, написанный тѣмъ удивительнымъ языкомъ, которымъ владѣетъ только Толстой: будто живешь вмѣстѣ съ этимъ хозяиномъ и Никитой, такъ и видишь ихъ передъ собою, въ особенности Никиту, въ его драномъ кафтанѣ, идешь съ нимъ въ конюшню, запрягаешь лошадь, ѣдешь, плутаешь по полю... Такое точно впечатлѣніе производило на меня когда-то описаніе скачекъ въ «Аннѣ Карениной»... Фигура хозяина выступаетъ не вдругъ, а постепенно; сначала мы видимъ только хитраго мужика-богача, который думаетъ только о торговлѣ и барышахъ, но подъ вліяніемъ смертной опасности, предъ лицомъ неминуемой гибели, — въ хозяинѣ вдругъ пробуждается «нѣчто», и это «нѣчто» все растетъ и растетъ, захватываетъ все его существо и заставляетъ наконецъ спасти Никиту, а самому погибнуть. Подобное превращеніе хитраго барышника, у котораго на умѣ только «роща, валуки, аренда, лавка и кабаки»,—въ человѣка, «полагающаго душу свою за други своя», можетъ казаться неестественнымъ: такъ велико разстояніе между христіаниномъ-идеалистомъ и деревенскимъ барышникомъ. Но для генія Толстого это разстояніе совсѣмъ не велико, и превращеніе Василія Андреевича совершается такъ естественно и просто, послѣднія минуты его жизни такъ трогательны, что читатель даже нисколько не удивляется его перерожденію. Чтеніе этого разсказа возбуждаетъ лучшія чувства, и поэтому самое произведеніе, несмотря на свою простоту,—возвышенное. Въ нашей литературѣ нѣтъ разсказа, равнаго этому по силѣ и глубинѣ мысли, простотѣ содержанія и совершенству формы. О, если бы хотя $\frac{1}{100}$ нашихъ писателей могла писать такъ!

27 марта. Вотъ оно, дорогое для меня письмо Мани: «Дорогая Лиза! Вы, я думаю, на меня сердитесь, что я такъ долго не

отвѣтила Вамъ, но я была страшно занята въ эти дни, занималась латинскимъ, поэтому-то мнѣ все и не удавалось сходить на курсы и разузнать то, о чемъ Вы просите. Простите, голубчикъ, меня за это, такъ какъ я понимаю Ваше нетерпѣніе и браню себя за такую медленность въ отвѣтѣ. Директоръ курсовъ сказалъ, что свидѣтельство о безбѣдности Вы можете подать позднѣе, когда вамъ исполнится 21 годъ; прошеніе же и всѣ бумаги подайте раньше... Васъ непременно примутъ, такъ какъ, во-1) вы кончили съ медалью, а, во-2) поступаете въ интернатъ. Кромѣ всѣхъ этихъ бумагъ, надо собственноручно написать свою автобіографію, т. е. когда и гдѣ Вы родились, гдѣ учились, когда кончили курсъ, что дѣлали по окончаніи курса и т. д. Это новое правило, до этого года ничего подобнаго не было. Въ половинѣ мая пріѣду домой и все Вамъ расскажу лично. Не падайте духомъ, Лиза, и вѣрьте, что когда человѣку чего-нибудь сильно хочется, онъ всегда добьется. Ваше стремленіе на курсы, конечно, увѣнчается успѣхомъ. Только будьте тверды и не отступайте ни на шагъ отъ задуманнаго. Курсы, а, главное,—жизнь въ Петербургѣ, общеніе съ людьми, въ самомъ лучшемъ смыслѣ интеллигентными, дадутъ Вамъ много»...

Ея сестра Анюта принесла мнѣ это письмо, когда я была у знакомыхъ. Я не могла удержаться, ушла отъ гостей въ другую комнату и распечатала письмо.—Вѣдь этимъ письмомъ рѣшается моя судьба!—думала я, и руки мои дрожали такъ сильно, что я не сразу вынула письмо изъ конверта. И по мѣрѣ того, какъ я его читала, все свѣтлѣе становилось на душѣ, я вдругъ успокоилась... Мнѣ стало до того хорошо, что, возвратясь къ гостямъ и забывъ всѣ приличія, забывъ о томъ, что неловко говорить въ малознакомомъ обществѣ о своихъ личныхъ дѣлахъ,—бросилась къ Лидіи:—Лидя, какое письмо я получила! Вѣдь теперь я знаю навѣрное, что могу поступить на курсы!

Въ комнатѣ сидѣли студентъ и одна барышня, не кончившая гимназіи. Тотчасъ же завязался разговоръ о курсахъ. Молодые люди напали на меня: барышня со всѣмъ азартомъ невѣжества, студентъ—со всею самоувѣренностью и беззащитнымъ апломбомъ мужчины. Я молчала и про себя смѣялась... не надъ барышней—ей, какъ не кончившей гимназическаго образованія, естественно было разсуждать такъ,—меня смѣшили студентъ. Вдоволь наговорившись и прочитавъ мнѣ длинную нотацію о глупости моего намѣренія, онъ, тѣмъ не менѣе, вздумалъ освѣдомиться, зачѣмъ я ѣду, на какое отдѣленіе поступаю, и почему? Но узнавъ вполнѣ его взгляды, я вовсе не желала высказывать

этому господину мои личныя убѣжденія и отвѣчала уклончиво, давая понять, что нужно прекратить этотъ неприятный разговоръ.

Это письмо открываетъ передо мною новое будущее, новую жизнь!

1 апрѣля. Не далѣе, какъ нѣсколько часовъ тому назадъ, я видѣлась съ В... Я получила отъ него вчера утромъ письмо, въ которомъ онъ писалъ, что пріѣдетъ сегодня. Уже издали замѣтила я его высокую фигуру, когда мы шли навстрѣчу другъ другу... Онъ крѣпко сжалъ мнѣ руку и, сказавъ «спасибо»,—тотчасъ же началъ объясненіе, результатомъ котораго явилось назначенное на завтра послѣднее, рѣшающее свиданіе съ Валей...

Ей я сказала:—Ты должна прямо и честно объясниться съ нимъ. Это будетъ самое лучшее. Отъ него будетъ зависѣть принять во вниманіе твое намѣреніе поступить на курсы—и онъ тебѣ это скажетъ...

2 апрѣля. ...Валя была страшно взволнована и едва могла говорить...—«Онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе... мы пришли къ соглашенію. Я даже не ожидала, что онъ рѣшится сказать мамѣ, что женится подъ условіемъ моего отъѣзда на курсы въ нынѣшній же годъ. Онъ хочетъ теперь, чтобы я сначала узнала жизнь, пожила въ Петербургѣ... А чтобы мама не испугалась четырехгодовой отсрочки, мы рѣшили немного схитрить и сказать ей, что вѣнчаніе отлагается только на годъ, на время котораго я уѣзжаю учиться. Вотъ какъ хорошо мы все устроили... И вдругъ... сейчасъ онъ говорилъ объ этомъ съ мамой... и... она... не соглашается»,—разрыдалась Валя... Намъ было страшно тяжело.

Вечеромъ разговоръ съ матерью былъ цѣлой путаницей тупого, закоснѣлаго эгоизма и жестокости, которой она ни мало не скрывала передъ нами.—«На такое условіе я никогда не буду согласна. Она—моя дочь и должна жить со мною. Я ее никуда не пушу учиться. Свадьба должна быть безъ всякихъ условій, тогда мужъ будетъ ея попечителемъ, и я не буду касаться дочери». Сказавъ эти слова, мама болѣе не спускала глазъ съ В. и сестры, ни минуты не оставляя ихъ вдвоемъ: она боялась, чтобы они, по ея словамъ, «не дали другъ другу слова»...

4 апрѣля. Охъ, сколько пережила за эти три дня! Мама теперь устранена отъ дѣла совсѣмъ: ей сообщили, что условія ея приняты, и свадьба «состоится»... Но В. твердо рѣшилъ не отступать отъ своего намѣренія дать сестрѣ полную свободу по вы-

ходѣ замужъ. — «Я не возьму ее съ собой... Пусть тотчасъ же послѣ вѣнца, такъ какъ ей неудобно оставаться здѣсь, ѣдетъ со мною въ Петербургъ и тамъ живетъ до начала ученія. Я ее устрою на курсахъ, а самъ потомъ уѣду домой»... Онъ говорилъ это просто и увѣренно, и лишь едва удалось мнѣ подмѣтить грустную нотку въ его голосѣ, какъ говорятъ люди, пришедшіе къ какому-либо окончательному рѣшенію. Нѣтъ сомнѣнія, онъ говорилъ о бракѣ, но о такомъ, который сначала долженъ быть фиктивнымъ. Меня тронуло такое благородство человѣка, а Валя цѣнить его безгранично... Теперь осталась одна практическая сторона дѣла... Свадьба предполагается черезъ годъ...

5 апрѣля. Уѣхалъ В. Прекратились наши волненія, свиданія и переговоры. Я испытываю удовлетвореніе въ томъ, что теперь все зависитъ отъ ихъ обоихъ, и мнѣ можно устраниться... Какъ бы ни кончился годъ ожиданій,—это будетъ уже личное дѣло сестры...

Въ нашу общую жизнь, однообразную и монотонную, какъ сѣренькій осенній день, вдругъ ворвался солнечный лучъ и упалъ на младшую сестру. И блескъ этого луча озаряетъ ее безсознательно, даже противъ воли...

6 апрѣля. Встрѣтилась съ Петей у насъ въ домѣ. Выбравъ минутку, я сѣла въ сторонѣ отъ другихъ, рядомъ съ нимъ. — Спасибо вамъ за карточку; но только вы напрасно написали, что извиняетесь. Вы вовсе не виноваты передо мною... У всякаго могутъ быть свои мнѣнія... Я говорила тихо, съ тѣмъ особымъ, теперь мнѣ хорошо знакомымъ, чувствомъ надломленности, если можно такъ выразиться: мнѣ было и безразлично и очень грустно. — «Нѣтъ, если я извинялся, значить, я находилъ это нужнымъ. Тогда, кажется, я наговорилъ много лишняго» — отвѣчалъ Петя.—Я не признаю васъ виновнымъ; чужое мнѣніе надо уважать...—совершенно спокойно, не смотря ему въ лицо, произнесла я. — И не будемъ спорить... Пусть каждый останется при своемъ... — «Въ такомъ случаѣ остается повернуться другъ къ другу спиною и разойтись, какъ будто бы мы другъ другу чужіе»,—оскорбленнымъ тономъ возразилъ Петя.—Нѣтъ, я допускаю только полную свободу мнѣній. — «Тогда отчего же не возобновить переписки?» Я тотчасъ же рѣшительно отказалась. Я чувствовала, что вполнѣ владѣю собой, только говоря съ нимъ холодно и равнодушно; и если бы во мнѣ проснулась искренность—я потеряла бы самообладаніе и высказала бы ему все, что онъ причинилъ мнѣ своимъ отвѣтомъ на мой вопросъ. А

этого онъ не долженъ знать: моя гордость возмущается при одной мысли, что человекъ, меня не понимающій, узнаеть мою душу и съ недоумѣніемъ пожметъ плечами и отойдетъ, пожалуй, даже съ насмѣшкой... Нѣтъ, нѣтъ!—Не надо!...

17 апреля. ...Когда директоръ гимназіи объяснялся въ моемъ присутствіи съ мамой по поводу нравственно возмутительнаго поступка съ ея стороны—я не могла быть спокойной; мое дыханіе захватило, и стыдъ, мучительный стыдъ овладѣлъ мною. Я не смѣла взглянуть на говорившаго; я хотѣла провалиться сквозь землю, исчезнуть сію же минуту; но мученіе пересилило—и я зарыдала, не стыдясь своихъ слезъ, не считая за малодушіе и слабость съ своей стороны...—«Знаете ли вы, какъ называется подобный поступокъ? — говорилъ директоръ матери. — Вы точно сами не понимаете, что сдѣлали, и какъ меня оскорбили. Я бы могъ искать удовлетворенія другимъ порядкомъ, но я этого не хочу, помня евангельское изреченіе: «не вѣдаютъ бо, что творять». Поэтому-то я и пріѣхалъ къ вамъ и говорю съ вами въ присутствіи вашей старшей дочери, чтобы объяснить вашъ поступокъ. И какъ послѣ этого вы можете жаловаться на вашихъ сыновей, что они поддѣлываютъ подписи въ тетрадяхъ, когда они воспитываются въ такихъ понятіяхъ? Ваша дочь плачетъ, и это вполне понятно: она видитъ, каковъ этотъ поступокъ»... Мать все время сидѣла молча, неподвижно, съ такимъ видомъ, какъ будто бы все происходившее не касалось ея. Такая невозмутимость, такое безстыдное равнодушіе къ собственной открытой и уличенной нечестности, соединенной съ оскорбленіемъ другому лицу, не могли не поразить директора. Онъ пожалъ плечами:— «Вы не поняли, какъ оскорбили меня. Вотъ передъ вами человекъ молодой, не испорченный, вы видите, какъ онъ къ этому относится. Съ вашей дочерью дѣлается истерика».—«А со мной, вы думаете, не бываетъ истерики?» — спросила мать, изъ всего сказаннаго обративъ вниманіе только на послѣднее слово, и сразу перескочила на свою любимую тему разговора—свои болѣзни. Директоръ только руками развелъ передъ такой нравственною тупостью. — «Я говорю не о васъ, а о вашей дочери, о томъ, какое впечатлѣніе производятъ на нее подобные поступки съ вашей стороны. Я никому ничего не скажу, я хочу сохранить это въ тайнѣ и поэтому пріѣхалъ сюда». Онъ поклонился матери, не подавая ей руки. Я все время стояла, не смѣя поднять глаза. Онъ подаль мнѣ руку. Низко опутивъ голову, не глядя на него, я пожала ее...

Когда я пришла въ комнату сестеръ—онѣ уже отчасти слышали, отчасти сами догадались, о чемъ былъ разговоръ—и мы молчали, подавленные, уничтоженные этимъ неожиданнымъ испытаніемъ. Это было хуже, чѣмъ горе, — это былъ позоръ, стыдъ за близкаго человѣка, который явно поступилъ нечестно, обнаруживъ каменное равнодушіе неврастенички, для которой все существованіе заключается въ ея чудовищномъ эгоизмѣ. О, Боже мой! Да за что же все это? Развѣ я такъ виновата передъ Тобою? Позоръ безконечно хуже горя: горе съ теченіемъ времени можетъ утихнуть и не причинять сильной боли; но слѣды позора не изгладятся ничѣмъ...

18 апрѣля. Лишь только проснулась—первая моя мысль была о томъ, что случилось вчера... Если бы тогда я могла говорить, я должна была бы просить у него прощенія за мать и благодарить за такое благородное отношеніе къ намъ... Но я тогда не могла ничего сказать. Не написать ли ему письмо? Я пошла къ сестрамъ, онѣ согласились. Я сама отнесла письмо въ гимназію...

21 апрѣля. Когда я вспоминаю о томъ, что было на-дняхъ—мнѣ иногда кажется, что все это неправда, сонъ, кошмаръ... Но вѣдь это уже случилось!—И слезы неудержимо сбѣгаютъ по лицу... Я прекратила всякія сношенія съ матерью, ограничиваясь отвѣтами «да» и «нѣтъ», когда это необходимо. А она заговариваетъ такимъ тономъ, какъ будто бы ничего не случилось... Да! у нея нѣтъ сердца, нѣтъ никакого чувства! Я, конечно, не имѣю права судить мать, но вѣдь все, что я ни говорю о ней,—правда. Ахъ, какъ тяжело, какъ безконечно тяжело! Теперь мнѣ хочется захворать, чтобы хотя на время потерять сознаніе всего окружающаго, хотя на время забыться... и такъ бы до лѣта, когда я могу уѣхать отсюда...

Прочелъ ли директоръ мое письмо? Быть можетъ, онъ разорвалъ его, не читая, если швейцаръ не сказалъ ему моего имени...

1 мая. Мнѣ интересно наблюдать Валю. Я теперь схожу со сцены, которую заняла было на время, сажусь въ ряды зрителей и наблюдаю... Должно быть, мнѣ судьба быть зрительницей... Удивительно: вѣдь есть же такіе люди, которые, не зная любви, весь вѣкъ свой живутъ спокойно, вдали отъ нея, не имѣя понятія о романахъ. Но мнѣ, мнѣ... судьба даетъ иныя роли: то наперсницы, какъ въ старинныхъ французскихъ драмахъ, то посыльнаго, то секретаря, то совѣтника, то ходатая по секретнымъ дѣламъ,—

и это почти во всѣхъ романахъ, которые мнѣ встрѣчались за небольшой сравнительно періодъ времени, отъ 15 (когда одна моя подруга впервые рѣшила, что я уже не «ребенокъ», и что мнѣ «можно все сказать») до 20 лѣтъ.

11 мая. Что за глупое чувство—скука! Стоить только хоть на минуту поддаться ей, — и она овладѣетъ тобой такъ, что не знаешь, какъ отъ нея и избавиться. Тогда всѣ средства безсильны. Вотъ сегодня, сейчасъ, мнѣ отчаянно скучно. Ни политическая экономія, ни газета, никакое чтеніе не помогутъ прогнать эту скуку...

Я брожу по комнатамъ и... сержусь... На что?—На то, что мнѣ не пришлось ѣхать кататься на лодкѣ въ такой чудный майскій вечеръ, и я осталась дома, одна... Или мы, женщины, такъ мелочны, что такая ничтожная случайность въ состояніи произвести на насъ такое впечатлѣніе?—Не знаю... Но въ эти прекрасные дни, когда вся природа точно празднуетъ свой праздникъ, когда вечера на Волгѣ такъ чудно-хороши,—меня охватываетъ такое непреодолимое чувство... бѣжать, итти, ѣхать куда-нибудь! Мнѣ хочется свѣжаго воздуха, движенія... А изъ окна моей комнаты я вижу пыльный дворъ и какой-то несуразный садъ, полный народу, въ которомъ нѣтъ ни одного уютнаго, хорошенькаго уголка, ни одного мѣстечка, гдѣ можно было бы съ удовольствіемъ посидѣть, полежать на спинѣ и посмотреть вверхъ, на небо...

Мнѣ скучно! Я брожу, какъ тѣнь, изъ угла въ уголъ и не знаю, куда дѣвать собственную особу. Въ такія минуты она кажется совершенно лишней... Счастливы тѣ люди, которые не знаютъ никогда скуки! Это—труженики, которые спокойно могутъ радоваться свободной минутѣ, чтобы отдохнуть отъ своей работы... Хотя я и рѣдко бываю въ подобномъ настроеніи, но нахожу, что оно такъ скверно, что лучше было бы, если бы никогда его не испытывать.

Трудъ! работа! Но... если я не знакома еще съ настоящимъ трудомъ,—я все-таки знаю, что мнѣ сейчасъ надо заниматься, надо, пользуясь свободнымъ временемъ, прочесть статьи Лессинга, надо бы яснѣе и тверже усвоить различіе реалистической школы политической экономіи отъ... Но вотъ не хочется же! Лессингъ преспокойно лежитъ нетронутый, а Иванюковъ летитъ подъ столъ... Мнѣ стыдно и... все такъ же скучно!

Какъ хорошо умѣть владѣть собой! Какъ хорошо взять себя въ руки, сказать: «ну, довольно! За дѣло!»

16 мая. Недавно съ Петей мы видѣли «Горькую Судьбину». Игра Стрепетовой произвела на меня сильное впечатлѣніе. Симпатичный и прелестный образъ несчастной Лизаветы до сихъ поръ еще стоитъ передо мною. Поэтому, когда Петя заговорилъ сегодня объ этой пьесѣ, я живо почувствовала вновь безконечную жалость къ этому существу, которое по своему сердцу стояло несравненно выше своей среды; меня охватило и негодование противъ барина-«интеллигента», жившаго съ Лизаветей по взаимной любви, который, при столкновѣніи съ дѣйствительно чистою натурою—мужикомъ грубымъ, но благороднымъ,—обнаружилъ всю дрянность своей натуры, всю тряпичную бессильность своего характера, полную негодность, словомъ—ничтожество. Никогда не забыть мнѣ его трусливаго метанья по сценѣ, когда, терзаясь и мучаясь сознаниемъ своей вины, безъ надежды ее исправить, — онъ раскрывалъ передъ зрителемъ свою полную беспомощность. И тѣмъ яснѣе и благороднѣе рядомъ съ нимъ казался его крѣпостной мужикъ, сначала сдѣлавшій все, что могъ, по своему наивному, но честному, безхитростному разумѣнію, и подъ конецъ не выдержавшій: проснулась въ немъ его сила—месть, она потребовала удовлетворенія, и прямо и просто, какъ и все, что онъ дѣлалъ,—Ананій задушилъ ребенка...

Все это я живо высказала Петѣ и, увлекшись, назвала этого барина подлецомъ.—«Ты такъ думаешь? Но вѣдь онъ—несчастный, глубоко симпатичный нравственный человѣкъ». — Какъ? этотъ поступокъ вы называете нравственнымъ?—съ удивленіемъ спросила я. — «Да, нравственнымъ. Онъ полюбилъ ее, она его полюбила, это честно, и нравственно». — Но она же была не свободна. — «Ничего не значить. Любовь развѣ спрашиваетъ объ этомъ? Вспомни, что Лизавета не любила своего мужа, она была несчастна, и онъ—тоже». — Нѣтъ! Вы называете нравственнымъ то, чего никакъ нельзя назвать такъ. Допустимъ даже, что Лизавета не любила своего мужа; но она вовсе не была особенно несчастна: она относилась къ нему хотя и пассивно, но все-таки жила спокойно. Ея чувства спали. Явился баринъ, этотъ образованный, развитой человѣкъ. Онъ угадалъ ея нѣжную душу, понялъ, полюбилъ ее и, конечно, первый признался ей... Я увѣрена, что самой Лизаветѣ, какъ женщинѣ, крестьянкѣ, подобная мысль не могла бы притти и въ голову; и онъ заговорилъ съ нею о своей любви, прекрасно зная, съ кѣмъ говорить, и безъ труда получилъ ея взаимность. Этотъ развитой человѣкъ поступалъ подло, вполне сознавая, что дѣлаетъ подлость: онъ, баринъ, отнял у своего мужика единственное существо, которое было дорого и

мило его же крѣпостному; радость его жизни, его любовь, его жену. Это, по-вашему, нравственно?—«Но что же было ему дѣлать, если онъ ее любилъ?»—Онъ долженъ былъ любить ее, сколько хотѣлъ, но издали, никогда не говоря ей о своемъ чувствѣ; онъ долженъ былъ бѣжать отъ нея, вырвавъ съ корнемъ эту страсть... — «Нельзя требовать невозможнаго. Человѣкъ не въ силахъ преодолѣть себя, свою любовь. Вотъ ты не испытала этого чувства и поэтому судишь такъ строго»...—Я не столько строго сужу, сколько возмущаюсь тѣмъ, что вы находите это нравственнымъ. Ну, скажите, если бы вамъ пришлось быть въ подобномъ положеніи, — вы отняли бы жену у мужа? — «Если сна меня полюбить, отчего жъ? Она оставитъ мужа и придетъ ко мнѣ, и это будетъ вполне нравственно».—Значитъ, несчастный мужъ, если онъ любитъ свою жену, останется... — «Не при чемъ,—хладнокровно перебилъ меня Петя.—Она меня любитъ, и я ее люблю; такъ и должно быть, это хорошо и нравственно».—А долгъ, а честь, а совѣсть—этотъ невидимый законъ, который ужаснѣе всѣхъ?—хотѣлось мнѣ воскликнуть, но... я только пожалала плечами. Если у человѣка понятіе о чести и нравственности искажено до такой степени — бесполезно говорить съ нимъ... — Далѣе спорить, Петя, бесполезно, — тихо сказала я. — Вѣдь вы не можете уже теперь имѣть правильнаго понятія о томъ, что честно и нравственно... не можете рассуждать правильно (я удивилась, какъ спокойно сказала я эти слова, ясно намекавшія на то, что причиняло мнѣ такое сужденіе)... Онъ понялъ мой намекъ: — «Да, мои взгляды нѣсколько иные»... — и онъ, не смущаясь, посмотрѣлъ на меня... Я даже не шевельнулась.

Удивительно! Почему же я такъ хладнокровно отношусь теперь къ нему? Это не было то мое прежнее пассивное состояніе, — это было здоровое спокойствіе, ровное состояніе духа. Почему же? — Не могу себѣ отвѣтить. Но я чувствую себя очень хорошо: точно прежде ничего и не было... На-дняхъ я опять увижу Петю... и снова удивлюсь на самое себя: буду такая же, какъ и въ этотъ разъ...

21 мая. Да, такая же... Сажу себѣ въ залъ, онъ напротивъ меня, я молчу, и, вѣроятно, мое лицо приняло грустное выраженіе, потому что Петя спросилъ: — «Что съ тобой? Отчего ты такая?» Привыкнувъ видѣть меня всегда оживленной, всѣ убѣждены, что я не могу быть иной. — Сегодня мнѣ было скучно, и я устала отъ нѣмецкихъ переводовъ... — «Ты сейчасъ можешь запла-

коть»...—Было бы отчего!—равнодушно отвѣтила я, чувствуя, что во мнѣ что-то вдругъ поднялось... Это скоро прошло...

28 мая. Вчера послала документы на курсы. Нѣтъ у меня позволенія родителей, нѣтъ и свидѣтельства о безбѣдномъ существованіи, и вся надежда теперь только на то, что директоръ приметъ во вниманіе мое близкое совершеннолѣтіе. Но... сомнѣнія берутъ верхъ, иногда мнѣ кажется, что кто-нибудь посовѣтуетъ мамѣ воспользоваться своимъ правомъ попечительницы и потребовать мои бумаги обратно... Я въ отчаяніи отъ этого подозрѣнія!

Читаю теперь «Психологію» Гефтинга. Тамъ разбираются различныя душевныя состоянія, между прочимъ, страхъ и надежда. Два противоположныхъ чувства не могутъ одновременно уживаться въ душѣ; одно исключаетъ другое, и потомъ это другое въ свою очередь беретъ верхъ и вытѣсняетъ первое. Вотъ въ подобномъ же положеніи нахожусь я теперь... Положимъ, я могу не бояться: давно уже рѣшено, что послѣдній исходъ — ѣхать за границу. M-elle Nouer дастъ мнѣ рекомендательныя письма къ своимъ друзьямъ и знакомымъ, поможетъ устроиться въ Швейцаріи. Но ѣхать туда — значить, порвать надолго всѣ сношенія съ семьею, родными. Кромѣ того, у меня нѣтъ никакой научной подготовки, и я не имѣю понятія о курсахъ тамошнихъ университетовъ, тѣхъ факультетовъ, которые открыты для женщинъ. Медицина, изученіемъ которой больше всего занимаются студентки въ Швейцаріи, меня вовсе не интересуеетъ; къ математическимъ наукамъ я испытываю ужасъ и полнѣйшее отвращеніе (еще съ дѣтства). Если возможно — я непременно поступила бы на юридическій факультетъ и по окончаніи образованія занялась адвокатурою. Я желаю быть защитницей угнетенныхъ и бѣдныхъ, работать изъ чистой, безкорыстной любви къ истинѣ и справедливости. Но вѣдь это — мечты, потому что женщина лишена такихъ правъ. Развѣ въ Россіи мыслимо выступить на адвокатское поприще? — Пока — нѣтъ и нѣтъ... Меня также интересуютъ и науки о человѣкѣ, науки историческія, философія, литература, которыя преподаются на историко-филологическомъ факультетѣ. Слѣдовательно, разъ двери суда закрыты для женщинъ-адвокатовъ,—я выбираю его.

29 мая. Сестра сказала мнѣ, что ей едва-ли придется поступить на курсы, потому что В. будетъ ея мужемъ. Такъ какъ я была убѣждена, что ихъ бракъ будетъ на время фиктивнымъ,

то я съ удивленіемъ спросила ее: Почему ты такъ думаешь?— «Это же видно изъ его письма: онъ пишетъ о поцѣлуяхъ»...— Ну, такъ что жъ? Онъ хочетъ сдѣлать тебя своею женою — спокойно замѣтила я.— «Какъ? Да неужели же ты не знаешь, что это и есть настоящій бракъ? Развѣ ты не понимаешь, что если онъ будетъ меня цѣловать, то это и значить, что мы сдѣлаемся настоящими мужемъ и женою»... Широко раскрывъ глаза и не вѣря своимъ ушамъ, слушаю я Валю. 18-лѣтняя дѣвочка, читавшая всѣ прелести Зола, Мопассана и другихъ, имъ подобныхъ, «Крейцерову Сонату», горячо разсуждавшая о нравственности и увѣрявшая меня, что она уже давно «все знаетъ»,—эта дѣвушка, давъ слово В., не знала... что такое бракъ! Иногда я заговаривала съ ней по поводу читаемыхъ романовъ, и моя сестрица всегда такъ горячо и авторитетно разсуждала, такъ свободно употребляла слова, относящіяся къ самой сути дѣла, что мнѣ и въ голову не могла притти подобная мысль. И вдругъ, случайно, почти наканунѣ свадьбы, я узнаю отъ нея, что она еще невинный младенецъ, что она... не понимаетъ и не знаетъ ничего. — Валя, послушай, ну вотъ мы съ тобой читали, иногда говорили объ этомъ... Какъ же ты понимаешь? — «Конечно, такъ, что они цѣлуются... отъ этого родятся дѣти, — точно ты не знаешь»,—даже съ досадой отвѣтила сестра. Я улыбнулась.— «Что же ты смѣешься? Развѣ есть еще что-нибудь? Развѣ это не все? Мнѣ одна мысль о поцѣлуяхъ противна, а вотъ ты смѣешься. Какую же гадость ты еще знаешь?»—съ недоумѣніемъ спрашивала Валя...

Каково было мое положеніе! Кто могъ предполагать, что Валя, читая, не понимала самой сущности, даже не подозрѣвала о ней. Впрочемъ, она не читала никакихъ медицинскихъ книгъ, сказокъ Бокаччіо, гдѣ съ такимъ наивнымъ цинизмомъ описывается то, что теперь даже Зола и Мопассанъ замѣняютъ много-точию, — и, сообразивъ по своему, думала, что узнала «все» и разсуждала о бракѣ весьма свободно. Такимъ образомъ, выходя замужъ, сестра была похожа на овцу, которая не знаетъ, что ее черезъ нѣсколько времени заколютъ. Я слыхала и раньше, что ужаснѣе этого нѣтъ ничего...

Вечеромъ пришла къ намъ Маня, и я, мучаясь всѣми этими соображеніями, жалѣя о наивности сестры, спросила ея совѣта. Она прямо сказала мнѣ, что я должна, какъ старшая сестра, замѣнить ей мать. И вотъ, смущаясь и стыдясь того, о чемъ должна буду говорить, злясь на самое себя,—однимъ словомъ, въ скверномъ, нерѣшительномъ состояніи, я усадила Валю подлѣ

себя и тихо-тихо объяснила ей все. Валя была поражена... Передъ ней отдернули занавѣсъ жизни и, смутно соображая,—она поняла. Въ первую минуту для нея это было невѣроятно, полно ужаса и отвращенія...

Какъ тяжело, но жизнь все дѣлаетъ по-своему!

Нерехта, 5 июля *). Я бѣжала изъ Ярославля, какъ трусъ, бѣжала отъ самой себя. Съ возвращеніемъ домой — мнѣ пришлось бы опять жить по-прежнему, а, значить, и думать. А я не хочу! Я гоню отъ себя всѣ мысли о будущемъ... О, Боже! Вѣдь приговоренные къ смерти спятъ спокойнымъ сномъ наканунѣ казни, ихъ будятъ и ведутъ прямо съ постели на эшафотъ. И я буду спать! Пусть и меня разбудитъ только это ужасное слово, которое будетъ написано на бумагѣ, присланной изъ Петербурга...

Родной уголокъ всегда дѣйствуетъ на меня такъ хорошо, такъ успокаиваетъ. Знакомыя мѣста снова вызываютъ въ памяти яркія воспоминанія, которыя кажутся далекими и туманными, когда рѣдко-рѣдко проскользнуть въ моей «городской» жизни. Здѣсь каждое окошко въ домѣ, каждый кустикъ въ саду, сотни мелочей,—все такъ близко сердцу; иногда, сидя въ саду, закроешь глаза, — и прошлое станетъ до того живо, что кажется мнѣ, будто я опять въ коротенькомъ платьицѣ бѣгаю по этимъ дорожкамъ, и вотъ-вотъ меня позоветъ гувернантка... Кругомъ тишина, полное спокойствіе, какая-то нетронутость... Если и бываетъ скучно, то все-таки это не наша домашняя, мучительно-тоскливая скука, а тихая, усыпляющая...

Надо какъ можно меньше думать о себѣ — и тогда будетъ легче.

13 июля. Мнѣ стыдно теперь проводить все время за моимъ любимымъ занятіемъ—чтеніемъ. Прежде, читая цѣлыми днями, я всегда думала, что это—самое лучшее и полезное занятіе; но теперь мнѣ даже совѣстно сидѣть все время за книгой: кругомъ меня кипитъ работа. Мнѣ становится невыносимо, хочется что-нибудь сдѣлать самой, и я бѣгу въ старый, запущенный садъ, помогаю собирать ягоды, варю варенье и опять собираю. Эта чисто ручная работа доставляетъ своего рода удовлетвореніе, и я вожусь въ саду съ ягодами цѣлыми часами, на самой жарѣ. Сухія вѣтки царапаютъ лицо, руки, платье рвется между кустами,

*) Перерывъ дневника—29 мая—5 июля—объясняется поѣздкой автора по Волгѣ, о чемъ сохранились отрывочныя замѣтки и впечатлѣнія въ записной книжкѣ. *Прим. ред.*

трещать и ломаются сгнившіе сучья... — и я возвращаюсь домой съ полною корзинкою вишенъ. Потомъ берусь за книгу. Тогда читаешь съ наслажденіемъ, чувствуя, что отдыхаешь, и раньше ложишься спать, чтобы завтра вновь приняться за то же. Это не особенно интересно, но все-таки лучше полнѣйшей праздности.

17 июля. Сегодня въ саду я замечталась до того, что забыла обо всемъ, и нечаянно вспомнила о будущемъ... Но на этотъ разъ я не прогнала этой мысли, она подкралась совсѣмъ неожиданно, и что-то свѣтлое и радостное было въ ней. Мнѣ было хорошо. Я стала воображать, что будетъ, когда я приѣду въ Петербургъ... И жизнь показалась мнѣ вдругъ такой интересной, такой, что у меня даже духъ захватило отъ нетерпѣнія и радостнаго волненія, и этотъ «Эмиль», котораго я передъ тѣмъ читала, — потерялъ для меня всякій интересъ.

А если ѣхать за границу?—Ну, и поѣду! На-авось, наугадъ—все-таки поѣду; найдутся добрые люди, которые посоветуютъ, куда поступить. Только бы поскорѣ!...

21 июля. Присланное мнѣ письмо В. не было особенно интересно, и я разсѣянно его пробѣгала, какъ вдругъ въ концѣ нѣсколько строкъ: «Во время нашего свиданія на Пасхѣ, я видѣлъ, что съ Вами случился какой-то переворотъ, что Вы уже не та, которую я зналъ раньше. Что именно произошло, я не знаю и изъ короткихъ бесѣдъ вынести не могъ, но я только ясно видѣлъ, что что-то такое произошло, и Вы теперь можете спокойно пойти даже на пытку, самую изысканную. Тутъ не то разочарованіе, о которомъ Вы мнѣ писали на каникулахъ, а что-то болѣе тяжелое». При чтеніи этихъ неожиданныхъ фразъ — все пережитое за этотъ годъ въ одно мгновеніе нахлынуло на меня, точно волна... Замерло сердце, я задрожала отъ боли, вскочила, уронила письмо—и стояла такъ, ничего не понимая, не видя... Я опомнилась, когда почувствовала, что глаза застилаетъ, что лицо мое влажно отъ слезъ... Я съ трудомъ овладѣла собой; мнѣ было стыдно и досадно, и я выбрала себя за это крѣпкимъ словомъ...

«Вы теперь можете спокойно пойти даже на пытку, самую изысканную»—это онъ угадалъ. Я такъ привыкла скрывать ото всѣхъ свое душевное состояніе, что мнѣ и въ голову не могло притти, что могутъ хоть что-нибудь замѣтить... Или это сквозило помимо моей воли? Но я увѣрена по-прежнему, что глубже за-

глянуть ко мнѣ въ душу, проще понять меня какъ человѣка—никто «изъ нихъ» не догадается...

26 июля. — «Если бы ты жила со мной въ нашихъ консерваторскихъ квартирахъ—изъ меня бы вышла знаменитость,—сказала мнѣ сегодня подруга Соня.—Ты имѣешь такое вліяніе на меня, ободряешь,—вѣдь мы, артисты, часто падаемъ духомъ; намъ необходимо возвышаться, говорить о творчествѣ, какъ ты со мной,—а у насъ почти у всѣхъ такіе узкіе, практическіе интересы». — Неужели, Соня? удивилась я.— Неужели васъ не интересуешь музыка, поэзія, философія? Вѣдь это васъ такъ близко касается... — «Полно, пожалуйста. Прибѣжить къ тебѣ къ комнату товарка, начнетъ жаловаться на то, что теперь такъ много пианистовъ, что ее затрутъ; или сберутся вмѣстѣ, и начнутся разговоры, какъ и кто сшилъ себѣ новую кофточку, какія-нибудь сплетни. И я тоже, когда поступила, думала, какъ и ты, а въ дѣйствительности оказалось все какъ нельзя болѣе прозаично. Вотъ ты теперь рассказываешь мнѣ о Шиллерѣ и Гете, и я такъ рада: я очень мало читаю, совсѣмъ нѣтъ времени, а между тѣмъ это меня интересуешь, и когда поговоришь съ тобой, лучше себя чувствуешь. Артисты живутъ нервами, насъ надо возбуждать; свои же товарищи скорѣе заставляютъ упасть духомъ маленькими разговорами и жалобами».

Мнѣ даже стало стыдно и неловко передъ Соней: она слушала съ такимъ интересомъ, а я... о, какъ мало я знаю! Какъ немного могла я сообщить ей о Гете, Ламартинѣ, Шиллерѣ, о которыхъ зашла рѣчь; любой студентъ могъ бы рассказать ей гораздо лучше. Но мнѣ было пріятно высказывать свои мысли и впечатлѣнія: я видѣла, что она меня понимаетъ, восхищается и учится въ то же время. Рѣдкіе артисты обладаютъ многостороннимъ развитіемъ и образованіемъ; въ большинствѣ случаевъ имъ некогда заниматься чѣмъ-нибудь постороннимъ—ихъ время все занято. Такъ и Соня: ей за массой занятій совсѣмъ некогда читать, и она не имѣетъ понятія даже о классическихъ иностранныхъ писателяхъ, имя и произведенія которыхъ знакомы всякому читающему человѣку. Но она сознаетъ этотъ пробѣлъ и стремится его избѣжать. Это замѣчательно даровитая натура.

27 июля. Очень часто я думаю о себѣ. Поэтому жизнь моя, какъ ее ни разсматривай, въ сущности, «праздная жизнь», а я—эгоистка.

Человѣкъ не долженъ жить исключительно для себя: онъ не

для того созданъ, онъ не одинъ въ мірѣ. Жизнь есть направленный къ опредѣленной цѣли осмысленный трудъ. «Всѣ мы призваны затѣмъ, чтобы свершить нашу долю труда и исчезнуть»,—сказалъ Дюма-сынъ, и эти слова подтверждаются всѣмъ, что видишь вокругъ себя,—массой жизней. Природа человѣка требуетъ дѣятельности, и отъ него зависятъ ея смыслъ и направленіе. «Цѣль жизни» — вотъ вопросъ, надъ которымъ я задумывалась еще въ 12-лѣтнемъ возрастѣ, инстинктивно чувствуя, что иначе не можетъ быть, что необходимо жить для чего-нибудь. Тогда я была такъ молода, что рѣшеніе подобнаго вопроса было мнѣ не по силамъ, и я плакала при мысли о томъ, что у меня нѣтъ «цѣли жизни». Смѣшно теперь вспомнить объ этомъ: развѣ могла она явиться у такого ребенка, какимъ была я, когда ничего еще не знала, кромѣ учебника и стѣнъ казеннаго заведенія? Позднѣе я увлекалась, строя воздушные замки, неосуществимые планы... Я хотѣла основать женскій университетъ, посвятить этому дѣлу всю свою жизнь, и уже высчитывала, сколько милліоновъ надо нажить, чтобы на эти средства основать его... Только когда я стала старше—я поняла, что подобный замыселъ мнѣ не по силамъ; но отказаться отъ своей мечты—сдѣлать что-нибудь для женскаго образованія—я не могла. И вотъ я стала очень честолюбива: начитавшись книгъ о знаменитыхъ женщинахъ, которыя имѣли большое вліяніе черезъ мужей, я мечтала о замужествѣ съ какимъ-нибудь вліятельнымъ или выдающимся человѣкомъ; я видѣла въ бракѣ лишь средство для достиженія цѣли, своихъ плановъ, которыхъ я, какъ женщина, не могла бы иначе осуществить. О себѣ же, о томъ, что я представляю, способна ли я на что-нибудь, я и не думала: я цѣнила себя дороже, чѣмъ стоила на самомъ дѣлѣ. Глупое, мечтательное честолюбіе!

Несбыточныя мечты, химерическіе планы, все это—плодъ моего живого воображенія. Сидя въ четырехъ стѣнахъ, за книгами, я мало обращала вниманіе на дѣйствительную жизнь.

Но теперь—пора! Взглянемъ трезво на жизнь, всмотримся въ дѣйствительность, какъ она есть, не увлекаясь ничѣмъ. Безъ труда, дѣятельности,—жизнь немислима, бессмысленна... Мужчины всегда имѣютъ передъ собою широкое поле дѣятельности. Но женщины въ томъ отношеніи не всѣ свободны. Тѣ изъ нихъ, которыя связаны семейными обязанностями, пусть исполняютъ свой долгъ, и хорошо тѣмъ, которыя отнесутся къ своему дѣлу честно и свято. Но есть и свободныя: ихъ жизнь, ихъ время принадлежатъ имъ; нѣкоторыя трудятся изъ нужды, другія проводятъ всю жизнь въ праздности... Я свободна... если не сейчасъ,

то через двѣ недѣли буду свободна... Я хочу продолжать свое образование и пока думаю только о достиженіи этой цѣли. Но уже мнѣ многіе задають вопросъ: «къ чему это? Что ты будешь дѣлать потомъ?» Я отвѣчу имъ вновь стихами Полонскаго:

Усовершенствуй то, что есть:
Себя, свой даръ, свой трудъ, и вотъ—
Живой предметъ твоихъ заботъ—
Твоя единственная честь.

Я хорошо знаю положеніе женскаго труда: при ограниченности женскихъ профессій достать себѣ какое-нибудь занятіе положительно невозможно. Одна изъ самыхъ общихъ дорогъ—педагогическая. Хотя теперь всѣ говорятъ, что учительницъ больше, нежели учениковъ, но я не пойду туда, гдѣ ихъ много, надо итти туда, гдѣ нѣтъ. У насъ есть интеллигенція, но у насъ нѣтъ образованнаго народа, масса котораго такъ и блуждаетъ во тьмѣ невѣжества, безграмотности. У насъ такъ мало школъ, такъ мало расходуется на народное образование! О жестокомъ матеріальномъ положеніи учащихся и говорить нечего. Кромѣ того, во многихъ ли школахъ преподаваніе ведется такъ, какъ нужно? многіе ли учащіе заботятся о развитіи дѣтей, не ограничиваясь одною выучкою чтенію, письму? Между тѣмъ, народное образование—дѣло первостепенно важности, и трудно мечтать студентамъ и людямъ изъ интеллигенціи о введеніи въ Россіи конституціи, когда масса населенія безграмотна. Сначала надо развить народъ,—а это будетъ не ранѣе, какъ нѣсколько поколѣній пройдутъ при усиленномъ трудѣ на пользу народнаго образованія. Когда мнѣ иногда случается слышать подобныя «либеральныя» рѣчи—всегда становится смѣшно, и хочется сказать:—Г.г. бросьте переливать изъ пустого въ порожнее... Ужъ если хотите говорить, то лучше сожалѣйте о томъ, что стоитъ сожалѣть. Нашъ народъ, во всякомъ случаѣ, скорѣе пожалѣетъ о своей «темнотѣ», безграмотности, чѣмъ о политической свободѣ. Ему скорѣе нужна наука, соотвѣтствующая потребностямъ его жизни, нежели конституція. А интеллигенты мечтають себѣ и подъ сурдинкой—ропшутъ на порядокъ вещей. Оттого-то у насъ такъ велика пропасть между образованнымъ человѣкомъ и народомъ.

А несчастныя бабы! почти все женское населеніе сель и деревень безграмотно. «Бабѣ не нужна наука, ей не въ солдаты итти»—вотъ чѣмъ въ большинствѣ случаевъ мотивируется нежеланіе мужиковъ отдавать въ школу дочерей. Но вѣдь на женщинѣ держится семья; и если теперь среди мужиковъ все чаще

и чаще встрѣчаются грамотные, то женщины все еще стоят на одной точкѣ, ни на шагъ не двигаясь въ своемъ умственномъ развитіи. Я видала иногда деревенскихъ бабъ, которыя жили у моей бабушки въ кухаркахъ, и мнѣ всегда рѣзко бросалась въ глаза какая-то туповатость, неуклюжесть и безтолковость, что дѣлало бабу положительно несносной въ глазахъ горничной «изъ городскихъ», которая иначе и не называла ихъ, какъ «деревенщиной». — «Баба! что съ нея спрашивать!» Какъ будто бы она не человѣкъ, и нѣтъ у нея разума, и нельзя ее обучить ничему. Справедливо замѣчено, что народъ, который пренебрегаетъ женскимъ образованіемъ и воспитаніемъ, не пойдетъ далеко. Ребенокъ наследуетъ умственныя способности отца и матери. Что же она ему дастъ, когда вѣками забитая, приниженная, едва-едва можетъ связно выразить свою мысль?

Довольно съ насъ интеллигенціи; пора подумать о народѣ. Всеобщее обязательное обученіе!—вотъ вопросъ, которыйль былъ нынче поднятъ и обсуждался газетами и журналами весьма усердно. Какъ было бы прекрасно, если бы этотъ законъ осуществился на дѣлѣ. Но едва ли... Во всякомъ случаѣ, не скоро; до него, пожалуй, и мы умремъ, и еще поколѣніе пройдетъ. Потребуется огромная затрата средствъ на открытіе и содержаніе народныхъ школъ и учащихся. И если теперь можно принести гдѣ-нибудь дѣйствительную пользу, то это именно въ дѣлѣ народнаго образованія, потому что и время и жизнь требуютъ его. Это, конечно, трудъ незамѣтный и скромный, но полезный — въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова. Только бы хорошенько подготовиться къ нему, продолжить свое образованіе, а потомъ — по этой дорогѣ — впередъ!!

Ярославль, 6 августа. Я читала у Гефтинга, что человѣкъ не можетъ жить въ одно и то же время противоположными чувствованіями: «со слезой въ очахъ и съ ясною улыбкой... и на вѣсахъ души развѣсивъ ровно и счастье и печаль»... Когда я пріѣхала сюда,—именно это смѣшанное настроеніе охватило меня: я переходила отъ страха къ надеждѣ и наоборотъ до того, что мнѣ казалось, что я живу и тѣмъ и другимъ, точно двойною жизнью, точно онѣ обѣ были у меня въ груди,—и сердце готово было разорваться отъ тысячи противоположныхъ чувствъ... Какое глубокое мученіе!

Довольно! такъ жить болѣе нельзя... Черезъ девять дней надо сообразить... когда уѣзжать отсюда въ случаѣ неудачи, къ кому обратиться за рекомендательными письмами, достать загранич-

ный паспортъ. Если не примутъ—уѣду! Надо ѣхать... Господи! Господи! Хотя я повторяю: да будетъ Воля Твоя!—но все-таки Ты помоги мнѣ!

Въ эти дни я хотѣла заниматься, но не могу: все напоминаетъ мнѣ еще болѣе о моемъ положеніи... И я брожу изъ угла въ уголь, какъ тѣнь, стыдясь за себя, и все-таки ровно ничего не дѣлая. Возьму въ руки иголку—смѣюсь сама надъ собой: съ какимъ большимъ багажемъ вещественнымъ, и съ какимъ скуднымъ умственнымъ! Сяду за рояль—думаю: совершенно бесполезное времяпрепровожденіе, я не способна къ музыкѣ. Наконецъ, сегодня взялась-таки за Руссо, и онъ меня развлекъ. Какое прекрасное произведеніе: «Emile», какъ много въ немъ хорошихъ и вѣрныхъ мыслей!

10 августа. Когда недавно В. пріѣзжалъ сюда на нѣсколько дней, онъ сказалъ Валѣ, что онъ такой же, какъ и она, т. е. не знаетъ «другихъ сторонъ жизни». Слѣдовательно, любовь его чистая, идеальная. — «Иначе я никогда не осмѣлился бы». — «Я очень рада»—сказала сестра. Въмѣсто отвѣта В. поцѣловалъ ея руку... Наконецъ-то на моихъ глазахъ состоится идеальный бракъ—союзъ одного мужчины съ одною женщиной, такой, котораго требуютъ законы нравственные и религіозные... Какъ это хорошо! И не безъ внутренней радости подумала я, что отчасти способствовала этому браку, что я передала ему сестру.

Валя хочетъ поступить на курсы, и В. въ продолженіе четырехъ лѣтъ ученія не долженъ пользоваться правами мужа. Люди опытные говорятъ, что это положительно невозможно; и Валя уже теперь сомнѣвается, можетъ ли онъ остаться такимъ же, какъ и она, до 29 лѣтъ, постоянно видя ее... Но взвѣсивъ всѣ жизненные обстоятельства—я нахожу, что шансы его и сестры—равны: сестра, когда задумала поступить на курсы, и слышать не хотѣла о замужествѣ—и онъ былъ несчастенъ; теперь она согласна, но съ условіемъ, исполнить которое онъ далъ клятву. Пусть они повѣнчаются, пусть сестра въ этомъ случаѣ поступитъ, какъ иногда я поступала въ рѣшительныхъ случаяхъ: закрывъ глаза, бросятся плыть по теченію...

12 августа. О, долго ли протянется эта мучительная неизвестность? Хоть бы на одинъ конецъ: да или нѣтъ, но только скорѣе, скорѣе узнать...

Я не могу ничѣмъ заниматься. Работа утомляетъ меня, а книги читаю машинально. Отъ всего можно уйти въ книги, за-

быться,—прежде я всегда такъ и дѣлала. Но теперь, при всемъ желаніи, никакъ невозможно: научныя книги только напоминаютъ мнѣ, что я «на волоскѣ», и вмѣсто того, чтобы размышлять или резюмировать прочитанное,—невольно руки опускаются съ книгой, а въ голову опять лѣзетъ вопросъ: что же? чѣмъ же кончится? какой же отвѣтъ я получу?... Бросишь книгу, закроешь глаза, схватишься обѣими руками за голову,—и сидишь такъ гдѣ-нибудь, стараясь прогнать отъ себя эти мысли...

Неизвѣстность—хуже всего. Если бы я получила отвѣтъ, то каковъ бы онъ ни былъ—все-таки было бы лучше; я знала бы, по крайней мѣрѣ, что мнѣ дѣлать, куда ѣхать. А теперь—ничего.

Всего двѣнадцать дней, какъ я здѣсь, а мнѣ кажется, что двѣнадцать недѣль. Мучительно-медленно тянутся дни, одинъ за другимъ, не торопясь; они точно сговорились итти какъ можно медленнѣе...

Мнѣ хотѣлось бы уѣхать куда-нибудь, въ особенности на 15-ое число. Но я уже получила отказъ въ моей просьбѣ: совершеннолѣтіе старшей дочери въ нѣкоторомъ родѣ составляетъ событіе, которое нельзя оставить пройти незамѣтно, и къ тому же большой праздникъ. А мнѣ, право, не до обѣдовъ и гостей, которые придутъ въ силу разъ установившагося обычая... Я убѣждала бы на край свѣта, если бы это было возможно!.. И очень жаль, что у меня крѣпкіе нервы: если бы я заболѣла на все это время—было бы гораздо лучше: лежала бы себѣ преспокойно, за мной ухаживали бы, и время прошло бы быстро и незамѣтно.

Скорѣе бы... конецъ. Каковъ бы онъ ни былъ!

У меня не хватитъ мужества прочесть отвѣтъ, въ случаѣ полученія. Чувствую, что не могу... Пусть ужъ лучше сестры.

14 августа.—«Вы живете разсудкомъ и страстью,—сказалъ мнѣ сегодня случайно встрѣтившійся въ соборѣ за всенощной офицеръ, съ которымъ мы познакомились во время нашей поѣздки по Волгѣ.—Я замѣтилъ, что вы совсѣмъ не живете душевною жизнью, а между тѣмъ это необходимо. Не принимайте слова «страсть» вмѣсто любви, нѣтъ, вѣдь это можно примѣнять ко многому. Въ васъ сейчасъ видна страсть»... Конечно, онъ подразумѣвалъ подъ этимъ словомъ мою живость, вспыльчивость; онъ сказалъ бы вѣрнѣе: страстность.—Если я живу разсудкомъ, то это даже лучше: жизнь того требуетъ, возразила я.—«Нѣтъ; вы не правы. Живите сердцемъ; относитесь душевнѣе къ людямъ, и вамъ сразу станетъ лучше, и вы будете спокойнѣе. Вотъ тогда, на пароходѣ, я замѣтилъ, что между вами, сестрами, нѣтъ той

задушевности, которая должна была бы быть».—Но, однако, мы всѣ живемъ вмѣстѣ, какъ одна; мы всегда стоимъ другъ за друга...—«Все это прекрасно; тѣмъ не менѣе, между вами нѣтъ именно задушевности, которая сейчасъ же высказывается въ обращеніи. Относитесь другъ къ другу сердечнѣе—это даже должно, потому что вы близки между собой».—А вѣдь онъ совершенно правъ, подумала я: мы вовсе не относимся другъ къ другу нѣжно и сердечно. Мы не привыкли къ этому; да сестры и не любятъ. А сколько разъ хотѣлось мнѣ обратиться къ нимъ такъ, какъ совѣтоваль Былѣвъ! И всегда меня останавливали то суровымъ: «что за нѣжности?», то насмѣшкой, то прямо нежеланіемъ... Замѣчаніе офицера было до такой степени вѣрно, онъ такъ тонко подмѣтилъ оттѣнки нашего обращенія, что я ничего даже не отвѣтила ему.—«Вотъ примите мой совѣтъ — продолжалъ онъ — вѣрьте, что я говорю справедливо. Вы живете только умомъ; а между тѣмъ вы живете съ людьми—полюбите ихъ».—Но я и такъ люблю людей; я отношусь и стараюсь относиться къ нимъ вообще хорошо—отвѣтила я.—«Это вы дѣлаете опять-таки разсудочно: вы дошли до этого умомъ, а надо дойти сердцемъ; такъ, чтобы вы дѣйствительно любили людей, думали о нихъ больше... Еще я тогда же замѣтилъ, что вы скупы».—«Это какимъ же образомъ?—засмѣялась я.—«Помните, на пароходѣ вашъ слуга подалъ счетъ, и я замѣтилъ, что, расплачиваясь, вы мало дали ему на чай: онъ не поблагодарилъ васъ. А между тѣмъ, вы должны бы были подумать, что онъ—человѣкъ бѣдный, что онъ этимъ живетъ».—А, такъ поэтому?—воскликнула я, немногo озадаченная такой тонкой наблюдательностью.—«Не спорю, конечно, что, должно быть, я мало дала, но только потому, что, право, объ этомъ не думала. Давать мало не хорошо съ моей стороны, но все-таки я могу сказать въ свое оправданіе, что поступила вовсе не изъ какого-либо разсчета.—«Допустимъ; но изъ этого видно, что вы не думали объ этомъ человѣкѣ, о его бѣдности, о томъ, что ему, быть можетъ, нужны деньги».—Я не хочу спорить съ вами; вы можете имѣть мнѣніе обо мнѣ, какое хотите. Сама же я могу сказать о себѣ только одно: я отношусь къ деньгамъ довольно равнодушно. Конечно, меня нельзя назвать доброй, но нельзя также назвать и скупой,—а такъ себѣ, какъ огромное большинство: серединка на половинкѣ.—«Да, серединка...—задумчиво повторилъ Былѣвъ.—Но опять повторяю: относитесь къ людямъ сердечнѣе, съ бѣльшимъ участіемъ. Вѣрьте, отъ этого вамъ будетъ гораздо лучше, вы даже здоровѣе сдѣлаетесь, поправитесь, а то вы теперь такая худенькая, выглядите совсѣмъ дѣвочкой».—

Ну, едва ли отъ этого я могу сдѣлаться толще,—улыбнулась я.— «Нѣтъ, кромѣ шутокъ; это превосходный рецептъ. Живите сердечною жизнью; полюбите кого-нибудь»...—Э, опять за старое!— съ неудовольствіемъ подумала я, вспоминая его разговоръ на ту же тему на пароходѣ. Вновь начнутся старыя, надоѣвшія мнѣ разсужденія, извольте ихъ слушать. И я сказала недовольнымъ и скучающимъ тономъ:—Ну, опять... Онъ не обратилъ на это вниманія. Тогда, желая дать ему понять всю нелѣпность этого предложенія, я описала свою жизнь, въ которой не было ни повода, ни мѣста для подобнаго чувства. Но его было трудно урезонить: онъ настаивалъ на своемъ, говоря, что сердце не знаетъ препятствій. Я рѣшилась упомянуть и о моей наружности, о которой я слышала столько насмѣшекъ, и о молодыхъ людяхъ, которые всегда старались избѣгать моего общества.—«Вы говорите неправду—преспокойно возразилъ Былѣевъ.—Вы хорошенькая, я это говорю безъ малѣйшаго желанія сказать вамъ комплиментъ, я это даже слыхалъ отъ другихъ лицъ». Мнѣ было до того скучно, что не хотѣлось спорить, но и совѣты офицера показались мнѣ, какъ говорится, «ни къ селу, ни къ городу». А онъ, между тѣмъ, продолжалъ увѣрять меня, какъ хорошо найти себѣ человѣка, котораго можно любить, какъ это случается со всѣми, и что это—законъ природы... Пользуясь моментомъ, я постаралась свести разговоръ на сестру.—Вы не подумайте, что я совсѣмъ отрицаю любовь; нѣтъ, я признаю, что она существуетъ только для избранныхъ натуръ, а такъ какъ я принадлежу къ массѣ—мнѣ нечего и думать о ней.—«Я не согласенъ. По-моему она существуетъ для всѣхъ людей. Кто же вамъ сказалъ такъ?»—спросилъ онъ.—Женихъ сестры... Узнавъ, что В. такой же, какъ и сестра, офицеръ возразилъ:—«Изъ этого еще не слѣдуетъ считать его идеальнымъ».—Допустимъ, но, во всякомъ случаѣ, бракъ этотъ будетъ идеаленъ, въ смыслѣ союза одного мужчины съ одною женщиной. Я это высоко цѣню.—«Да знаете ли вы, что есть люди, чистые тѣломъ, и развращенные душою и сердцемъ до послѣдней степени? Невинность—это плодъ воспитанія, и ее, мнѣ кажется, нельзя цѣнить такъ высоко... Я видалъ людей, которые, хотя и были «такіе», но въ сущности были всѣ ужасные пошляки»...—Я прекрасно знаю, что вы всегда найдете себѣ оправданіе, потерявъ свою честь. (Моему собесѣднику было 35 лѣтъ, и свою молодость онъ проводилъ далеко не свято, по собственному признанію). Конечно, и между вами встрѣчаются хорошіе люди, но все-таки я всегда буду сочувствовать такой любви и такому браку, потому что и онъ и сестра равны, ихъ бракъ будетъ

чистъ предъ Богомъ и предъ людьми. Согласитесь, что дѣвушка естественно предпочесть человѣка, вполне равнаго ей... — «Значить, вы не могли бы полюбить испорченнаго человѣка? не пошли бы за него?»—вдругъ спросилъ меня Былѣвъ. Я пожалала плечами, но онъ настойчиво требовалъ отвѣта.—Гм! Ужъ если меня когда-нибудь судьба поставитъ въ такое безвыходное положеніе, можно сказать—прижметъ къ стѣнѣ, то я выйду не иначе, какъ по самому хладнокровному разсчету, взвѣшу все «за» и «противъ»... — фантазировала я, въ глубинѣ души недоумѣвая, зачѣмъ я отвѣчаю на такой вопросъ, который должна была бы оставить безъ отвѣта.—«Ну, а если вы полюбите такого человѣка?»—не унимался офицеръ.—Тогда... тогда... (я чуть не расхохоталась,—до того показалось мнѣ смѣшно его предположеніе) я и виду никому не покажу... Лучше сама себя изломлю и скорѣе умру, чѣмъ выдамъ себя!—храбро отвѣтила я, въ то же время думая; ну, къ чему я наврала, лучше было бы прямо сказать ему, что этого никогда быть не можетъ.

Былѣвъ уѣзжалъ на другой день въ Москву. Мы простились съ нимъ у воротъ нашего дома.

Вечеромъ, лежа въ постели и подумавъ о нашемъ разговорѣ, о томъ, какъ относиться къ людямъ,—я невольно упрекнула себя, зачѣмъ не поблагодарила его за этотъ добрый совѣтъ.

15 августа, 1-ый ч. н. Сегодня день моего совершеннолѣтія. Утромъ мама, крѣпко обнявъ меня, поздравила, заплакала и вдругъ начала цѣловать безъ конца съ какою-то страстною нѣжностью... Я стояла неподвижно, опустивъ руки... Я, которую до глубины души трогаетъ всякая неожиданная ласка—чувствовала, что внутри ничто не шевельнулось, что нѣтъ отвѣта на эти ласки. Я не сдѣлала никакого движенія, чтобы высвободиться изъ объятий мамы, и только время отъ времени, по какому-то чувству приличія, которое все же не позволяло мнѣ не отвѣчать ничѣмъ на эти ласки,—машинально цѣловала ея руку... Уже теперь я не могу... полюбить ее вновь. Слишкомъ много вынесено, слишкомъ часто ко мнѣ были жестоки; передъ тою же матерью, которая, поддавшись минутному настроенію, обнимала и цѣловала меня,—мнѣ приходилось плакать мучительными слезами горя, и въ отвѣтъ встрѣчала я злую, холодную насмѣшку. Миновало теперь это время, мнѣ уже не больно, слезъ больше нѣтъ,—но зато и рука моя не поднялась обнять маму... Я вѣжливо поблагодарила ее за подарокъ и поздравленіе, почтительно цѣловала ея руку,—я

была искренна, какъ всегда; языкъ не повернулся сказать тѣ слова, которыхъ не было на сердцѣ.

Не передать словами мое состояніе духа весь этотъ день! Это было даже не радость. Нѣтъ, это было глубокое чувство внутренняго освобожденія, которое переломило меня до такой степени, что на душѣ не оставалось мѣста ни для чего другого. Точно грубый покровъ разрывался во мнѣ—и нѣжная ткань души просила жизни. Я чувствовала, что стою на рубежѣ прежней и предстоящей новой жизни—и не могу еще осмотрѣться сразу; и почти не могла дышать—въ груди было тѣсно, воздуха не хватало... Хотѣлось остаться только наединѣ съ собой...

И мнѣ было тяжело принимать участіе въ общемъ весельѣ, я не могла разговаривать, вся поглощенная одною мыслью: что будетъ завтра и потомъ?...

Я не имѣю понятія о томъ, какъ освобождаютъ отъ попечительства по достиженіи совершеннолѣтія, какія нужны для этого формальности, когда будетъ раздѣль. Мое положеніе остается все еще очень неопредѣленнымъ, потому что я должна ожидать стъ мамы всего. Но завтра къ секретарю Сиротскаго суда уже явится «совершеннолѣтняя наслѣдница»,—какъ значитъ въ бумагахъ.

Вчера я была за всеюнощной и молилась такъ, какъ рѣдко приходится: безъ словъ, даже мысленно не высказывая ничего, я стояла передъ иконой и грустно смотрѣла на нее... И чѣмъ больше я молилась—тѣмъ сильнѣе становилась увѣренность, что все кончится хорошо, что я поступлю, что меня непременно примутъ.

ДНЕВНИКЪ
НА ВЫСШИХЪ ЖЕНСКИХЪ КУРСАХЪ
1895—1899.

«Я увѣрена, что въ будущемъ въ Россіи роль женщины будетъ интересна: въ странѣ утвердится мысль о высшемъ женскомъ образованіи, и явится цѣлый рядъ женщинъ, способныхъ къ участию въ управленіи странюю. Что тогда придется дѣлать съ ними, если въ Россіи будетъ введена конституція, и если мы будемъ вновь унижены отнятіемъ у насъ этого драгоцѣннаго права, — неужели мы сдадимся безъ борьбы?»

Нѣтъ! нѣтъ, товарищи! Если мнѣ жизнь поставитъ veto на работу,—то пусть останется этотъ дневникъ и послужитъ памятникомъ моего самосознанія».

(«Дневникъ», 22 сентября 1899 г.).

1897 г.

1895 годъ.

С.-Петербургъ, 22 августа. Я пишу въ небольшой комнатѣ, которую мы съ сестрой наняли въ какихъ-то номерахъ сегодня утромъ, прѣхавъ съ вокзала Николаевской жел. дороги.

Третьяго дня, возвращаясь домой, я увидѣла сестру, бѣжавшую ко мнѣ навстрѣчу: — «Лиза, иди домой скорѣе, пришла бумага съ курсовъ!» — Ты видѣла конвертъ? — спросила я. — «Да, пакетъ большой». — Ну, значить, бумаги возвращены, меня не приняли—сказала я и хотѣла бѣжать поскорѣе, но ноги не слушались и подкашивались.

Я вошла прямо въ залу, въ комнату мамы; толстый пакетъ лежалъ на столѣ.—«Что это тебѣ прислали?»—спросила мама. Я ничего не отвѣтила и, взявъ пакетъ, побѣжала къ себѣ въ комнату; заперлась...

Руки у меня опустились, я сѣла въ кресло... Не надо было и вскрывать конверта, чтобы убѣдиться въ его содержимомъ. Машинально разорвала я его, — мой дипломъ и другіе документы упали ко мнѣ на колѣни; выпала и маленькая бумажка, которой извѣщали меня, что я не принята на курсы «за неразрѣшеніемъ моей матери». Я сидѣла неподвижно. Ударъ грома, молнія, упавшая у моихъ ногъ, не могли бы теперь заставить меня пошевелинуться.

Я встала, легла на постель... Мнѣ вдругъ показалось, что въ комнатѣ стало ужасно тихо: слышно, какъ муха пролетитъ. Я чувствовала, что глаза мои влажны, но слезъ не было... Я лежала неподвижно, точно меня придавили свинцомъ, точно меня кто сильно ударилъ... Что-жъ теперь? Ъхать за границу, ѡхать въ Петербургъ?..

А сестры наверху съ тревогой ожидали меня.

Сколько прошло времени—не знаю, но я все-таки встала, пошла къ нимъ и молча подала имъ бумажку. Тѣ прочли и молча опустили головы. Я начала говорить, что сейчасъ пойду

къ матери въ послѣдній разъ просить ея согласія и сказать ей, что я ѣду въ Петербургъ. Какъ ни старалась я быть спокойной, но голосъ мой дрожалъ и прерывался. — Если она не дастъ согласія, то я поѣду за границу; тогда... только вы не говорите, что я васъ бросила,—не выдержала я и закрыла лицо руками.— «Лиза, полно, не плачь», — успокаивали меня сестры. — Нѣтъ, Валя, вѣдь ты еще не замужемъ, а мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты вышла при мнѣ. Тогда я могла бы быть спокойна за тебя и за Надю, — сквозь слезы сказала я. — «Ну, не волнуйся: о насъ нечего беспокоиться; надо думать о тебѣ» — утѣшали меня сестры.

Времени терять было нельзя, я пошла къ матери; но развѣ когда-нибудь ея желѣзная воля могла быть сломлена? Холодный отрицательный отвѣтъ; ироническое: «поѣзжай, куда ни сунься, безъ согласія матери тебя не примутъ»... Оставалось рѣшить, когда ѣхать въ Петербургъ. Рѣшила завтра. Весь вечеръ пролежала у себя въ комнатѣ въ какомъ-то полусонномъ состояннн и не могла ни двигаться, ни говорить.

Но вечеромъ, часовъ въ 9, за полчаса до отхода парохода, я вдругъ рѣшила ѣхать, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. У мамы въ это время сидѣлъ чиновникъ изъ Сиротскаго суда; дѣти убѣждали играть. Мы были втроемъ на антресоляхъ. Минута была самая благопріятная.—Надя, я ѣду!—сказала я сестрѣ;—одѣвайся. Наши сборы были недолги. Потихоньку спустились мы съ лѣстницы, чтобы незамѣтно уйти чернымъ ходомъ. Но въ корридорѣ насъ ждала горничная: мама, очевидно, подозрѣвала что-то и велѣла ей сидѣть внизу у лѣстницы. — «Пожалуйте къ мамашѣ»,—сказала мнѣ моя дуэнья. Я быстро и рѣшительно вошла въ залу. Мама сидѣла съ чиновникомъ. По моему дорожному костюму она сразу поняла въ чемъ дѣло. — «Куда ты ѣдешь?»—Въ Петербургъ,—твердо отвѣчала я, сама удивляясь странной звучности своего голоса. — «Какъ, и не простившись со мной?»—продолжала мама тѣмъ же удивленнымъ тономъ. Я отлично видѣла притворство и ничего не отвѣчала.—«Зачѣмъ ты ѣдешь?»—продолжала мама, какъ будто нарочно разговаривая при постороннемъ о семейномъ дѣлѣ.—Мнѣ пора...—сказала я и повернулась, чтобы выйти. — «Какъ ты можешь... безъ спросу»...—слышала я вслѣдъ... и все это не скрывая, при постороннемъ... О-о! если-бъ этотъ звукъ могъ выразить стонъ души человѣческой, который былъ готовъ вырваться у меня, когда я вышла изъ залы.

Надо было торопиться. Быстро сбѣжали мы по черному ходу внизъ, мимо изумленныхъ горничныхъ; пробѣжали по двору.

Луна ярко свѣтила. Мы не шли, а бѣжали по улицѣ, торопясь нанять извозчика. Наконецъ, черезъ полчаса, мы были на пристани; нѣсколько минутъ спустя были уже на пароходѣ и ѣхали въ Рыбинскъ.

Никогда не забуду я этой ясной, холодной августовской ночи. Мы ѣхали болѣе сутокъ... дорога длинная, скучная... Я старалась спать какъ можно больше. Иногда только въ головѣ проносились какіе-то обрывки мыслей: «вотъ пріѣду въ Петербургъ, поговорю съ директоромъ... почему онъ въ мартѣ позволилъ мнѣ подать прошеніе, а затѣмъ вдругъ отказалъ въ приѣмѣ за неразрѣшеніемъ матери? Какъ онъ узналъ, что у меня есть мать? Если ничего не удастся, выправлю себѣ заграничный паспортъ»...

...Сюда мы пріѣхали вчера утромъ. Я не обратила ни малѣйшаго вниманія на столицу, которую видѣла въ первый разъ въ жизни. Прямо изъ номера я поѣхала въ Исаакіевскій соборъ; что-то подсказывало мнѣ: поѣзжай сначала туда, иначе ничего не выйдетъ. Я быстро вошла въ соборъ, упала на колѣни въ темномъ углу и пробормотала горячую, безсвязную молитву; потомъ бросилась на первую попавшуюся конку... Съ непривычки мнѣ было очень неловко пересаживаться съ одной конки на другую; наконецъ, сойдя со второй, съ помощью какого-то добраго человѣка, я пошла на 10-ую линію, д. № 3. Два швейцара въ ливреяхъ стояли у крыльца. Я поднялась по каменной лѣстницѣ въ большую прихожую. Въ домѣ шла передѣлка; всюду виднѣлись столы, вещи, вынесенныя изъ другихъ комнатъ, стояли ведра съ краской и валялись кисти.

Я спросила, можно-ли видѣть директора. — «Онъ только что уѣхалъ — отвѣтилъ швейцаръ — пожалуйста въ канцелярію къ его секретарю». Нечего было дѣлать; надо было хоть что-нибудь узнать, и я отправилась въ канцелярію. Молодой человѣкъ сидѣлъ у письменнаго стола и писалъ. Онъ весело и любезно освѣдомился, кто я такая, и узнавъ, какъ меня зовутъ, воскликнулъ: — «А, это вы! Знаете-ли, у насъ изъ-за васъ возникло цѣлое дѣло!» Я съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него. — «Дѣло въ томъ, что вы были приняты»... — Позвольте, какъ же это? — прервала я его: — 20 числа я получила бумагу съ отказомъ. — «Вотъ именно. А между тѣмъ вы были приняты, и вамъ послана повѣстка 9 августа. Но мы получили письмо отъ вашей матери: она перехватила эту повѣстку и написала намъ, чтобы директоръ не принималъ васъ, потому что она, вслѣдствіе разныхъ домашнихъ обстоятельствъ, запрещаетъ вамъ поступать на

курсы. Тогда мы выслали вамъ бумаги обратно, съ отказомъ». Я слушала молча... мнѣ нужно было сохранить приличное спокойствіе, надо было собрать всю силу воли, чтобы на лицѣ не было замѣтно того, что происходило у меня на душѣ. А между тѣмъ... о, Боже мой! Страшное негодованіе на низкій поступокъ матери, на ея безсердечіе, казалось, лишило меня способности соображать и думать. А-а! Такъ вотъ какъ! Да! вѣдь это ея манера дѣйствовать изъ-за угла, потихоньку наносить ударъ тогда, когда его меньше всего ожидаютъ. Ну, что же? Хотя я знаю свою мать настолько, что долъжна была ожидать и этого—но все-таки такой ударъ былъ неожиданъ...

— «Вы могли бы указать въ прошеніи другой адресъ»,—сказалъ мнѣ секретарь. — Вотъ этого я не догадалась. — «Но вѣдь вы совершеннолѣтняя?»—Да, какъ видите, Сиротскій судъ мнѣ уже выдалъ свидѣтельство о безбѣдномъ существованіи.—«Эхъ, дѣло-то какое! Вѣдь у васъ серебрянная медаль, помилуйте! вы были приняты... Сегодня еще здѣсь былъ о васъ разговоръ съ директоромъ. Васъ, пожалуй, придется принять... вотъ только вы переговорите съ директоромъ. Право, такой исключительный случай. Съ одной стороны—письмо вашей матери, съ другой—всѣ права на поступленіе»... — Скажите, можно сегодня видѣть директора? — спросила я.—«Въ виду такихъ исключительныхъ обстоятельствъ, какъ ваши, вы, какъ пріѣзжая, можете явиться къ нему на квартиру, и онъ васъ приметъ. Онъ теперь остановился у брата—Невскій, 163... Вы можете застать его дома часовъ въ пять».—Благодарю васъ.—«Не стоитъ, объяснитесь съ директоромъ. Да, вышло цѣлое дѣло»... весело повторялъ секретарь, видимо довольный тѣмъ, что у нихъ на курсахъ вышло «цѣлое дѣло».

Я поѣхала домой. Мнѣ вдругъ показалось очень интереснымъ ѣхать по петербургскимъ улицамъ и смотрѣть на все, что попадалось на пути. Я пріѣхала въ свой номеръ въ самомъ оживленномъ, приподнятомъ настроеніи и, наскоро пообѣдавъ въ какой-то кухмистерской, отправилась къ директору. Найти его квартиру было вовсе не трудно. Директоръ обѣдалъ, но все-таки вышелъ ко мнѣ. Это былъ господинъ среднихъ лѣтъ, брюнетъ, съ просѣдью; круглое лицо, прямой проборъ на головѣ, ласковые темные глаза и модная бородка клиномъ. Узнавъ мою фамилію, онъ слово въ слово повторилъ рассказъ секретаря и, сказавъ то же—«такой рѣдкій, исключительный случай»—велѣлъ мнѣ на другой день явиться на курсы къ 12-ти часамъ. Было только 6 час. вечера, когда я вышла отъ директора. Что было

дѣлать цѣлый вечеръ? Я пошла по Невскому... Какое мнѣ было дѣло до этой толпы, непрерывно мелькавшей у меня передъ глазами?..

На другой день, съѣздивъ съ сестрой въ Петропавловскій соборъ, я пріѣхала на курсы. Цѣлый часъ пришлось дожидаться директора: онъ ѣздилъ съ докладомъ къ министру. Двери канцеляріи постоянно отворялись, являлись барышни съ неизмѣннымъ вопросомъ:—«Позвольте узнать, принята я или нѣтъ?»—и секретарь то отвѣчалъ утвердительно, и тогда барышни уходили веселыя и довольныя, то отрицательно,—тогда слѣдовалъ печальный вопросъ—почему же? Одной при мнѣ возвратили документы, другой, замужней, директоръ отказалъ потому, что мужъ ея не имѣлъ служебнаго положенія въ Петербургѣ..

Наконецъ директоръ сказалъ мнѣ:—«Пожалуйте. Все, что я могу для васъ сдѣлать—посоветовать обратиться къ попечителю округа съ прошеніемъ, въ которомъ вы изложите всѣ обстоятельства дѣла. Онъ человѣкъ добрый, быть можетъ, онъ и сдѣлаетъ для васъ что-нибудь». Онъ далъ мнѣ адресъ М. Н. Капустина и сказалъ, что я могу его застать дома въ три часа. Придя въ номеръ, я написала прошеніе и поѣхала. Извозчикъ попался довольно безтолковый, онъ не могъ найти квартиры по данному адресу; пришлось справляться въ участкѣ, и городской проводилъ меня и сестру до дверей квартиры.

Намъ отворилъ лакей чрезвычайно добродушнаго вида. Первымъ его словомъ было:—«сегодня его превосходительство не приказывали никого принимать».—Мнѣ невозможно ждать!—воскликнула я.—Я пріѣзжая, мнѣ каждый часъ дорогъ, и я не могу ждать до завтра.—Добродушный человѣкъ сразу вошелъ въ мое положеніе и рѣшилъ принять меня на свой рискъ, въ виду того, что я пріѣзжая. Попечитель долженъ былъ пріѣхать не ранѣе 4-хъ часовъ. Мы погуляли въ Лѣтнемъ саду, и въ 4 часа я пришла опять. Дверь была отворена; лакей сбѣгалъ наверхъ и черезъ минуту сказалъ:—«Пожалуйте! Его превосходительство очень занятъ: у него инспекторъ и еще кто-то»..

Я вошла въ небольшую гостиную; лакей понесъ мое прошеніе въ кабинетъ, откуда слышались голоса. Мое прошеніе прочитали вслухъ, и не успѣла я поднять глазъ, какъ высокій и худой старикъ очутился предо мною. —«Видите-ли, сударыня, дѣло такого рода... я ничего не могу сдѣлать. Хотя вы и совершеннолѣтняя, но послушаніе родителямъ тоже дѣло необходимое. Все, что я могу для васъ сдѣлать—написать вашей матери письмо, уговорить ее позволить вамъ учиться. Можетъ быть,

она и послушаетъ меня, старика». И прежде чѣмъ я успѣла что-нибудь сказать, онъ усѣлся за столъ и велѣлъ мнѣ сказать адресъ. Крайне неловко было прервать его, пока онъ записывалъ, а между тѣмъ я знала, что его превосходительство дѣлаетъ совершенно бесполезную попытку. Онъ записалъ адресъ. — «Ну вотъ, теперь я напишу вашей матушкѣ, а вы подождете здѣсь отвѣта. До понедѣльника».—Ваше превосходительство, я не могу жить здѣсь такъ долго; къ тому же это все-равно бесполезно: въ силу разъ установившихся предрасудковъ, она не сдастся ни на чьи просьбы...—«Гм... Но все-таки я напишу, а она пусть отвѣтитъ мнѣ телеграммой. Надо ждать до субботы».—Ваше превосходительство, все-равно это бесполезно. Если вы не примете меня здѣсь—я уѣду въ Швейцарію, мнѣ ничего болѣе не осталось,—говорила я, и голосъ мой зазвенѣлъ, въ немъ слышалась энергія отчаянія: я чувствовала въ себѣ силу, защищая свое право.—«О, какая же вы самостоятельная!»—удивился попечитель.—«Позвольте, вдругъ вспомнилъ онъ. Знаете-ли, что и въ медицинскій институтъ должны поступать съ позволенія родителей; я сейчасъ покажу вамъ правила».—Неправда, ваше превосходительство,—достигшія 21-го года принимаются безъ позволенія родителей—быстро отвѣтила я, совсѣмъ забывъ, съ кѣмъ я говорю.—«Не можетъ быть, я покажу вамъ правила». Онъ вошелъ въ кабинетъ и вынесъ оттуда книжку. Въ дверяхъ стояли три господина въ синихъ фракахъ, которые вышли изъ кабинета и молча смотрѣли на эту сцену. Его превосходительство быстро прочелъ § и вдругъ запнулся: «лица, не достигшія 21 года, должны предъявлять позволеніе родителей.—Гм... вы правы... да... до 21 года... Такой рѣдкій, исключительный случай»... Онъ былъ озадаченъ и, очевидно, самъ растерялся, не зная, что со мною дѣлать.

Онъ усадилъ меня у окна въ кресло; самъ сѣлъ напротивъ.—«Разскажите мнѣ, кто вы такая?» Въ краткихъ словахъ разсказала я ему о моей семьѣ. Онъ удивился:—«Да откуда же вы такая самостоятельная?»—У меня есть средства послѣ отца и поэтому я поѣду за границу, если меня здѣсь не примутъ.—«Извините, но который вамъ годъ?»—15 августа мнѣ исполнится 21 годъ.—«Скажите! Каково нынѣшнее молодое поколѣніе.—обратился попечитель къ господамъ, неподвижно стоявшимъ все время у дверей.—Такъ и рвется къ образованію! Намъ, старикамъ, стыдно. Ну, хорошо; я поговорю о васъ съ министромъ; приходите завтра, постараюсь сдѣлать, что могу»... — добродушно проговорилъ попечитель, ласково беря меня за руку.—

Ваше превосходительство!.. Я не могла сказать болѣе ни слова, и слезы такъ и хлынули изъ глазъ.—«Ну, ну, успокойтесь, приходите завтра»,—проговорилъ онъ, провожая меня въ переднюю.

Дошло до министра! Что можетъ выйти? Дальше итти некуда, надо возвращаться обратно... Но я все-таки не оставляю этого дѣла: если сейчасъ получу отказъ, если мое право на продолженіе образованія не будетъ признано... тогда я прямо отъ Капустина ѣду въ редакцію газеты «Новое Время» и рассказываю тамъ все... Пусть эта исторія будетъ предана гласности; я обращаюсь къ общественному мнѣнію, къ мнѣнію печати, которая, конечно, должна обратить вниманіе на возможное повтореніе такихъ случаевъ и на отношеніе къ нимъ «власть имѣющихъ». Пусть потомъ дѣлаютъ, что хотятъ, я буду уже за границей.

24 августа. Сажу въ Лѣтнемъ саду и пишу. Сейчасъ надо итти къ попечителю. Но мнѣ уже все безразлично... Я такъ утомлена этими мытарствами, что мнѣ совершенно все-равно, каковъ бы ни былъ отвѣтъ попечителя. Надо собираться ѣхать въ Швейцарію, и я уже думаю о томъ, гдѣ и какъ достать заграничный паспортъ.

24 августа. Вечеромъ. Я принята! О, наконецъ-то, наконецъ я добралась до пристани. Курсы для меня—пристань, съ которой я отправляюсь «въ плаваніе по волнамъ моря житейскаго». Когда сегодня я шла къ попечителю—странное дѣло: несмотря на то, что я уже ни на что не надѣялась, я думала: неужели мое случайное знакомство съ Э—тейномъ, потомъ съ одною изъ слушательницъ курсовъ и моя переписка съ нею—неужели и это было напрасно? Тогда, зимой, я сочла это за добрый знакъ, а теперь? Казалось невѣроятнымъ, чтобы это было напрасно. Все это явилось такъ случайно, и именно въ послѣдній годъ, когда мнѣ было особенно нужно. И еще: я замѣтила, что мнѣ ничего въ жизни не дается сразу, а непременно пройдя черезъ нѣсколько препятствій, даже до смѣшного: несмотря на точный адресъ М. Н. Капустина, я и то не могла сразу найти его квартиру...

Размышляя такимъ образомъ, я незамѣтно дошла до квартиры. Попечитель былъ занятъ: въ его кабинетѣ слышался женскій голосъ. Я ждала, стоя у стѣны въ гостиной. Черезъ нѣсколько минутъ нарядная дама промелькнула мимо меня въ прихожую, попечитель вышелъ вслѣдъ за ней въ гостиную.—«А-а, это вы? пожалуйста сюда»,—проговорилъ онъ, уходя въ кабинетъ.

Я вошла вслѣдъ за нимъ въ большую свѣтлую комнату; по-среди́нѣ ея стоялъ письменный столъ, напротивъ него большая, занимавшая почти всю стѣну, горка съ книгами. По стѣнамъ висѣло нѣсколько портретовъ въ золоченыхъ рамахъ; между ними, напротивъ дверей, портретъ самого попечителя въ полной парадной формѣ. На этотъ разъ онъ былъ во фракъ съ звѣздами, но безъ лентъ. Взявъ длинную трубку, онъ усѣлся на софу у дверей и усадилъ меня напротивъ.—«Ну-съ, вы меня извините, что я закурю трубку, вѣдь я человѣкъ старый»,—и онъ спокойно развалился на креслѣ.—«А я, знаете-ли, все-таки написалъ письмо вашей матушкѣ; быть можетъ, она послушается меня, старика». Я невольно подумала: экій упрямый старичекъ, сдѣлалъ-таки по-своему, вѣдь я уже вчера говорила ему, что это бесполезно.—Ваше превосходительство, вѣдь это же напрасно: чѣмъ выше лицо, которое къ ней обращается, тѣмъ болѣе удовольствіе для нея отказать.—«Ну, знаете-ли, я все-таки написалъ. А если она не согласится, я васъ приму»—какъ-то мелькомъ сказалъ онъ, переходя къ письменному столу.—«Присядьте». Я сѣла въ почтительномъ разстояніи.—«Не здѣсь, не здѣсь, я вѣдь глухъ, садитесь сюда, къ столу». Я сѣла. Его превосходительство взявъ мое прошеніе и началъ что-то писать на немъ.—«Ну, скажите, почему же вы увѣрены, что она не согласится и послѣ моего письма?»—Ваше превосходительство, я отвѣчу откровенно, чтобы дать вамъ вполнѣ ясное понятіе о томъ, какъ у насъ смотрятъ на курсы. Когда я просила свою мать дать согласіе, она сказала мнѣ: будь дѣвицей... извѣстнаго поведенія—сказала я, постѣснявшись употребить подлинное ея выраженіе...—Какъ видите, при такомъ предубѣжденіи трудно итти противъ; и притомъ, по мнѣнію моей матери, разъ я имѣю средства, я не должна учиться, а сидѣть дома и ждать жениховъ.—«Ну, замужъ вы всегда успѣете выйти, вы еще молоды. Вы можете на этотъ счетъ успокоить вашу матушку».—Да, но въ нашемъ сословіи интеллигентный человѣкъ или служащій не считается женихомъ, если не имѣетъ своего состоянія.—«Но я все-таки скажу вамъ, что мы очень обязаны нашимъ родителямъ, что они—неоплатный долгъ. И ваша мать, когда вы были ребенкомъ, много дѣлала для васъ; и теперь, быть можетъ, еще дѣлаетъ. Вы будьте къ ней почтительны. Скажите, въ какихъ отношеніяхъ вы съ ней находитесь?» Этотъ неожиданный вопросъ смутилъ меня.—Какъ вамъ сказать, ваше превосходительство, я не знаю...—«Ну, вотъ видите, сами не знаете. А вы должны быть все-таки почтительны, не раздражайтесь ея сопротивленіемъ. Вы, такъ сказать, не

будируйте противъ вашей матушки». — Я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, ваше превосходительство. — «Ну вотъ. Постарайтесь. А я вамъ скажу, что ваше желаніе учиться мнѣ очень симпатично. Я попечитель округа, и очень радъ видѣть стремленіе молодежи къ образованію. Это очень, очень симпатичное желаніе». Онъ всталъ и подалъ мнѣ мое прошеніе, на которомъ во время нашего разговора не переставалъ писать что-то. — «Вотъ ваше прошеніе, можете передать директору». Я удивилась, развернула бумагу, тамъ было написано: «Г-ну Директору Высшихъ Женскихъ Курсовъ. Съ согласія его сіятельства, господина министра, разрѣшаю принять въ число слушательницъ, съ помѣщеніемъ въ интернатъ». — Такъ меня примутъ? — радостно воскликнула я. — «Да, да, ваше желаніе мнѣ очень симпатично». — О, ваше превосходительство, какъ я вамъ благодарна! — сказала я, и слезы невольно показались на глазахъ. — Боже мой! Какъ я вамъ благодарна! Но (я вспомнила характеръ моей мамы) извините... если моя мать напишетъ вамъ рѣзкое письмо... вы не разсердитесь на меня и не велите исключить? — взволнованно заговорила я. — «Ну мало-ли я получалъ въ жизни рѣзкихъ писемъ», — спокойно и добродушно отвѣтилъ прекрасный старикъ. — «Не беспокойтесь, конечно, васъ не исключать». Говоря это, онъ двигался взадъ и впередъ по комнатѣ и разбирался на столѣ, не глядя на меня, стараясь не замѣчать выраженій благодарности, точно онъ не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь зналъ о томъ, что онъ поступилъ хорошо. Онъ подалъ мнѣ руку и прервалъ меня: — «Теперь, когда вы приняты, вы должны поддерживать репутацію курсовъ». — Я буду подчиняться всѣмъ правиламъ, ваше превосходительство. — «Вотъ именно; политикой не занимайтесь и вообще ведите себя такъ, чтобы не уронить достоинства курсовъ». — Я буду считать за честь учиться на нихъ, — сказала я, стоя уже въ передней. — «Да, именно, считайте за честь; слѣдуйте моимъ совѣтамъ» — быстро кончалъ нашъ разговоръ попечитель, хотя давно уже простился со мною.

Взволнованная вышла я на улицу; въ прихожей дожидалась меня Надя и тамъ, слыша, что я плачу, и вообразивъ, что меня не приняли, и сама заплакала. Но одного взгляда на мое лицо достаточно было, чтобы убѣдиться въ противномъ.

Сегодня въ 12 часовъ я пришла къ директору и молча подала ему конвертъ съ прошеніемъ попечителя и остальными документами, которые были мнѣ возвращены. Онъ любезно поздравилъ меня съ поступленіемъ. — «Но все-таки вы постарайтесь убѣдить вашу мать; это во всякомъ случаѣ неприятно; вы

будьте къ ней почтительны». Я обѣщала директору исполнить все. Сегодня выѣхала съ сестрою въ Москву.

Интернатъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ, 8 сентября. Вотъ я и здѣсь. Сидя спокойно за высокими казенными стѣнами, беру моего молчаливаго друга и опять начинаю по-старому бесѣдовать съ нимъ. Съ чего же начать? Столько разныхъ впечатлѣній, все такъ не похоже на прежнюю мою жизнь.

Вся недѣля отъ моего пріѣзда въ Ярославль и до отъѣзда въ Петербургъ прошла въ приготовленіяхъ къ отъѣзду; только здѣсь я почувствовала, какъ я устала... Мнѣ необходимо было спокойствіе, безконечное спокойствіе. Мнѣ хотѣлось какъ можно долѣе сохранить его, и я ни о чемъ не говорила мамѣ, такъ что она была увѣрена, что всякія хлопоты были бесполезны. Должно быть, я очень измѣнилась за эти дни: хотя и ничего не говорила, но мое блѣдное лицо выдавало меня и вызывало удивленіе родныхъ и знакомыхъ. За день до отъѣзда я вошла въ комнату мамы, чтобы въ послѣдній разъ говорить съ ней. Вышла сцена: слезы, крики, упреки, брань. Я все время молчала. На другой день надо было ѣхать. Вечеромъ меня позвали прощаться въ первый разъ; мама выбрала меня и выгнала изъ комнаты. Черезъ часъ потребовала опять къ себѣ; я пришла, мама сухо протянула мнѣ руку для поцѣлуя, не сказавъ ни слова. Я уже совсѣмъ одѣлась ѣхать на вокзалъ; горничная пришла въ третій разъ:—«пожалуйста опять къ мамашѣ». Я вошла въ спальню; мама, уже собиравшаяся ложиться спать, съ распущенными волосами, съ плачемъ обняла меня:—«Прощай, прощай, ты уѣзжаешь, мы съ тобой болѣе не увидимся, прощай!»—Полно, мама, напрасно ты думаешь, что мы больше не увидимся: я пріѣду на Рождество.—«Нѣтъ, прощай, прощай, прощай! Ты бросаешь мать, Богъ съ тобою!»

Все это казалось мнѣ сценой. Должно быть, я уже отъ всего пережитаго напряженія такъ устала, что была неспособна чувствовать что-либо, и отнеслась ко всему спокойно. Мама поступала, какъ поступаютъ всѣ нервныя люди, и эти быстрые переходы вовсе не имѣли глубины чувства... Но разстаться съ сестрами было не легко. Меня провожали всѣ—и онѣ и братья. Милые! такъ хотѣла бы я видѣть ихъ всѣхъ теперь возлѣ себя.

Я пріѣхала въ Москву къ тетѣ. Эта, въ сущности, добрая и любящая женщина, встрѣтила меня по наружности холодно:—«Ты все-таки уѣзжаешь?» Но по добротѣ своей она не могла не пожалѣть меня:—«На что ты рѣшаешься? что ты дѣлаешь?»

Подожди, заведешь ты тамъ разныя знакомства и непременно, даже противъ воли, впутаешься въ какую-нибудь исторію. Знаемъ мы этихъ студентовъ, и поэтому мнѣ очень, очень жаль тебя, что ты рѣшаешься такъ огорчить свою мать и ѣхать въ Петербургъ». Скромно опустивъ глаза, слушала я эти рѣчи. Мнѣ было и смѣшно и жалко, и я не возражала теткѣ; да и бесполезно было бы возражать: надо доказывать своимъ примѣромъ, а не словомъ несправедливость ихъ воззрѣній.

4-го я пріѣхала сюда. Днемъ былъ молебень; пріѣхалъ и М. Н. Капустинъ и нѣкоторые изъ профессоровъ. Мы все подходили къ кресту мимо директора и попечителя. Я стояла одна въ этой шумной толпѣ. Ни души знакомой кругомъ. Я перекинулась двумя-тремя словами съ нѣкоторыми изъ слушательницъ; у всѣхъ ихъ были свои землячки, только что пріѣхавшія, или знакомыя, у меня не было никого.

Въ интернатѣ былъ страшный беспорядокъ: всеѣмъ не ожидали громаднаго наплыва слушательницъ, и комнаты были еще не готовы; но и готовыя предназначались не для слушательницъ перваго курса, а для втораго: имъ, какъ жившимъ въ старомъ интернатѣ, отдавалось предпочтеніе передъ новичками. Онѣ еще не сѣзжались, и вотъ временно насъ помѣстили въ эти комнаты.

Весь день прошелъ какъ-то безтолково. Невозможно было вынуть свои вещи и разобраться, если помѣщеніе это было временное. Книги мои были уложены и заперты, достать ихъ было нельзя,—что хочешь, то и дѣлай въ четырехъ стѣнахъ. Я отправилась осматривать свое помѣщеніе. Интернатъ представляетъ собою большую гостиницу, устроенную просто и удобно, по всеѣмъ правиламъ гигіены; вездѣ чистота; нарядныя горничныя снуютъ по корридору. Всеѣмъ пріѣзжимъ было предложено жить у родственниковъ и знакомыхъ, буде они найдутся, нѣсколько времени, за недостаткомъ помѣщенія въ интернатѣ. Такъ какъ у меня никого не было, то меня и помѣстили временно; это не всеѣмъ-то рекомендовало дѣятельность комитета, хотя они и оправдывались «неожиданнымъ наплывомъ», что было довольно наивно съ ихъ стороны; мы должны были подвергнуться всеѣмъ прелестямъ неудобствъ неустроенныхъ помѣщеній. Первую ночь я провела въ сырой и нетопленной комнатѣ; было страшно холодно.

На другой день начались лекціи, т. е., собственно говоря, была читана одна по русской исторіи. Я вошла въ аудиторію съ чувствомъ какого-то ожиданія, свободно, безъ всякаго благоговѣнія, но отнеслась ко всему съ спокойнымъ интересомъ. Я

усѣлась на скамѣ выше; шумъ и крикъ стояли въ аудиторіи. Вдругъ все стихло. На кафедрѣ вошелъ профессоръ русской исторіи С. Середонинъ. Это еще не старый человѣкъ, очень некрасивый, съ короткими руками и какимъ-то скрипучимъ голосомъ. Онъ прочелъ вступительную рѣчь. Едва онъ началъ говорить—я впилась глазами въ его лицо, ловя каждое слово, и такъ и застыла въ этомъ положеніи до конца лекціи. Предметъ былъ интересенъ, а читалъ онъ плохо; ему сильно мѣшала картавый выговоръ и какой-то страшный звукъ голоса.

Онъ говорилъ о движеніи исторической мысли, начиная съ перваго писаннаго учебника русской исторіи. Тутъ впервые услышала я о «Синописи», трудахъ Татищева... И первая же лекція показала мнѣ мое круглое невѣжество: я ничего не читала по русской исторіи, и поэтому вся лекція для меня была новостью.

Въ этотъ день лекцій больше не было. Я пошла въ бібліотеку, взяла каталогъ и, при видѣ массы книгъ, пришла въ отчаяніе: никогда во всю жизнь не прочтешь и сотой доли всего, что надо бы прочесть, никогда! И я не знала, за что взяться; растерявшись, я начала спрашивать заглавія книгъ—одно другого лучше: увидѣла въ каталогѣ Токвиля—оказалось, не выдаютъ безъ разрѣшенія профессора; я разсердилась и спросила «Жизнь Иисуса Христа» Ренана... Библіотекарша съ удивленіемъ взглянула на меня. Кончилось тѣмъ, что я взяла какое-то сочиненіе Тьерри и, придя къ себѣ въ комнату, въ отчаяніи бросилась на постель. Ничего я не знаю! ничего! и это въ 21 годъ!

9 сентября. Такъ много новаго; такъ много людей; вся обстановка до такой степени непохожа на ту, въ которой я жила не долше, какъ недѣлю-двѣ тому назадъ, что мнѣ кажется, что я попала въ другой міръ. И вотъ я стараюсь изо всѣхъ силъ разобратъ въ этой массѣ новаго, массѣ новыхъ лицъ, которая меня окружаетъ; выбрать изъ небольшой среды тѣхъ, съ которыми познакомилась, наиболѣе интересныхъ, развитыхъ, общество которыхъ было бы и пріятно и полезно... Я разговариваю, иногда даже вступаю въ споръ (впрочемъ, онъ никогда не бываетъ особенно интересенъ или значителенъ), стараясь угадывать людей по мнѣніямъ, которыя они высказываютъ... Иногда это оказывается вовсе не трудно; я сразу опредѣляю человѣка. (Конечно, приблизительно: знать до тонкости—вовсе не каждаго интересно, только нѣкоторые люди заслуживаютъ такого внимательнаго изученія, а масса... зачѣмъ терять время?) Конечно, гимназистки, только-что окончившія курсъ, не могутъ представить никакого

интереса; я стараюсь знакомиться съ такими, которыя уже не первый годъ кончили гимназію.

Правильное чтеніе лекцій еще не началось; и пока есть свободное время, я осматриваюсь и разбираюсь въ людяхъ. Теперь я замѣтила одну особу очень умную, начитанную и развитую, но съ ней трудно сойтись; она хотя слегка и сентиментальна, но не старается знакомиться съ кѣмъ бы то ни было; держится въ сторонѣ и усердно занимается по пособіямъ, указаннымъ профессоромъ. Это—сочиненіе Бестужева-Рюмина: «Русская исторія, т. I, Біографіи и характеристики», статьи Милукова въ «Р. М.» за послѣдніе 2—3 года; Кояловичъ: «Изъ исторіи Русскаго самосознанія». Я тоже занимаюсь по этимъ же пособіямъ, но далеко не такъ, какъ она: она и лучше образована, да и среда была очень благопріятная для ея развитія (она дочь инспектора историко-филологическаго института въ Нѣжинѣ). И поэтому она работаетъ, а я просто занимаюсь, читаю, составляю конспекты. Въ одной изъ этихъ книгъ читаю: «Когда Погодинъ, будучи студентомъ 1-го курса, спросилъ профессора, что читать ему по русской исторіи, тотъ сказалъ: читайте «Нестора». И я, слѣдуя своей несчастной привычкѣ сравненія, сейчасъ же привожу нашъ примѣръ: а мы что читаемъ? Намъ не рекомендовали «Нестора»...

Жизнь въ интернатѣ идетъ пока очень тихо и однообразно; въ 11½ движеніе вездѣ затихаетъ, въ корридорѣ гасятся огни, всѣ, за немногими исключеніями, ложатся спать и встаютъ часовъ въ 8.

Немудрено, что это время, когда и живешь не на своемъ мѣстѣ, и лекцій нѣтъ, да и знакомство пока мало подходящее,—такое время, какъ эта недѣля—право представляетъ картину какого-то броженія. Я вспоминаю о своихъ, и мнѣ дѣлается иногда просто скучно безъ нихъ, и тоска одиночества тяжело ложится на душу. Зато, когда подумаешь о лекціяхъ, взглянешь на расписание, висящее въ корридорѣ, чувствуешь такое ожиданіе: вотъ-вотъ откроются двери куда-то... и передъ нами раскроется новое, невѣдомое... а что именно? что?—и сердце невольно замираетъ, и хочется, чтобы все началось скорѣе.

12 сентября. Сегодня мама прислала свое согласіе, форменное разрѣшеніе на имя директора. Сегодня же я получила отъ сестеръ письмо, въ которомъ онѣ сообщаютъ, почему она согласилась. Оказывается, она все-таки не повѣрила моимъ словамъ, что меня приняли и, пославъ отказъ въ отвѣтъ на письмо попечителя, была увѣрена, что меня не примутъ. Спустя нѣсколько дней она опять

получила отъ Капустина письмо (только теперь случайно узнала я, что онъ рѣшилъ добиться согласія мамы такимъ образомъ: время отъ времени писать ей письма и уговаривать ее, несмотря на ея отрицательные отвѣты), и такъ какъ я еще раньше сказала ей, что въ случаѣ чего—ѣду за границу, то она вдругъ испугалась такой близкой возможности моего отъѣзда, и вотъ, въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, согласіе было написано, подписано и отправлено тогда... когда, въ сущности, уже его и не нужно было. Но все-таки я была рада. И директоръ очень доволенъ. Когда мнѣ рассказали о Капустинѣ, что онъ былъ у насъ на курсахъ, говорилъ съ директоромъ обо мнѣ и рѣшилъ писать мамѣ,—я удивилась благородному характеру и добротѣ этого человѣка. Что я ему? А между тѣмъ, онъ столько для меня сдѣлалъ; онъ человѣкъ занятой, заваленный дѣлами, хотѣлъ писать какой-то неизвѣстной ему дамѣ, мало того, что онъ меня принялъ, онъ, хотѣлъ вполне удовлетворить и нравственное чувство. Стою-ли я всего, что онъ для меня сдѣлалъ? Въ первый разъ въ жизни встрѣчаю я такого человѣка, въ первый разъ и, навѣрно, въ послѣдній. Если для меня сдѣлаетъ что-нибудь человѣкъ, вполне мнѣ равный, я буду ему благодарна; если такой, для котораго я что-нибудь сдѣлала—неудивительно. Но тутъ Капустинъ и я; сравненіе невыносимо. И еще находятся люди, которые утверждаютъ, что благодарность—тяжелое чувство. Я этого не понимаю. Если бы я была обязана человѣку, вполне мнѣ равному, я бы съ нетерпѣніемъ выжидала случая доказать ему свою признательность; теперь—я обязана человѣку, стоящему неизмѣримо выше меня во всѣхъ отношеніяхъ, который никогда не можетъ нуждаться во мнѣ... ну что же остается, какъ не чувствовать благодарность, глубокую, безпредѣльную признательность, почти благоговѣніе? А могутъ развѣ быть тяжелы такія чувства—лучшія движенія души человѣческой?...

Вечеромъ я была у Капустина, благодарила его за участіе. Онъ вышелъ ко мнѣ, поговорилъ немного о письмахъ. — «Ну, вотъ и прекрасно. Все-таки она (т.-е. мама) согласилась; гораздо лучше начинать всякое дѣло съ материнскаго благословенія, съ ея согласія». Онъ спросилъ о лекціяхъ: начались-ли?—«Вѣдь весело, право?»—«Еще бы, ваше превосходительство!»—«Вотъ теперь все хорошо; ну, учитесь. До свиданія». Онъ подалъ мнѣ руку, и я отправилась домой очень довольная, что видѣла почитателя.

16 сентября. Я была въ гостяхъ у одной дамы, съ которой познакомилась, когда ѣхала въ Петербургъ въ первый разъ. У нея дочь очень образованная и интересная особа, курсистка 70-хъ годовъ. Она мнѣ много рассказывала о курсахъ. Оказалось, что много изъ того, что я слыхала въ провинціи и отъ родныхъ и чему не вѣрила, считая это или сплетнями или же пережитками 60-хъ годовъ,—оказалось, что все это имѣетъ свое основаніе. Г-жа Щ. рассказывала мнѣ, какъ у дверей комнаты одной курсистки нашли сундукъ съ извѣстнаго рода бумагами. Сундукъ былъ принесенъ студентомъ. Курсистку, конечно, взяли, но судьба ея неизвѣстна. Рассказъ этотъ меня возмутилъ потому, что такіе господа прежде всего сами спасаются, а невинные изъ-за нихъ страдаютъ. Она мнѣ рассказала и о случаѣ на балу въ пользу недостаточныхъ слушательницъ: какіе-то господа стали говорить рѣчи, а распорядительницу бала потребовали къ градоначальнику. И это меня возмутило: я вообще противъ тѣхъ, которые только говорятъ. А тутъ они, зная прекрасно, что курсы могутъ закрыть изъ-за всякаго пустяка, захотѣли скомпрометировать балъ, который доставляетъ средства нуждающимся!

На-дняхъ, послѣ лекціи, насъ собралось человекъ 10—12, и разговоръ зашелъ о курсовыхъ порядкахъ. Въ большинствѣ было замѣтно недовольное, будирующее настроеніе,—директора бранили, интернатъ тоже. Относясь ко всему хладнокровно, я спросила: за что же, господа, вы недовольны директоромъ? Что онъ вамъ сдѣлалъ? На этотъ вопросъ никто не могъ дать яснаго отвѣта, но недовольны были всѣ изъ-за небольшого беспорядка въ пріемной: не было вывѣшено правилъ, и часы пріема не обозначены, о нихъ заявлялъ устно швейцаръ всѣмъ приходящимъ. Но изъ-за этого еще не стоило волноваться.. Слово-за-слово, мнѣ стали возражать; я хотѣла доказать, что нѣкоторые интернатскіе порядки имѣютъ свое основаніе, и рассказала имъ случай со слушательницей. Это ихъ не убѣдило, и симпатіи оказались на сторонѣ студента. Тогда я увлеклась; говоря противъ такихъ господъ, я сказала, что они больше говорятъ, чѣмъ дѣлаютъ, и... сдуру рассказала имъ и о балѣ. Я вспыхнула, и невольно у меня вырвалось восклицаніе объ этихъ ораторахъ: подлецы, дурачье! сами не знаютъ, что говорятъ, лишь бы только говорить! и о тѣхъ, кому они могутъ повредить своими рѣчами, не думаютъ! Имъ-то хорошо, университетъ не закроютъ, а къ курсамъ-то придерутся изъ-за пустяка. И кромѣ того, они не знаютъ развѣ, что балъ дается съ благотворительною цѣлью?!

Поднялся страшный крикъ; всѣ стали съ мѣстъ и дружно напали на меня. Трудно было разобрать возраженія, но весь этотъ крикъ былъ протестомъ противъ моихъ рѣзкихъ словъ.

— Какъ вы можете такъ говорить! Вы не имѣете права называть такъ лучшихъ людей! Да знаете, если бы вы были студентомъ, и вы бы сказали это, вамъ бы дали пощечину.

— А я бы дала ему двѣ!—рѣзко возразила я.—Чѣмъ это они являются лучшими людьми? Они говорятъ и только говорятъ, и больше ничего!

— Ну и пусть говорятъ! Иной разъ рѣчью больше сдѣлаешь! Пусть даже невинные страдаютъ—въ такомъ дѣлѣ простиительно забыть о другихъ! Вотъ у васъ какія убѣжденія!

— Для чего же вы ѣхали въ Петербургъ? — накинулась на меня одна изъ самыхъ юныхъ курсистокъ. — Вотъ мы ѣхали не только для того, чтобы ходить на лекціи да заниматься наукой, это слишкомъ мало; надо узнавать людей, жизнь, слушать и сходиться съ такими людьми...

— Да, спокойно отвѣтила я И—вой, — я ѣхала въ Петербургъ учиться, заниматься; также и узнавать людей, но не для того, чтобы слушать эти рѣчи,—слегка презрительно dokonчила я.

Опять поднялся шумъ. Вся эта молодежь оказалась такою идеальною, такою вѣрующей въ прекрасныя слова и жаркія рѣчи, что мнѣ оставалось съ честью ретироваться.—«Г-да, очень пріятно видѣть, что вы всѣ такія идеальныя; что вы такъ горячо относитесь ко всему тому, о чемъ я говорила. Но я не гонюся за тѣмъ, чтобы итти впередъ; я скромно пойду позади. Что-жъ дѣлать, вы—идеалистки, я—нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, пріятно видѣть, что вы всѣ въ этомъ отношеніи очень идеальны»...

Всѣ притихли... на мои слова имъ было нечего возражать: я, сразу понявъ ихъ, и чтобы прекратить бесполезный споръ, нарочно повернула разговоръ, какъ будто бы беря всю вину на себя.

Мы разошлись. Но я сдѣлала большую глупость, сразу высказавъ имъ свои убѣжденія именно на этотъ счетъ: лучше бы молчать; впрочемъ, объ этомъ не стоитъ жалѣть. Что за бѣда, если и высказалась? по крайней мѣрѣ пусть знаютъ...

17 сентября. Но зато какъ мнѣ было стыдно сегодня, когда ко мнѣ пришла М. Е., и я рассказала ей объ этомъ эпизодѣ. Тихо, серьезно, безъ всякаго упрека за мою горячность, она объяснила мнѣ, въ чемъ было дѣло,—и на балу и у курсистки. Оказалось, что факты были переданы невѣрно. Никакихъ рѣчей не произно-

силось студентами, а говорили профессора, и полиція встревожилась совершенно напрасно. Курсистка сама взяла сундукъ, и тамъ оказались незначительныя бумаги. Далѣе М. Е. рассказала мнѣ о людяхъ, о которыхъ я знала только по-наслышкѣ и такъ смутно, что совсѣмъ не имѣла понятія о нихъ и ихъ дѣятельности... Эти люди работаютъ на пользу народа, занимаются имъ, развиваютъ его... Они рискуютъ, конечно, всѣмъ, и отдаются этому дѣлу всецѣло, изъ чисто-идеальныхъ стремлений сдѣлать хорошее, доброе дѣло. И на курсахъ находятся сочувствующіе имъ. И вотъ, неожиданно для себя самой, я увидѣла, что всѣ слухи, которые передавались въ провинціи, имѣютъ свое основаніе. И все это оказалось такъ близко здѣсь!

Я молча слушала М. Е. Что мнѣ было сказать? Она сообщила мнѣ столько новаго, что надо было подумать и разобраться въ мысляхъ. Я до такой степени невѣжда во всемъ, что касается современнаго положенія дѣлъ, что страшно было бы мнѣ и пытаться возражать ей на ея мнѣніе, что все это положеніе нужно измѣнить во что бы то ни стало. Но мнѣ кажется, что во всякомъ случаѣ не такъ, какъ хотятъ эти люди. Чего хотятъ они? Возстанія, революціи? Они хотятъ этого для блага народнаго... Но только не надо забывать, что сдвинуть 120-милліонный народъ, да еще такой, какъ нашъ русскій,—надо много силы, энергіи; надо быть или Петромъ Великимъ, или Стенькой Разинымъ. А они хотятъ дѣйствовать постепенно, подготовить почву, просвѣщая народъ... И то благо, что они нашли нужнымъ прежде его просвѣщать, и не задаются безумными мечтаніями дать конституцію безграмотному народу. А задались бы такою цѣлью—было бы хуже. По силамъ ли берутъ они задачу? Когда вспомнишь о 120 милліонахъ, когда вспомнишь, что наша интеллигенція сравнительно съ массою народа—ничтожна и такъ далеко ушла отъ него,—неволью становится сомнительно: можетъ ли что-нибудь сдѣлать горсть людей съ массою?

26 сентября. Наконецъ-то я слышала Гревса—этого любимого профессора нашихъ слушательницъ, котораго ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ, и который, наконецъ, пріѣхалъ и вчера читалъ вступительную лекцію. За полчаса до начала аудиторія уже переполнилась народомъ: всюду, гдѣ только можно было встать и сѣсть, даже на каѳедрѣ, такъ что профессоръ вошелъ, съ трудомъ пробираясь между слушательницами. Онъ среднихъ лѣтъ; худощавый брюнетъ съ длиннымъ и тонкимъ лицомъ, съ темными глазами, очень болѣзненный на видъ. Войдя на ка-

ведру, онъ закашлялся и долго не могъ начать; форточка была отворена—ее затворили; онъ оправился и обратился къ намъ:— «Возвращаясь, послѣ годичнаго перерыва (онъ прожилъ цѣлый годъ за границей) къ обычнымъ занятіямъ въ дорогой для меня средѣ, я обращаюсь съ привѣтствіемъ къ вамъ, съ пожеланіемъ успѣха въ вашихъ занятіяхъ. Но прежде чѣмъ приступить къ чтенію лекцій, мнѣ хотѣлось бы выяснитъ вамъ вашу задачу, которую вы будете выполнять въ общественной дѣятельности или въ семейной обстановкѣ,—вы—интеллигентныя представительницы русскаго общества будущаго 20 столѣтія»...—такими словами началъ И. М. Гревсъ свою прекрасную рѣчь. И онъ выяснилъ намъ эту задачу; запишу приблизительно содержаніе его рѣчи. Роль интеллигентной личности въ обществѣ. Общество, какъ сумма факторовъ интеллигентныхъ, имѣющихъ свое развивающее вліяніе. Интеллигентный человѣкъ для своего развитія долженъ заниматься наукой. Можетъ ли масса дѣйствительно служить обществу, какъ свѣтъ? (сумма интеллигентныхъ факторовъ въ обществѣ — то, что по-франц. наз. свѣточами—*les lumières*). Современный взглядъ на науку Брюнетьера въ «*Revue des Deux Mondes*»: «Банкротство науки»,—который отвергаетъ значеніе наукъ, потому что онѣ не даютъ отвѣта на вопросы филологическіе, о происхожденіи религіи и др.; онъ признаетъ и несостоятельность когда-либо отвѣтить на эти вопросы и за разрѣшеніемъ ихъ совѣтуетъ обратиться къ религіи: мистическое настроеніе общества. Два теченія въ современномъ взглядѣ на науку: отрицаніе умственнаго труда (Левъ Толстой: сказка о трудѣ головою) и экономической матеріализмъ въ исторіи.

О значеніи идеи въ исторіи и ея призваніе къ работѣ прогресса. Идеиное начало въ исторіи общества. «Будемъ стремиться хорошо мыслить»—вотъ основной принципъ нашей морали, медленный прогрессъ общественнаго строя. Прогрессъ проникаетъ туда, гдѣ съ нимъ соединяется мысль. Надо работать надъ устраненіемъ препятствій для развитія прогресса въ обществѣ; эти препятствія состоятъ въ косности общества, фанатизмъ религіи, деспотизмъ государства. Мысль—руководитель прогресса. Изученіе исторіи. Что нужно знать человѣку? Человѣкъ—существо общественное и религіозное (въ философскомъ смыслѣ слова). Вопросы о сущности міра, безсмертіи души и т. д. Наука безпредѣльна: надо надѣяться, что когда-нибудь она будетъ въ состояніи отвѣтить и на эти вопросы, когда-нибудь она перешагнетъ за предѣлы, которые ей ставятъ теперь, какъ непреодолимыя преграды. То, что древнимъ казалось недоступнымъ въ об-

ласти науки—вполнѣ возможно въ наше время; такъ, надо надѣяться, что всѣ вопросы, кажущіеся неразрѣшимыми теперь, будутъ разрѣшены впоследствии. Могущество мысли и величіе человѣка, какъ мыслящаго существа (изреченіе Паскаля: человекъ, какъ слабый тростникъ: капля воды, порывъ вѣтра могутъ убить его; но, даже умирая, онъ все-таки будетъ царить надъ природой, потому что, умирая, онъ будетъ сознать, что умираетъ). Стремленіе человѣка къ идеалу: zum höchsten Dasein immer nachzustreben. Человѣческій и общественный прогрессъ; чтобы осуществить первый, надо работать для послѣдняго. Свѣтъ нуженъ для прогресса. «Въ наукѣ мы найдемъ общечеловѣческіе и общественные идеалы». Громкіе аплодисменты покрыли послѣднія слова профессора. Онъ поклонился и поскорѣе вышелъ, а то мы, конечно, продолжали бы шумѣть и хлопать.

Я вышла изъ курсовъ и нѣкоторое время шла, ничего не видя передъ собой. Вотъ мы услышали впервые съ каѳедры голосъ не профессора только, но и человѣка, который обращался къ намъ съ тѣми прекрасными словами, услышать которыя мы смутно надѣялись, поступая сюда; самъ выяснилъ намъ нашу задачу жизни, которую большинство изъ насъ еще не ясно видитъ предъ собой... Какой прекрасный человѣкъ! Съ какимъ участіемъ говорилъ онъ съ нами; съ какой готовностью онъ предлагалъ намъ свою помощь—всѣмъ желающимъ заниматься. Онъ не ораторъ, говоритъ очень нервно, по листочкамъ съ замѣтками, перебирая ихъ одинъ за другимъ, иногда заминается, поправляется; но голосъ его звучный, и самая нервность его чтенія придаетъ его рѣчи выразительность. Я была не совсѣмъ согласна съ его мнѣніемъ о томъ, что наука можетъ дать отвѣтъ даже на высшіе запросы человѣческаго духа, но все-таки это была прекрасная рѣчь, такая, съ которой надо было начинать всѣмъ профессорамъ. Такія рѣчи болѣе всего могутъ возбудить въ молодежи всѣ лучшія чувства и мысли, которыя часто спятъ въ ней до тѣхъ поръ, пока ихъ не разбудитъ хорошее слово или дѣло.

28 сентября. Вчера внезапно скончалась Надежда Васильевна Стасова. Она выѣхала изъ дома по дѣламъ нашихъ курсовъ и, поднимаясь по лѣстницѣ къ одной изъ своихъ знакомыхъ, за которой должна была заѣхать,—упала, пораженная ударомъ. Швейцаръ, не зная, кто она и къ кому шла, посадилъ ее на извозчика и отправилъ въ Маріинскую больницу. Знакомая Н. В. дама ждала ее; наконецъ, вышла и спросила у швейцара, не за-

ѣзжала ли за ней дама? Швейцаръ отвѣтилъ, что никто не заѣзжалъ, только съ полчаса тому назадъ онъ поднялъ какую-то даму на лѣстницѣ. Знакомая Н. В. по описанію узнала ее и тотчасъ же поѣхала въ Маріинскую больницу, откуда и дали знать братьямъ покойной. Они ее очень любили и, говорятъ, просто убиты горемъ. Намъ объявилъ о ея смерти директоръ послѣ лекціи логики, на которую собираются всѣ 4 курса словесницъ и еще математички, всего—болѣе 400 человѣкъ. Большинство первокурсницъ, въ особенности пріѣзжихъ, очень мало или совсѣмъ почти не знали Н. В. Стасовой; поэтому рѣчь одной изъ старшихъ слушательницъ о ея жизни и дѣятельности явилась какъ нельзя болѣе кстати.

Директоръ выразилъ скромное желаніе, чтобы мы избрали отъ себя депутатоку для присутствія на похоронахъ; но мы, какъ только онъ ушелъ, рѣшили, что пойдемъ всѣ. Начались приготовленія: пока въ залѣ собрался хоръ пѣвчихъ репетировать панихиду, въ IV аудиторіи считали и собирали деньги на вѣнокъ. Времени было очень немного: скоро лекція Гревса. Онъ пріѣхалъ прямо съ панихиды и сказалъ краткую рѣчь, посвященную памяти покойной, въ которой охарактеризовалъ ея энергичную дѣятельность на пользу высшаго женскаго образованія. Какъ распорядительница Высшихъ Женскихъ Курсовъ, Н. В. въ теченіе 10 лѣтъ ежедневно являлась на курсы въ 10 час. утра и бывала до 4-хъ. Когда курсы были преобразованы, и Н. В. должна была устраниваться отъ роли распорядительницы, она все-таки продолжала дѣятельное участіе, какъ членъ комитета Общества доставленія средствъ В. Ж. Курсамъ. Всегда и вездѣ она проявляла свою необыкновенную дѣятельность и горячее участіе къ слушательницамъ курсовъ, ничто не удерживало ее отъ участія въ общественной дѣятельности, и такъ какъ у нея не было семьи, то она посвящала всю свою жизнь на служеніе дѣлу высшаго женскаго и народнаго образованія (она была одна изъ первыхъ организаторовъ воскресныхъ школъ, которыя возникли въ 60-хъ годахъ). Гревсъ закончилъ свою рѣчь предложеніемъ почтить память покойной вставаніемъ. Только послѣ этого онъ началъ свою лекцію...

•А послѣ началась бѣготня... Насъ собралось человѣкъ 20—30; однѣ сочиняли надпись къ вѣнку, другія записывались и записывали желающихъ дежурить, спорили, кричали, шумѣли. Я записалась на дежурство у гроба. Пришла членъ комитета О. К. Нечаева, предметъ нашей общей симпатіи, и начались разговоры о Стасовой, о ея смерти и т. д. Совсѣмъ усталая за день, я вер-

нулась домой и черезъ часъ отправилась на панихиду, на которой быть все-таки не пришлось: опоздала.

29 сентября. Сегодня была панихида у насъ; пришли члены комитета, профессора. Предсѣдательница комитета Е. І. Лихачева сказала небольшую рѣчь, въ которой опять говорилось то же, что вчера мы слышали отъ Гревса. Я не слыхала среди слушательницъ ни выражений сожалѣнія, ни бесполезныхъ восклицаній. Мы всѣ отнеслись къ этому извѣстію просто и серьезно, тотчасъ же постарались сдѣлать все, чтобы почтить ея память. Эта смерть носитьъ точно какой-то дѣловой отпечатокъ.

Прямо съ панихиды я поѣхала на дежурство. Въ первый разъ въ жизни пришлось исполнять мнѣ эту должность. (Я одѣлась въ черное платье; собрала свои длинные волосы въ косу, подогнула ее и прикрыла чернымъ бантомъ). Ровно въ три часа я встала у изголовья гроба, въ числѣ другихъ шести дежурныхъ изъ бывшихъ и настоящихъ слушательницъ. Мертвая тишина царила въ небольшой комнатѣ. Всѣ зеркала и картины, за исключеніемъ прекраснаго портрета покойной, работы Рѣпина, были завѣшены бѣлымъ. Бѣлыя стѣны залы, серебряный глазетовый гробъ, бѣлыя свѣчи, перевязанныя бѣлыми съ черной полосой бантами, бѣлое платье покойной, серебряный покровъ, поразившій насъ массой вѣнковъ, и среди этой торжественной тишины и спокойствія—шесть черныхъ, неподвижно стоящихъ фигуръ. Съ нами поочередно дежурили и члены комитета Общества доставленія средствъ В. Ж. Курсамъ; въ нашей очереди была баронесса Искуль—одна изъ петербургскихъ красавицъ, въ придворномъ траурѣ.

Я стояла и думала: зачѣмъ это? Къ чему это дежурство? Какой смыслъ въ томъ, что мы стоимъ здѣсь, у гроба? Это—несомнѣнно знакъ нашего уваженія къ покойной. Но это только внѣшнее выраженіе, ей оно не нужно.

Что нужно ей? Вѣдь, если мы хотимъ выразить свою благодарность кому-либо, мы стараемся сдѣлать что-нибудь нужное для него. А развѣ нужны ей эти неподвижныя черныя фигуры у гроба, смѣняющіяся черезъ часъ, черезъ два? Это—красивая декорація, и ничего больше.

Если бы среди насъ нашелся человѣкъ вѣрующій, или если бы похороны носили всецѣло церковный, исключительно религіозный характеръ, то намъ предложили бы не дежурство,—а тѣ же два часа молиться у гроба. И какъ же мало охотницъ на-

шлось бы! Что дѣйствительно было бы полезно для покойной, то, можетъ быть, не встрѣтило бы сочувствія.

Съ непривычки стоять, да еще неподвижно, и въ такой обстановкѣ—первые полчаса мнѣ показались безконечно долгими. Вотъ можно было бы составить цѣлое разсужденіе о внезапности смерти, о томъ, что человѣкъ еще въ понедѣльникъ не могъ никакъ предположить, что въ пятницу онъ будетъ въ гробу, и все для него кончено, и навсегда, и куда онъ уйдетъ, что ожидаетъ его «тамъ»,—но это было бы повтореніемъ общихъ мѣстъ. Но, несмотря на то, что эти общія мѣста всѣмъ и каждому извѣстны,—всегда повторяешь и слышишь повторенія тѣхъ же размышленій. Видно, про любовь и про смерть одинаково можно сказать: *Es ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu.*

Братья покойной—три высокихъ старика, сѣдые, съ особымъ величавымъ «стасовскимъ» типомъ, очень симпатичны. Трогательно было смотрѣть на одного изъ братьевъ, какъ онъ убилъ горемъ. Бѣдный старикъ! Онъ, навѣрно, думалъ: когда моя очередь?

30 сентября. Были похороны. Масса народа. Мы встали въ шесть часовъ, чтобы поспѣть притти на выносъ. Отъ насъ былъ большой фарфоровый вѣнокъ на бѣломъ бархатномъ щитѣ, съ надписью: «Незабвенной Надеждѣ Васильевнѣ послѣднее спасибо слушательницъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ». И надпись, и вѣнокъ—хороши. Народу собралось въ небольшой квартирѣ столько, что повернуться негдѣ. Вчера и сегодня въ числѣ посѣтителей я видѣла Лесгафта, Веселовскаго, Петрова, Трачевскаго, дамъ нашего комитета. Мы просили позволенія нести гробъ до Александро-Невской Лавры, и семья покойной ничего не имѣла противъ этого; но полиціей запрещены подобныя проявленія уваженія и желанія отдать послѣдній долгъ человѣку, такъ много потрудившемуся для общества. Поэтому всѣ пошли за колесницей, нашихъ болѣе 100 человѣкъ, толпа народа, масса вѣнковъ. Всю дорогу пѣлъ хоръ слушательницъ. Послѣ отпѣванія намъ позволили нести гробъ до могилы на рукахъ. Я быстро пробралась впередъ и, несмотря на то, что тутъ были бывшія слушательницы, все-таки взялась за ручку гроба,—и потомъ пожалѣла, что такъ поторопилась: мнѣ было рѣшительно не по себѣ стоять почти рядомъ съ родственниками, которые прощались съ покойной, видѣть это горе... Въ такія минуты постороннія лица кажутся лишними. Мы вынесли гробъ и на рукахъ донесли его до могилы; впереди слушательницы выстроились верени-

цею съ вѣнками. Я уступила мое мѣсто нести гробъ товаркѣ, а сама попала въ такую давку, что никакъ не могла близко пробраться къ могилѣ, и слышала не всѣ рѣчи. Но объ этомъ не стоитъ жалѣть. Мнѣ не нравятся рѣчи на могилахъ: это какъ-то не идетъ. Все-таки я сначала слушала съ любопытствомъ; говорили дамы, интересно было знать, что онѣ скажутъ? Первой выступила г-жа Гарднеръ; плачущимъ голосомъ и невнятно она говорила что-то объ общественныхъ заслугахъ Н. В. Послѣ нея Е. Н. Щепкина тихо и безцвѣтно произнесла рѣчь, довольно-таки гимназическаго характера, о лишеніи правъ учиться (Н. В. Стасова была одна изъ участницъ движенія 60-хъ годовъ). Тема заслуживала бы болѣе тщательной обработки, меньшаго числа общихъ мѣстъ, вродѣ: «мы подходили къ жизни (кончившія гимназію 25 лѣтъ тому назадъ) съ горькимъ вопросомъ, на который намъ не было отвѣта: что мы такое?», «ужасное положеніе—лишеніе права учиться». (Послѣднее положеніе не совсѣмъ даже вѣрно: женщинъ въ то время не лишали права учиться, но этотъ вопросъ просто не поднимался ни въ жизни, ни въ печати. Вопросъ былъ созданъ, тогда стали обсуждать его. Вотъ теперь, когда высшіе курсы есть, то закрытіе ихъ было бы въ буквальномъ смыслѣ «лишеніе права учиться»). А главное, ораторша говорила очень тихо, безъ всякаго выраженія, такъ что общій тонъ получился до-нельзя безцвѣтный. Зато г-жа Калмыкова превзошла всѣхъ. Громкимъ, энергичнымъ тономъ, даже съ завываніемъ, перечисляла она заслуги Н. В. передъ русскимъ обществомъ (Н. В. была одна изъ первыхъ участницъ въ дѣлѣ открытія воскресныхъ школъ), ея энергію, ея самоотверженный трудъ на пользу народнаго образованія; она выкрикивала слова сожалѣнія и театрално, охрипшимъ и уставшимъ голосомъ (рѣчь была очень длинная) воскликнула: «свѣта, больше свѣта! вотъ что должны мы сказать на могилѣ Н. В.!»—Это вышло совсѣмъ некрасиво: и безъ того было очень длинно и не особенно хорошо, но крикливый голосъ и послѣднее театральное неумѣлое восклицаніе испортило все. Послѣ этого я не старалась слушать двухъ рѣчей (и не влѣзала на рѣшетку памятника, чтобы лучше слышно было); но, какъ оказалось потомъ, одна изъ нихъ была произнесена нашей слушательницей Виноградовой съ 3-го курса, это было бы интересно послушать. Всѣ говорятъ, рѣчь была коротка и содержательна, значить, недурна.

Я много требую отъ рѣчи на могилѣ: чтобы она была хороша и умѣстна. Ее нужно говорить только въ крайнихъ случаяхъ, когда уже дѣйствительно настроеніе общества ищетъ вы-

раженія въ словахъ; рѣчь должна въ немногихъ краткихъ, но стильныхъ выраженіяхъ выразить взглядъ общества и напомнить передъ нимъ заслуги умершаго; а такъ какъ въ большинствѣ случаевъ эти заслуги извѣстны всѣмъ собравшимся, то гораздо лучше въ рѣчи выразить настроеніе, пожеланія, или что-нибудь вродѣ этого, но въ очень и очень краткихъ и содержательныхъ выраженіяхъ. Поэтому мнѣ болѣе понравилась рѣчь г. Ольхина, который выступивъ послѣ Виноградовой съ обращеніемъ къ молодежи, коротко, но очень ясно высказалъ пожеланіе, чтобы этотъ хорошій примѣръ не оставался безъ подражанія. Онъ сказалъ всего нѣсколько словъ сильнымъ и звучнымъ голосомъ—и этого было вполнѣ достаточно.

Наконецъ, стали задѣлывать могилу, но мы долго не расходились, ожидая минуты, когда можно будетъ украсить могилу вѣнками.

Я вынесла изъ этихъ похоронъ какое-то смутное впечатлѣніе... Когда говорились тѣ двѣ рѣчи, которыхъ я не слушала, то, чтобы отдохнуть немного, я вышла изъ толпы на помостки. Кругомъ стояла масса народу; здѣсь, конечно, ничего не было слышно, — и всѣ разбились на группы. Знакомые подходили къ знакомымъ, весело разговаривая; временами слышался сдержанный смѣхъ; передавали другъ другу разныя новости... Кто толковалъ о своихъ дѣлахъ, кто о томъ, что профессора не присутствовали на похоронахъ... Я смотрѣла на равнодушныя и веселыя лица этой публики. Около меня стоялъ старикъ; онъ рассказывалъ, сколько лѣтъ былъ знакомъ съ Н. В., самымъ равнодушнымъ тономъ, точно онъ пришелъ на похороны совершенно незнакомаго ему человѣка. Онъ говорилъ очень оживленно, и около него собралась кучка знакомыхъ. Кто-то опять заговорилъ о профессорахъ. Старикъ подхватилъ:—«Да, да, конечно, можно сказать: гдѣ же вы, наши учителя, гдѣ вы? Что васъ нѣтъ около этой могилы?—Да только что изъ этого выйдетъ?»—и онъ и знакомые его сдержанно разсмѣялись. Я взглянула въ сторону могилы. Ее окружала сплошная стѣна публики; на нѣкоторыхъ лицахъ видно самое напряженное вниманіе... Тамъ было тихо, какіе-то отрывочные звуки долетали до меня: говорились рѣчи. Мало-по-малу группы расходились по кладбищу...

Невольно думалось: вотъ тамъ, за этой живой стѣной, у могилы стоятъ тѣ, которымъ смерть, дѣйствительно, причинила утрату; они поражены горемъ... Ихъ окружаетъ толпа любопытныхъ, которая жадно слушаетъ рѣчи, а за этой толпой другая, которой за недостаткомъ мѣста невозможно ничего слышать, и

вотъ эти люди собрались сюда, точно въ какое-нибудь общественное мѣсто, и, исполнивъ свою обязанность, отдыхаютъ и болтаютъ, и всѣмъ весело, и всѣ такъ равнодушны, и не слышать искреннихъ словъ сожалѣнія...

Что же это? Для чего же собралось сюда столько народу? Скажутъ, конечно, Н. В. была видный общественный дѣятель, надо почтить ея память... И вотъ они «чтятъ»... Вѣнки, рѣчи такія, которыя не могутъ понравиться ни со стороны слога, ни со стороны содержанія, ораторы—должно быть, женщины—плохие ораторы,—а немного далѣе могилы—равнодушная толпа, которая собралась сюда только для того, чтобы исполнить обязанность «почтить своимъ присутствіемъ»... а на самомъ дѣлѣ погулять и поболтать. Тѣ, которые стояли близко, слышали, конечно, всѣ рѣчи... тѣ вынесли изъ нихъ что-нибудь, хотя бы воспоминаніе объ этой замѣчательной женщинѣ; слушая эти рѣчи, они, быть можетъ, еще разъ прониклись уваженіемъ къ ней, и, можетъ быть, одинъ изъ десяти даже помолился за нее... Ну, а остальные-то? Что они дѣлали, и зачѣмъ они приходили?

И я сама была тоже очень равнодушна. Конечно, я не разговаривала, не гуляла по кладбищу; я стояла, смотрѣла, слушала, но никакого особеннаго сожалѣнія не испытывала, въ особенности, когда говорились рѣчи. Въ нихъ какъ разъ выражалось сожалѣніе о потерѣ такого общественнаго дѣятеля, но само-то общество, его отдѣльныя лица, за немногими исключеніями, нисколько о ней не сожалѣли. Я размышляла о томъ, что такая дѣятельность можетъ служить намъ примѣромъ; я чувствовала глубокое уваженіе къ ней, но не сожалѣніе. Вся эта парадная обстановка, всѣ эти вѣнки, рѣчи придавали похоронамъ какой-то гражданскій характеръ, который мнѣ, привычной къ исключительно церковному и семейному характеру похоронъ, рѣзко бросился въ глаза. Этотъ гражданскій характеръ не носилъ въ себѣ ничего печальнаго, напротивъ, онъ придавалъ похоронамъ праздничный и парадный оттѣнокъ. По крайней мѣрѣ, я ушла съ этихъ похоронъ точно изъ какого-либо общественнаго собранія.

Нѣтъ, не хотѣла бы я такихъ похоронъ, ни за что, никогда не хотѣла бы! Стать полезнымъ членомъ общества я желаю не менѣе кого-либо другого, но только безъ такого изъявленія общественной благодарности. Не хотѣла бы я ни вѣнковъ, ни рѣчей, ни этой толпы...

Я вспоминаю скромныя, чисто семейныя похороны, вспоминаю наше маленькое провинціальное кладбище, вспоминаю искреннія молитвы и слезы, простыя, безыскусственныя, но часто

трогательныя проповѣди нашихъ немудреныхъ священниковъ, всю эту простую обстановку; нашу провинціальную толпу, которая идетъ чуть ли не на всѣ похороны изъ наивнаго любопытства, изъ желанія поплакать и поахать, изъ желанія помолиться... Но вѣдь и толпа эта, можно сказать, еще некультурная, съ нея и спрашивать нечего.

Недавно я читала въ какомъ-то романѣ описаніе похоронъ извѣстнаго литератора. Оно произвело на меня тяжелое впечатлѣніе. А теперь—я сама была на подобныхъ же похоронахъ.

8 октября. Я каждый день бываю на лекціяхъ... только... ахъ, какое мучительное чувство сознанія собственнаго безконечнаго невѣжества! Когда я встрѣчаю одну изъ нашихъ слушательницъ—Д.—становится больно, стыдно за себя самое. Она—полный контрастъ со мною: она ровесница мнѣ, въ одинъ годъ со мною кончила гимназію съ золотою медалью, и всѣ четыре года, потерянные для меня—для нея были прекрасною научною подготовкою къ поступленію на курсы. Она занималась русской исторіей, греческимъ языкомъ, математикой, переводила Сентъ-Бева, много читала, знакома со славяновѣдѣніемъ, однимъ словомъ—между нами она сразу выдѣлилась своими знаніями и такою, навѣрно, пойдетъ до конца. У нея было все: и прекрасная бібліотека, и ученая среда, въ которой она выросла, а у меня-то что было? Мнѣ очень бы хотѣлось сойтись съ ней, но она, кажется, не симпатизируетъ мнѣ. Почему? Должно быть, оттого, что мы расходимся въ нѣкоторыхъ взглядахъ. А жаль: она—человѣкъ симпатичный и умный.

Вообще, я здѣсь ни съ кѣмъ особенно не сблизилась. У меня есть знакомыя, есть «хорошія отношенія», но не больше. Я, собственно, довольна курсами: лекціи, профессора, вся обстановка—нравятся мнѣ, но иногда чувство какой-то тайной неудовлетворенности охватываетъ меня. Я чувствую, что мнѣ не хватаетъ и не хватаетъ чего-то... По привычкѣ, я ищу отвѣта на этотъ вопросъ...

Мнѣ не хватаетъ... людей такихъ, которые знали бы меня, мнѣ хотѣлось бы познакомиться съ людьми очень умными, интересными, которые, несмотря на свое умственное и нравственное превосходство, не избѣгали бы знакомства съ такими, какъ я. Мнѣ хотѣлось бы сойтись ближе съ такими людьми, вмѣстѣ читать, вмѣстѣ думать, вмѣстѣ интересоваться, вмѣстѣ изучать разные вопросы... Но гдѣ же все это? Меня мало удовлетворяетъ общее развитіе тѣхъ, которыхъ я знаю; такихъ, какъ Д.,

у насъ почти нѣтъ, она—исключеніе, но вотъ именно это-то исключеніе, очевидно, не имѣетъ ни малѣйшаго желанія обратить свое вниманіе на мою скромную особу. А посмотришь—вѣдь всѣ хорошіе люди, или такъ называемыя славныя дѣвочки (которыя только-что окончили гимназію), или славныя дѣвушки; попадаютъ и такія, у которыхъ уже свой установившійся взглядъ на жизнь, хорошія стремленія, всѣ взгляды хороше, честные... Жаль только, что мнѣ—мало того, чтобы человѣкъ былъ только «славнымъ» человѣкомъ... такихъ я и раньше много видала (конечно, здѣсь, на курсахъ, эти люди гораздо лучше). Я пробую отнестись строже къ себѣ самой, думаю, что, должно быть, я сама неразвита и поэтому не имѣю права... впрочемъ, нѣтъ, именно вслѣдствіе того, что я не развита, я имѣю больше права желать, чтобы окружающіе люди способствовали моему умственному развитію:

15 октября, 1-й часъ ночи. Я была сегодня у одной изъ нашихъ слушательницъ, С-вой. Когда она на-дняхъ сказала мнѣ, что у нея въ это воскресенье соберутся барышни, мнѣ почему-то захотѣлось, чтобы она пригласила меня... Было ли это простое любопытство, или же мнѣ не хотѣлось просидѣть все воскресенье дома—не знаю; вѣрнѣе и то, и другое. Я потомъ была недовольна собой: зачѣмъ я въ субботу, послѣ лекціи логики, подошла къ С-вой и заговорила съ ней, точно зная, что если она меня увидитъ, то непременно пригласитъ къ себѣ въ воскресенье. Такъ и случилось; я обѣщала быть непременно и сегодня, оторвавшись отъ сочиненій Кавелина, отправилась къ ней.

Кромѣ меня было двое мужчинъ: офицеръ и какой-то нѣмецъ, статскій; какая-то иностранка и княжна А—дзе, мать которой завѣдуетъ мастерской Человѣколюбиваго Общества. С-вы—богатыя сестры, круглыя сироты, живутъ почти постоянно въ Петербургѣ, имѣютъ свой кругъ знакомыхъ, и вотъ я сегодня очутилась въ этомъ небольшомъ кружкѣ петербургскаго общества. Начался оживленный разговоръ; офицеръ, видимо, ухаживавшій за княжной, говорилъ съ ней безъ умолку все время, штатскій подсѣлъ къ нимъ и внимательно, безмолвно слушалъ... Скачки, театръ, балетъ, воспоминанія о Ниццѣ, Парижѣ, Италіи, имена теноровъ, балеринъ и пѣвицъ... техническіе термины скачекъ... восторженное оханье и аханье по поводу предстоящихъ симфоническихъ концертовъ... мимоходомъ брошенныя замѣчанія по поводу приѣзда знакомыхъ, смѣхъ, восклицанія...—словомъ, передо мною въ какой-нибудь часъ развернулась незнако-

мая мнѣ страничка свѣтской жизни людей, у которыхъ и времени дѣвать некуда, да и средства есть.

На меня, конечно, никто изъ этихъ лицъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія. Я сѣла въ сторонѣ и молча слушала свѣтскій разговоръ, для котораго свѣтская жизнь, очевидно, представляетъ богатый матеріалъ, неисчерпаемый источникъ. Все, о чемъ они говорили, было для меня почти terra incognita. Я за границей не бывала, а всѣ воспоминанія ограничивались одними охами и вопросами: вы были тамъ-то? и опять: ахъ, вы не видали, и т. д. На симфоническихъ концертахъ я не бывала; въ театрѣ—тоже; о скачкахъ и балетѣ понятія не имѣю... всѣхъ этихъ теноровъ, балеринъ—не видывала и именъ не слыхивала.

А на другомъ концѣ салона С-ва старалась занимать иностранку. До меня долетали французскія фразы, и содержаніе разговора было такое же, какъ и тотъ, который я слушала. Я вспомнила барона Ondit, остроумнаго фельетониста «Новаго Времени», который такъ мѣтко рисуетъ салонные великосвѣтскіе разговоры въ своихъ фельетонахъ. Я никогда вполне не довѣряла имъ и думала, что онъ склоненъ къ преувеличеніямъ. Но сегодня—право, каждое слово, каждая фраза, словомъ, весь разговоръ такъ и просился подъ перо этого остроумнаго и блестящаго фельетониста. Я сидѣла и спрашивала себя: ну, довольна? видѣла петербуржцевъ? слышала свѣтскіе разговоры? Ну, что же, что же ты могла вынести, что можетъ дать тебѣ эта болтовня? Два часа просидѣла я, не зная, какъ уйти, и стѣсняясь встать прощаться съ незнакомыми людьми. Офицеръ говорилъ одну банальность за другою; невольно думалось: ну, что же? къ чему же весь этотъ разговоръ? что вынесутъ эти люди отъ подобно проведеннаго вечера? И мнѣ становилось жаль моей комнаты, письменнаго стола и Кавелина, который былъ такъ брошенъ (я пошла къ С-вой, не дочитавъ начатой статьи), а... ради чего? Подумаешь—стыдно становится... Между тѣмъ, С-ва очень симпатичная дѣвушка, и, разъ познакомившись, нельзя не бывать у нея. Надо будетъ выбрать для посѣщеній тѣ дни, когда не бываетъ такихъ свѣтскихъ людей.

21 октября. Въ понедѣльникъ вечеромъ я совершенно для себя неожиданно уѣхала въ Гельсингфорсъ съ Витей. Мнѣ рѣшительно безразлично: спать въ вагонѣ или у себя въ комнатѣ, и поэтому я проснулась только за полчаса до прихода поѣзда въ Гельсингфорсъ. Было очень холодно, и густой туманъ стоялъ надъ городомъ, когда поѣздъ подошелъ къ вокзалу. Стали выхо-

дить изъ вагоновъ; на платформѣ слышались восклицанія, разговоры на незнакомомъ языкѣ; формы городовыхъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ рѣзко отличались отъ нашихъ своимъ щеголеватымъ фасономъ: фуражки съ маленькимъ круглымъ верхомъ—очень изящныя—и тоже совсѣмъ заграничныя... Мы отправились бродить по городу. Зашли въ первую попавшуюся булочную—тамъ хозяйка ни пол-слова не понимала ни по-русски, ни по-нѣмецки. Она вызвала свою дочь; молодая дѣвушка сдѣлала книксенъ и начала кое-какъ по-нѣмецки объясняться съ нами, такъ что мы въ концѣ-концовъ могли выпить кофе, купить разныхъ мелочей и справиться, что можно осмотрѣть въ Гельсингфорсѣ въ праздникъ, и въ какіе часы. Оказалось, что Атенеумъ и другіе музеи были открыты. Мы рѣшили отправиться въ Атенеумъ, но такъ какъ было еще рано, то продолжали прогулку по городу. Мнѣ хотѣлось увидѣть памятникъ Рунебергу. Я подошла къ первому попавшемуся извозчику и, совершенно позабывъ, что онъ меня не пойметъ, спросила:—скажите пожалуйста, какъ пройти къ памятнику Рунеберга? При звукѣ незнакомыхъ словъ извозчикъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня, но, услыжавъ послѣднее, онъ сразу понялъ и оживился.—«Рунебергъ, Рунебергъ?» вопросительно произнесъ онъ. Я утвердительно кивнула головой. Извозчикъ привсталъ на сидѣньѣ и молча протянулъ руку: вдали, въ туманѣ неясно вырисовывалась фигура статуи. Съ непривычки, мы сразу и не замѣтили, что были такъ близко отъ нея. Мы вышли на Эспланаду, посмотрѣли величественный памятникъ, скверъ, который имѣлъ весьма печальный видъ, какъ и всѣ вообще сады осенью... Народу на Эспланадѣ была масса. Я съ любопытствомъ присматривалась къ новымъ типамъ лицъ, совершенно не русскихъ, прислушивалась къ незнакомому говору. Все кругомъ было такъ ново и интересно. Пройдя Эспланаду, мы направились къ рынку, и тутъ я остановилась въ изумленіи: живая картина, открывшаяся предо мною, казалось, была мнѣ знакома и раньше: гдѣ-то я видѣла и эти столы, и этихъ торговкохъ въ темныхъ кофтахъ, фартукахъ и опоркахъ, и эту толпу, которая такъ рѣзко отличалась отъ русской, и этихъ мальчугановъ въ своеобразныхъ костюмахъ, шныряющихъ между столовъ... Я видѣла все это на картинахъ; даже это сѣренькое небо и густой туманъ, поднимавшійся съ моря, казались знакомыми мнѣ! Такъ хорошо они гармонировали съ общимъ, немного блѣднымъ колоритомъ всей картины. Рынокъ очень близко отъ моря, но его за туманомъ невозможно было видѣть.

Такъ какъ былъ царскій день, и въ русской церкви должна

была быть обѣдня, то мы вздумали опять поговорить съ извозчиками. На этотъ разъ попробовали по-нѣмецки: «die russische Kirche?» Извозчики переглядывались между собой и бормотали совсѣмъ что-то непонятное...—«Svenska, finska»—повторяли они, глядя на насъ. Наконецъ, я догадалась: они говорили намъ, что говорятъ только на этихъ языкахъ и другихъ не понимаютъ. Положеніе было затруднительное: мы, конечно, не знали дороги, чтобы итти пѣшкомъ, а спрашивать было невозможно: окружающее простонародье тоже ничего не поняло бы. И вотъ, мы уже хотѣли отказаться отъ этой мысли, какъ вдругъ одинъ изъ извозчиковъ, очевидно, сообразивъ, куда намъ нужно, подѣхалъ къ намъ, утвердительно кивая головой на слово «Kirche» Финляндскія власти уже начали прибывать въ соборъ, когда мы пріѣхали. Огромная, простая новая церковь и хорошій хоръ пѣвчихъ вседостойнымъ образомъ представляли нашу церковь въ чужой странѣ... Въ тотъ же день, поздно ночью, мы вернулись обратно.

25 октября. Середонинъ образовалъ практическія занятія на нашемъ курсѣ такимъ образомъ: онъ желаетъ привлечь къ участию въ нихъ возможно большее число слушательницъ и поэтому не далъ сразу темъ для рефератовъ, а предложилъ читать группами сочиненія извѣстныхъ авторовъ по школамъ, начиная со школы родового быта, а потомъ излагать вкратцѣ содержаніе этихъ сочиненій. На первый разъ онъ далъ 11 книгъ, изъ нихъ—семь, относящихся къ школѣ родового быта: Эверсъ, Рейцъ, Кавелинъ, Соловьевъ, Тюринъ, Хлѣбниковъ и Сикорскій, и 4—къ школѣ общиннаго. Нѣкоторыя, желающія излагать эти сочиненія,—тутъ же заявили объ этомъ профессору. Я не могла удержаться, подошла къ каѳедрѣ и хотѣла было просить себѣ Эверса: «Древнѣйшее русское право», но, къ счастью, меня предупредила Д.,—она рѣшительно заявила, что хотѣла бы излагать эту книгу, и я, конечно, уступила ей, какъ человѣку, несравненно болѣе меня знающему. Пока я соображала, какую же мнѣ взять другую книгу (въѣдъ всѣ названія этихъ сочиненій и почти всѣ имена авторовъ, за исключеніемъ Соловьева и Кавелина, были мнѣ все неизвѣстны), меня позвала Иса-ва.—«Вы хотите излагать Кавелина? Я его взяла, да мнѣ некогда писать; хотите, я вамъ отдамъ?»—Давайте, сказала я, соображая, что Кавелинъ—точно бы былъ юристъ, и что это имя весьма извѣстное, и подошла къ каѳедрѣ взять книгу у профессора. Статья, которую предстояло мнѣ изложить, называлась «Взглядъ на юридическій бытъ древ-

ней Россіи»; въ связи съ ней нужно было излагать и другую: «Разборъ сочиненій Терещенки», въ VI т. сочиненій того же автора. Середонинъ ушелъ, кончивъ свои объясненія по поводу занятій. Мы оживленно толковали, всѣ торопились высказывать свое мнѣніе по поводу такихъ занятій, основанныхъ на совершенно новыхъ началахъ и казавшихся всѣмъ такими интересными, а главное — не трудными. (Середонинъ имѣлъ въ виду и это: онъ прямо сказалъ, что начинать съ рефератовъ было бы для насъ затруднительно).

Я пришла домой, положила Кавелина на столъ и, занявшись другими книгами, совершенно забыла о немъ. Я хотѣла сначала, прежде чѣмъ браться за него, прочесть какое-либо сочиненіе по теоріи родового быта, чтобы потомъ, подготовясь, начать читать и Кавелина. Но я искала сочиненій и не находила; и вотъ, какъ разъ во время этихъ поисковъ, ко мнѣ подошла Д. и попросила... приготовить все къ 25-му. Положимъ, что времени до 25-го было больше недѣли, но вѣдь за это время я должна была не только написать, но также дать книгу профессора прочесть и другимъ, желавшимъ ознакомиться съ ученіемъ Кавелина. А такихъ набралось масса. Эверсъ и Рейцъ—для всѣхъ оказались скучными и сухими авторами, всѣ интересовались статьей Кавелина, набросились на нее: кто имѣлъ возможность достать книгу на сторонѣ—доставалъ, моя же должна была послужить чуть ли не для всего нашего интерната. Такъ какъ я и безъ того пропустила много времени, то надо было торопиться; статья Кавелина оказалась такой интересной, такъ прекрасно написанной и, главное—въ ней была изложена вся теорія родового быта, что я безъ предварительныхъ свѣдѣній, по одной этой статьѣ, могла составить ясное представленіе объ этой теоріи.

Я живо прочла ее; оставалось... изложить. Только усѣвшись за письменный столъ, я сообразила, какую глупость я дѣлаю, и растерялась. За что я бралась? И могла ли такъ самоувѣренно поступать? Сумѣю ли я написать хоть строчку? если я не сумѣю изложить, какъ слѣдуетъ, содержаніе этой статьи, которой такъ заинтересованъ чуть ли не весь курсъ, то что же будетъ? Это значитъ осрамиться передъ всѣми... Я чувствовала, что струсилла не хуже послѣдняго школьника передъ экзаменомъ. И въ то же время я возмутилась своей глупостью. Если я не сумѣю—то вѣдь это будетъ такъ глупо! Боже мой, неужели же я не могу, не способна даже и на это? Вѣдь здѣсь я только излагаю, не вношу ничего своего... Неужели я такъ отупѣла за эти четыре года, что не напишу ничего? Я съ ужасомъ чувствовала, что стою на

краю какой-то пропасти и вот-вот упаду... Я мучилась и въ то же время усердно писала: времени терять было нечего...

Чѣмъ больше читають Кавелина, тѣмъ болѣе о немъ говорятъ, и я съ тоской и страхомъ слушаю эти разговоры. Мнѣ кажется, что всѣ знаютъ, какъ плохо у меня изложена эта статья, и заранѣе приготовляются возражать мнѣ, а потомъ будутъ съ насмѣшкой указывать на такую самоувѣренную выскочку. А отказаться отъ Кавелина было невозможно... и поздно! Д. своимъ спокойнымъ, самоувѣреннымъ тономъ замѣтила, что статью Кавелина изложить очень легко. Я спросила, читала ли она эту статью? Оказалось, что читала. Я смутилась еще болѣе. Я боюсь критики Д. болѣе, чѣмъ всѣхъ остальныхъ, вмѣстѣ взятыхъ, потому что другого такого развитія, начитанности и памяти—у насъ врядъ ли найдешь. Ахъ, Боже мой! Что-то будетъ завтра? Сердце такъ и замираетъ, какъ подумаешь. И добро бы я взялась излагать малоизвѣстнаго автора,—тогда все пошло бы ладно. А то вѣдь—Кавелинъ! съ нимъ всякая знакома, у многихъ есть конспекты, и вотъ онѣ будутъ провѣрять...

И вѣдь вышло же такъ, что я, помимо всякаго желанія, случайно взяла именно Кавелина! Кабы я знала... такъ теперь у меня не лежали бы исписанные листы въ ящикѣ письменнаго стола, я спала бы спокойно и, не торопясь, сидѣла бы надъ какимъ-нибудь Тюринымъ. Главное: я никому и виду не показываю, что боюсь, хуже гимназистки боюсь... Я сохраняю вполнѣ спокойствіе и отдѣлываюсь неопредѣленными отвѣтами на вопросы...—«А вамъ не страшно будетъ читать съ каѳедры?»—Эхъ, дѣло не въ каѳедрѣ, а въ томъ, что я буду читать съ каѳедры. Какъ разъ объ этомъ-то никто и не спрашиваетъ; всѣ полагають совершенно резонно, что, разъ взялся, такъ, значить, успѣешь... Анъ—не тутъ-то было...

О, завтра, завтра! Единственная надежда, что времени—одинъ часъ—не хватитъ для трехъ изложеній. Середонинъ сказаль, что изложеніе должно быть кратко, не болѣе 10 минутъ. Но при всемъ моемъ желаніи я никакъ не могла изложить такъ кратко. Всѣ мысли Кавелина такъ вѣрны, имѣють такое существенное значеніе, что почти невозможно излагать статью такъ, чтобы все чтеніе заняло не болѣе 10 м., въ такомъ случаѣ пришлось бы выпустить половину.

Итакъ: съ одной стороны мое изложеніе противорѣчитъ желанію профессора, съ другой—неизвѣстно, какъ отнесется къ нему большинство, съ третьей—оно противорѣчитъ моему

искреннему желанію—не читать его (разъ оно написано—volens-polens—надо прочесть).

1 ноября. А съ четвертой стороны—все обошлось благополучно. Я волновалась, входя на каѳедру (аудиторія была полна), и руки мои задрожали такъ сильно, что я разозлилась сама на себя... но чѣмъ больше я читала, тѣмъ становилась спокойнѣе: начала—такъ надо же кончить. Я читала громко и ясно, но очень быстро и нервнo сначала, и совсѣмъ хорошо подъ конецъ, когда вполне овладѣла собою. Профессоръ стоялъ рядомъ со мной и дѣлалъ помѣтки. На первый разъ всѣ наши чтенія не вызвали никакихъ замѣчаній; зато на второй—завязалось нѣчто вроде оживленной бесѣды: спрашивали, толковали по поводу прочитанныхъ теорій, отыскивали ихъ слабыя стороны. Дѣло, очевидно, начинаетъ налаживаться; хорошо, если бы продолжали и далѣе такъ же усердно интересоваться, какъ теперь.

3 ноября, 1-й ч. н. Жизнь на курсахъ идетъ своимъ чередомъ... нѣсколько однообразно, тихо, но зато такъ спокойно! Временами меня охватываетъ это прекрасное чувство тишины и покоя, я чувствую его, какъ только можетъ чувствовать путешественникъ, послѣ многихъ препятствій добравшійся до цѣли своего путешествія. И тогда, какъ милы кажутся мнѣ стѣны моей высокой комнаты, за которыми я сижу, и до которыхъ не доходятъ тѣ дразги житейскія, среди которыхъ я жила эти годы... Временами кажутся онѣ мнѣ сномъ... Да, полно, были ли онѣ? неужели были? и прошли? и неужели я въ прошломъ году была въ это время дома? неужели я жила?—Не вѣрится... кажется, что это былъ тяжелый сонъ, отъ котораго я, наконецъ, проснулась...

Все тихо; въ интернатѣ, въ нашихъ комнатахъ, одна за другою тушатся лампы; всѣ ложатся спать...

Gute Nacht! Schlafet bis der neue Morgen
Bringet euch die neuen Sorgen—

хочется мнѣ сказать всѣмъ этимъ молодымъ дѣвушкамъ.

4 ноября. Въ видахъ облегченія сближенія курсистокъ между собою, у насъ организовалась цѣлая сѣтъ небольшихъ, такъ называемыхъ, кружковъ общенія. Цѣль ихъ, по теоріи, весьма похвальная: каждый кружокъ ставитъ себѣ задачей объединить и сблизить курсистокъ разныхъ курсовъ (назначено по три съ каждаго курса) на почвѣ изученія какого-либо вопроса. Это, ко-

нечно, представляет большой интерес для первокурсницъ, потому что мы ѣдемъ сюда именно затѣмъ, чтобы учиться, и большинство неопытныхъ мечтаетъ встрѣтить ту интересную умственную атмосферу, которой я пока не нашла, и, не находя ея, въ большинствѣ случаевъ, разочаровывается чуть ли не во всемъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, я слышала отъ слушательницъ старшихъ курсовъ, которыя, желая помочь намъ, указывали именно на это разочарованіе, какъ на одинъ изъ мотивовъ для учрежденія кружковъ. На двухъ первыхъ собраніяхъ я не была, за что получила два замѣчанія отъ предсѣдательницы (4 к.), на третье отправилась. Такъ какъ каждый кружокъ собирался для совмѣстнаго изученія какого-нибудь вопроса, то, конечно, каждый задается разными цѣлями; мой кружокъ (въ немъ тоже назначено было 12 человекъ—по 3 съ cadaго курса) пожелалъ заняться изученіемъ государственнаго строя западно-европейскихъ державъ, для того чтобы свободно читать и понимать газетныя извѣстія и вообще имѣть понятіе о томъ, какъ живутъ, какія партіи и учрежденія «тамъ»... Программа занятій была выработана на первомъ засѣданіи; о ней я получила нѣкоторыя указанія отъ предсѣдательницы кружка; на второмъ собраніи уже приступили къ изученію международнаго права (мы занимаемся подъ руководствомъ Семевского).

Когда я, наконецъ, явилась на третье собраніе, то уже нѣсколько членовъ кружка собрались. Съ моего курса, кромѣ меня, никого не было, и я очутилась какъ въ лѣсу, среди совершенно незнакомыхъ лицъ. Я поклонилась, назвавъ свою фамилію, и ожидала, что каждая, въ свою очередь, сдѣлаетъ то же. Не тутъ-то было: всѣ остались на своихъ мѣстахъ, ограничившись однимъ наклоненіемъ головы; никто не шевельнулся, и единственный знакомый мнѣ человекъ—предсѣдательница—сама очутилась въ затруднительномъ положеніи: она не знала всѣхъ собравшихся, и никого не могла познакомить со мною. Дѣлать было нечего: рѣшивъ, что надо же знать хоть одного человека въ лицо и по фамиліи изъ своего же кружка, я попросила представить меня и назвать хоть нѣкоторыхъ по фамиліямъ; предсѣдательница представила меня двумъ-тремъ, тѣ поклонились, говоря: «что за церемоніи?» Я сѣла на диванъ и осмотрѣлась: небольшая чистенькая комнатка, простая обстановка; всѣ сидѣли у большого стола; передъ предсѣдательницей лежала книга Коркунова: «Основы международнаго права». Дверь ежеминутно отворялась: входили незнакомыя курсистки, молча дѣлая общій поклонъ, и садились поодаль. Наконецъ, всѣ собрались; не было

только одной изъ устроительницъ кружка, самой интересной личности—Глаголевой. Я много слышала о ней и, понятно, была не прочь познакомиться. Передъ началомъ чтенія М—ки сообщила кружку результатъ своихъ переговоровъ съ В. И. Севевскимъ о занятіяхъ международнымъ правомъ. В. И. отнесся къ этой попыткѣ критически и прямо сказалъ: я сомнѣваюсь, чтобы вышелъ какой-нибудь толкъ, потому что для такихъ занятій требуется основательное знаніе иностранныхъ языковъ.— «А мы, продолжала М—ки, какъ разъ ихъ и не знаемъ... почти никто. Ну, еще по-французски туда сюда, а по-нѣмецки... Ну, да, впрочемъ, какъ-нибудь справимся. Давайте, господа, распредѣлять, кто о чемъ будетъ писать»... И начались разговоры: кому писать о государственномъ устройствѣ западныхъ державъ, кому о партіяхъ... Я молча слушала, наконецъ, рѣшила спросить: какія же державы будемъ мы изучать?—«Германію, Францію, Америку, Швейцарію, Англию»...

— А Россія? развѣ ея государственное устройство...

— Если вы интересуетесь этимъ, то сами можете прочесть,— замѣтилъ кто-то.

Этого было достаточно... даже слишкомъ. Я не знала, сердиться ли мнѣ, возмущаться ли или презрительно улыбнуться. Такъ разсуждать могли гимназистки V класса. Я сочла совершенно бесполезнымъ тратить слова на возраженія: для меня достаточно было и того, что я услышала.

Предсѣдательница начала чтеніе главы «Законы о печати». Я слушала разсѣянно, такъ меня поразило подобное равнодушіе къ своему; ужъ если «необходимо» изучать, то во всякомъ случаѣ начать надо со своего, а никакъ не съ чужого. И потомъ—такой пренебрежительный тонъ, такая нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ... Читали очень недолго. Подали чай. Всѣ сидѣли молча, разговоръ не клеился... Наконецъ, черезъ полчаса всѣ разошлись.

Я ушла домой съ намѣреніемъ при первой же возможности выйти изъ этого кружка. Оставляя его послѣ перваго же раза мнѣ не хотѣлось, я все-таки рѣшила не спѣшить и сначала присмотрѣться ближе къ ходу занятій. Отношенія членовъ къ предполагаемымъ рефератамъ обозначились на первомъ же собраніи: ихъ брали лѣнливо, отговариваясь неимѣніемъ времени, словомъ, что называется, «спустя рукава»...

22 ноября. О, какъ давно я не писала! Рѣшительно не было возможности остаться наединѣ сама съ собою, некогда углубиться въ себя, некогда думать... словомъ, жизнь захватила ме-

ня. Днем на лекціяхъ, вечеромъ—или занимаешься, или идешь въ театръ, или на публичную лекцію; поздно вернешься домой, усталая отъ дальней ходьбы, и валишься на постель спать, съ массою интересныхъ мыслей и впечатлѣній... Сколько новаго! Безконечная панорама жизни развертывается передъ тобою, приглашая тебя принять участіе въ этомъ непрерывномъ движеніи впередъ и впередъ...

Я была на трехъ публичныхъ лекціяхъ Исаева: «Настоящее и вѣроятное будущее нашего народнаго хозяйства»; эти лекціи дали мнѣ понятіе о современномъ неудовлетворительномъ состояніи народнаго хозяйства. Къ сожалѣнію, конецъ ихъ не соотвѣтствовалъ моимъ ожиданіямъ: вмѣсто того, чтобы нарисовать картину положенія, къ какому мы придемъ, если будемъ вести свое хозяйство, какъ теперь оно ведется, профессоръ очень осторожно коснулся вопроса о томъ, какъ надо измѣнить его, и что изъ этого выйдетъ. А вѣдь это «надо» такъ легко можетъ остаться только словомъ.

Засѣданіе Комитета Грамотности, на которомъ я присутствовала, было очень бурное: все время шли пренія. Разбирался вопросъ объ ассигновкѣ 2.000 руб. ежегодно на предпринятое Комитетомъ статистическое изслѣдованіе положенія школьнаго дѣла въ Россіи. Нашелся одинъ оппонентъ, недавно вступившій въ члены Комитета, который доказывалъ, что подобная трата денегъ совершенно излишняя, что у Комитета Грамотности есть болѣе прямая задачи, это—грамотность. Изъ всего собранія нашелся только одинъ, который возразилъ этому ярому стороннику исключительно грамотности настолько дѣльно и мѣтко, что его привѣтствовали громкими апплодисментами. Въ залѣ была масса публики, преимущественно изъ учащейся молодежи—студентовъ всѣхъ заведеній и насъ тоже со всевозможныхъ курсовъ. Замѣчательно, что среди студентовъ я не встрѣтила ни одного мундира лицеиста, или правовѣда, или вообще изящно одѣтаго студента: молодежь была въ старенькихъ мундирахъ, у иныхъ даже рубашки простыя и волосы лохматые и вообще внѣшность не привлекательная, но съ какою жадностью прислушивались они къ каждому слову каждой рѣчи! Какое напряженное вниманіе было на ихъ лицахъ, въ ихъ глазахъ! Какъ жарко они аплодировали удачнымъ возраженіямъ, хорошей рѣчи или докладу!—И чувствовалось, глядя на эти простыя лица, что въ нихъ, во всей этой молодежи, здѣсь собравшейся, есть сила, что всѣ они—сторонники народа, его будущіе учителя и защитники отъ притѣсненій, чувствовалось, что они здѣсь—не даромъ,

а если кто и пришелъ для «временпрепровожденія»—тогъ, навѣрно, ушелъ со стыдомъ на душѣ...

Да, въ этой залѣ дѣлалось хорошее дѣло... неотложная, необходимая работа. И мои убѣжденія здѣсь, въ столицѣ, получаютъ все болѣе и болѣе подтвержденій *de facto*. Въ настоящее время, при такомъ положеніи вещей, наиболѣе симпатичная и, главное, плодотворная, необходимая дѣятельность—въ деревнѣ, въ селѣ, въ городѣ—для народа. И теперь я вижу, что это на самомъ дѣлѣ такъ. Если бы только не препятствія на каждомъ шагу, можно было бы сдѣлать и еще больше, чѣмъ теперь сдѣлано.

26 ноября. Какъ много пришлось узнать и передумать за этотъ, сравнительно небольшой, промежутокъ времени. Писать— некогда; живешь изо-дня-въ-день: днемъ на лекціяхъ, вечеромъ— или занимаешься, или жадно читаешь то, что раньше казалось недоступнымъ... Хотя у насъ есть и инспекція, хотя директоръ въ началѣ года, когда мы только-что приѣхали, и предупредилъ насъ, что иногда бываютъ обыски (мы повѣсили было носы и, съ тоскливымъ недоумѣніемъ глядя другъ на друга, спрашивали: да зачѣмъ же это? вѣдь у насъ ничего нѣтъ!),—но и къ намъ проникаютъ заграничныя «нелегалныя» (какъ здѣсь выражаются) изданія... Я прочла кое-что и поэтому теперь хотя немного ознакомилась со всѣмъ «тѣмъ», о чемъ какъ-то смутно слыхала у себя дома. Прочтенныя мною немногія вещи дали мнѣ болѣе ясное и точное понятіе, чѣмъ если бы мнѣ кто-нибудь вздумалъ все «разъяснить»; я предпочитаю знакомиться съ дѣятельностью «этихъ» людей и ихъ жизнью, ихъ убѣжденіями непосредственно по ихъ сочиненіямъ, чѣмъ изъ рассказовъ и разговоровъ постороннихъ. Тяжелое раздумье охватило меня, когда я ночью дочитывала послѣднія страницы одной брошюры, гдѣ рассказана исторія возникновенія и дѣятельности революціонныхъ партій. Что это? Тяжелый, смутный сонъ, или печальная дѣйствительность? И это все было, и это все правда? Да что же это такое, или эти люди дѣйствуютъ, какъ въ угарѣ отъ собственныхъ идей?... Развѣ такъ нужно работать на пользу народа? Развѣ не безобразно, не возмутительно средство, къ которому прибѣгъ Стефановичъ, чтобы возмутить народъ? Мнѣ стоило усилій сдержать крикъ негодованія, который готовъ былъ вырваться изъ груди, когда я читала тѣ строки, гдѣ такъ откровенно рассказано это дѣло. Сердце переполнилось безконечною жалостью къ несчастной, темной массѣ, которая была игруш-

кой въ рукахъ этихъ людей... Чего они добились? Только того, что правительство стало еще строже, и ужъ ни въ какомъ случаѣ не было либерально. Народъ взяли подъ опеку; соприкосновенія интеллигенціи съ народомъ стали бояться, заподозрѣвая въ каждомъ интеллигентѣ, идущемъ въ народъ, какъ бы ни были честны и благородны его убѣжденія,—врага правительства, который сообщитъ массѣ либеральныя идеи.

Время шло... Освобожденный народъ все еще неграмотенъ и теменъ, невѣжественъ до безконечности... Надо его просвѣщать... Нужны школы, нужны учителя, люди образованные. Но правительство уже научено опытомъ, каково вліяніе «интеллигентовъ» на народъ. Уже не разбираетъ, что съ тѣхъ поръ успѣло образоваться новое поколѣніе интеллигенціи, искренно желающей работать на благо народа, для его просвѣщенія, не преслѣдуя никакихъ иныхъ цѣлей. «Подозрѣвая» cadaго интеллигента—правительство боится давать ему въ руки народную школу. И въ результатѣ вопросъ о народномъ образованіи неразрывно связанъ съ политикой, чего ни въ какомъ случаѣ не должно было бы быть. Печально! И вотъ учреждаются церковно-приходскія школы. Что это за школы—всякому извѣстно. Дали было народу школу земскую, которою онъ былъ доволенъ—нѣтъ, не подходитъ,—даютъ ему церковно-приходскую. Даже выдумали нѣчто новое и совсѣмъ уже неподходящее—церкви-школы. Это было хорошо и умѣстно въ XIII—XIV в.в., когда образованіе неразрывно было связано съ монастырями и вообще все носило церковный характеръ; въ современной же жизни такое учрежденіе—вопіющій диссонансъ... Кромѣ того: ужъ если такъ, то, чтобы не лицемерить, надо учредить подобныя же и среднія школы для всѣхъ классовъ общества; ужъ если воспитывать въ религіозномъ направленіи—такъ всѣхъ безъ исключенія, руководствуясь высшею цѣлью, не земными благами. А то—взяли подъ опеку только народъ и обращаются съ нимъ, какъ съ малымъ ребенкомъ, въ то самое время, когда всѣ остальные классы общества живутъ болѣе или менѣе свободно, а главное—могутъ жить умственной жизнью, развиваться... Народу предоставляется возможность—научиться только читать и писать, да еще въ такихъ школахъ, большинство которыхъ существуетъ только на бумагѣ!

Безспорно, наше государство тѣсно связано съ церковью. Да вѣдь никто изъ людей, истинно понимающихъ народъ и пользу народную, и не станетъ отрицать важности и пользы преподаванія религіи и ея вліянія на нравственное развитіе челоуѣка. Но не надо навязывать духовенству, и безъ того зава-

ленному массою дѣла, еще лишнюю тягость. Школа является для него именно лишнею тягостью, которой некогда заниматься, и немудрено, что онѣ кое-какъ существуютъ и не приносятъ никакой пользы. А дѣло г-жи Штевень, одно оно, какъ ясно показало всей читающей Россіи, въ какомъ положеніи находится у насъ теперь дѣло народнаго образованія. Какъ все печально, какъ мало даетъ надежды на лучшее будущее!.. Больше всего мнѣ жаль тѣхъ, кто дѣйствуетъ безсознательно, или бываетъ игрушкой въ чужихъ рукахъ. А такую игрушкою всегда является темная масса. Если бы только людямъ, знающимъ народъ и понимающимъ его, была предоставлена свобода дѣйствій, если бы всюду открывались земскія школы, или въ тѣхъ же церковно-приходскихъ былъ расширенъ курсъ преподаванія и были бы хорошіе учителя! Вотъ тѣ скромныя желанія, пока. Осуществите ихъ, предоставьте народу возможность и учиться, и развиваться нравственно. Развитіе ведетъ къ нравственному совершенствованію, къ поднятію благосостоянія. О народномъ хозяйствѣ я еще ничего не знаю, но и здѣсь—желательно, чтобы возможно больше было сдѣлано.

28 ноября. За послѣднее время я замѣчаю, что нѣкоторыя вещи на меня производятъ сильное впечатлѣніе... Я даже не ожидала ничего подобнаго... Я прочла недавно въ сборникѣ для самообразованія статью Семевскаго по крестьянскому вопросу, и такъ какъ я по этому предмету еще ничего не читала, то была такъ поражена, мнѣ вдругъ съ такою поразительною ясностью представилась картина «сыновей несправедливости», какъ называю я крѣпостное право,—что я, какъ уничтоженная, бросилась на постель и долго не могла заснуть, чувствуя сильное возбужденіе. Мнѣ хотѣлось сейчасъ же идти къ народу, сдѣлать для него—хоть что-нибудь сдѣлать... Я чувствовала, что на мнѣ точно долгъ какой-то лежитъ по отношенію къ несчастному, вѣками угнетенному народу, которому наконецъ-то дали свободу... Да, за то, что онѣ были вѣками угнетены, закрѣпощены, за эту возмутительную несправедливость, которая только могла существовать, всѣ должны послужить ему теперь, въ свою очередь...

29 ноября. Въ нашей временной квартирѣ постоянный шумъ и движеніе, несмотря на то, что насъ живетъ всего 8 человѣкъ. Живя въ небольшомъ обществѣ, конечно, легче ближе познакомиться, чѣмъ въ большомъ интернатѣ. Все это хорошіе люди; всѣ болѣе или менѣе усердно занимаются, интересуются пред-

метами, читають... Но... почему же ихъ общество опять-таки не можетъ удовлетворить меня? Я со всѣми въ хорошихъ отношеніяхъ, но и только; стараюсь искать въ нихъ чего-нибудь, что бы онѣ могли дать мнѣ,—а онѣ ничего не даютъ. Несмотря на то, что занятія всюду—и справа и слѣва (я живу въ средней комнатѣ, вдвоемъ)—все-таки нѣтъ той освѣжающей умственной атмосферы, которая, казалось, должна бы создаться. Мелочность и чисто-женская придирчивость развиты здѣсь ничуть не меньше, чѣмъ въ любой необразованной женщинѣ. Не слышать ни одного интереснаго разговора или спора; меня поражаетъ отсутствіе какихъ-либо высшихъ жизненныхъ запросовъ или научныхъ интересовъ, когда мы сходимся всѣ вмѣстѣ за чайнымъ столомъ. Такъ себѣ, болтаемъ пустячки, а иногда даже несносный вздоръ; со стороны послушать—даже тошно станеть. Ведутся самые обыкновенные житейскіе разговоры о погодѣ, о томъ, кто гдѣ былъ, что гдѣ случилось; кто-нибудь придерется къ другому, завяжется споръ, невинный, но шумный; крикливые голоса двухъ сестрицъ П-рь рѣзко выдѣляются на общемъ фонѣ; шумъ, гвалтъ, а изъ-за чего, подумаешь? Часто предлагаются вопросы уже совсѣмъ институтскаго характера, вродѣ того: кто всѣхъ красивѣе? или: какъ вамъ нравится такая-то? (впрочемъ, слово «нравится», конечно, относится къ наружности). Подобные интересные вопросы возбуждаютъ соотвѣтственные разговоры... А о нетерпимости—и говорить нечего. Она здѣсь такъ сильно развита, что я буквально отвыкла выражать искренно свое мнѣніе о чемъ-либо. Мнѣ столько разъ возражали, и такъ грубо, такъ рѣзко, что я уже не рискую заводить разговоры о чемъ-либо, тѣмъ менѣе о томъ, что меня интересуетъ. Словомъ, я, оставаясь со всѣми въ хорошихъ отношеніяхъ, ушла въ свою раковину... Тяжелѣе всего то, что всегда приходится быть на виду, и какъ бы ни была разстроена—все-таки должна сдерживать себя, чтобы (Боже упаси!) не отвѣтить кому-либо на навязчивые вопросы (буде ихъ предлагать) слишкомъ односложно, или нервно, или съ явнымъ нежеланіемъ продолжать разговоръ. Сейчас же обидятся, придерутся; найдутся охотники поддержать; и вотъ мнѣ, вскорѣ послѣ того реферата, который меня такъ разстроилъ, что я на назойливые вопросы—«какъ, ну, что, расскажите»—односложно отвѣтила: нечего рассказывать,—уже пришлось выдержать цѣлую бурю негодованія, которая поднялась послѣ этого краткаго отвѣта.—«Какъ! вы не хотите отвѣчать? Какъ это нелюбезно съ вашей стороны!»—«Да, чего отъ Дьяконовой ожидать! Вѣдь уже про нее давно извѣстно, что она на

курсахъ всѣхъ обрываетъ!—Ея даже боялся, я знаю нѣсколькихъ, которыя жаловались мнѣ на ея грубость...—Немудрено, если съ вами никто не захочетъ сойтись... вы оттолкнете своею грубостью...» щедро сыпались обвиненія изъ устъ «развитыхъ» дѣвицъ, которыя никакъ не могли сообразить самой простой вещи, что я такъ была разстроена, что человѣку прямо не по себѣ, что онъ не можетъ же быть всегда, во всякую минуту готовъ къ ихъ услугамъ. Тогда, за мною вслѣдъ, пришла въ нашу общую квартиру одна сестра П-рь,—и крикливо, какъ торговка, размахивая руками, начала разсказъ о рефератѣ; всѣ слушали съ любопытствомъ...—«Вотъ, г-да, кто разскажетъ, такъ ужъ разскажетъ»—и всѣ, какъ стадо барановъ, повернулись въ ея сторону;—и я услышала похвалу П-рь, которая, очевидно, предназначалась, какъ шпилька по моему адресу.

Чтобы прекратить всѣ подобныя заявленія, я, скрѣпя сердце, сказала, когда П-рь кончила:—Господа, какъ видите, рефератъ былъ настолько плохъ, что мнѣ прямо было непріятно о немъ разсказывать!... Никто не слыхалъ моихъ словъ, потому что уже начался другой споръ...

И вотъ сегодня, когда я, наконецъ, опять увидѣлась съ М. Е., придя въ ея тихую, милую комнатку, когда я опять могла видѣть и говорить съ близкимъ человѣкомъ,—я не выдержала, и невольно у меня вырвались рыданія и, упавъ головой на колѣни М. Е., я расплакалась, какъ ребенокъ.

Она испугалась:—«Да развѣ можно быть такой нервной, Лиза? Здѣсь, въ Петербургѣ, это невозможно; вамъ надо лѣчиться»...

— Нѣтъ! увѣряю васъ, что я вовсе не нервная. Это я только такъ... потому что у себя, въ интернатѣ, никогда не показываю имъ ничего, и меня никто не считаетъ нервной,—съ трудомъ говорила я, стараясь овладѣть собой.

Это и въ самомъ дѣлѣ глупо. Что за вздоръ—нервы. Эхъ, если бы была возможность, я вылѣчилась бы своимъ способомъ: холодная ванна каждый день; потомъ гимнастика... Жаль, что здѣсь нѣтъ ни того, ни другого. А то это лучше всякихъ лѣкарствъ. Но самое лучшее—умѣть владѣть собой. Что за глупыя созданья мы, женщины! Неисправимы! Слезы и нервы—очевидно, прирожденные средства нашего пола.

30 ноября. Недавно у насъ была вечеринка. Я и раньше весьма скептически относилась къ ней; мнѣ, когда я присмотрѣлась къ своимъ интернаткамъ, казалось, что на ней не можетъ быть

весело, что непременно будетъ чего-то не доставать... Но то, что я слышала, то, что было преподнесено собравшимся въ видѣ «литературно-музыкально-вокальнаго отдѣленія», превзошло всѣ мои ожиданія: нельзя было хуже пѣть, читать и играть, чѣмъ это сдѣлали шестеро изъ девяти исполнительницъ. Стыдно было за нихъ, смѣшно и стыдно передъ собравшимися профессорами, которыхъ мы приглашаемъ на эти вечеринки (это единственный мужской элементъ, который допускается). Первые два ряда были заняты ими, и рѣдко когда на долю такой достойной публики выпадало такое недостойное исполненіе. Но хуже всего были сами слушательницы: послѣ каждаго номера, не разбирая, онѣ хлопали изо всѣхъ силъ, кричали: бисъ... Толпа и на этотъ разъ показала себя тѣмъ, что она есть: недисциплинированная, обрадовавшаяся случаю пошумѣть;—хлопать начали всему, что слышали съ эстрады, не отдавая себѣ отчета, хорошо ли, нѣтъ ли, и тѣмъ еще болѣе поощряя беззаастѣнчивую смѣлость бездарностей, которыя терзали слухъ то завываніемъ, читая стихи, то играя на роялѣ, то пѣніемъ. Зато тѣмъ рѣзче среди ничтожностей выдѣлялись три исполнительницы. Одна изъ нихъ обладаетъ почти опернымъ голосомъ, и я, стоя за роялемъ, ясно читала на лицахъ профессоровъ восхищеніе, когда она пѣла. У насъ, конечно, есть и такія, которыя хорошо играютъ, поютъ, но именно всѣ наиболѣе способныя и отказались... Изъ скромности, должно быть? Въ такомъ случаѣ, очень жаль...

Концертное отдѣленіе кончилось; профессора и мы перешли въ нижнюю залу, гдѣ были приготовлены столы съ чаемъ. (Эти вечеринки устраиваются въ пользу кассъ, которыя существуютъ на каждомъ курсѣ; билетъ стоитъ 25 коп., чай 3 коп.). Распорядительницы-кассирши встрѣчали профессоровъ при входѣ въ залъ; онѣ же со своими помощницами продавали чай, булки. Конечно, для профессоровъ это угощеніе было бесплатно...

Что же будетъ дальше? спросила я себя, видя, какъ зала постепенно наполняется народомъ, что мало-по-малу образуются группы и расходятся къ столамъ.—«Давайте занимать Середонина»—раздалось вдругъ надъ моимъ ухомъ. Я обернулась—передо мною стояла Д—ва, очевидно, знакомая съ Середонинымъ. Мнѣ было рѣшительно безразлично: скучать ли весь вечеръ одной, или итти «занимать» профессора. Я предпочла послѣднее, надѣясь поближе познакомиться хоть съ однимъ изъ нашихъ профессоровъ. Мы вмѣстѣ подошли къ Середонину; она, дѣвица чрезмѣрно бойкая и юркая, смѣло атаковала его сразу массою вопросовъ, на которые онъ не успѣвалъ отвѣчать.—

«Г-нъ профессоръ, а вы почему такъ поздно пришли? Это не хорошо, не годится»—говорила курсистка.—Извините, я опоздалъ, но я не могъ иначе... въ другой разъ буду раньше, непременно,—въжливо извинялся Середонинъ.—«Ну, смотрите, не извольте же»; капризно-фамиллярнымъ тономъ барышни продолжала Д—ва... Разговоръ грозилъ принять чисто-свѣтскій безсодержательный характеръ гостинной болтовни, потому что она говорила безъ умолку, не давая сказать ни слова профессору, который изъ вѣжливости не рѣшался оставить насъ. Надо было это прекратить. Я тихо спросила Середонина о какомъ-то вопросѣ по исторіи; заговорили о ней, о лекціяхъ; мы подошли къ столу, предложили ему чаю и усѣлись тутъ же. Другія первокурсницы, привлеченныя любопытствомъ, подошли къ намъ, за ними—еще, около нашей группы образовался тѣсный кружокъ, который точно отрѣзалъ насъ отъ залы, такъ что ни видѣть, ни наблюдать уже не было возможности. Середонинъ, очевидно, чувствовалъ себя очень непринужденно въ нашемъ кружкѣ; разговоръ носилъ то отчасти научный характеръ,—и тогда становился наиболѣе интереснымъ, то свѣтской болтовни,—какъ только новыя лица вступали въ разговоръ. Въ общемъ—онъ плохо рекомендовалъ первокурсницъ, потому что часто, очень часто разговоръ принималъ совсѣмъ гимназическій характеръ; съ Середонинымъ говорили такимъ тономъ, какимъ гимназистки обращаются къ своему учителю, когда встрѣчаются съ нимъ не на правахъ ученицы, но «барышни». Ахъ, какой вздоръ говорили онѣ! Какіе глупые вопросы задавали! Наконецъ, когда Д—вой опять удалось заговорить съ Середонинымъ—все уже пропало: пришлось поддерживать до такой степени ненужную и неинтересную болтовню, что я въ глубинѣ души была рада, когда къ Середонину подошла его невѣста (одна изъ слушательницъ IV' курса) и велѣла ему ѣхать домой. Среди насъ послышался недовольный ропотъ, но невѣста—на то и невѣста, чтобы женихъ находился въ ея распоряженіи. Послѣ ухода Середонина я посмотрѣла на часы: былъ уже 1-ый часъ—пора домой. Многія уже расходились. Я прошла еще разъ по залѣ: наши бродили по комнатѣ, разбившись на группы; въ одномъ углу толпа окружала Гревса. Многіе профессора уже уѣхали. Больше нечего было смотрѣть, нечего дѣлать. Я отправилась домой и долго сидѣла на постели, раздумывая надъ всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ... Даже какъ-то не вѣрилось: да полно, неужели все это было у насъ, здѣсь, на курсахъ?...

6 декабря. Завтра въ Дворянскомъ собраніи вечеръ въ пользу

Общества доставленія средствъ нашимъ курсамъ. Приглашены извѣстные артисты: Фигнеръ, Тартаковъ, еще кто-то и артистки. Заранѣ предвидя, какая скука меня ожидаетъ на вечерѣ, когда, по окончаніи концерта, начнутся танцы, я рѣшила быть дѣйствующимъ лицомъ, т. е. что-нибудь «дѣлать»—по хозяйственной части, продавать, помогать кому-нибудь; это, мнѣ кажется, все же лучше, чѣмъ, не имѣя ни души знакомыхъ (а курсистокъ, навѣрно, потеряешь въ толпѣ, да у нихъ есть свои знакомые), слоняться безцѣльно по залѣ или подпирать ея стѣны, когда передъ твоими глазами будутъ кружиться пара за парой. Впрочемъ, говорятъ, въ третьемъ году на вечерѣ профессора говорили рѣчи, между ними—Гревсъ, Семевскій... Было интересно, и хорошія мысли возбуждались въ молодежи, но зато распорядительницу бала потребовали къ градоначальнику. Эхъ, жизнь!...

«По нынѣшнимъ временамъ», вмѣсто того, чтобы слушать прекрасныя, увлекательныя, пылкія рѣчи, я буду продавать прохладительныя напитки въ качествѣ помощницы распорядительницы. У насъ распорядительницъ выбирали баллотировкой. Подумаешь, не вѣсть какое важное дѣло! Стоитъ ли для того, чтобы выбрать трехъ человѣкъ поизящнѣе, порасторопнѣе,—писать билетки съ фамиліями, потомъ ихъ раскладывать, потомъ считать, потомъ объявлять результаты голосованія... Хотѣли даже выбирать и помощницъ (по двѣ у каждой распорядительницы), да во-время спохватились: вѣдь это было бы уже совсѣмъ пустой потерей времени...

Я чувствую, что буду недовольна собой... Къ чему я взялась за это дѣло?—Вѣдь я могла бы уѣхать тотчасъ послѣ концерта. Но я же знаю, что не уѣду: странное свойство человѣческой натуры—противорѣчить самой себѣ.

Меня увѣрили, что продавщицамъ надо быть одѣтыми въ свѣтлыя платья. Я выписала изъ дому свой единственный вечерній туалетъ, къ слову сказать, очень нарядный и изящный, и завтра—къ своему собственному удивленію—обращусь изъ скромной, просто одѣтой и гладко причесанной курсистки въ изящную барышню. Да, я буду зла на себя... и тѣмъ болѣе, что заранѣе знаю, какъ наши интернатки щедры на комплименты, чисто институтскія аханья и восклицанія по поводу платьевъ...—«Господа, Дьяконова будетъ очень интересна на вечерѣ... она будетъ въ розовомъ платьѣ,—вы не видали? какая прелесть!»—слышу я уже и теперъ. Но въ общемъ все-таки очень мало слышишь разговоровъ о вечерѣ и туалетахъ (и слава Богу, а то, кажется, сбѣжала бы), и въ этомъ проявляется характерная чер-

точка: у насъ, если и занимаются тряпками, то именно en passant, въ крайней необходимости, не дѣлая изъ этого событія въ жизни или предмета разговора на цѣлый вечеръ. Мнѣ даже стало смѣшно на самое себя: почему-то многія уже и теперь даютъ мнѣ совѣты насчетъ прически, завивки, такъ что я пресерьезно раздумывала, стоитъ ли завиваться на вечеръ, не будетъ ли это съ моей стороны излишнее,—настолько заниматься собой, тратить много времени... не лучше ли, не болѣе ли соотвѣтствуетъ моему теперешнему положенію—скромная и простая гладкая прическа?—«Къ такому платью ваша всегдашняя прическа не идетъ»,—рѣшила за меня одна изъ нашихъ интернатокъ.

Однако, завтра ботаника, вставать надо въ 9 часовъ утра и потомъ придется рано ѣхать на вечеръ къ своему посту... Пожалуй, устану до послѣдней степени.

10 декабря. Былъ вечеръ, сошелъ весьма удачно, какъ это, впрочемъ, и всегда бываетъ; нашъ вечеръ даетъ Обществу для доставленія средствъ В. Ж. К. около 4-хъ тысячъ чистаго дохода. Я пріѣхала рано и уѣхала поздно... Впервые увидѣла я всю, такъ сказать, подкладку этихъ благотворительныхъ вечеровъ, всѣ приготовленія, хлопоты по устройству столовъ, ихъ украшеній и т. д., однимъ словомъ—какъ дѣлается все то, на что публика менѣ всего обращаетъ вниманія... Сколько разъ, напр., пила я чай на какихъ-нибудь вечерахъ, и никогда, конечно, не думала о томъ, что этотъ стаканъ былъ кѣмъ-нибудь налитъ; а на другой день послѣ бала, блѣдная, утомленная экономка, раздавая завтракъ въ столовой, рассказывала: — «Вернулась я, барышни, домой въ 6½ час.—дѣла-то сколько было! Однихъ лимоновъ 500 штукъ разрѣзали... Устала—страшно, а сегоднѣ въ 8½ встала»...

Ровно въ 4 часа окончился вечеръ; лакей, важный и бритый, торжественнымъ шагомъ прошелъ по всѣмъ заламъ молча, звеня въ колокольчикъ; мнѣ онъ показался тѣнью отца Гамлета среди этой пестрой, нарядной, веселой толпы. Въ залѣ погасло электричество; полутемныя опустѣвшія комнаты, за нѣсколько минутъ еще ярко освѣщенныя, полныя народа—казались теперь такими мрачными, неуютными... Публика вся исчезла внизъ, въ раздѣвальныя; распорядительницы за своими столами торопливо пересчитывали вырученныя деньги и потомъ вереницей потянулись къ кому-то сдавать счета. За контрольнымъ столомъ «комитетская» дама въ кокетливомъ туалетѣ принимала деньги и записывала... Мы, помощницы распорядительницъ, зѣвали, стоя тутъ

же, и собирались уѣзжать... Прислуга суетилась, убирая посуду; полусонные лакеи бродили, какъ тѣни... И мнѣ вдругъ бросился въ глаза весь беспорядокъ, въ которомъ стояли стулья, облитыя скатерти на столахъ, грязные стаканы изъ-подъ чаю...

У меня нѣтъ никого знакомыхъ; даже ни одного студента, хотя почти у всякой курсистки ихъ наберется нѣсколько человекъ. Сидя за столомъ, машинально наливая стаканы оршада, лимонада и получая деньги, я думала: нельзя сказать, чтобы это было весело... вотъ у другихъ продавщицъ знакомые помощники-студенты, они разговариваютъ очень оживленно, видно сейчасъ, что имъ весело... А тѣхъ, которыя продаютъ цвѣты (для этого нарочно выбрали трехъ самыхъ изящныхъ блондинокъ), навѣрно, окружили знакомые... Хотѣла ли я быть на ихъ мѣстѣ, сидѣть въ первой комнатѣ, въ зеленой бесѣдкѣ?—Нѣтъ; потому, что и меня тогда окружали бы, какъ окружаютъ ихъ теперь, путейцы, техники, студенты, артисты—пришлось бы и мнѣ также мило улыбаться, вести ту же пустую, незначительную болтовню о погодѣ, о театрахъ, о вечерахъ,—однимъ словомъ, «свѣтскій» разговоръ... И тогда была бы я недовольна, и теперь нельзя было сказать, что я была очень довольна. Я, наконецъ, разозлилась на себя за свою требовательность: что же лучше? Сидѣть въ зеленой клѣткѣ и продавать цвѣты и свои улыбки, или же просто продавать питье за своимъ небольшимъ столикомъ, вовсе не будучи окруженной, но зато и не ведя утомительной болтовни? Вѣдь послѣднее все же было лучше. Итакъ, вечеръ прошелъ для меня—ни весело, ни скучно, какъ я и думала.

Въ самый разгаръ нашей торговли, къ нашему столику подошелъ студентъ и попросилъ позволенія присѣсть на свободный стулъ. Я, конечно, позволила; онъ усѣлся и задумался. Я сидѣла рядомъ съ нимъ; мнѣ то и дѣло приходилось продавать, получать деньги, передавать стаканы помощникамъ-студентамъ, говорить съ ними и со своими товарками... и все въ присутствіи совершенно посторонняго человека, который откуда-то взялся, сидеть, молчать... Это меня стѣсняло; мнѣ становилось неловко, что въ нашу дружную компанію попалъ чужой человекъ, и я мысленно пожелала, чтобы онъ или скорѣе ушелъ, или хоть заговорилъ изъ приличія. И онъ, дѣйствительно, задалъ какой-то вопросъ относительно вечера... Мы разговорились; потомъ онъ всталъ и предложилъ мнѣ оставить на нѣсколько времени мою обязанность и пойти отдохнуть. Я пошла съ нимъ бродить по заламъ... мы ходили, разговаривали, и ничего: разговоръ клеился. Наконецъ, онъ представился и, въ свою очередь, спросилъ у меня

мое имя и фамилію. Такъ мы познакомились, и онъ даже попросилъ позволенія навѣстить меня въ интернатъ. Я согласилась, удивляясь въ душѣ такому быстрому ходу знакомства съ человекомъ, о которомъ полчаса тому назадъ и понятія не имѣла; но въ то же время сообразила, что ничего не потеряно: или это знакомство не состоится, если онъ придетъ и не застанетъ меня дома, и не осмѣлится притти въ другой разъ,—или просто забудетъ о моемъ существованіи, и его просьба о позволеніи бывать у меня окажется пустыми словами—тѣмъ лучше, я буду осторожнѣе относительно подобныхъ субъектовъ; если же, паче чаянія, онъ и вправду придетъ и дома застанетъ,—тогда я буду имѣть возможность доставать черезъ него книги изъ университетской библіотеки. Какъ я теперь присмотрѣлась къ нашей жизни, то вижу, что студентъ, въ сущности, необходимъ именно для книгъ, для того, чтобы онъ доставалъ билеты, вообще—для услугъ. Говорю такъ потому, что къ нашимъ интернаткамъ постоянно ходятъ студенты, люди очень интересные, и наши тяготятся ихъ посѣщеніями, которыя у нихъ отнимаютъ время для занятій, но все-таки поддерживаютъ знакомство именно ради «услугъ». А такъ какъ я тоже сомнѣваюсь въ томъ, чтобы была возможность познакомиться съ интересными людьми, то надо желать болѣе доступнаго, ну, хоть кого-нибудь для «услугъ», и главное—ради книгъ! Какъ онѣ мнѣ нужны! И какъ трудно ихъ достать...

13 декабря. Была у завѣдующей интернатомъ, члена комитета Ольги Константиновны Н. Это—очень симпатичная молодая женщина. Ей, какъ принимающей живое участіе въ дѣлахъ курсовъ, конечно, извѣстна моя исторія, единственная въ своемъ родѣ, которая такъ ярко освѣщаетъ благородную и гуманную личность М. Н. Капустина. О. К., познакомившись со мной, отнеслась ко мнѣ въ высшей степени симпатично, и мнѣ довольно часто приходилось разговаривать съ нею на курсахъ. Она пригласила меня бывать у нея, и я собралась только сегодня. О. К. живо интересуется нашей жизнью, занятіями и моей предстоящей поездкой домой на праздникъ. Этотъ мой пріѣздъ, по ея мнѣнію, да и по мнѣнію многихъ, долженъ доказать моей матери всю неосновательность ея предразсудковъ, ея предубѣжденія противъ курсовъ. О. К. начала меня спрашивать о моей семьѣ, и достаточно было немногихъ словъ, чтобы она задала мнѣ вопросъ, который я слышу уже во второй разъ:—«Скажите, да откуда же въ васъ явилось такое желаніе учиться? Какъ, при такихъ обстоя-

тельствѣхъ, въ васъ явилась мысль поступить на курсы?» Вопросъ лестный для меня, но въ то же время онъ меня и удивилъ.—«Можетъ быть, изъ вашей гимназіи кто-нибудь былъ на курсахъ?»—Нѣтъ; изъ 2-ой гимназіи, гдѣ я воспитывалась, никто не поступаетъ на высшіе курсы; я—первая, поступившая оттуда.—«Такъ, значитъ, и не изъ гимназіи вы вынесли подобную мысль?» Я до такой степени сроднилась со своимъ стремленіемъ, съ мыслью о необходимости продолжать свое образованіе, что подобный вопросъ даже приводитъ меня въ недоумѣніе... И въ самомъ дѣлѣ? Какъ мнѣ отвѣтить на вопросъ: какъ, при всѣхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, могло во мнѣ зародиться подобное желаніе? Съ какихъ поръ? Я въ точности не помню... помню только, что я, уже будучи 14-тилѣтней дѣвочкой, рѣшила, что въ 21 годъ буду на курсахъ. А какъ пришла мнѣ въ голову мысль о высшемъ образованіи—я никогда не задавала себѣ подобнаго вопроса; я считала, что это такъ естественно, такъ просто, что тутъ и спрашивать нечего и удивляться нечему... Приблизительно только я могла отвѣтить О. К., что меня всегда поражала узость взглядовъ женщинъ, недостатокъ умственного развитія, а главное и единственное, что я могла изрѣдка наблюдать,—разговоры мужчинъ и женщинъ. Первые меня всегда болѣе интересовали тѣмъ, что были содержательнѣе пустой женской болтовни, переливанія изъ пустого въ порожнее. Я стала сравнивать тѣхъ и другихъ: читая книги, изучая литературу, біографіи писателей, а главное—образованіе мужчинъ и женщинъ, я увидѣла, что образованіе необходимо для умственного развитія, что мужчина по окончаніи гимназіи идетъ въ университетъ, а для женщины—три дороги на выборъ: или мѣсто учительницы въ селѣ или городѣ, или безцѣльное сидѣнье дома до замужества, или же бѣготня по грошевымъ урокамъ. И все это начинается для нихъ въ такое время юности, когда передъ мужчинами открываются двери университета, когда онъ учится, читаетъ, думаетъ, идетъ впередъ, масса новыхъ идей возбуждается въ немъ,—а мы обречены довольствоваться скудными обрывками гимназическихъ знаній, элементарныхъ понятій, почерпнутыхъ изъ учебниковъ. Я всегда склонна была критически относиться къ своему образованію, къ гимназическому преподаванію... Само собою разумѣется, что въ разговорѣ съ О. К. я не такъ подробно развила свою мысль; я ограничилась только очень краткими словами... и не успѣла я кончить, какъ раздался звонокъ, затѣмъ другой, и въ комнату вошли обычные посѣтители средъ О. К.

Завязался общій разговоръ о курсахъ, о недавнемъ вечерѣ,

о томъ, сколько получено доходу, о петербургскомъ женскомъ клубѣ и т. д. Этотъ женскій клубъ разрѣшенъ не какъ клубъ, но подъ именемъ Русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества; но, очевидно, судя по началу, это—первая попытка женщинъ создать свой клубъ на манеръ американокъ. Какъ взаимное благотвореніе, общество намѣтило нѣсколько задачъ, между прочимъ—учрежденіе дешевыхъ квартиръ для бѣдныхъ интеллигентныхъ женщинъ, доставленіе имъ занятій, организацію дешевой столовой, чтеніе лекцій по разнымъ спеціальностямъ—для женщинъ. Общество будетъ имѣть свою читальню; входъ въ собраніе ежедневный для всѣхъ членовъ. Однимъ словомъ—очень и очень похоже на клубъ, даже съ избраніемъ старшинъ, дежурныхъ. Мужской элементъ не допускается, несмотря на то, что ему страшно хочется, и онъ употребляетъ всѣ старанія, чтобы попасть туда. О. К. была разъ въ собраніи членовъ этого общества и говоритъ, что тамъ очень весело и оживленно. Говорили и о женскомъ медицинскомъ институтѣ. Боже мой! Врядъ ли когда-нибудь настолько полезное и необходимое учрежденіе встрѣчало столько препятствій для своего возникновенія: до сихъ поръ не рѣшено окончательно, гдѣ же строить институтъ?—Отводятъ гдѣ-то мѣсто, но это пока еще только слухъ.

14 декабря. На-дняхъ утромъ я пошла на лекцію богословія. Добрый батюшка вошелъ, смиренно самъ прочелъ молитву: Царю Небесный (онъ сначала было просилъ насъ самихъ читать ее передъ каждой лекціей, но, видя, какъ два или три раза произошло замѣшательство, вслѣдствіе того, что никто не рѣшался читать, теперь всегда самъ читаетъ, войдя въ аудиторію) и началъ защищать ученіе Библии отъ взглядовъ разныхъ ученыхъ и ихъ теорій... Онъ старался доказать, что Библия не противорѣчитъ наукѣ, что сами ученые, несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ отрицаютъ существованіе Бога, необходимость религіи, все-таки должны признать, должны вывести изъ изученія исторіи человѣчества, что въ человѣкѣ всегда жила могущественная потребность въ религіи, въ стремленіи узнать Бога, объяснить себѣ явленія природы, ея возникновеніе; человѣку всегда была присуща мысль о вѣчности, о томъ, что со смертію не все въ насъ исчезнетъ, а останется нѣчто. Человѣкъ всегда старался проникнуть въ тайны неизвѣстнаго, за гробомъ... Батюшка говорилъ, заикаясь, путаясь въ словахъ, и поэтому... какъ слаба казалась его защита вѣры! Я слушала внимательно и съ интересомъ, но для тѣхъ, кто и вообще не особенно симпатично относился къ

религии,—для тѣхъ убѣжденія и доводы батюшки были, конечно, очень слабы, тѣмъ болѣе, что изложеніе вовсе не отличалось краснорѣчіемъ, а физическій недостатокъ еще болѣе портилъ всю лекцію.

Черезъ два часа, въ той же аудиторіи, Гревсъ читалъ интересную лекцію о христіанствѣ, какъ историческомъ явленіи, имѣющемъ огромное значеніе въ исторіи народовъ. И здѣсь впервые я услышала рѣчь о христіанствѣ не съ той обычной строго-религіозной точки зрѣнія, съ какой я обыкновенно привыкла смотрѣть на него. Не касаясь вопросовъ религіи, Гревсъ разбиралъ вопросъ объ изученіи этого историческаго явленія. Этимъ вопросомъ стали заниматься сравнительно очень недавно, начиная съ 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Само собою разумѣется, что въ числѣ писателей, занимавшихся этимъ вопросомъ, Гревсъ выше всѣхъ ставилъ Ренана и его «*Les origines du christianisme*», разбирая содержаніе каждой книги. Ренанъ рекомендовался намъ для чтенія, Ренанъ назывался великимъ гениемъ; благодаря его деистической теоріи—какъ сказалъ профессоръ—человѣчество прогрессируетъ, и, такимъ образомъ, ему удастся когда-нибудь притти къ познанію истиннаго Бога... Бѣдный батюшка!

А вечеромъ я читала лекціи Милюкова: «Введеніе въ курсъ русской исторіи». Тамъ мнѣ бросилось въ глаза то обстоятельство, что наша церковь оказывается вовсе не такъ тѣсно связанной съ государствомъ, если разсмотрѣть историческій процессъ.

15 декабря. Завтра уѣзжаю домой. Устала до послѣдней возможности; почти сплю за тетрадкой. Домой! Какъ-то меня встрѣтитъ мама? Говорю—неизвѣстно, настолько мало ее знаю. А меня всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ. О, какъ я буду рада видѣть ихъ всѣхъ, сестеръ, братьевъ! Сколько я могу имъ рассказать, сколько надо сообщить...

Уже глаза слипаются... не могу писать больше...

Ярославль, 25 декабря. Вотъ уже цѣлая недѣля, какъ я дома, и не вижу, какъ время идетъ... Первые радостныя минуты встрѣчи со своими, потомъ—безконечные разговоры и рассказы. Дома, конечно, ничего не измѣнилось. Но мама удивила меня своимъ отношеніемъ ко мнѣ: она встрѣтила меня очень ласково и, кажется, была очень успокоена, видя, что я нисколько не перемѣнилась, что ничего ужаснаго со мною не случилось, и что курсы

не оказали на меня никакого «вреднаго» вліянія. Вполнѣ игнорируя курсы, она, тѣмъ не менѣе, съ любопытствомъ разспрашивала меня о моемъ житѣ въ интернатѣ, и такъ какъ то, что я рассказывала, было вполнѣ успокоительнаго характера, то ей не къ чему было придратъся, и она была спокойна. Но зато она съ необыкновенной для меня щедростью принялась заботиться о моихъ туалетахъ, находя ихъ слишкомъ плохими. Разсчитывая существовать въ Петербургѣ исключительно на собственныя средства, я, конечно, не могу теперь одѣваться такъ, какъ одѣвалась прежде. И вотъ, мамѣ надо было найти хотя бы одну, по ея мнѣнію, неприглядную сторону моего существованія; не находя ея въ моихъ рассказахъ, но найдя ее въ моемъ туалетѣ (къ слову сказать, вполнѣ приличномъ), она обратила теперь на нее всѣ свои заботы, и, къ великому моему удивленію, заботится о моихъ платьяхъ совершенно такъ, какъ будто бы у насъ не было отдѣльнаго имущества, а она обязана намъ все дѣлать. Я прихожу въ ужасъ отъ такой безпощадной траты денегъ, но маму убѣдить—невозможно. Съ непривычки, мнѣ кажется обиднымъ принимать отъ нея столько подарковъ, даже невозможнымъ, неестественнымъ, смѣшнымъ быть одѣтой на «чужой счетъ», какъ я выражаюсь. А главное—мнѣ ничего не надо; я неустанно твержу это мамѣ, и этимъ, кажется, только больше подливаю масла въ огонь.

Странная женщина—моя мать! Или—стоитъ поставить себя разъ вполнѣ самостоятельно, то она въ свою очередь начнетъ относиться по-человѣчески? Удивляюсь. Когда подумаешь обо всемъ, что пришлось вынести изъ-за нея въ эти годы,—горечь и злоба подымаются въ душѣ; когда же видишь передъ собой ее теперь, по отношенію ко мнѣ—доброю и ласковою, по отношенію къ сестрамъ и младшему брату—деспотичною, по отношенію къ старшему брату—слѣпо любящею и подчиняющеюся,—то чувствуешь къ ней какую-то жалость... Она тратитъ на меня деньги... и я, не привыкнувъ брать ихъ когда бы то ни было, чувствовала себя неловко, когда она не захотѣла принять деньги за мое содержаніе... Родные, конечно, будутъ порицать меня за подобное отношеніе; для нихъ какъ нельзя болѣе естественно, что мать даетъ деньги дочери, тѣмъ болѣе, что она даетъ, не урѣзывая себя, а прямо оттого, что у нея есть лишнія. А мнѣ—стыдно. И въ то же время, если не надѣтъ сшитаго ею платья—я знаю, что для нея это будетъ большою обидой... Фу, какое глупое положеніе!

Я была такъ рада видѣться съ сестрами; мнѣ такъ хотѣлось

передать имъ все, что я узнала, все, что видѣла и слышала, въ особенности Валѣ, которую я заранѣе считаю будущей слушательницей. Мнѣ хотѣлось, чтобы она, поступая, была бы уже au courant относительно всего, съ чѣмъ мнѣ неожиданно пришлось столкнуться, и я посвящала ее во всѣ тѣ стороны нашей жизни, какія мнѣ приходилось наблюдать. А между тѣмъ—въ ней произошла перемѣна, которой я никакъ не ожидала: она стала какъ-то уже черезчуръ благоразумно смотрѣть на жизнь; говорить, что всѣ клятвы В. относительно ихъ фиктивного брака—наивный вздоръ, одни слова; и теперь, собираясь выходить за него, уже твердо увѣрена, что ей придется сдѣлаться женою своего мужа, и, печально поникнувъ головой, прибавила:—«Можетъ быть, и на курсы мнѣ не удастся поступить».—Ну, ужъ этого не можетъ быть! Ты поступишь!—вскричала я.—Мы съ тобой будемъ вмѣстѣ... Но сестра неотразима. Отчего же это? Или мы обѣ были такъ наивны нынче весною, что вѣрили въ возможность осуществленія фиктивного брака? Но для меня и теперь—при сильной волѣ, это можно сдѣлать; всѣ же утверждаютъ, что невозможно, невысказано... Никто не вѣритъ въ возможность идеальныхъ отношеній...

1896 годъ.

1-ое января. Новый годъ! Въ первый разъ въ жизни встрѣчаю я его какъ самостоятельный человѣкъ, болѣе или менѣе свободный; въ первый разъ въ жизни прошлый «Новый годъ» внесъ въ мою жизнь новое, то «счастье», о которомъ я столько лѣтъ мечтала, къ чему я такъ стремилась, надеждой на которое жила... Новый годъ застаётъ меня уже какъ слушательницу курсовъ... и отчасти—новымъ человѣкомъ. О, если бы я могла дѣйствительно сдѣлаться новымъ человѣкомъ, человѣкомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова!

7 января. Въ концѣ декабря В. пріѣхалъ сюда и теперь проводитъ всѣ дни со своей невѣстой. Свадьба его и сестры предполагается въ апрѣлѣ. Онъ—счастливъ; сестра же напоминаетъ мнѣ ребенка, которому дали интересную и замысловатую игрушку, подъ названіемъ «женихъ», и онъ не можетъ натѣшиться ею. Со всѣмъ тѣмъ она прелестна, наша Валя, полу-ребенокъ, полу-женщина. Рядомъ съ нимъ она кажется такой пассивной... Несмотря на всѣ увѣренія В., что онъ будетъ исполнять всѣ ея желанія, что онъ будетъ у нея «подъ башмакомъ»—думается мнѣ, что наоборотъ: Валя будетъ слушать его... Какъ подумаешь, что

во всемъ этомъ дѣлѣ она была, въ сущности, пассивнымъ лицомъ, что она больше плакала, чѣмъ дѣйствовала,—мнѣ становится ея жаль. Но, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе сестра привыкаетъ къ В. и къ своему положенію невѣсты. Ее начинаетъ интересовать предстоящая жизнь; домашняя обстановка съ каждымъ годомъ становится все тяжелѣе и невозможнѣе; до совершеннолѣтія ей еще долго ждать, и перспектива въ недалекомъ будущемъ получить свободу, стать самостоятельнымъ человѣкомъ—начинаетъ ей улыбаться. В. она начинаетъ называть всякими уменьшительными именами... Меня удивляетъ его сдержанность: въ нашемъ присутствіи онъ обращается съ сестрою, какъ и съ нами, церемонно называя ее по имени и отчеству, и ничѣмъ не выдавая своего чувства. А между тѣмъ—стоитъ мнѣ уйти, и онъ, по словамъ Вали, сейчасъ же переходитъ на «ты», цѣлуетъ ея руки... Я стараюсь, чтобы они какъ можно больше бывали наединѣ, ухожу въ свою комнату, читаю...

9 января. Я никогда не забуду своего проступка, которому нѣтъ извиненія, и за который совѣсть постоянно будетъ упрекать меня. Дня за три до Рождества я получила письмо отъ Ю. П. Щ—ной, которая просила меня разузнать о здоровьѣ ея внука—кадета здѣшняго корпуса. Я отправилась туда, встрѣтила въ пріемной воспитателя, который и сообщилъ мнѣ, что мальчикъ боленъ воспаленіемъ въ легкихъ, но теперь поправляется, такъ какъ кризисъ уже былъ и кончился благополучно.—«Да вы не хотите ли сами видѣть мальчика?»—спросилъ онъ меня. Я почему-то подумала, что мальчикъ, навѣрно, будетъ стѣсняться незнакомой дѣвушки, вдобавокъ посѣщающей его въ лазаретѣ; кромѣ взаимной неловкости, ничего не выйдетъ изъ этого свиданія, а между тѣмъ воспитатель далъ о немъ самое успокоительное извѣстіе.—Зачѣмъ же я пойду въ лазаретъ?—рѣшила я и отказалась, попросила передать ему коробку конфетъ и уѣхала. Написала обо всемъ Ю. П. Въ Новый годъ получаю отъ нея письмо. Опять просить сходить, узнать о мальчикѣ, отпустятъ ли его къ роднымъ для поправленія здоровья (мальчикъ—кавказецъ и плохо переносилъ нашъ климатъ). На другой день я пошла въ корпусъ. На этотъ разъ нужно было видѣть директора. Не успѣла я договорить своего вопроса, какъ онъ прервалъ меня.—«Евфорицкій скончался сегодня».—Какъ?—я была поражена.—Да вѣдь я же недавно была здѣсь, справлялась о немъ, и мнѣ сказали, что ему лучше?—«Да, и было лучше; но мальчикъ былъ очень слабый, у него не хватило силъ поправиться, и онъ умеръ просто отъ

истощенія. Вообще, нашъ климатъ южане трудно переносятъ. У меня на рукахъ еще 5 или 6 такихъ мальчиковъ, и я за нихъ не ручаюсь»...—Когда же онъ умеръ?—«Сегодня, въ три часа». Я взглянула на часы: было половина пятаго. Приди я двумя часами раньше или вчера же, — я застала бы мальчика въ живыхъ. — Можно его видѣть?—спросила я.—«Пожалуйста; пройдите въ лазаретъ... тѣла не тронуть до приѣзда доктора».

Мы прошли по длинному корридору въ небольшую, слабо освѣщенную палату, въ которой стояли всего двѣ постели. На одной изъ нихъ лежалъ мальчикъ, прикрытый одѣяломъ, въ спокойной позѣ спящаго человѣка. Это и былъ маленькій покойникъ. Я подошла къ постели. Лица его не было видно; онъ лежалъ спиною ко мнѣ... Черная, гладко остриженная дѣтская головка... Ничего ему больше не было нужно, бѣдному маленькому человѣку, оторванному отъ семьи, отъ родного юга и случайно брошенному на нашъ сѣверъ (какъ сынъ военнаго, онъ учился на казенный счетъ). Не нужно было бесполезныхъ сожалѣній, не нуженъ былъ ему и мой приходъ... Мнѣ надо было притти къ нему раньше, мнѣ надо было принять участіе въ бѣдномъ ребенкѣ, который такъ тосковалъ по родинѣ, и у котораго здѣсь не было ни родныхъ, ни знакомыхъ. А я? Повѣривъ словамъ воспитателя, не справившись у доктора, не побывавъ въ лазаретѣ, — я преспокойно уѣхала домой, какъ будто бы и впрямь исполнила долгъ свой... А потомъ? Да вѣдь первые дни праздника я и не подумала о немъ; затѣмъ поѣхала въ Нерехту на два дня... Я проводила время среди своихъ, а мальчикъ—всѣ эти дни угасалъ тихо, медленно и одинокій. Если-бъ я стала навѣщать его... почему знать? Вѣдь это была бы единственная свѣтлая сторона его жизни въ казенныхъ стѣнахъ лазарета; если бы я приняла въ немъ участіе—я была бы единственнымъ болѣе близкимъ ему человѣкомъ, замѣнивъ ему хоть отчасти родныхъ.

Но я ничего для него не сдѣлала. Умѣя сочувствовать гуманности и горячо принимать къ сердцу всѣ вопросы, касающіеся ея, я, какъ только на практикѣ представился случай для примѣненія человѣчности и сочувствія, сама пропустила его. Вотъ что значить мало любить людей! Если бы я была добра, то въ этомъ случаѣ поступила бы какъ должно, по влеченію сердца... А я... вѣрно нѣтъ во мнѣ этой доброты? И вспоминать теперь не могу, какъ возмутительно равнодушно, безразлично было мое поведеніе въ этомъ случаѣ.

Мнѣ кажется, что я никогда не забуду этого лазарета, кровати и лежащаго на ней мальчика. Пусть эта картина будетъ

моя живая совѣсть... Ахъ, нѣтъ ничего тяжелѣе, нѣтъ ничего хуже упрековъ совѣсти! Вотъ уже недѣля прошла съ тѣхъ поръ, а я ихъ чувствую такъ же живо, какъ будто это было вчера!

Да, правы, пожалуй, всѣ, которые меня не любятъ (по моему мнѣнію), правы всѣ, которые видятъ во мнѣ одни недостатки и строго судятъ меня. Правы они! Ничего лучшаго я не стою! Ничтожная, мелкая, дрянная душонка! Скверная натурашка! Эхъ, туда же, говорю о развитіи, учусь... а коснулось дѣло самаго простаго житейскаго случая, въ которомъ представлялась возможность сердечнаго отношенія къ человѣку—и я спасовала, да еще какъ! Вотъ вамъ и развитіе! Я чувствую себя страшно виноватой, и мнѣ нѣтъ извиненія; я должна просить прощенія у Ю. П., рассказать ей обо всемъ. Но... что же изъ того? — получу прощеніе, да отъ этого мнѣ будетъ не легче...

С.-Петербургъ, 25 января. Началась моя обычная жизнь, отъ которой я оторвалась больше, чѣмъ на мѣсяцъ; все это время я ровно ничего не дѣлала, ничѣмъ не занималась, почти ничего относящагося къ курсу не читала. Какъ это случилось? я и сама не знаю: домашняя ли обстановка имѣла на меня такое вліяніе, или безтолковое распредѣленіе дня, отъ какого я было совсѣмъ отвыкла, или позднее вставаніе, или безконечные разговоры, или же, вѣрнѣе, моя любовь (въ данномъ случаѣ оказавшаяся излишней) къ литературѣ, заставившая меня читать нѣкоторыя произведенія, которыя я не могла прочесть здѣсь,—но, во всякомъ случаѣ, я виновата, и никто больше.

Слѣдствіемъ такого времяпровожденія было то, что я, хотя и чувствовала себя прекрасно въ своемъ семейномъ кругу, но въ головѣ сдѣлалась какая-то пустота, которую, казалось, ничѣмъ не заполнишь: ни мысли въ головѣ—какое скверное сознаніе... И я дошла до того, что могла цѣлые дни просиживать, сшивая себѣ воротнички и рукавчики (стыдь!)... Только въ разговорахъ съ сестрами время шло такъ хорошо, что иногда мнѣ хотѣлось еще остаться. Но, съ другой стороны, когда праздники кончились, началась наша будничная, томительно-однообразная, монотонная жизнь: сегодня, какъ вчера, а завтра—какъ и въ прошломъ, какъ и въ третьемъ году... Когда, проснувшись утромъ, я уже не видѣла брата, ушедшаго въ гимназію, а на антресоляхъ у сестеръ сидѣла ученица, я почувствовала, что мнѣ пора ѣхать, что надо приняться за дѣло. Туда, туда! скорѣе вырваться изъ этой стоячей воды! Я рѣшила не дожидаться конца отпуска и выѣхала раньше. И хорошо сдѣлала: лекціи уже на-

чались. Но вмѣсто занятій научныхъ, пришлось все время заниматься дѣлами В. Съ той минуты, когда онъ пришелъ ко мнѣ на курсы, всю свою личную жизнь я совершенно забыла, мое время мнѣ уже не принадлежало: состояніе духа В. въ первый день, какъ я его увидѣла, было очень тревожное.

Незадолго до прїѣзда В., у сестры явился еще влюбленный и писалъ ей трогательныя посланія, прося ее повременить свадьбой, если она выходитъ безъ любви, и дать и ему, быть можетъ, надѣяться на счастье... Бѣдная Валя! она плакала, читая это письмо, такъ же какъ и въ прошломъ году, читая письмо В., и, ни слова не говоря намъ, не находя опоры въ самой себѣ, она написала своему жениху такое посланіе, что онъ, себя не помня, прїѣхалъ въ Ярославль. Они объяснились. В. говорилъ мнѣ, что онъ готовъ былъ порвать все, узнавъ, что сестра колеблется, едва только появился другой претендентъ на ея руку, и увидя ея полную безхарактерность въ данномъ отношеніи. Грустно и смѣшно подумать: сестра поступала совершенно по-дѣтски,—и невольно становилось жаль ея. Свиданіе съ В. поправило дѣло: она увидѣла его около себя, опять начались длинныя прогулки, разговоры, все это настолько укрѣпило ея симпатію и привычку къ В., что она совершенно забыла о своемъ другомъ поклонникѣ. Дитя, дитя! милое, хорошее дитя! И при всемъ этомъ—она наша сестра вполнѣ. Она вовсе не влюблена въ В., не увлечена имъ, и нельзя сказать, что его любитъ, нѣтъ: она такая, какъ и мы, и это чувство незнакомо ей. Но между ею и В. есть столько общаго, онъ такъ близокъ къ нашей семьѣ, эта исторія его любви, которая продолжается вотъ уже около двухъ лѣтъ,—все это настолько возбудило ея симпатію, привязало ее къ В., что теперь она только ему и довѣряется вполнѣ, привыкнувъ къ нему... И вотъ, предо мною постепенно раскрывается состояніе души человѣка, который отъ равнодушнаго отношенія постепенно переходитъ къ хорошему, спокойному чувству симпатіи, довѣрія, привязанности: скоро она готова будетъ сдѣлаться «его»... Такова теперь Валя, выходя за В. Отъ него будетъ зависѣть дальнѣйшее его счастье: если онъ сумѣетъ воспользоваться этимъ хорошимъ къ нему отношеніемъ и еще болѣе привлечетъ сестру къ себѣ,—тогда счастье его упрочено. За сестру нечего бояться: она не принадлежитъ къ числу тѣхъ героинь романовъ, которыя, выйдя замужъ по спокойной привязанности, вдругъ, ни съ того ни съ сего, влюблялись въ первыхъ попавшихся людей, сумѣвшихъ возбудить въ нихъ страсть. Она—не изъ такихъ; допустимъ, что подобныя натуры не такъ

поэтичны, но что дѣлать: вѣдь мы всѣ въ подобномъ случаѣ прозаики, и весьма обыкновенныя, дюжинныя женщины.

В. пріѣхалъ сюда искать мѣста, не имѣя хотя бы рекомендательныхъ писемъ; бѣдный мальчикъ, конечно, не получилъ мѣста, и вдобавокъ его продолжало мучить поведеніе сестры, которая послѣ его отъѣзда вновь видѣлась со своимъ поклонникомъ. Она не хотѣла такъ поступать, но у нея не хватило духу отказать ему разговаривать съ нею (тотъ, къ счастью, опомнился, понялъ всю невозможность своего поведенія и болѣе не говорилъ съ нею о своей любви). В. чуть было не надѣлалъ глупостей—хотѣлъ ѣхать обратно въ Ярославль. Мнѣ нужно было его удержать, успокоить, уговорить и утѣшить, если можно, что я и дѣлала, какъ умѣла. Иногда мы проводили время въ воспоминаніяхъ прошлаго, и всѣ перипетіи этой исторіи какъ бы вновь вставали передъ нами; говорили о сестрѣ, о Малороссіи, о немъ самомъ, или же оба молчали: онъ, погруженный въ свои вѣчныя мечты о Валѣ, я—о нихъ обоихъ и о нашемъ положеніи, изъ котораго Валя можетъ выйти сейчасъ только посредствомъ замужества... И тогда мнѣ хотѣлось еще съ большей увѣренностью довести это дѣло до благополучнаго конца. Сестрѣ теперь нечего колебаться: пусть сначала выйдеть замужъ, а потомъ—поступить на курсы.

Въ первое время, когда я пріѣхала сюда, когда я наслаждалась, такъ сказать, своимъ положеніемъ свободнаго человѣка, мнѣ становилось мучительно жаль Валу, когда я раздумывала надъ ея положеніемъ. Она не увидитъ такой жизни; ей не придется жить такъ, какъ мнѣ, независимо... ей не жить тою свободною, чисто студенческою жизнью, какою мы живемъ: она будетъ на курсахъ уже замужней женщиной. И въ эти минуты мнѣ становилось ея до боли жалко, и хотѣлось мнѣ порвать все или же сдѣлать такъ, чтобы отложить свадьбу на нѣсколько лѣтъ... Мнѣ становилось какъ-то больно при одной мысли, что сестра уже не будетъ носить одну фамилію съ нами, что она уже не будетъ принадлежать намъ. Поступи я годомъ раньше на курсы, испытай сначала эту жизнь, быть можетъ, я не стала бы устраивать брака сестры съ В.; я сказала бы: подожди, пока кончишь курсы. Но я понятія не имѣла о курсахъ и о здѣшней жизни; я дала начало, потомъ, когда все постепенно улаживалось и устраивалось,—мнѣ ли было разрушать все? А между тѣмъ сознаю, что если бы по пріѣздѣ на Рождество я поддалась такому сожалѣнію, повѣрила своему чувству, то, пожалуй, могла бы отговорить сестру выйти за В.; могла бы сдѣлать такъ, что она до-

жидалась бы 21-го года и потомъ поѣхала сюда. Я убѣдила бы сестру, потому что знала то настроеніе, съ которымъ меня ждали дома. Но... мнѣ ли было разрушать? И почему знать: быть можетъ, она въ обществѣ В. скорѣе найдетъ удовлетвореніе, быть можетъ, жизнь ея съ нимъ будетъ для нея болѣе интересной...

Только однажды, осенью, я повѣрила этому чувству, написавъ Валѣ такое письмо, изъ котораго она не могла ничего понять; потомъ на ея вопросы я отвѣчала, что писала подъ вліяніемъ минуты, а пріѣхавъ домой, видя ее веселою и довольною съ В., я какъ-то сразу успокоилась. О, если бы только «все кончилось благополучно»...

В. уѣхалъ. Принимаясь за занятія, я чувствовала, что отупѣла до такой степени, что боялась взяться за что-нибудь: мнѣ все казалось, что я уже не могу ничѣмъ заниматься, что у меня такая плохая память...

11 февраля. Была на студенческомъ «чаепитіи», которое ежегодно устраивается въ день университетскаго праздника. Бѣдная молодежь! Разъ въ годъ ей разрѣшается собираться въ неограниченномъ числѣ, приглашать профессоровъ, литераторовъ, слушать и говорить рѣчи. Разъ въ годъ! Это немного. Я думала, что на этомъ вечерѣ никто изъ постороннихъ, за исключеніемъ гостей, не бываетъ; но оказалось, что нѣсколько билетовъ даются распорядителямъ для передачи знакомымъ курсисткамъ нашихъ и иныхъ курсовъ. Я еще не бывала ни на одной студенческой вечеринкѣ, о всѣхъ ихъ слыша такіе отзывы, которые отбивали всякую охоту пойти и посмотрѣть на нихъ.—«Не интересно... ни рѣчей, ни разговоровъ, танцы и пѣніе»...—говорили наши и уходили неудовлетворенныя. Но это «чаепитіе» было такимъ собраніемъ учащейся молодежи, на которое, дѣйствительно, интересно было пойти и посмотрѣть, и послушать.

8-го, утромъ, я получила небольшой оранжевый билетикъ, на которомъ была написана фамилія распорядителя и адресъ: Бассейная, кухмистерская Вишнякова, 4. Подходя къ дому, я замѣтила, что подъѣздъ былъ украшенъ какою-то драпировкой; молодежь прибывала: то въ одиночку, то группами. Поднимаясь по лѣстницѣ, я уже слышала шумъ и гвалтъ. Отворивъ дверь въ прихожую, я чуть не остановилась на порогѣ: предо мною была такая масса студенческихъ мундировъ, что въ глазахъ зарябило. Для дамъ была приготовлена отдѣльная раздѣвальня. Тамъ былъ уже полный беспорядокъ: шубы лежали кучами на полу, калоши, шляпы, муфты,—все это складывалось вмѣстѣ, гдѣ и какъ по-

пало. Трюмо, казалось, смотрѣло на насъ съ насмѣшкой, точно удивляясь: какъ оно попало въ эту заваленную платьемъ комнату, гдѣ царствовалъ полнѣйшій беспорядокъ, и гдѣ въ немъ отражались не изящные балльные наряды, а темныя, строго закрытыя платья и гладкія прически...

Я вошла въ первую комнату: студенты толпились у входа и проводили въ залъ. На насъ, курсистокъ, они не обратили ни малѣйшаго вниманія. Я пошла дальше. Въ залъ толпа медленно двигалась взадъ и впередъ; легкое облачко табачнаго дыма стояло надъ нею. Я нашла двухъ знакомыхъ курсистокъ и присоединилась къ нимъ, чувствуя себя, какъ въ лѣсу, среди этой огромной, чуждой толпы. Сѣсть было некуда, всѣ чайные столы были уже заняты; груды сухарей и бутербродовъ, стоявшія на столахъ, быстро таяли; изъ сосѣдней чайной, въ которой разливали чай, барышни то и дѣло сновали со стаканами въ залу. Мы стали у стѣны и начали... ждать. Кто будетъ говорить рѣчи и гдѣ, на какомъ мѣстѣ,—мои спутницы, тоже въ первый разъ бывшія на вечерѣ, не могли отвѣтить. Но вотъ толпа мало-помалу начала останавливаться, собираться въ кучки, точно въ ожиданіи чего-то. Раздались голоса: «слова, слова!—шш!...» пронеслось въ толпѣ, и всѣ мгновенно притихли. Никто не говоритъ. Шумъ вновь поднимается, снова крики: слова, шиканье, молчаніе... Я пробралась къ центру комнаты и, слѣдуя примѣру предусмотрительныхъ людей, влѣзла на столъ, чтобы лучше видѣть и слышать ораторовъ. Едва только я успѣла занять такую удобную позицію, какъ кто-то провозгласилъ:—«Леонидъ Егоровичъ Оболенскій просить слова».—«Слова! слова!» было отвѣтомъ. На стулѣ появился человекъ среднихъ лѣтъ, средняго роста, съ окладистой бородой, лысой головой и умнымъ, симпатичнымъ лицомъ. Онъ говорилъ твердымъ, звучнымъ голосомъ:— «Господа, то, что я хочу сказать сегодня, будетъ какъ бы продолженіемъ той бесѣды, которую многіе изъ васъ слышали... (онъ намекалъ на засѣданіе Историч. Об-ва, бывшее незадолго до Рождества, на которомъ поднялись горячіе споры, и на которомъ я не была),—но на этотъ разъ я взгляну на вопросъ съ другой точки зрѣнія»... И заговорилъ о примиреніи между марксистами и народниками на почвѣ практической дѣятельности, оставляя спорную почву—теоретическія убѣжденія. Онъ говорилъ горячо и умно, его рѣчь была совсѣмъ чужда узкой партійности, въ ней была видна широта взгляда, гуманность,—однимъ словомъ, она имѣла идеалистическій оттѣнокъ, и по всему этому не могла не понравиться мнѣ. Слушая эту рѣчь, я чуть не съ отчаяніемъ

чувствовала, что ничего не понимаю. Увы! я ничего не знала ни объ ученіи Маркса, ни о народникахъ, не читала новыхъ работъ нашихъ молодыхъ писателей-экономистовъ; имена Струве, Яроцкаго были мнѣ знакомы только по-наслышкѣ; я даже не читала журналовъ за послѣднее время. Но надо было стараться понять, что возможно, о сущности этихъ направленій изъ рѣчей. Кончилъ первый ораторъ; рукоплесканія. На его мѣстѣ появился проф. Яроцкій. Не успѣлъ онъ сказать нѣсколькихъ словъ о роли интеллигенціи въ обществѣ, какъ съ другой стороны, почти рядомъ со мной, поднялся высокій рыжеватый господинъ въ очкахъ—Струве и, отчаянно заикаясь и останавливаясь на каждомъ словѣ, сталъ возражать первому...

— «Вы говорите о примиреніи... вы совѣтуете соединиться для совмѣстной работы, какъ будто говоря о томъ, что человѣкъ руководствуется теоретическими убѣжденіями. Какова же должна быть практическая дѣятельность, если человѣкъ не будетъ руководиться своими убѣжденіями, и каковы же будутъ его убѣжденія, если онъ не будетъ проводить ихъ въ жизнь?... Ни о какомъ примиреніи не можетъ быть и рѣчи»...—Вотъ та основная мысль, которую я могла уловить изъ этой беспорядочной, полной перерывовъ и заминокъ рѣчи. Струве, быть можетъ, хороший писатель, но какъ ораторъ онъ лучше бы сдѣлалъ, если бы не говорилъ вовсе.

Это было началомъ спора между народниками и марксистами. Заговорили какіе-то студенты, возражая то народникамъ, то марксистамъ. Главнымъ пунктомъ споровъ была рѣчь Оболенскаго: кто хотѣлъ итти на «примиреніе», кто не хотѣлъ. Слышались слова: народъ... его благо, его польза, всѣ тѣ слова, о которыхъ столько разъ читала въ книгахъ. Спорили горячо, но убѣдить другъ друга все-таки не могли, и каждый остался при своемъ; молодежь жадно слушала, награждая ораторовъ шумными аплодисментами.

А народъ, изъ-за котораго шли здѣсь такіе горячіе споры,—онъ, навѣрно, спалъ теперь крѣпкимъ сномъ послѣ тяжелаго трудового дня, въ своихъ маленькихъ деревушкахъ, затерянныхъ среди необозримой снѣжной равнины... и, навѣрно, ему и не грезилося, да и въ голову притти не могло, что въ эту ночь, тамъ, далеко, «господа» судятъ и рядятъ о его положеніи и говорятъ мудренными, учеными словами. Любопытно, что сказала бы намъ деревенскій мужикъ, если бы онъ могъ попасть на это собраніе? Почесалъ бы онъ въ затылкѣ и ушелъ, или, уловивъ слово «помочь», понялъ бы его въ смыслѣ денежномъ?

Еще интереснѣе было бы привести на это собраніе заводчика, или фабриканта-милліонера, который послушалъ бы марксистовъ: усиленіе капитализаціи, рабочій пролетаріатъ.—Что бы онъ сдѣлалъ? Или, увѣренный въ своей силѣ, онъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ бы на людей, толковавшихъ на разные лады о капиталѣ, не имѣя ни его, ни фабрикъ и заводовъ, а между тѣмъ хотѣвшихъ произвести такую-то эволюцію? Или же онъ струсилъ бы и ушелъ поскорѣе, со злобой въ душѣ? Во всякомъ случаѣ, отъ него въ 9 случаяхъ изъ 10 нельзя было бы ожидать сочувствія...

Но вотъ какой-то студентъ вскочилъ на столъ и, обращаясь къ присутствовавшимъ, просилъ сказать рѣчь другого характера, не исключительно экономического, потому что человѣкъ живетъ не однимъ тѣломъ, но и душою,—и нельзя сосредоточить все вниманіе на одной матеріальной сторонѣ жизненныхъ вопросовъ. Это было какъ бы началомъ другой половины рѣчей: идейнаго содержанія. Послышались голоса, вызывавшіе популярнаго профессора Карѣева, но вдругъ раздались оглушительные апплодисменты, и на столѣ появилась сухошавая фигура старика съ вдумчивымъ выраженіемъ глазъ и длинною сѣдою бородою. Это былъ проф. Лесгафтъ, извѣстный всей здѣшной учащейся молодежи. Онъ сказалъ коротенькую рѣчь о житейской философіи, которую всякій человѣкъ создаетъ себѣ, и совѣтовалъ обратиться къ философіи мужика, которому всѣ такъ хотѣли помочь, и котораго всѣ такъ мало знаютъ. Его проводили гораздо меньшими апплодисментами,—явное доказательство, что рѣчь почтеннаго профессора оказалась ниже ожиданій. Потомъ появилась львиная голова Карѣева; говоритъ онъ хорошо, хотя и пишетъ, черезчуръ «размазывая». На этотъ разъ онъ сказалъ всего нѣсколько словъ о значеніи науки, не желая никому возражать, потому что, по его словамъ, атмосфера была и безъ того «насыщена электричествомъ». Да, правда, нельзя сказать, чтобы настроеніе было мирное...

Но всѣ эти рѣчи, всѣ споры, всѣ обращенія къ молодежи наводили на мысль: къ нашей молодежи обращаются теперь, съ такими же словами обращались и 10, и 20, и 30 лѣтъ тому назадъ; тѣ же слова, тѣ же идеалы... почему же, однако, обо всѣхъ этихъ прекрасныхъ идеяхъ говорятъ и до сихъ поръ, какъ будто онѣ въ жизнь не проводятся? Вѣдь прежняя молодежь, по выходѣ изъ университета, должна была бы дружно стремиться къ ихъ осуществленію? Или молодежь такъ скоро отказывается отъ юношескихъ убѣжденій по окончаніи курса? Вѣдь въ

большинствѣ случаевъ люди въ зрѣлые годы сожалѣють о годахъ молодости, объ утраченныхъ идеалахъ, твердятъ о разочарованіи...

Вотъ на эту мою мысль и отвѣтилъ одинъ симпатичный ораторъ, который напомнилъ молодежи, чтобы она увлекалась этими идеями не только въ стѣнахъ заведенія, но и въ жизни проводила ихъ, не страшась страданій.

Послѣднюю рѣчь говорилъ Мякотинъ. Это была самая лучшая изъ всѣхъ слышанныхъ. Она была хороша тѣмъ, что расширяла и объединяла все сказанное предшествующими ораторами: пусть марксисты и народники, сходясь въ практическомъ отношеніи, работаютъ вмѣстѣ на пользу народа, руководясь наукой и не пренебрегая изученіемъ жизни; въ то же время для болѣе полного изученія своихъ теоретическихъ убѣжденій они могутъ, они должны спорить, стараться научно выяснить себѣ основные вопросы.—Никому такъ много не апплодировали, какъ этому оратору.

Я уѣхала тотчасъ послѣ этой рѣчи, рѣшивъ, что болѣе никто говорить не будетъ, потому что ничего никто лучше не скажетъ,—такъ и было. Я вынесла хорошее впечатлѣніе отъ этого вечера въ умственномъ отношеніи: слышанныя рѣчи мнѣ многое дали, но никакъ нельзя было быть довольной отношеніемъ студентовъ къ намъ, слушательницамъ. Хорошо было тѣмъ, которыя пришли со знакомыми, но я, да и другія, у которыхъ ихъ не было, чувствовали себя какъ будто совсѣмъ чужими въ этой огромной толпѣ. Не только не было замѣтно товарищескаго, предупредительнаго вниманія, но даже не было оказано никакой вѣжливости; наше присутствіе они точно игнорировали: рядомъ съ нами стоялъ большой столъ, за которымъ сидѣло много студентовъ, и ни одинъ изъ нихъ не предложилъ намъ стула, хотя они должны были видѣть насъ, такъ какъ мы стояли неподалеку у стѣны. Если бы я не встрѣтила знакомыхъ курсистокъ, я такъ и провела бы весь вечеръ одна... никто не подошелъ бы ко мнѣ, какъ это обыкновенно дѣлается на тѣхъ вечеринкахъ и вечерахъ, гдѣ хозяевами бываетъ молодежь, которая заботится о гостяхъ; на этотъ же разъ хорошее товарищеское отношеніе было бы какъ нельзя болѣе умѣстно. Не было также и такихъ рѣчей, которыя вызвали бы восторгъ молодежи, придали бы ей тотъ энтузіазмъ, который такъ къ ней идетъ. Рѣчамъ апплодировали, но нельзя сказать, чтобы очень много и долго; или никто изъ ораторовъ не сумѣлъ такъ затронуть старыя темы о наукѣ, о благѣ народа, о значеніи интеллигенціи въ обществѣ, чтобы дѣйстви-

тельно зажечь сердца молодежи? Должно быть, въ наше прозаическое время не можетъ быть ничего подобнаго...

18 февраля, воскресенье. Всѣ ушли... какъ тихо!... Я дорожу этими рѣдкими минутами тишины и спокойствія; тогда остаешься наединѣ сама съ собою.

19 февраля, вечеромъ. Сейчасъ вернулась съ засѣданія, устроеннаго въ память 19 февраля 1861 года въ большомъ интернатѣ. Такъ какъ, несмотря на всѣ старанія молодежи, праздникъ въ этотъ день до сихъ поръ еще не установленъ, то мы рѣшили отпраздновать его по-своему: для чтенія было приготовлено нѣсколько книгъ, и одна изъ слушательницъ IV курса общала прочесть рефератъ о крестьянской реформѣ. Въ 8 часовъ вечера въ верхнемъ залѣ интерната было уже довольно много курсистокъ: онѣ сидѣли за длиннымъ столомъ, уставленнымъ казенными лампами подъ зелеными колпаками; все имѣло очень дѣловой видъ; такъ и хотѣлось положить по бѣлому листу бумаги около каждой изъ насъ и поставить колокольчикъ, чтобы засѣданіе вышло настоящимъ, и мнѣ вдругъ страшно захотѣлось встать, говорить, вести засѣданіе такъ, какъ я видала въ Комитетѣ Грамотности. Но вездѣсущая Д—ашъ первая сказала нѣсколько словъ по поводу цѣли нашего собранія и прочла нѣсколько страницъ изъ «Эпохи великихъ реформъ». Вслѣдъ за этимъ были прочитаны два стихотворенія, и оба довольно скверно, по поводу освобожденія крестьянъ. Наконецъ, пришла Г—ва и прочла свой рефератъ, который по своему содержанію нисколько не могъ привести насъ въ болѣе веселое настроеніе: она указывала всю оборотную сторону медали, всѣ недостатки реформы и нарисовала картину современнаго печальнаго экономическаго положенія крестьянъ. Для меня въ общихъ чертахъ это, конечно, было не ново, но о подробностяхъ я не имѣла ни малѣйшаго понятія и слушала чтеніе съ интересомъ. Этимъ рефератомъ собственно и закончилось все, относящееся къ этому дню. Г—ва предложила прочесть, какъ дополненіе, статью изъ какого-то журнала о впечатлѣніи, произведенномъ на крестьянъ манифестомъ объ освобожденіи, — всѣ заговорили: «читать, читать!» Но вмѣсто журнала появилась крошечная «интересная» брошюрка, и этого было достаточно, чтобы забыть о статьѣ... Всѣ притихли, слушая чтеніе, точно замерли въ позахъ напряженнаго вниманія. Въ эту минуту мы, безъ сомнѣнія, представляли очень характерную картину: слабо освѣщенная комната (лампы на сто-

лѣ уже давно были потушены), и мы всѣ, разбросанныя группами около большого стола у дверей, у камина, въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, слушающія съ напряженнымъ вниманіемъ. Все такъ и просилось, если не на картину, то на фотографію. Брошюрка была довольно длинная, и когда ее кончили, то о статьѣ никто уже и не заикнулся... Стали пѣть. Я впервые услышала студенческія пѣсни, и была пріятно удивлена прекрасными голосами нашихъ хохлушекъ. Небольшой хоръ (насъ всѣхъ было человѣкъ 50—60) пѣлъ очень стройно и съ увлеченіемъ: свѣжіе, звонкіе голоса невольно захватывали и настраивали какъ-то возбужденно. Сначала пѣли, конечно: «Изъ страны—страны далекой», потомъ Я—ва затянула шутивную сатирическую пѣсенку, съ захватскимъ припѣвомъ, изъ котораго я могла только разобрать: «черная галка, чистая полянка, ты, Марусенька, черноброва, чего не ночуешь дома?!» Каждый куплетъ этой безконечной веселой пѣсни возбуждалъ общее одушевленіе и смѣхъ, а хоръ послѣ этого еще веселѣе подхватывалъ свое: «черная галка» и т. д. Мнѣ даже весело стало: слова пѣсни звучали такъ задорно, припѣвъ положительно захватывалъ. Но кончилась эта пѣсня—и понеслись широкіе густые звуки: «Укажи мнѣ такую обитель»...

Наконецъ, хохлушки запѣли свои родныя пѣсни... Есть что-то невообразимо грустное въ ихъ напѣвахъ, меланхолически-нѣжное; не знаю, какъ назвать это, но оно дѣйствуетъ неотразимо. Мнѣ вдругъ стало такъ грустно, такъ живо вспомнилось все прошлое, вся жизнь нашей семьи...

25 февраля. Я такъ рѣдко пишу... теперь, когда моя жизнь измѣнилась, когда я добралась до пристани. Казалось—тутъ-то бы и писать, писать безъ конца, обо всемъ, и всю свою внутреннюю жизнь раскрывать въ молчаливыхъ бесѣдахъ со своимъ неизмѣннымъ молчаливымъ другомъ. Но выходитъ наоборотъ: я беру его все рѣже и рѣже, случайныя записи принимаютъ чисто-внѣшній характеръ. Я живу, жизнь захватываетъ меня; дни летятъ за днями, а тетрадка лежитъ себѣ въ портфель, точно забытая, ненужная... Даже затрудняюсь, какъ писать. Я занимаюсь цѣлыми днями, и все недовольна собою, и все мнѣ кажется, что я дѣлаю мало; иногда меня охватываетъ безумное сожалѣніе о прошломъ, объ этихъ четырехъ годахъ,—и это хуже всего. Положимъ, они—въ смыслѣ житейскомъ—не совсѣмъ потерянные: за это время я—могу сказать—окрѣпла духомъ, развилась, хоть немного, но узнала жизнь и людей; на курсы я поступила не юной неопытной дѣвушкой, а человѣкомъ со сложившимися уже убѣ-

жденіями, со своими выработанными взглядами, но зато мое умственное развитіе, мое круглое невѣжество во всѣхъ отрасляхъ знанія, приводитъ меня въ отчаяніе. Читаю ли я исторію, занимаюсь ли славяновѣдѣніемъ, или логикой,—внутренній голосъ твердитъ мнѣ: ты могла бы это все узнать раньше,—тогда у тебя были средства на книги, ты могла бы учиться по нимъ, а ты—предпочитала истратить ихъ на тряпки и брать ненужные уроки. Возможно было знать! надо было только приобрести нужныя книги. А что дѣлала я?—и опять передо мною мучительное заключеніе: тѣ четыре года—п о т е р я н н о е в р е м я. Съ какою завистью смотрю я на Маню Пр—ву, которой едва 18 лѣтъ, и которая въ такіе годы—уже столько знаетъ, столько работаетъ. А я? Въ 18 лѣтъ влачила безцѣльно-праздное существованіе обезпеченной барышни, терзаясь своимъ бездѣйствіемъ, не видя ни откуда ни помощи, ни утѣшенія и, можно сказать,—блуждая во тьмѣ собственнаго невѣжества,—читала безъ разбору все, что имѣла возможность прочесть... И вотъ результатъ: я—на курсахъ; на первыхъ уже порахъ написала совершенно невѣрно, чисто подѣтски, изложеніе данной профессоромъ статьи и ясно увидѣла въ этомъ всю свою неразвитость и неспособность.

О, Боже мой, да что же я такое? Я стремилась къ образованію, будучи совершенно неспособна, ниже всякой посредственности? Вѣдь мои способности, о которыхъ мнѣ столько твердили въ дѣтствѣ (я положительно могу одобрить себя за то, что всегда относилась крайне критически ко всѣмъ выражавшимся мнѣ похваламъ, искренно считала себя вполне недостойной ихъ), моя память—онѣ, должно быть, ослабѣли, притупились во время моего тяжелаго 4-хлѣтняго домашняго плѣна, въ продолженіе котораго имъ, къ несчастью, было такъ мало пищи и слишкомъ много такихъ житейскихъ дрязгъ, что онѣ могли только систематически притупляться. О, бѣдная Лиза! Несчастное, жалкое существо! Какъ я подумаю... о, нечеловѣческой стонъ готовъ вырваться изъ груди, и хочется упасть на землю и ничего не видѣть, не слышать, не чувствовать, не понимать... Ахъ! Воспоминаніями и упреками не поможешь дѣлу, не вернешь прошлаго... Мама! Если бы только она могла и хотѣла знать, каковъ ея деспотизмъ, каковы ея предразсудки!

Ну, впрочемъ, что жъ я? Безвозвратно прошлое, непоправимо сдѣланное. Къ чему терзать себя еще теперь? Или мало было мнѣ мученія и раньше?

Да, первое время я была такъ счастлива, такъ спокойна, мое прошлое точно заслонилось настоящимъ настолько, что и не ви-

дать его было. Но теперь, когда занятій стало больше, нѣтъ-нѣтъ, да невольно и вспомнишь прошлое.

27 февраля. Я теперь обращаю вниманіе на одну сторону своей жизни, о которой прежде никогда не думала, но разговоры о прошломъ лицъ, встрѣчавшихся мнѣ здѣсь, невольно заставили меня обратить на нее вниманіе. Это—то, что я совсѣмъ не вращалась въ обществѣ, не приходила никогда въ близкое соприкосновеніе съ нимъ, что у меня не было знакомыхъ молодыхъ людей, которые бывали бы у насъ. Слушая рассказы нѣкоторыхъ изъ нашихъ слушательницъ, такихъ же молодыхъ дѣвушекъ, какъ и я, ихъ воспоминанія о прошлой жизни, объ ихъ знакомыхъ, иногда даже объ ихъ увлеченіяхъ, я какъ-то невольно думаю: а вѣдь въ моей жизни ничего подобнаго не было... вотъ вся она передо мною—однообразная, монотонная, блѣдная внѣшними событіями, богатая—горемъ однимъ, но зато постояннымъ, и неприятностями, мелкими, неизмѣримыми для глазъ, но портившими всю жизнь, и лишь съ одною хорошею стороною—совмѣстною жизнью сестеръ и братьевъ.

Какъ-то разъ одна изъ нашихъ интернатовъ, въ минуту откровенности, разговорившись о своей жизни, довольно ясно намекнула, что ей пришлось уже многое пережить, и потомъ спросила меня:—«а вамъ пришлось испытать что-нибудь подобное?» Я отвѣтила отрицательно. Она удивилась:—«Значитъ, вы всю жизнь прожили, какъ подъ колпакомъ, не встрѣчаясь съ людьми?»—спросила она.—Да, въ данномъ случаѣ—не пришлось,—невольно усмѣхнулась я и мысленно добавила: «да и не придется», потому что здѣсь моя однообразная студенческая жизнь, съ ограниченнымъ кругомъ знакомства, опять-таки своихъ же товаровъ-курсистокъ, пройдетъ такъ же однообразно и спокойно и даже, пожалуй, безъ всякихъ сближеній со студентами, какъ и въ этотъ годъ; а пройдетъ это время, и если мнѣ удастся осуществить свое намѣреніе—получить мѣсто въ деревнѣ,—такъ будетъ еще менѣе случаевъ для какихъ бы то ни было знакомствъ.

Это—немножко скучно, но что жедѣлать? Если жизнь такъ складывается... не всѣмъ же все дается. Читая всевозможные рассказы, романы, этюды, гдѣ говорится о печальномъ положеніи женщины, которую никто никогда не любилъ, я отношусь къ этому какъ нельзя болѣе хладнокровно. Что-жь? Вѣдь не всѣмъ же; а если я не принадлежу къ этому избранному числу,—значитъ такъ и надо, такъ и лучше... Но жизнь никогда не можетъ оказаться скучной и печальной, если ее наполнить разумною, интересною дѣятельностью и руководиться при этомъ любовью къ людямъ вообще.

Однако, вот что дѣйствительно было бы хорошо и удобно—имѣть хоть одного знакомаго студента, только человѣка интереснаго, съ которымъ можно было бы обо всемъ поговорить, и котораго можно было бы приспособить для доставки книгъ, а иначе не стоить. Но я увѣрена, что это и не случится, именно потому, что мнѣ этого хочется,—моя судьба такая. Ну, что-жъ! велика важность, и безъ него можно обойтись... Нельзя же черезчуръ много требовать отъ жизни, въ особенности мнѣ,—которой ничего не дается сразу.

Скоро экзамены, въ половинѣ марта. Такъ какъ свадьба Вали предполагается въ самый разгаръ экзаменовъ, то я рассчитала, что мнѣ было бы выгоднѣе сдать сначала возможно большее число ихъ. Я намѣтила два, по латинскому и русскому языкамъ, и теперь отчаянно боюсь, хуже послѣдняго семинариста: а если не приготовилась, а если не сдамъ? (такъ какъ я совсѣмъ не посѣщала этихъ лекцій)...

1 марта, веч. Интересно, что сказали бы наши интернатки, если бы знали, что я сегодня исповѣдывалась и завтра буду приобщаться...

Насколько я могла подмѣтить изъ случайныхъ разговоровъ съ моими сожительницами,—однѣ изъ нихъ относятся скептически-равнодушно къ существованію Бога и вообще къ религіознымъ вопросамъ, другія съ мучительнымъ недоумѣніемъ, третьи—признаютъ Его, но совсѣмъ не признаютъ нашей религіи, съ ея обрядами, создавая себѣ свои теоріи; всѣ же вообще—относятся съ полнѣйшимъ индифферентизмомъ къ религіи такъ, какъ она есть теперь, къ ея обрядамъ, къ ея содержанію.

Въ прошломъ году, въ Ростовѣ, я случайно встрѣтилась съ молодымъ и симпатичнымъ священникомъ, который на мой вопросъ: что же надо дѣлать для того, чтобы правильно вѣровать, чтобы отличать религію истинную отъ ложной, — отвѣтилъ: — «надо изучать свою вѣру»... Эти слова меня поразили своею неожиданностью, и, однако, этотъ отвѣтъ былъ какъ нельзя болѣе естественнымъ. Правда, какъ же такое простое соображеніе не пришло мнѣ раньше въ голову? Вѣдь изучаемъ же мы музыку, языки, тьму всякихъ ненужныхъ предметовъ по окончаніи гимназіи, а о вѣрѣ не думаемъ? На школьной скамьѣ мы заучивали машинально то, что намъ даютъ учебники и толкуютъ учителя; Законъ Божій—мы считали учебнымъ предметомъ наравнѣ съ ариѳметикой и прочими, съ нимъ представленіе о религіи даже какъ-то не связывается. По окончаніи средняго учебнаго заведе-

нія кто выходитъ замужъ, кто такъ себѣ живетъ, ничего не дѣлая, кто трудится, кто учится, но никто не думаетъ о вѣрѣ: то, что мы вынесли изъ гимназіи—у однихъ обращается въ простую, немудреную вѣру безъ разсужденія, у другихъ она исчезаетъ подъ вліяніемъ обстановки, или вслѣдствіе собственныхъ убѣжденій.

Поступивъ сюда, я съ интересомъ ожидала лекцій богословія, надъ которыми слышала столько насмѣшекъ. Я думала, что такъ можно разсуждать только съ предвзятой точки зрѣнія, что въ богословіи нѣтъ ничего достойнаго насмѣшки, и когда о Рождественскій взошелъ на кафедру—я вся обратилась въ слухъ и ожиданіе. Но увы! лекціи богословія съ внѣшней стороны были прямо невозможны: батюшка до того заикался, что трудно слушать при всемъ желаніи, приходится напрягать все вниманіе, и въ концѣ концовъ, кромѣ утомленія, ничего не выносишь. Къ тому же, батюшка часто пропускалъ лекціи. Я бросила ходить на богословіе, но теперь читаю его предъ экзаменомъ, читаю, стараясь найти въ немъ все, о чемъ мнѣ твердили раньше: что это просто чепуха, которую учить не стоитъ, что лекціи никуда не годны, что богословіе заставитъ скорѣе потерять вѣру (какъ говорилъ намъ Введенскій), чѣмъ укрѣпить ее. Я читаю и, дѣйствительно, нахожу нѣкоторыя мѣста, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ убѣдить человѣка съ пошатнувшейся вѣрой, не могутъ ничего доказать; но я не могу смѣяться надъ этими страницами, потому что нахожу и такія, которыя мнѣ кажутся совершенно истинными. Таковы тѣ, гдѣ говорится о религіи, какъ о необходимой потребности человѣческаго духа, тѣ страницы, гдѣ разсматривается, хотя отчасти, исторія религіи. Но со всѣмъ тѣмъ все богословіе строитъ свои главнѣйшія основанія такъ, что они доступны только вѣрѣ, и невѣрующаго убѣдить не могутъ.—Доказательствъ, доказательствъ! требуютъ многіе, когда имъ начинаютъ говорить о Богѣ, безсмертіи души и т. д. Доказательства же богословія основываются на формѣ всеобщаго существованія религій, изъ этого оно выводитъ заключеніе о божественномъ происхожденіи человѣка, о прежнихъ непосредственныхъ отношеніяхъ съ Богомъ. Интересны, далѣе, разборы доказательствъ Декарта, Лейбница; лучшимъ же и наиболѣе убѣдительнымъ изъ всѣхъ является Кантовское доказательство, основанное на категорическомъ императивѣ. Онъ такъ ясно, такъ убѣдительно говоритъ человѣку о бытіи Высшаго Существа, такъ возвышенно... Но вѣдь самъ Кантъ отрицалъ религію во всѣхъ ея внѣшнихъ проявленіяхъ и, слѣдовательно, съ точки зрѣнія богослова, въ этомъ отношеніи неправъ.

Когда мнѣ говорили, что на курсахъ въ Бога не вѣрятъ, и предсказывали, что я непременно сдѣлаюсь невѣрующей, — я всегда была увѣрена, что этого не будетъ, что мои религіозныя убѣжденія тверды, и ихъ не такъ легко поколебать не только курсисткамъ, но даже самимъ курсамъ, даже лекціямъ профессоровъ. Когда я оборачиваюсь назадъ, то вижу, что я вѣрила прежде, какъ-то не разсуждая, не вдумываясь хорошенько, на что, собственно, я опираюсь, и что меня руководитъ въ моей вѣрѣ: вѣрила—ну и вѣрила, совершенно машинально, въ силу, должно быть, бессознательно отразившейся на мнѣ вѣры предшествовавшихъ поколѣній, которыя вѣровали такъ же просто, какъ и сами жили. И вотъ теперь я читаю эти лекціи серьезно, внимательно слѣдя за каждымъ словомъ, стараюсь поставить себя на мѣсто невѣрующихъ, спрашиваю себя: а это доказало бы мнѣ? произвело бы на меня впечатлѣніе? Но статья всецѣло на ихъ точку зрѣнія мнѣ не удастся. Я не могу отказаться отъ вѣры. Я чувствую, что что-то есть во мнѣ, что составляетъ часть меня самой, что отбросить я не въ силахъ, что живетъ во мнѣ съ дѣтства. Или во мнѣ есть та мистическая жилка, заставлявшая меня въ дѣтствѣ зачитываться житіями святыхъ въ огромныхъ Четы-Минеяхъ, которыя брала моя бабушка у о. Петра «почитать», и которыя увлекали меня мечтать о пустыняхъ, гдѣ спасались святые подвижники, о путешествіи туда, о келіи гдѣ-нибудь на скалѣ, гдѣ я непременно хотѣла жить послѣ, «когда вырасту большая».

Теперь я поняла, что надо выдѣлять при словѣ «вѣра». Вѣдь если во всемъ слѣдовать ученію церкви, то мало еще просто признавать существованіе Бога. За нимъ идетъ цѣлый рядъ догматовъ, Библія—въ ней ученіе о происхожденіи міра, человѣка. Но вотъ въ этомъ-то наука и сталкивается съ религіей и противорѣчить ей. Развѣ современная естественная наука не утверждаетъ теоріи постепеннаго развитія? Геологія—та считаетъ существованіе земли десятками тысячъ лѣтъ; сравнительное языковеденіе не станетъ руководствоваться въ своихъ изысканіяхъ сказаніемъ о строеніи Вавилонской башни и смѣшеніи языковъ. Религія же въ Библии даетъ намъ отвѣты на всѣ эти вопросы въ строго-религіозномъ духѣ. Наконецъ, намъ извѣстно и ученіе о Божественной личности Иисуса Христа и ученіе о Немъ, какъ объ исторической личности, отрицающее Его божественное происхожденіе, и которое нашъ батюшка навѣрное опровергнулъ бы по пунктамъ. Вотъ тѣ самыя рѣзкія, въ глаза бросающіяся противорѣчія, съ которыми мнѣ пришлось столкнуться...

Итакъ, мало одного основного вопроса: вѣрить или не вѣрить въ Бога? Если вѣрить, то какъ? Слѣдовать ли ученію церкви, или создавать себѣ свои выработанныя теоріи? Если слѣдовать ученію церкви, то принимать ли и внѣшнее выраженіе этой вѣры въ религіозныхъ обрядахъ? Если принимать, то всѣ ли обряды, какіе изъ нихъ намъ кажутся болѣе важными, имѣющими внутренней смыслъ, и какіе кажутся излишними, а иногда и устарѣвшими, непригодными при современномъ уровнѣ умственного развитія общества? Вотъ тѣ вопросы, на которые наталкиваешься при видѣ всѣхъ вышеприведенныхъ противорѣчій и взглядовъ, высказываемыхъ мнѣ нѣкоторыми изъ знакомыхъ курсистокъ. Хотя у меня ихъ и очень немного, но какое разнообразіе во взглядахъ и убѣжденіяхъ! Отъ убѣжденной матеріалистки всѣ ступеньки до наивно дѣтски-вѣрующей. И насколько мнѣ удалось подмѣтить, невѣрующія, или настолько сомнѣвающіяся, что ихъ сомнѣніе граничитъ съ невѣріемъ, отрицающія всѣ обряды, всю внѣшнюю сторону религіи,—и есть наиболѣе развитыя, наиболѣе интересныя и образованныя. Такъ что здѣсь я вижу справедливость мнѣнія, которое не разъ приходилось читать: что интеллигентная часть общества отличается, если не полнымъ невѣріемъ, то полнѣйшимъ религіознымъ индифферентизмомъ. Это очень печально. Вотъ мнѣ и нужно отвѣтить себѣ на эти вопросы, если я признаю Бога... Впрочемъ—есть еще одинъ: почему я вѣрю? И вотъ я отвѣчаю... не сразу. Почему?—должно быть, для меня, какъ и для всего человѣчества вообще, во всѣ времена, это составляетъ необходимую потребность духа, существенную часть меня самой, моего «я». Сознательно я признаю существованіе Высшаго Существа, Творца всего сущаго; я не сомнѣваюсь...

Ярославль, 30 апрѣля. Совершилось... Вчера состоялась свадьба сестры... Она стояла подъ вѣнцомъ, прелестная въ своемъ бѣломъ атласномъ платьѣ, длинной бѣлой вуали и вѣнцѣ изъ флер-д'оранжа, тоненькая и стройная; рядомъ съ ней стоялъ В., такой высокой и эффектный при яркомъ свѣтѣ свѣчей; оба они такъ похожи другъ на друга и составляли красивую пару. Вечеромъ проводили ихъ на вокзалъ. Поѣздъ тронулся; молодые вышли на площадку; Валя махнула платкомъ разъ-другой... и поѣздъ медленно исчезъ въ темной дали... Съ этого момента для нея началась новая жизнь.

Новая жизнь! Наша Валя—и замужемъ! Такъ дико, такъ странно звучитъ это слово... Увы! это правда, правда,—ея нѣтъ, и изъ cadaго угла антресолей, кажется, смотреть ея отсутствіе... Какъ мнѣ тяжело! Сегодня съ утра встала и бродила весь день. Я